

Джим Батчер Продажная шкура

Аннотация

Много лет длится война между чародеями Белого Совета и вампирскими коллегиями.

Но в последнее время события приняли такой оборот, что стало ясно: в Совете есть предатель — и скорее всего не один.

Гарри Дрезден назвал этих предателей Черным Советом. Но... кто они?

По крайней мере к числу предателей точно не принадлежит Страж Морган, которого застали над трупом одного из самых почитаемых чародеев.

Все улики — налицо. И только Дрезден, у которого нет поводов симпатизировать Моргану, уверен — это подстава. И если он не докажет невиновность своего давнего недруга — следующим подставят ЕГО САМОГО...

Джим Батчер «Продажная шкура»

Посвящается Бобу. Спи крепко.

Мне хотелось бы поблагодарить Энн Соуэрдз, моего волшебного издателя, и моего литературного

агента Дженн Джексон, и моих бедных бета-читателей. Я столкнулся с проблемами, которые нормальным авторам разве что в страшных снах снятся, и вы все оказали мне огромную помощь. Если повезет, я придумаю еще, как отблагодарить вас за время и усилия, которые вы на это потратили.

И, разумеется, с благодарностью Шеннон и Джей-Джей, которые любят меня даже тогда, когда я порой целыми днями у себя в голове прячусь.

Глава первая

Летнее солнце деловито испаряло асфальт с чикагских улиц, боль в голове вот уже полдня удерживала меня в горизонтальном положении, а тут еще какой-то идиот начал стучать в дверь моей квартиры.

Я отворил, и Морган с лицом, наполовину залитым кровью, почти упал мне на руки.

— За мной Стражи, — выдохнул он. — Спрячьте меня. Пожалуйста.

Глаза его закатились, и он осел на пол.

Ох.

Супер.

До этого момента я пребывал в заблуждении, что раскалывающаяся голова — худшее, что могло случиться со мной в этот день.

— Блин... трижды блинский тарарам, — буркнул я неподвижному телу Моргана. — Вы все надо мной точно издеваетесь! — Я испытывал сильное, очень сильное желание захлопнуть дверь, оставив его валяться на улице. Будь я проклят, если он этого не заслужил.

Впрочем, и стоять, ничего не делая, я тоже не мог.

— Надо бы тебе голову как следует проверить, — пробормотал я сам себе. Потом дезактивировал обереги — магическую охранную систему, которой я оборудовал свое жилище — ухватил Моргана под мышки и затащил внутрь. Морган, крупный мужчина, больше шести футов ростом, с мощной мускулатурой, и вырубился полностью. Мне пришлось здорово повозиться, двигая его, и это при том, что я и сам не хилый недоросток.

Я закрыл за собой дверь и снова активировал обереги. Потом неопределенно махнул рукой в направлении комнаты и пробормотал: «*Flickum bicus*». С дюжину расставленных по всей комнате свечей разом загорелись в ответ на это нехитрое заклятие, а я тем временем опустился возле лежавшего без чувств Моргана на колени и осмотрел его раны.

С полдюжины порезов продолжали кровоточить и, возможно, причиняли изрядную боль, но непосредственной угрозы для жизни не представляли. Простая белая рубашка была на боку прожжена насквозь, кожа в этом месте пошла пузырями. Еще он был ранен в ногу, но рану — по всей видимости, глубокую — он перевязал чем-то вроде кухонного передника, и разматывать эту штуковину я побоялся. Она могла снова начать кровоточить, а моих медицинских познаний на такой случай не факт, что хватит. Полагаться на них в том, что касается жизни и смерти, я бы не стал.

Даже если жизнь не моя, а Моргана.

Я не мог не обратиться к врачу.

К несчастью, если его преследовали Стражи Белого Совета, те вполне могли знать, что он ранен. А раз так, могли взять под наблюдение больницы. Стоило бы мне отвезти его в травмопункт, и Совет узнал бы об этом в считанные часы.

Поэтому я позвонил другу.

Уолдо Баттерс молча изучал ранения Моргана, пока я нервно болтался за его спиной. Уолдо — невысокий такой, подвижный человечек с вечно всклокоченной черной шевелюрой, более всего напоминающей вставшую дыбом шерсть потревоженного кота. Одет он был в зеленый больничный комбинезон и шлепанцы, и руки его двигались ловко, уверенно. Темные, чертовски умные глаза под очками в проволочной оправе производили впечатление, будто он не спал уже пару недель.

— Я не врач, — заявил Баттерс.

Что ж, это мы уже проходили, и не раз.

— Вы же Баттерс Всемогущий, — возразил я. — Вы можете абсолютно все.

— Я патологоанатом. Я трупы кромсаю.

— Можете считать это предварительным прижизненным вскрытием, если вам так легче будет.

Баттерс бросил на меня взгляд исподлобья:

— Чего, не можете в больницу, а?

— Угу.

Баттерс покачал головой:

— Это не тот ли парень, что пытался убить вас как-то в Хэллоуин?

— И еще несколько раз до того, — подтвердил я.

Он расстегнул сумку с аптечкой первой помощи.

— Я как-то тогда не очень понял, за что?

Я пожал плечами:

— Подростком я убил человека с помощью магии. Меня арестовали Стражи, а потом судил Совет.

— Я так понял, вас оправдали.

Я мотнул головой:

— Они просто решили, что, поскольку я действовал в целях самозащиты, возможно, мне можно дать отсрочку приговора. Типа условно-испытательный срок. Моргана как раз и назначили ответственным инспектором.

— Инспектором? — переспросил Баттерс.

— Если бы я провинился еще раз, ему полагалось отсечь мне голову. Вот он и таскался за мной хвостом в надежде найти повод.

Баттерс потрясенно зажмурился.

— В общем, первые несколько лет своей взрослой жизни я провел с оглядкой на этого парня. Он постоянно подставлял и унижал меня. Меня еще довольно долго кошмары мучили — с ним в качестве главного действующего лица, — честно говоря, этот кошмар — неумолимый убийца в сером плаще с ледяным мечом в руках — снится мне до сих пор.

Баттерс начал размачивать засохшую повязку на ноге.

— И вы ему помогаете?

Я пожал плечами:

— Он считал меня опасным зверем, которого необходимо уничтожить. Он в это искренне верил и действовал соответственно.

Баттерс искоса посмотрел на меня:

— И вы ему все равно *помогаете*?

— Он заблуждался, — сказал я. — Это не делает его злодеем. Задницей — да, но не злодеем. В любом случае это не повод его убивать.

— Он сменил точку зрения, да?

— Вряд ли особенно.

Баттерс приподнял брови.

— Тогда почему он явился за помощью именно к вам?

— Я так думаю, потому что это последнее место, где его будут искать.

— Господи Иисусе, — пробормотал Баттерс. Он снял импровизированную повязку, под которой обнаружилась рана длиной дюйма три, но глубокая, со вспухшими, будто губы, краями. Из нее сразу же начала сочиться кровь. — Похоже на ножевое ранение, только больше.

— Возможно, потому что ее нанесли чем-то вроде ножа, но больше.

— Меч? — удивился Баттерс. — Вы что, надо мной смеетесь?

— Совет придерживается старых традиций, — объяснил я. — Очень, очень, *очень* старых.

Баттерс покачал головой.

— Вымойте руки — так, как это только что делал я. Как следует — это займет минуты две-три. Потом наденьте резиновые перчатки и идите сюда. Мне потребуется пара рук в помощь.

Я поперхнулся.

— Э-э... Баттерс, я не уверен, что я лучше...

— Ох, да ладно вам со своими чародейскими замашками, — раздраженно отмахнулся Баттерс. — У вас нет моральных прав отлынивать. Я не врач, вы не медбрат... Короче, мойте свои дурацкие руки и помогайте мне, пока мы его не потеряли.

Еще секунду я беспомощно таращился на Баттерса. Потом встал и пошел мыть свои дурацкие руки.

Если кто не знает, хирургия — занятие грязное. Ты все время испытываешь ощущение, будто подглядываешь за интимными тайнами другого человека. Это как если бы ты неожиданно застал кого-то из своих родителей нагишом. Только крови еще при этом много. Напоказ выставлено то, чему не полагается быть выставленным напоказ, и все это залито кровью. Это раздражает, отталкивает и выводит из себя одновременно.

— Ага, — произнес Баттерс столетие спустя. — Ладно, поехали. Под руки не лезьте, а?

— Артерию перебило? — спросил я.

— Да нет же, черт, — хмыкнул Баттерс. — Тот, кто его рубил, ее едва задел. Иначе он давно уже был бы мертв.

— Но вы это привели в порядок, да?

— Смотря что считать порядком, Гарри. Я тяп-ляп подштопал его немного, но рана останется закрыта ровно до того момента, как он начнет шевелиться. И чем скорее его осмотрит настоящий врач, тем лучше. — Он сосредоточенно нахмурился. — Дайте мне еще минуту зашить здесь.

— Да сколько угодно времени.

Некоторое время Баттерс работал молча — точнее, он не произнес ни слова до тех пор, пока не зашил рану и не перебинтовал ее настоящими стерильными бинтами. Потом он занялся ранениями попроще, перебинтовав одни и зашив пару тех, что выглядели противнее. Еще он намазал ожог каким-то антибиотиком и осторожно наложил на него слой марли.

— О'кей, — произнес наконец Баттерс. — Я насколько мог простерилизовал все, но не удивлюсь, если все-таки случится заражение. Если у него начнется жар или просто обильное потоотделение, у вас на выбор два места, куда его свезти: в больницу или в морг.

— Я понял, — тихо отозвался я.

— Нам надо уложить его в постель. Держать его в тепле.

— Хорошо.

Мы подняли Моргана на том же ковре, на котором он лежал, и перенесли на единственную имеющуюся у меня кровать — небольшую двуспальную, стоявшую в моей крошечной спальне. Уложив, мы накрыли его одеялами.

— По-хорошему, ему сейчас нужно внутривенное вливание, — сообщил Баттерс. — Физиологический раствор, но и переливание крови не помешало бы. И еще, ему нужны антибиотики, но я не имею права выписывать рецепты.

— Это я устрою, — заверил его я.

Баттерс поморщился. Несколько раз он открывал и закрывал рот, не произнося ни слова.

— Гарри, — сказал он наконец. — Вы же *член* Белого Совета, правда?

— Угу.

— И вы *член* Корпуса Стражей, да?

— Ну?

Баттерс тряхнул головой.

— Получается, ваши же ребята охотятся за этим парнем. Что-то мне не кажется, что они будут очень довольны вами, если обнаружат его здесь.

Я пожал плечами:

— Они всегда найдут себе повод для огорчения.

— Нет, я серьезно. Вам от этого ничего, кроме неприятностей. Так зачем вы ему помогаете?

С минуту я молчал, глядя на бледное, расслабленное лицо лежавшего без сознания Моргана.

— Потому, что Морган ни за что не нарушил бы Законов Магии, — тихо ответил я. — Даже если бы от этого зависела его жизнь.

— Как-то вы очень уж уверены.

— Уверен, — кивнул я. — Я помогаю ему потому, что знаю, каково это: спастись от Стражей, готовых вцепиться тебе в задницу за то, чего ты не совершал. — Я встал и отвернулся отлежавшего на моей кровати раненого. — Я это, наверное, лучше любого другого знаю.

Баттерс покачал головой:

— Вы — редкая разновидность психа, приятель.

— Спасибо за комплимент.

Он начал протирать инструменты, которыми пользовался при своей импровизированной операции.

— Ладно. Как ваши головные боли?

Последние несколько месяцев меня и впрямь преследовали приступы мигрени, раз от разу все более мучительные.

— Ничего, — соврал я.

— Ну ладно, — хмыкнул Баттерс. — Право же, мне хотелось бы, чтобы вы еще раз попробовали МРТ.

Чародеи и техника неважно сосуществуют вместе, и магнитно-резонансные томографы не составляют исключения.

— Одно крещение в пене огнетушителя в год — вот мой лимит, — сказал я.

— Но это может происходить по какой-то серьезной причине, — возразил Баттерс. — Мало ли что могло случиться у вас с головой или шеей... рисковать с этим нельзя. Слишком важную роль для организма они играют.

— Боли уже полегче, — сделал еще одну попытку соврать я.

— Вздор, — отмахнулся Баттерс, не сводя с меня пристального взгляда. — У вас ведь и сейчас болит голова, правда?

Я перевел взгляд с Баттерса на безжизненное тело Моргана.

— Да, — сказал я. — Как раз сейчас, черт ее подери, болит.

Глава вторая

Морган спал. Внешность его мало изменилась с тех пор, как я увидел его в первый раз: высокий, с мощной мускулатурой и вытянутым, костлявым лицом, какое всегда ассоциировалось у меня с религиозным аскетизмом... Ну, такие бывают еще у полусумасшедших творческих типов. В каштановых волосах мелькали кое-где седые искры. Обыкновенно аккуратная бородка на сей раз выглядела так, словно ею не занимались уже несколько недель. Еще его отличали обыкновенно стальные глаза и этакое утешительное обаяние бормашины.

Спящий, он казался... старым. Усталым. Лоб на переносице избороздили тревожные морщины, и такие же сбежались к уголкам рта. Руки — крупные, с раздолбанными подушечками пальцев — более другого выдавали его возраст. Я знал, что ему больше ста лет; для чародея это возраст вступления в зрелость. Обе руки украшали шрамы, этакое граффити, следы насилия. Безымянный палец с мизинцем на правой руке кривились как-то странно — судя по всему, он их ломал, и срастались они без гипса. Глаза его ввалились, кожа вокруг них заметно потемнела. Возможно, Моргана тоже мучили кошмары.

Бояться его, когда он спал, оказалось труднее.

Мыш, мой здоровенный серый пес, встал со своего излюбленного места в кухонной нише и подошел ко мне — двести фунтов молчаливых поддержки и сочувствия. Он печально покосился на Моргана и снова поднял взгляд на меня.

— Сделай мне одолжение, — сказал я. — Побудь с ним. Не позволяй ему ходить и вообще делать что-либо этой ногой. Это может его угробить.

Мыш потерялся башкой о мое бедро, негромко фыркнул и вразвалочку подошел к кровати. Потоптавшись пару секунд, он улегся на пол, вытянувшись во всю длину, и сразу же уснул.

Я более или менее закрыл перекошенную со времени последнего штурма моей квартиры дверь и, плюхнувшись в кресло у камина, потер виски в попытке рассуждать здраво.

Белый Совет Чародеев — правящий орган мировой магии. Стать членом Совета — все равно что получить черный пояс по боевым искусствам, это означает, вы умеете владеть собой и своими магическими способностями, и что ваши навыки пользуются уважением коллег-чародеев. Совет осуществляет контроль за тем, насколько использование магии его членами соответствует требованиям Семи Законов.

И да поможет Бог тому, кто нарушит хотя бы один. Осуществлять исполнение Законов поручено Стражам, и как правило, это сводится к неумолимому преследованию, недолгому суду и суровой каре — в тех случаях, конечно, когда обвиняемый не погиб при сопротивлении аресту.

Звучит это все довольно жестоко — да, собственно говоря, так оно и есть, — однако с годами я вынужденно признал, что в подобных мерах имеется необходимость. Черная магия разлагает рассудок, и сердце, и душу того, кто ею пользуется. Это происходит не мгновенно, не за один раз — этот процесс сродни медленному нагноению или гангрене, но рано или поздно нормальные человеческие боль и сострадание уступают место примитивной жажде силы и власти. Ко времени, когда чародей окончательно поддается искушению и станет чернокнижником, погибнут — или даже хуже, чем погибнут — люди. Обязанность Стража — расправляться с чернокнижниками решительно и беспощадно, пока это не привело к еще более трагическим последствиям.

Ну, конечно, обязанности Стражей этим не ограничиваются. Стражи еще и солдаты — вооруженные силы Совета. В нынешней войне с вампирскими коллегами львиная доля боевых действий легла на плечи Стражей — мужчин и женщин, обладающих способностями к боевой магии. Блин, да если уж на то пошло, в большинстве известных мне сражений в самой гуще боя неизменно находился Морган.

Мне тоже довелось повоевать на этой войне, однако единственные, кто работал со мной с удовольствием, были только-только завербованные салаги. Стражи постарше, успевшие повидать слишком много жизней, поломанных неправильным использованием магии, все — с одним-

единственным исключением — не любили меня, не доверяли мне и не хотели иметь со мной ничего общего.

Что, как правило, вполне меня устраивало.

События последних нескольких лет заставили Белый Совет понять, что информацию вампирам сливает кто-то из его руководства. Предательство это стоило уже многих жизней, но личность самого информатора так и оставалась пока неизвестной. С учетом того, какую любовь питали ко мне Совет в целом и Стражи в частности, нетрудно догадаться, что жизнь мою никак нельзя назвать скучной — особенно после того, как меня самого завербовали в Корпус. А все война, будь она неладна.

Спрашивается, кой черт тогда Морган явился именно сюда и обратился за помощью ко мне?

Можете называть меня психом, но подозрительная часть моей натуры немедленно предположила, что Морган намеренно пытается втянуть меня во что-нибудь такое, что позволило бы Совету снова взять меня за жабры. Блин, да ведь несколько лет назад он уже пытался убить меня подобным образом. Однако это предположение плохо согласовывалось с логикой. Если Морган не вступил в конфликт с Советом, укрывательство его не грозило ничем и мне. И потом, его раны красноречивее всяких слов говорили об отсутствии подвоха. Такое не подделаешь.

Он и впрямь попал под раздачу.

Получалось, что, пока я не разберусь хоть немного в том, что происходит, мне нельзя обращаться за помощью ни к кому. Своих коллег по Корпусу я расспрашивать про Моргана не мог из боязни выдать сам факт нашей с ним встречи. И если на Моргана и впрямь ополчился Совет, любой оказавший ему помощь автоматически становился сообщником преступления, в чем бы оно ни заключалось. В общем, помощи ни от кого ждать не приходилось.

Ну, почти ни от кого, поправил я себя. Мне не оставалось иного выбора, как обратиться с этим к Баттерсу — собственно, я очень надеялся, что его абсолютная непричастность к сверхъестественному миру даст ему хоть какую-то защиту от возможных последствий его вовлеченности в это дело. Кроме того, Баттерс имел некоторые заслуги перед Белым Советом — с той самой ночи, когда помог мне помешать небольшому, почти семейному ордену некромантов выдвинуть из своих рядов новое божество. Он спас жизнь по меньшей мере одному Стражу — нет, двоим, считая меня, — и, следовательно, опасность грозила ему в меньшей степени, чем любому члену нашего магического сообщества.

Мне, например.

Блин, так бы и помер сейчас, так башка болит.

До тех пор, пока я не узнаю больше о том, что происходит, я не смогу предпринимать никаких осмысленных действий — а задавать вопросы тоже опасно... это привлекает нежелательное внимание. Бросаться в расследование как в омут с головой стало бы ошибкой. Значит, мне оставалось только ждать, пока Морган не придет в сознание и не заговорит со мной.

Поэтому я вытянулся на диване в гостиной и, прежде чем думать, сосредоточился на дыхании в попытке унять боль в висках, не дававшую проясниться голове. Это получилось у меня так хорошо, что я оставался в таком положении часов шесть — до тех пор, пока на Чикаго не спустились летние сумерки.

Я не уснул. Я просто медитировал. Уж поверьте мне на слово, так оно и было.

Проснулся я, когда Мышь испустил негромкий утробный звук — не то чтобы лай, но и не рык. Я сел, потом поднялся и прошел в спальню.

Мышь стоял у кровати, положив тяжелую башку Моргану на грудь. Раненый Страж старательно чесал его за ухом. Когда я вошел, он покосился в мою сторону и сделал попытку сесть.

Мышь осторожно, но неумолимо прижал его обратно к кровати.

Морган испустил тяжелый вздох.

— Я правильно понял, что мне предписан принудительный постельный режим? — прохрипел он.

— Угу, — негромко ответил я. — Вас изрядно измолотили. Врач сказал, наступать на эту ногу в ближайшее время вообще не стоит.

Морган тревожно сощурился.

— Врач?

— Не напрягайтесь. Ничего официального. Есть у меня один знакомый парень.

Морган хмыкнул и облизнул пересохшие губы.

— У вас найдется попить?

Я принес ему воды в бутылочке для спортсменов — ну, с такой трубкой. У него хватило ума не протестовать. Он пил воду медленно, маленькими глоточками. Потом перевел дух и сморщился с видом

человека, готового как Муций Сцевола сунуть руку в огонь.

— Спасибо...

— Ох, да заткнитесь, — буркнул я, поежившись. — Мы же оба не хотим этого разговора.

Может, мне это показалось, но он чуть расслабился. Во всяком случае, кивнул и снова закрыл глаза.

— Погодите засыпать, — сказал я. — Мне еще вам температуру смерить надо. А это не самая простая процедура.

— Клянусь бородой, да, — согласился Морган, открыв глаза. Я сходил в гостиную и вернулся с градусником — таким старомодным, с ртутным столбиком.

— Вы меня не сдали, — заметил Морган.

— Пока нет, — ответил я. — Я хочу прежде вас выслушать.

Морган кивнул и взял у меня градусник.

— Алерон Ла Фортье мертв.

Он замолчал и сунул градусник в рот — судя по всему, с целью убить меня, заставив сгорать от любопытства. Я справился, заставив себя проиграть в голове все возможные последствия этой новости.

Ла Фортье входил в Совет Старейшин — семерку самых старых, самых могущественных чародеев планеты, руководящий орган Белого Совета и Корпуса Стражей. Мне он запомнился сухощавым, лысым ханжой и говнюком. Не могу утверждать наверняка — я сидел в тот момент с головой, накрытой колпаком, — но сильно подозреваю, из всего Совета он первый голосовал за признание меня виновным и против отсрочки приговора с передачей меня на поруки. Из всех сторонников возглавлявшего Совет Мерлина, принципиально настроенного против меня, Ла Фортье был самым упертым.

В общем, тот еще прыщ.

А еще охрана у него была такая, какая не снилась подавляющему большинству чародеев мира. Все члены Совета Старейшин мало того, что сами по себе представляют собой серьезную угрозу, но и охраняют их Стражи как зеницу ока — круглосуточно, перекрывая все лазейки. Попытки покушений на них случались на протяжении нынешней войны с вампирами с завидной регулярностью, и Стражи здорово набили руку по части охраны членов Совета Старейшин.

Отсюда нетрудно сделать кое-какие выводы.

— Действовал кто-то изнутри, — тихо произнес я. — Как и тогда, в Архангельске, когда убили Семена.

Морган кивнул.

— И обвинили в этом вас?

Морган снова кивнул и осторожно вынул градусник изо рта. Посмотрел, протянул мне. Я глянул. Тридцать девять с мелочью.

Я встретился с ним взглядом.

— Это вы сделали?

— Нет.

Я хмыкнул. Я ему верил.

— Тогда почему с вами так?

— Потому, что меня нашли стоящим над телом Ла Фортье с орудием убийства в руках, — ответил он. — А еще обнаружился только что открытый счет на мое имя, на котором лежало несколько миллионов долларов. И записи телефонных разговоров, подтверждающих, что я регулярно вступал в контакт с известным мне агентом Красной Коллегии.

Я выразительно изогнул бровь.

— Надо же. И как это они только пришли к такому выводу?

Губы Моргана скривились в кислой улыбке.

— А ваша версия? — спросил я.

— Два дня назад я лег спать. А проснулся в кабинете Ла Фортье в Эдинбурге — с шишкой на затылке и окровавленным кинжалом в руке. Симмонс с Торсеном ворвались примерно пятнадцать секунд спустя.

— Вас подставили.

— Продуманно.

Я задумчиво присвистнул.

— У вас свидетели есть? Алиби? Доказательства невинности?

— Были бы, — покачал головой он, — мне не пришлось бы скрываться от суда. Как только я понял, что кто-то не пожалел усилий для того, чтобы взвалить на меня всю ответственность за убийство, у меня не осталось другого выхода, как... — Он закашлялся, недоговорив.

— Как отыскать настоящего убийцу, — закончил я за него фразу. Потом снова сунул ему питье, и он, несколько раз потянув из трубочки, расслабленно опустил голову на подушку.

Прошло несколько минут, и Морган снова поднял на меня усталый взгляд.

— Так вы собираетесь меня сдать?

Я помолчал немного и вздохнул:

— Так было бы гораздо проще.

— Да, — согласился Морган.

— Вы уверены, что вас засудят?

Взгляд его сделался еще более отстраненным, и он кивнул.

— Я такое достаточно часто видел.

— То есть я мог бы просто ждать, сложа руки, пока вас повесят?

— Могли бы.

— Но если я так поступлю, мы не найдем предателя. И — поскольку вместо него казнят вас — ему ничто не мешает продолжать орудовать и дальше. Погибнет еще больше людей, а следующим, кого он подставит...

— ...вполне возможно, станете вы, — договорил Морган.

— С моим-то везением? — хмыкнул я. — Никаких «вполне возможно».

На лице его снова проявилась на мгновение невеселая улыбка.

— Вас наверняка ищут с помощью заклятий, — сказал я. — Я так понимаю, вы приняли какие-то меры противодействия; в противном случае они бы уже ломались в дверь.

Он кивнул.

— Как долго они еще будут действовать?

— Сорок восемь часов. Максимум шестьдесят.

Я медленно кивнул, подсчитывая в уме.

— У вас жар. Я достану что-нибудь из лекарств. Будем надеяться, удастся обойтись без ухудшения вашего самочувствия.

Он снова кивнул, и глаза его обессиленно закрылись. Горючее иссякло. С минуту я смотрел на него, потом повернулся и принялся собираться.

— Присмотри за ним, мальчик, — сказал я Мышу.

Пес послушно опустился на пол у кровати.

Сорок восемь часов. У меня оставалось примерно двое суток на то, чтобы найти и изобличить орудовавшего в Белом Совете предателя — чего не удалось никому на протяжении нескольких последних лет. После этого Моргана обнаружат, осудят и казнят, а вместе с ним и его сообщника, вашего доброго знакомого по имени Гарри Дрезден.

Нет стимула лучше крайнего срока.

Особенно если он действительно крайний.

Глава третья

Я уселся в свой побитый временем и боевой службой «фольксваген», мой могучий Голубой Жучок, и отправился затариваться медикаментами.

Собственно, проблема с поисками предателя в Белом Совете не отличалась сложностью: поскольку сделавшаяся достоянием противника информация имела весьма специфический характер, обладать ею мог только очень ограниченный круг членов Совета. Чертовски ограниченный круг — очерченный практически рамками Совета Старейшин, а следовательно, для меня почти недостижимый.

Стоило бы кому угодно бросить любому из этих людей обвинение, и события начали бы разворачиваться стремительно и неотвратно. В случае, если пальцем ткнули бы в невиновного, тот отреагировал бы в точности так же, как Морган. При том, насколько слепо правосудие Совета — особенно при наличии таких неприятных вещей, как обличающие улики, — у обвиняемого не осталось бы практически никакого выхода, кроме как сопротивляться.

Одно дело — молодой чародей-недоросль вроде меня, но совсем другое, когда сопротивление оказывает какой-либо тяжеловес из Совета Старейшин. У каждого из них имелись друзья и сторонники, не говоря уже о многовековом опыте и чудовищной магической силе. И уж если драку затеет один из них, это не сведется к простому сопротивлению при аресте.

Это будет означать раскол, какого не видел еще Белый Совет.

Это будет означать гражданскую войну.

В свете текущей ситуации я не видел ничего более губительного для Белого Совета, чем это. Равновесие сил между сверхъестественными народами — штука хрупкая, нам едва удавалось удерживать позиции в войне с коллегиями вампиров. На описываемый момент обе стороны переводили дух и собирались с силами, однако вампиры возмещали свои потери гораздо быстрее, чем мы. Стоит Совету погрязнуть во внутренних раздорах, этим немедленно воспользуется противник.

Морган имел право бежать. Я достаточно хорошо знал Мерлина и не сомневался в том, что тот, не моргнув, отправил бы на смерть невинного, если бы от этого зависело единство Совета — что уж говорить о том, на кого указывали улики.

Короче, настоящий предатель мог довольно потирать руки. Убит еще один член Совета Старейшин, и даже если Совет не взорвется изнутри в несколько следующих дней, после казни наиболее опытного и преданного командира Стражей среди чародеев не могут не расцвести пышным цветом паранойя и недоверие. Все, что останется делать предателю, — это повторить процедуру с небольшими вариациями еще несколько раз, и тогда рано или поздно что-нибудь да надломится.

У меня в распоряжении имелась только одна попытка — нужно найти виновного, и сделать это быстро и безошибочно.

Полковник Мустард со свинцовой дубинкой...

Дело оставалось за малым — хоть какой-нибудь зацепкой.

Не дергайся, Гарри, не дергайся.

Мой сводный брат проживает в дорогой квартире на чикагском Золотом Берегу. То есть там, где живет куча всякого народа, у которого куча денег. Томас управляет дорогим салоном, и клиенты у него из тех, кому не жалко выложить пару сотен баксов за стрижку и просушку. Дела у него, судя по месту проживания, идут неплохо.

Я оставил машину в нескольких кварталах к западу от его дома, где стоимость парковки не так высока, как на Золотом Берегу, одолел остаток пути пешком и позвонил в дверь. Мне не ответили. Я спустился в вестибюль, посмотрел на часы, скрестил руки на груди и, прислонившись к стене, принялся ждать его возвращения с работы.

Не прошло и нескольких минут, как его машина остановилась на стоянке. Свой огромный «хаммер», который мы ухитрились раздолбать почти в хлам, он заменил с иголки новенькой, до невозможности дорогой тачкой: «ягуаром» с кучей всяких золотых побрякушек. Надо ли говорить, что окраску тот имел ослепительно-белую. Я не трогался с места, ожидая, пока Томас войдет в дом.

Он вошел минуту спустя. Росту в нем футов шесть... ну, может, на волосок меньше. Одет он был в темно-синие кожаные штаны и белую шелковую рубашу с широкими рукавами. Черные как вороново крыло волосы он отпускает ниже плеч. Еще его отличают серые глаза, зубы, белизны которых позавидовал бы Ку-клус-клан, и лицо, словно сошедшее с обложки модного журнала. Сложение тоже вполне соответствует всему остальному. По сравнению с Томасом все киношные спартанцы кажутся салагами — и без намека на ретушь.

При виде меня он чуть приподнял брови.

— Ар-ри, — произнес он с омерзительно безупречным французским прононсом, которым пользовался на людях. — Добрый вечер, *mon ami*.

Я кивнул:

— Привет. Нужно поговорить.

Его улыбка померкла, стоило ему увидеть мое лицо, и он кивнул в ответ:

— Ну конечно.

Мы поднялись к нему в квартиру. Там, как всегда, все выглядело безукоризненно: дорогая, ультрасовременная и вычищенная до единой пылинки квартира. Я вошел, прислонил посох к дверному косяку и опустился в кресло. Пару секунд я приходил в себя.

— Сколько ты за *это* заплатил? — поинтересовался я.

— Примерно столько же, сколько ты за своего Жучка, — отозвался Томас уже нормальным, без намека на акцент, голосом.

Я покачал головой и попробовал найти более удобную для сидения позу.

— За столько бабла ты мог бы потребовать больше подушек. Я на заборах сживал удобнее, чем на *этом*.

— Они и не рассчитаны на то, чтобы на них садились, — объяснил Томас. — Их цель — демонстрировать всем, какие они дорогие и модные.

— Я один из своих диванов на распродаже купил. За тридцать баксов. Обит пледовой, оранжевой с

зеленым тканью, и он достаточно жесткий, чтобы не уснуть сразу, как на него сядешь.

— Очень на тебя похоже, — с улыбкой заметил Томас, направляясь в сторону кухни. — Так же, как *это* похоже на меня. Ну по крайней мере на мой публичный имидж. Пива?

— Если холодное.

Он вернулся с парой запотевших бутылок темно-коричневого стекла и протянул одну мне. Мы сорвали крышки, звякнули бутылкой о бутылку, а потом Томас уселся в кресло напротив и отхлебнул из горлышка.

— Ладно, — сказал он. — Что случилось?

— Беда, — ответил я и рассказал ему про Моргану.

Томас нахмурился.

— Голод мне в глотку, Гарри. Морган? *Морган?! У тебя все в порядке с головой?*

Я пожал плечами.

— Я не думаю, чтобы это сделал он.

— Какая разница? Морган и пальцем бы не шевельнул, гори ты у него на глазах, — прорычал Томас. — Наконец-то ему воздается сторицей. Кой черт тебе лезть в это?

— Потому что я не считаю, что это совершил он, — повторил я. — И потом, ты не обо всем подумал.

Томас откинулся на спинку кресла и, прищурившись, смотрел на меня, потягивая пиво. Я тоже занялся пивом, не мешая ему переварить новости. С мозгами у Томаса всегда все в порядке.

— Ладно, — ворчливо пробормотал он минут через пять. — Я вижу пару поводов, по которым ты хочешь прикрыть его поганую задницу.

— Мне нужна аптечка, которую я у тебя оставлял.

Он поднялся и направился к стенному шкафу, набитому всяким домашним хламом, который неминуемо откладывается в любом месте, стоит вам прожить там больше года. В шкафу обнаружился белый ящик-кейс с красным крестом на боку; Томас снял его с полки, небрежным движением поймав упавший сверху поролоновый мячик. Потом закрыл створки, достал из холодильника кулер со льдом и поставил его и аптечку на пол передо мной.

— Только не говори мне, что это все, что я могу сделать, — буркнул он.

— Нет. Есть еще кое-что.

Он развел руками:

— Ну?

— Мне хотелось бы, чтобы ты узнал, что известно о поисках вампирским коллегиям. И мне нужно, чтобы при этом ты сам не засветился.

Мгновение он молча смотрел на меня, потом медленно выдохнул.

— Почему?

Я пожал плечами.

— Мне нужно больше знать о том, что происходит. Своих я спросить не могу. А если кое-кто узнает, что ты ведешь расспросы, кто-нибудь да сопоставит факты и начнет внимательно приглядываться к Чикаго.

Мой брат-вампир на секунду-другую полностью замер. Люди так не умеют. Весь он, даже ощущение его присутствия — все это разом... застыло, что ли? Казалось, я смотрю на восковую фигуру.

— Ты просишь меня привлечь к этому Жюстину? — произнес он.

Жюстина — девушка, которая как-то раз чуть не отдала жизнь за моего брата. А он чуть не убился, защищая ее. То, что связывает их, не опишешь словом «любовь» — даже отдаленно. И слово «разбитая» тоже не подходит.

Мой брат — вампир Белой Коллегии. Настоящая любовь причиняет им увечья. Томас с Жюстиной даже жить вместе не могут.

— Она личный секретарь предводительницы Белой Коллегии, — сказал я. — Если кто и может узнать что-нибудь, так только она.

Он встал — слишком стремительно для человека — и принялся возбужденно расхаживать взад-вперед.

— Она и так уже сильно рискует, передавая тебе при возможности информацию о деятельности Коллегии. Я не хочу, чтобы она рисковала сильнее.

— Я понимаю, — кивнул я. — Но она занялась подпольной деятельностью в первую очередь из-за таких вот ситуаций. Это как раз то, чего она хотела, соглашаясь на эту работу.

Томас упрямо мотнул головой.

— Послушай, — вздохнул я. — Я не прошу ее дезактивировать бомбу, или спасти принцессу, или

бежать на Явин IV. Я просто хочу знать, не слышала ли она чего, и может ли узнать что-нибудь еще, не рискуя своим прикрытием.

Он расхаживал еще с минуту, потом остановился и пристально посмотрел на меня.

— Тогда сначала пообещай мне кое-что.

— Что?

— Обещай, что не поставишь ее под угрозу, большую, чем сейчас. Обещай, что не будешь действовать на основе той информации, которая может вывести на нее.

— Черт подери, Томас, — устало произнес я. — Это же невозможно. Нет способа узнать, какой частью информации опасно пользоваться, а какой нет, равно как нет способа узнать сразу, какая информация верная, а какая — деза.

— Обещай, — упрямо повторил он.

Я тряхнул головой.

— Обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы не подставить Жюстину под удар.

Он несколько раз скрипнул зубами. Обещание мое ему не нравилось — да нет, точнее было бы сказать, ему не нравилась сама ситуация. Он понимал, что я не могу гарантировать Жюстине полной безопасности, но понимал он и то, что большего я обещать не могу.

Он медленно, глубоко вздохнул. А потом кивнул.

— Ладно, — сказал он.

Глава четвертая

Не прошло и пяти минут с момента моего ухода из квартиры Томаса, как я поймал себя на том, что инстинктивно поглядываю в зеркало заднего вида. Тело пронизывало хорошо знакомое безмолвное напряжение. Я нутром чувал, что за мной следят.

Конечно, все сводилось пока к интуиции, но, черт подери, я все-таки чародей. Мои инстинкты достаточно проявили себя в прошлом, чтобы я относился к ним с уважением. Если они говорили мне, что за мной хвост, значит, стоило вести себя с оглядкой.

Конечно, мой преследователь вовсе не обязательно имел какое-либо отношение к Моргану. То есть я хочу сказать, абсолютной уверенности в этой связи у меня не имелось. Однако я пережил множество малоприятных и совсем не приятных приключений по причине того, что постоянно щелкаю клювом. Ну, не то чтобы совсем уж *постоянно*, но все же. Короче, я был бы идиотом, если бы не заподозрил, что эта внезапная слежка связана с Морганом.

Несколько раз — чисто для забавы — я свернул туда-сюда, но ни одной машины, висевшей у меня на хвосте, не заметил. Само по себе это еще ничего не значило. Хорошая группа наблюдения, пристраиваясь к объекту по очереди, может оставаться почти незаметной, особенно в темное время, когда машины вообще кажутся одинаковыми — пара горящих фар, и все. То, что я их не видел, еще не означало, что их нет.

Волосы у меня на затылке по-прежнему стояли дыбом, и плечи непроизвольно напрягались с каждым уличным фонарем, мимо которого я проезжал.

Что, если мой преследователь ехал не на машине?

Воображение с готовностью нарисовало мне целый ряд различных крылатых кошмаров, бесшумно парящих на перепончатых крыльях чуть выше уличных огней и готовых вот-вот спикировать на моего Жучка и растерзать его в металлические клочья. Движение было оживленным, как и всегда в этой части города. Чертовски людное место для нападения, однако и исключать подобную возможность полностью я тоже не мог. Со мной такое уже случалось.

Я прикусил губу и задумался. Возвращаться домой, не будучи уверенным, что хвост отстал, нельзя. А стряхнуть хвост можно только после того, как я его обнаружу.

Конечно, пережить ближайшие двое суток, совсем уж не рискуя, я не рассчитывал. Поэтому, подумав, я решил, что можно начинать прямо сейчас.

Я сделал глубокий вдох, сосредоточился и на мгновение крепко зажмурился. Когда я открыл глаза, я видел все совсем по-другому.

Чародейское *видение* с его способностью воспринимать окружающий мир в расширенном спектре — чертовски опасный дар. Как его ни назови: Призрачным Взглядом, Прозрением или Третьим Глазом — оно позволяет вам воспринимать такое, чего в обычной жизни вы бы даже не заметили. Оно показывает мир таким, каков он на самом деле: материю, тесно переплетенную с энергиями, в том числе с магическими. *Видение* может показать вам такую красоту, что при виде нее ангелы прослезились бы от

восторга, а может показать такие кошмары, что даже сам черт побоится рассказывать об этом своему потомству на сон грядущий.

И что бы вы ни увидели — хорошее, плохое, безумное, — все это врежется в вашу память навечно. Вы не сможете этого забыть, и время не ослабит воспоминаний. Это останется с вами раз и навсегда. Чародеи, злоупотребляющие своим *видением*, кончают хнычущими психами.

Третий Глаз показал мне истинный вид Чикаго, и на мгновение мне показалось, что меня телепортировали в Лас-Вегас. Потоки энергии струились по улицам, пронизывали здания и людей, не встречая сопротивления. Мне они представлялись разноцветными огненными струями и завитками. Те, что текли по старым зданиям, отличались этакими капитальностью, основательностью — однако подавляющее их большинство, стихийные энергии, порожденные мыслями и эмоциями восьми миллионов человек, сплетались в мельтешащий цветами и вспышками хаос.

Облака эмоций пронизывались искрящимися фонтанами идей. Ровно катящиеся потоки глубоких мыслей огибали сияющие самоцветами островки веселья. К выступающим поверхностям липли бурые потеки негативных ощущений, а к калейдоскопу звезд медленно всплывали хрупкие пузырьки мечтаний.

Чтоб их всех! Сквозь всю эту мельтешню я еле видел дорогу.

Я оглянулся через плечо. Водители и пассажиры ехавших за мной машин виделись мне с фотографической четкостью; ярко освещенные белые фигуры подцвечивались кое-где мыслями, настроениями и прочими индивидуальными особенностями. Окажись они ближе, подробностей было бы больше, хотя они, возможно, могли бы и исказиться немного моим субъективным восприятием. Впрочем, даже на таком расстоянии я смог разглядеть, что все они — смертные.

В некотором роде это утешало. По крайней мере чародея, достаточно сильного, чтобы входить в Корпус Стражей, я бы не пропустил. И если меня преследовал смертный, значит, Стражи Моргана еще не обнаружили.

Я задрал голову, чтобы посмотреть наверх, и...

Время застыло.

Представьте себе вонь протухшего мяса. Представьте себе слабое, лишенное ритма содрогание изъеденного червями трупа. Добавьте к этому запахи немытого тела и плесени, скрежет гвоздя по грифельной доске, вкус прогоркшего молока... ну, еще запах перележавших яблок для полноты картины.

А теперь попробуйте представить себе, что все это воспринимается вашими глазами — все, до самой последней, мельчайшей подробности.

Именно это я и увидел — сводящую судорогой желудок, словно вышедшую из кошмарного сна массу, сияющую как маяк над одним из нависавших надо мной зданий. Физической формы за этим сгустком я почти не различал — это было как смотреть сквозь слой фекалий. Никаких деталей сквозь окружавшую наблюдателя завесу абсолютной неправильности — только то, с какой легкостью перемахивало это что-то с одного карниза на другой, не отставая от моего Жучка.

Кто-то кричал — я словно в тумане сообразил, что кричу я сам. Машина наткнулась на что-то, протестующее взвизгнув покрышками. Ее подбросило вверх, потом она с силой снова шлепнулась об асфальт. Я наехал на бордюр. Руль больно ударил по рукам, я с трудом удержал его и ударил по тормозам. Я продолжал кричать, пытаюсь одновременно выключить Третий Глаз.

Следующее, что дошло до моего сознания, — это раздраженный хор клаксонов.

Я сидел на водительском месте, сжимая руль побелевшими от напряжения руками. Мотор заглох. Судя по тому, что щеки у меня были мокрыми, я плакал — если, конечно, у меня не шла пена изо рта, что тоже не исключалось.

Черт меня подери, что же это за штука такая?

Даже одной вялой мысли хватило, чтобы воскресить в памяти весь этот всепоглощающий ужас. Я дернулся и крепко зажмурил глаза, не выпуская руль. Меня трясло. Не знаю, сколько времени у меня ушло на то, чтобы стряхнуть воспоминание, а когда я открыл глаза, все началось сначала, только громче.

При включенном и тикающем счетчике я никак не мог допустить, чтобы меня забрали за вождение в нетрезвом состоянии, а именно это неминуемо произойдет, стоит мне попытаться вести машину дальше — если я, конечно, не разобью ее сразу. Я сделал глубокий вдох, усилием воли попытался заставить себя не думать о кошмаре...

И тут же увидел его снова.

Когда я очнулся, у меня болел прикушенный язык, а горло саднило от крика. Меня трясло еще

сильнее.

Вести машину я не мог никак — это исключалось. Не в том я состоянии. Одна неправильная мысль — и я в кого-нибудь врежусь. Однако и оставаться на месте я тоже не мог.

Я отогнал Жучку к тротуару, где он по крайней мере не мешал движению. Потом вышел из машины и пошел прочь. Городские службы эвакуируют машину через три с полтиной миллисекунды, зато меня при этом не арестуют.

Шатаясь, я брел по тротуару. Я очень надеялся на то, что мой преследователь, это жуткое видение, не...

Когда я открыл глаза, я валялся на земле, съездившись калачиком, мышцы сводило болью. Люди обходили меня стороной, косясь на меня беспокойно или брезгливо. Я ощущал такую жуткую слабость, что даже не знал, смогу ли стоять на ногах.

Мне необходима была помощь.

Я отыскал взглядом табличку с названием улицы и пялился на нее до тех пор, пока мой превратившийся в желе мозг не сообразил, где я нахожусь.

Я поднялся — пришлось опереться на посох, чтобы не упасть, — и поковылял прочь быстро, как мог. На ходу я считал простые числа, начиная с единицы, и вкладывал в это занятие столько напряжения, сколько требуется обычно для заклинания.

— Раз, — пробормотал я сквозь стиснутые зубы. — Два. Три. Пять. Семь. Одиннадцать. Тринадцать...

Шатаясь, я брел сквозь ночь, в буквальном смысле слова боясь даже думать о том, что, возможно, следует за мной по пятам.

Глава пятая

Досчитав до двух тысяч двухсот тридцати девяти, я добрался до дома Билли и Джорджии.

Жизнь у молодых оборотней поменялась после того, как Билли окончил университет и начал неплохо зарабатывать на должности инженера, но с маленькой квартиркой, в которой жили в университетские годы, они не съехали. Джорджия продолжала учебу — она изучала психологию или что-то в этом роде. Они откладывали деньги на собственный дом. Что для меня было и к лучшему. Пешком в пригород я бы не дошел.

Дверь мне открыла Джорджия. Джорджия — высокая, стройная, гибкая, в футболке и длинных свободных шортах она кажется не столько хорошенькой, сколько симпатичной.

— Господи! — выдохнула она при виде меня. — Гарри.

— Привет, Джорджия, — произнес я. — Две тысячи двести... э... сорок три. Мне нужна тихая темная комната.

Она изумленно уставилась на меня.

— Что?

— Две тысячи двести пятьдесят один, — серьезно ответил я. — И пошли сигнал братьям-волкам. Они потребуются здесь. Две тысячи двести... э... шестьдесят... семь.

Она отступила от двери, пропуская меня в прихожую.

— Гарри, о чем это ты?

Я вошел.

— Две тысячи двести шестьдесят... *не* делится на три... шестьдесят девять. Мне нужна темная комната. Тихая. Защищенная.

— За тобой гонятся? — спросила Джорджия.

Не помогла даже математика: стоило Джорджии задать вопрос, а моему мозгу ответить на него, как образ этой штуки вторгся в мое сознание, я рухнул на колени и упал бы ничком, если бы Билли не успел подхватить меня. Роста Билли невысокого, футов пять с полтиной, но сложен как борец-профессионал и движется с легкостью и точностью хищного зверя.

— Темная комната, — прохрипел я. — И вызывайте стаю.

— Билли, быстро, — произнесла Джорджия негромко, но решительно. Она закрыла дверь и заперла ее, потом заложила здоровенным деревянным брусом, явно не входившим в стандартное оснащение. — Неси его в комнату. Я обзвоню наших.

— Ясно, — кивнул Билли. Он поднял меня, как ребенка, почти не крикнув. По коридору отнес меня в темную спальню, уложил на кровать и закрыл окно изнутри тяжелой стальной створкой. Последнюю тоже явно установили здесь они сами.

— Тебе нужно еще чего-нибудь, Гарри? — спросил он.

— Темноты. Тишины. Потом объясню.

— Хорошо, — вздохнул он, положив руку мне на плечо. Потом вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Я остался в темноте наедине со своими мыслями — что и требовалось.

— Поехали, Гарри, — буркнул я себе под нос. — Привыкаем к мысли.

И подумал о той штуке, которую *видел*.

Ощущение было из сильных. Но, очнувшись, я проделал это еще раз. И еще раз. И еще.

Верно, я *увидел* нечто кошмарное. Верно, *такого* кошмара я еще не *видел*. Зато *видел* много всякого другого.

Я воскресил в памяти и эти воспоминания — такие же острые и отчетливые, как давивший на меня ужас. Я *видел* хороших людей, заходившихся безумным визгом от прикосновения черной магии. Я *видел* истинную натуру мужчин и женщин, хороших и плохих. *Видел*, как люди убивают и погибают. *Видел* Королев фэйре, готовившихся к сражению, собиравших всю свою чудовищную силу...

И будь я проклят, если отступлю перед еще одной жуткой тварью, которая до сих пор не проявила себя ничем — только сигала с крыши на крышу.

— Ну давай, сволочь! — рявкнул я воспоминанию. — По сравнению с теми, остальными, ты — так, неудачная картинка.

И бил с размаху в это воспоминание, снова и снова, заполняя мысли всеми жуткими и прекрасными вещами, какие *видел* за свою жизнь — и, делая это, заставлял себя сосредоточиться на том, как охренительно круто я со всем этим разбирался. Я вспоминал всех тех тварей, с которыми бился и которых победил. Я вспоминал все цитадели кошмара и ужаса, которые взял штурмом, все темные врата, которые разнес в щепки. Я вспоминал лица пленников, которых освободил, и похороны тех, кого не успел спасти. Я вспомнил их голоса и смех, счастье тех, кто воссоединился с близкими, и слезы утрат.

В мире хватает зла. От этого никуда не деться. Но это не значит, что со злом ничего нельзя поделать. Ведь не откажешься ты от жизни только потому, что в ней есть страшное, или потому, что порой тебе бывает больно.

Воспоминание об этой жуткой штуке причиняло адскую боль, но уж к чему-чему, а к боли я привык давно. Я жил с ней прежде, и буду жить с ней еще не раз. И сама эта штука не первая из всех, какие я видел, и наверняка не последняя.

Я не собирался ложиться и помирать просто так.

Идеально отчетливые воспоминания глушили меня словно кувалдой по голове до тех пор, пока я не провалился в черноту.

Когда я снова пришел в себя, я сидел на кровати в позе лотоса. Руки мои покоились на коленях. Дышал я медленно и ровно, глубоко. Спина распрямилась. Голова болела, но не до тошноты.

Я огляделся по сторонам. В комнате царила темнота, но я пробыл здесь достаточно, чтобы глазу хватало света, пробивавшегося из-под двери. Я разглядел свое отражение в зеркале на двери гардероба. Вид у меня сделался спокойный, расслабленный. Я снял плащ и остался в черной футболке с надписью «ПЕРЕ-ФЕКЦИОНИСТ»; маленькие белые буквы читались в зеркале задом наперед. Из ноздрей стекали, подсыхая на верхней губе, две тоненькие темные струйки крови. Во рту тоже ощущался медный привкус — возможно, от прикушенного еще там, на улице, языка.

Я снова подумал о своем преследователе, и образ его заставил меня поежиться — и только. Дышал я по-прежнему медленно и ровно.

Вот вам положительная сторона смертной натуры. Как биологический вид мы чертовски хорошо адаптируемся почти ко всему. Разумеется, я не смогу избавиться от воспоминания об этой жуткой твари, равно как и от всех других *виденных* мною кошмаров — значит, если не может измениться воспоминание, меняться придется мне. Я вполне в состоянии привыкнуть к зрелищу подобных страшилок — по крайней мере до такой степени, чтобы оставаться при этом разумным существом, не превращаясь в визжащий комок. Люди получше меня с таким справлялись.

Морган, например.

Я снова поежился, на этот раз уже не от воспоминания. Я просто знал, чем все может кончиться, когда заставляешь себя жить с такими кошмарами в сознании. Это меняет тебя. Ну, не сразу. Возможно, это и не превратит тебя в монстра. И все равно мне было страшно, и я это понимал.

Сколько раз должно произойти вот такое, прежде чем я начну превращаться в кого-то жуткого —

только чтобы выжить? По чародейским меркам я молод. И каким я стану через несколько десятков лет, если не буду отворачиваться?

Спроси у Моргана.

Я встал и вышел в расположенную при спальне ванную. Включил свет — и зажмурился, так больно резануло по глазам. Я смыл с лица кровь и старательно ополоснул раковину, чтобы крови не осталось и в ней. При моем роде занятий нельзя оставлять кровь там, где ее могут найти.

Потом надел плащ и вышел из спальни.

Билли с Джорджией были в гостиной. Билли стоял у балконной двери. Джорджия говорила по телефону.

— Я ничего не вижу, — произнес Билли. — Он уверен?

Джорджия негромко сказала что-то в трубку.

— Да. Он не сомневается, что оно сворачивает сюда. Его должно уже быть видно с твоего места.

— Не видно ничего, — возразил Билли. Он оглянулся через плечо: — Гарри, а ты как?

— Жить буду, — отозвался я и подошел к окну. — Оно пришло сюда за мной, да?

— Что-то там такое есть, — подтвердил Билли. — Что-то такое, с чем мы еще не сталкивались. Оно там уже час как играет в прятки с Кирби и Энди. Они никак не могут ни догнать его, ни разглядеть толком.

Я внимательно посмотрел на Билли. На свете найдется не слишком много существ, способных оторваться от волков-оборотней, работающих слаженной стаей. Волки чертовски быстры и ловки, а Билли со товарищи орудуют в Чикаго почти столько же, сколько я сам. Они знают, как себя вести в самых разных обстоятельствах. За несколько последних месяцев я преподавал своей ученице пару уроков скромности, предложив ей попробовать испытать свои завесы на оборотнях. Всякий раз ее обнаруживали в считанные секунды.

— Значит, чем бы оно ни было, это не человек, — подытожил я. — Иначе ему не удалось бы отрываться от Кирби и Энди. — Я остановился рядом с Билли. — Оно умеет прикрываться завесой от взгляда.

— И что это? — тихо спросил Билли.

— Не знаю, — признался я. — Но штука поганая — без дураков. — Я покосился на Джорджию. — Сколько я был в отключке?

Она покосилась на часы.

— Час и двадцать две минуты.

Я кивнул.

— Если бы оно хотело ворваться сюда, у него имелось в достатке времени, чтобы сделать попытку. — Я натянуто улыбнулся, испытывая неприятную пустоту в желудке. — Оно со мной забавляется.

— Что? — не понял Билли.

— Оно отплясывает перед нами, прикрывшись завесой. Пытается заставить меня снова включить зрение, чтобы засечь его.

С улицы донесся вопль. Короткий, пронзительный и такой громкий, что стекла задребезжали. В жизни не слышал ничего подобного. От этого звука волосы становились дыбом. Мои инстинкты ощущали присутствие этой твари, так что я поверил им и еще в одном: в том, что этот крик — сигнал. Охота началась.

Мгновение спустя все огни, сколько хватал глаз, взорвались фонтаном искр, и несколько городских кварталов погрузились в темноту.

— Передай Энди и Кирби — пусть немедленно возвращаются в дом! — рявкнул я Джорджии и схватил стоявший у стены рядом с дверью посох. — Билли, идешь со мной. И в боевой форме.

— Гарри? — в замешательстве посмотрела на меня Джорджия.

— Ну же! — рявкнул я, срывая с двери засов.

Я не успел еще спуститься по лестнице, когда послышался тяжелый удар, и на площадке передо мной приземлился волк с шерстью цвета волос Билли. Огромный — весом никак не меньше Мыша, но выше и стройнее. Мир не видывал таких зверей со времен последнего ледникового периода. Я ногой распахнул дверь и выпустил Билли на улицу. Он перемахнул через стоявшую у тротуара машину — я хочу сказать, он перепрыгнул ее в длину, не коснувшись лапами, — и понесся к расположенным в дальнем конце квартала домам.

Каким-то образом Билли поддерживал контакт с Энди и Кирби; во всяком случае, знал, где они находятся. Я последовал за ним, накачивая в свой посох энергию. Я не знал, что нас ждет, но хотел быть

готовым к этой встрече.

Из-за дальнего угла соседнего здания появился Кирби. Он шел, прижимая к уху мобильник — долговязый, темноволосый молодой человек в тренировочных штанах и свободной футболке. Свет от телефонного дисплея окрашивал его лицо в призрачный голубоватый оттенок. Я скользнул взглядом к другому углу и увидел темную мохнатую фигуру, скользящую вдоль по тротуару — Энди, подобно Билли обернувшуюся зверем.

Постойте-ка.

Если это неизвестно-что-такое вырубил свет во всей округе, какого черта заклятие не подействовало на телефон Кирби? Магия и техника плохо уживаются друг с другом, а уж такое сложное электронное устройство должно было бы вырубиться в первую очередь. Сотовые телефоны все равно как ребята-охранники в красных рубашках из старого, доброго «Стар Трека» — стоит начаться хоть какой-нибудь заварушке, и их выбивают в первую очередь.

Если эта тварь, кем бы она ни была, вырубает к чертовой матери все огни, она должна бы вывести из строя и телефон. Если только ей не *нужно*, чтобы тот работал.

Во всей округе, сколько хватал глаз, Кирби оставался единственным ярко освещенным объектом. Идеальная мишень.

Атака произошла молниеносно.

Воздух помутнел, словно кто-то, прикрытый завесой, заслонил от меня свет телефона Кирби. Послышался оглушительный рык, и мобильник полетел в сторону, а Кирби остался лежать в темноте.

Билли рванулся вперед. Я помедлил, срывая с шеи серебряный амулет-пентаграмму. Поднятый над головой, амулет засиял серебристо-голубоватым светом, залившим все пространство между зданиями.

Кирби лежал на спине в центре расползавшегося темного пятна, которое могло быть только кровью. Билли, оскалившись и рыча, стоял над ним. Внезапно он метнулся вперед, рванул зубами что-то невидимое, и легкое марево в воздухе перед ним дрогнуло и дернулось в сторону. Я тоже бросился к ним; казалось, я перемещаюсь по поясу в арахисовом масле. На мгновение мне почудилось, будто от Билли уворачивается что-то четырехное, мохнатое — но образ остался нерезким, словно я видел его лишь краем глаза.

А потом на спину опрокинулся уже Билли — он колотил лапами и рвал зубами что-то невидимое, навалившееся на него, пригвоздившее к земле.

Энди, рыжая волчица, меньше Билли, но стремительнее, сделала прыжок и вцепилась в невидимого, нападавшего со спины.

Тварь снова взвизгнула, на этот раз громче и пронзительнее. Неправдоподобно быстрым движением она распрямилась и отшвырнула Энди в сторону. Волчица врезалась в кирпичную стену; короткий, полный боли взвизг сопровождался отвратительным хрустом.

Я поднял посох, до предела заряженный энергией моих злости и ужаса, и выкрикнул:

— Forzare!

Невидимый луч сорвался с конца деревянного посоха и ударил в противника. Случалось, такими разрядами я переворачивал машины. Однако эта тварь едва покачнулась, замолотив по воздуху передними конечностями, а ударивший в нее силовой луч разлетелся фонтаном алых брызг.

Все же этого хватило, чтобы на мгновение нарушить завесу. Я увидел нечто среднее между пумой и медведем с короткой грязно-золотистой шерстью. Веса тварь, должно быть, несколько сотен фунтов. Еще я успел увидеть чудовищного размера клыки, окровавленные когти и светящиеся глаза противного желтого оттенка, чем-то напоминающие глаза рептилий.

Оскаленная пасть кривилась, но совсем не по-звериному, складывая *слова* — настоящие слова на языке, которого я не понимал. Очертания зверя странно исказились, он весь с легкостью текучей жидкости преобразился, и спустя каких-нибудь полсекунды пума размером больше пещерного льва, о каких я только *слышал*, ринулась на меня, налету прикрываясь переливающейся всеми цветами радуги завесой.

Я выбросил вперед левую руку, одновременно направив в висевший на запястье браслет заряд воли. Мой браслет-оберег в виде сцепленных в ленту миниатюрных средневековых щитов представляет собой еще один инструмент вроде посоха: с его помощью я эффективнее дозирую и направляю защитные энергии моей магии.

Передо мной вспыхнул купол голубовато-белого света, и зверь врезался в него как в кирпичную стену. Ну, скорее как в деревянную. Как в шаткую деревянную стену. Я чувствовал, как щит подается под натиском зверя, но по крайней мере на пару секунд мне удалось его сдержать.

И тут на него налетел Билли.

Огромный волк, оскалившись, врезался в зверя и вцепился в него. Тварь взвыла и, крутанувшись на месте, попыталась схватить Билли, но вожак чикагской стаи оборотней уже отпрянул назад, пытаясь увернуться от контратаки.

Зверь оказался быстрее. Он догнал волка, и я увидел, как бурая шкура Билли окрасилась кровью. Тот припал к земле, но остался на месте — так, чтобы дать возможность напасть на зверя Джорджии.

Обернувшись волчицей Джорджия уступала Билли в весе, зато превосходила в скорости и стремительности. Она полоснула зверя зубами, вынудив повернуться к ней — и подставить незащищенный бок Билли.

Я пополнил заряд посоха, стиснул зубы, прицелился и, выкрикнув слово заклинания, разрядил его в зверя, целясь по ногам. Разряд выщербил в асфальте глубокую воронку, лишив невидимого зверя равновесия, и тот опрокинулся на землю. Завеса снова порвалась. Билли с Джорджией мгновенно ринулись вперед, а я поднял посох, зарядив энергией до предела — так, что вырезанные на нем руны засияли ослепительным багровым светом. Видит Бог, следующий разряд превратил бы этого гада в жидкую кашу.

Однако очертания его снова сделались текучими, и внезапно ястреб с желтыми глазами рептилии, размахом крыльев превосходящий длину моей машины, взмыл в воздух, дважды взмахнул крыльями и растворился в ночном небе.

Секунду я оцепенело смотрел ему вслед, потом пришел в себя.

— Ох, черт, — только и выдохнул я.

Я огляделся по сторонам — тени бешено плясали в свете зажато в дрожащей от возбуждения руке амулета — и поспешил к Энди. Она лежала без сознания, вернувшись в человеческий облик — рыжей девицы с убийственно-привлекательными формами. Почти половина ее тела превратилась в сплошную ссадину. У нее были сломаны рука, плечо, несколько ребер и, судя по залитому кровью лицу, не исключено, что задет череп. Дышала она слабо, прерывисто.

Черт, ну и силища у этого типа!

Рядом со мной возникла в своем волчьем облики Джорджия — наострив уши, принюхиваясь, она беспокойно оглядывалась по сторонам.

Я повернул голову посмотреть на Билли — он уже принял снова человеческий облик и, обнаженный, склонился над Кирби. Я поднял повыше амулет и подошел к ним.

У Кирби недоставало горла. То есть я хочу сказать, оно исчезло. На месте горла зияло отверстие размером с мой кулак, в глубине белел позвоночник. Края раны обуглились и почернели. Взгляд широко открытых, остекленевших глаз уставился в бесконечность. Все вокруг было залито кровью.

— Блин-тарарам, — выдохнул я, глядя на мертвого юношу, моего друга. Потом тряхнул головой. — Пошли, Билли. Энди еще жива. Мы не можем оставить ее здесь. Надо отнести ее к вам домой и вызвать «Скорую». Как можно быстрее.

Билли продолжал стоять над Кирби; лицо его исказилось от потрясения и злости.

— Билл! — крикнул я.

Он поднял взгляд на меня.

— Энди, — сказал я. — Помоги мне занести ее в дом.

Он неохотно кивнул. Мы вернулись к девушке. Я снял плащ, расстелил на земле, и мы как могли осторожно переложили Энди на него. Потом подняли ее и понесли к дому. Из соседних зданий доносились слышаться голоса, в окнах засветились огоньки фонариков, свечей и химических трубок. Я не сомневался в том, что не пройдет и несколько минут, как послышится завывание сирен.

— Что это было? — хрипло спросил Билли. — Что это за тварь?

— Не знаю точно, — ответил я, задыхаясь от усилий. Джорджия трусила за нами следом, держа в зубах мой посох. — Но если это то, о чем я думаю, дела обстоят на порядок хуже, чем я полагал.

Билли оглянулся на меня. Лицо и руки его были перепачканы кровью Кирби.

— Что это за тварь, Гарри?

— Исконный американский кошмар, — устало ответил я и поморщился. — Шкура-Перевертыш.

Глава шестая

Джорджия сказала врачам, прибывшим со «Скорой», что она сестра Энди — что в некотором, духовном смысле можно считать правдой. Поэтому она смогла поехать с ней в больницу. Вид у санитаров был угрюмый.

Копы собрались у трупа Кирби и огораживали место преступления.

— Мне надо быть там, — сказал Билли.

— Понимаю, — вздохнул я. — У меня время поджигает, Билли. Мне пора — каждая минута на счету.

Он кивнул.

— Что мне надо знать об этих... меняющих шкуру?

— Что они... они... да просто гадость, и все. Им нравится причинять людям боль. Судя по всему, чем больше ты их боишься, тем сильнее они становятся. Они в буквальном смысле слова питаются страхом.

Билли хмуро покосился на меня:

— То есть тебя надо понимать в том смысле, что больше ты мне рассказать не хочешь. Поскольку это мне не поможет. Ты считаешь, это может меня устроить.

— Мы знали, что эта тварь здесь, мы были готовы к бою — и ты видел, что произошло, — сказал я. — Если бы зверь напал на нас из хорошо подготовленной засады, все бы кончилось гораздо хуже.

Он оскалил зубы в недоброй ухмылке:

— Но мы его сделали.

— Мы одолели его, получив преимущество на короткий момент, и ему хватило ума отступить, чтобы вернуться позже. Все, чего мы достигли, — это дали ему понять, что к делу нашего убийства надо отнестись серьезно. Второй такой возможности нам уже не представится. — Я положил руку ему на плечо. — Постарайтесь с Джорджией не оставлять Энди без внимания, ладно? Этой твари *нравится* причинять боль. И охотиться на подраненную дичь тоже нравится. Энди по-прежнему грозит опасность.

— Я понял, — тихо произнес он. — А ты что собираешься делать?

— Выяснить, чего ему здесь надо, — ответил я. — А еще в самом разгаре какая-то фигня, связанная с Советом. Господи, я не хотел впутывать вас в это. — Я покосился на толпу полицейских, окруживших тело Кирби. — Я не думал, что все обернется вот так.

— Кирби взрослый человек, Дрезден, — возразил Билли. — Он знал, что такое возможно. Он сам избрал этот путь.

Билл говорил правду, но легче от этого не становилось. Кирби не воскресить. Я не знал, что за завесой прячется Перевертыш, только это ничего не меняло.

Кирби все равно мертв.

И Энди... Господи, об этом я даже не подумал. Энди с Кирби связывали тесные отношения. Это разобьет ей сердце.

Если она, конечно, останется жива.

Билли — я как-то не привык еще называть его Уильямом — поморгал, сдерживая слезы.

— Ты же не знал, что все так обернется, дружище, — сказал он. — Мы все обязаны тебе жизнью, Гарри. Я рад, что нам выдался шанс помочь тебе здесь. — Он мотнул головой в сторону полицейских. — Пойду поговорю с ними, потом поеду к Джорджии. А тебе, наверное, пора.

Мы обменялись рукопожатием, и он чуть не расплющил мне руку — от волнения скорее всего. Я кивнул.

Уличные фонари начинали оживать, когда я вышел с черного хода и миновал старую книжную лавку, где не был больше желанным гостем. Вот то самое место на мостовой, где я едва не расстался с жизнью... я и невольно поежился. Черт, я тогда едва ушел от старой с косой...

А Кирби сегодня не ушел.

Голова моя, наверное, наполовину выключилась. Я должен был бы ощущать больше эмоций. Я должен был бы рехнуться как черт-те что. Меня должно было бы трясти от страха. Ну, или еще чего такого. Вместо этого я словно бы наблюдал за ходом событий из какого-то безопасного места где-то чуть позади и выше меня. Возможно, решил я, это побочный эффект созерцания истинной формы Перевертыша. Или скорее побочный эффект того, что мне пришлось проделать, чтобы с этим справиться.

Я не боялся того, что Перевертыш наблюдает за мной с высоты. Конечно, он мог, но вряд ли остался бы незамеченным. Сверхъестественные твари вроде него обладают чудовищной энергетикой: реальность вблизи них начинает испытывать такое напряжение, что избежать побочных эффектов почти невозможно. Одним из таких эффектов является что-то вроде исходящей от этих тварей эмоциональной вони — мои органы чувств уловили ее задолго до того, как Перевертыш приблизился на расстояние атаки.

Почитайте немного фольклора — ну, не причесанного Диснеем со товарищи. Начните с Братьев Гримм. Конкретно про Перевертышей у них нет, но это даст вам некоторое представление, насколько мрачными могут быть подобные истории.

Так вот, Перевертыши намного, намного страшнее. Для более полного представления о них вам стоит послушать предания навахо, юта и других индейских племен юго-запада Штатов. Они редко говорят на эту тему, поскольку искренний и абсолютно естественный страх, внушаемый такого рода историями, делает Перевертышей только сильнее. Ну, а чужим об этом рассказывают еще реже, поскольку чужие не могут полагаться на фольклор — не самую плохую основу для того, чтобы защитить себя. А еще потому, что ты никогда не знаешь, а вдруг тот, кому ты все это рассказываешь, и есть Шкура-Перевертыш. Возможна ведь и такая мрачная ирония судьбы. Однако я в своем ремесле не первый год, так что знаком с теми, кто помнит эти истории. Они делились ими со мной при свете дня, но даже так тревожно оглядывались то и дело, словно боялись, что жуткие легенды могут привлечь внимание Перевертыша.

Потому что случалось и такое.

Вот такие они, Перевертыши. Даже люди, понимающие опасность, которую собой представляют Перевертыши, которые лучше любого другого в этом мире знают, как защититься от них, — даже они не любят об этом говорить.

Впрочем, в некотором роде, это играло мне на руку. Прогулка по темному переулку в разгар чикагской ночи, по месту, где меня чудом не порвали в клочья, щекотала нервы, но не настолько, как могло бы быть в присутствии Перевертыша. Если бы все обернулось кошмарами, не уступающими по действию на психику «Байкам из склепа», я бы сразу понял, что оказался в опасности.

Пока же ночь оставалась всего лишь...

Невысокая фигурка в легкой куртке с символикой чикагской футбольной команды выступила из-за угла. Восстановленное городское освещение высветило светлую шевелюру.

— Вечер добрый, Дрезден, — произнесла сержант Кэррин Мёрфи.

...немного утомительной.

— Мёрф... — механически отозвался я. Мёрфи работает в отделе специальных расследований чикагской полиции. Когда случается что-либо сверхъестественно поганое и в это дело впутывают полицию, Мёрфи частенько обращается ко мне за советом или помощью. Городские власти да и жители тоже не любят слышать о «вымышленных» тварях вроде Перевертыша или вампиров. Им гораздо проще отмахнуться от проблемы — и тогда ее спихивают на Мёрфи и остальных ребят из ОСР.

— Я тут прикормила одного парня из дорожной полиции, чтобы он приглядывал за некоторыми конкретными тачками, — сообщила Мёрфи. — Плачу ему пивом от Мак-Энелли. Он позвонил мне и сказал, что твою машину эвакуировали.

— Ох, — выдохнул я.

Мёрфи пристроилась ко мне. Я свернул на тротуар. Роста в ней пять футов с таким, светлые волосы чуть ниже плеч, а еще у нее ярко-голубые глаза. Она не то чтобы хорошенькая, но симпатичная — в общем, законченный типаж чьей-нибудь любимой тетушки. Что не так уж сильно отличается от истины. У нее целая куча родни — огромная такая семья ирландцев-католиков.

— Потом я услышала о перебоях с электричеством, — продолжала Мёрфи, — и о каких-то нарушениях общественного порядка в квартале, где проживают твои друзья оборотни. И еще сообщили о девушке, которая, возможно, не выкарабкается, и о юноше, который уже не выкарабкался.

— Угу, — отозвался я. Боюсь, это вышло довольно вяло.

— Кто это был? — спросила Мёрфи.

— Кирби, — ответил я.

— Господи, — выдохнула Мёрфи. — Что случилось?

— За мной следил кто-то очень быстрый и злобный. Оборотни его атаковали. Все обернулось паршиво.

Мёрфи кивнула и остановилась; до меня с некоторым запозданием дошло, что мы стоим рядом с ее «Сатурном» — усовершенствованной версией того, который взорвали, — в наглухо припаркованном прямо перед пожарным гидрантом. Она обошла машину и подняла крышку багажника.

— Я взяла это в той груде деталей, которую ты называешь своей машиной. — Мёрфи достала из багажника сумку с медикаментами и кулер. — Лежало на пассажирском сиденье. Я подумала, может, ты захватил их не случайно.

Блин-тарарам! В суматохе нападения и того, что случилось после, я напрочь забыл о причине, по которой вообще ездил к Томасу. Я взял у Мёрфи сумку.

— Угу. Черт подери, Мёрф. Спасибо.

— Тебя не подбросить? — предложила она.

Я собирался взять такси, но и тратить денег там, где этого можно избежать, мне тоже не хотелось.

Возможно, ремесло чародея и возбуждает, но окупается значительно хуже, чем, скажем, работа в органах правопорядка.

— Еще бы, — кивнул я.

— Надо же, какое совпадение. Я как раз хотела задать тебе пару вопросов. — Она отперла дверцу настоящим ключом, не той маленькой штучкой, как она там называется, которая автоматически отпирает машину, стоит вам нажать кнопку, и придержала ее для меня таким же галантным жестом, каким проделывал это для нее миллион раз я. Наверное, решила, что удачно поддразнила меня.

Что ж, возможно, она и права.

Вся эта история с каждой минутой становилась все запутаннее, и мне не хотелось втягивать в нее еще и Мёрфи. То есть я хочу сказать, оборотни давным-давно надежно охраняли свою территорию, и видит Бог, из-за меня едва ли не половина из них выбыла из строя в первую же пару часов после начала этого дела. Вряд ли Мёрфи повезло бы в этих обстоятельствах намного больше.

С другой стороны, Мёрфи я доверяю. Я доверяю ее здравому смыслу и умению видеть пределы своим силам и возможностям. Ей доводилось видеть копов, порванных в клочья из-за того, что те пытались выступать в чужой весовой категории, и она знала, где проявлять инициативу, а где нет. Ну и еще, захоти она чинить мне препятствия — а она могла, и серьезные, — моя жизнь сильно осложнилась бы. Даже при том, что она не возглавляла больше ОСР, она обладала в отделе значительным влиянием, и одно словечко, замолвленное ею лейтенанту Столлингзу, могло бы связать меня по рукам и ногам — что, вполне возможно, означало для меня смерть.

В общем, вы могли бы сказать, что Мёрфи угрожала мне неприятными последствиями в случае, если я не поговорю с ней, и оказались бы правы. Или могли бы сказать, что Мёрфи, рискуя жизнью, предлагала мне помощь, и тоже оказались бы правы. А могли бы сказать, что Мёрфи оказала мне услугу, привезя медицинскую сумку, чтобы мне сложнее было не подпускать ее к этому делу — и это тоже было бы правдой.

Вы могли бы сказать также, что я стоял, переминаясь с ноги на ногу, в то время как на счету была каждая секунда. И это тоже правда.

И в конце концов Мёрфи просто хороший человек.

Я сел в машину.

— Говоря прямо, — сказала Мёрфи, когда мы подъезжали уже к моему кварталу, — ты прятешь беглеца от ваших же копов, полагая, что этого типа подставили с целью развязать в Белом Совете гражданскую войну. И что по городу разгуливает какая-то индейская страшилка, пытающаяся тебя убить. И что ты не уверен в том, что эти два факта связаны между собой.

— Скорее, что я не знаю, как именно они связаны. Пока не знаю.

Мёрфи прикусила губу.

— У вас в Совете нет никого, кто был бы на короткой ноге с исконными североамериканскими страшилками?

— Трудно себе такое представить, — тихо произнес я. Индеец Джо, Слушающий Ветер, входил в Совет Старейшин, являясь одновременно кем-то вроде индейского шамана. Целитель, специалист по экзорцизму и восстановительной магии. И очень достойный тип. Любитель животных.

— Но кто-то один — предатель, — так же тихо заметила Мёрфи. — Так?

— Угу, — согласился я. — Кто-то.

Мёрфи кивнула, вглядываясь в ветровое стекло.

— Самое опасное в предательстве то, — осторожно произнесла она, — что исходит оно обычно от того, кого ты считаешь неспособным на такую гадость.

Я не ответил. А еще через минуту ее машина, хрустнув колесами по гравию, остановилась на стоянке у моего дома.

Я взял сумку, кулер, посох и выбрался из машины.

— Позвони, как только что-то узнаешь, — сказала она.

— Угу, — кивнул я. — А вы не рискуйте, если вдруг напоретесь на что-нибудь.

Она покачала головой.

— Они не дети тебе, Гарри.

— Все равно. Все, что от вас зависит, чтобы защитить их в больнице...

— Не напрягайся, — вздохнула она. — Твои оборотни не останутся без присмотра. Я за этим прослежу.

Я кивнул и ненадолго закрыл глаза.

— Гарри?
— Чего?
— Ты... Вид у тебя неважный.
— Ночь тяжелая выдалась, — буркнул я.
— Да, — кивнула она. — Это мне немного знакомо.

Мёрфи это знакомо. Чего-чего, а психических травм на ее долю выпало в избытке. И смерть друзей она тоже видела.

В памяти против воли всплыли события, со времени которых прошло несколько лет, — ее бывший напарник Кармайл, наполовину выпотрошенный и истекший кровью на белом больничном кафеле.

— Прорвусь как-нибудь, — буркнул я.

— Еще бы не прорвался, — вздохнула она. — Просто... Просто это можно делать по-разному, Гарри. И одни способы легче других. Мне не все равно, что с тобой случится. И я здесь, рядом.

Я не открывал глаз, чтобы не осрамиться, расплакавшись как девчонка. Говорить я тоже на всякий случай ничего не стал, только кивнул.

— Ты уж поосторожнее, Гарри, — сказала она.

— Ты тоже, — отозвался я. Это прозвучало немного бледновато. Я помахал ей медицинской сумкой и начал спускаться к своей двери, к Моргану.

Должен признать: очень мне неприятно было слышать шум отъезжающей машины друга.

Я выбросил эти мысли из головы. Травмированный или нет, рассыпаться на части я успею и потом.

А пока меня ждет работа.

Глава седьмая

Морган проснулся, когда я отворил дверь спальни. Выглядел он паршиво, но не хуже, чем прежде, даже на щеках появилось некоторое подобие румянца.

— Я сейчас, только за сожителями своими прослежу, — сказал я, ставя сумку на тумбочку.

Он кивнул и закрыл глаза.

Я вывел Мыша прогуляться до почтового ящика. Он казался необычно настороженным, внимательно принохивался ко всему, но признаков тревоги не выказывал. Мы дошли до двора, отведенного для его серьезных дел, и вернулись в дом. Мистер, моя домашняя серая пума с коротким хвостом, ждал у двери и сделал попытку выскочить. Я перехватил его — не без труда: веса в нем без малого тридцать фунтов. Он смерил меня неодобрительным взглядом, потом отвернулся, задрал обрубок хвоста и царственной походкой проследовал на свой обычный наблюдательный пункт на одной из книжных полок.

Пока я запираю дверь, Мыш, склонив голову набок, внимательно наблюдал за мной.

— Тут кто-то нехороший околачивается, — объяснил я. — И ему может вздуматься послать мне весточку. Мне не хотелось бы, чтобы он использовал для этого Мистера.

В ответ Мыш негромко зарычал.

— Кстати, если на то пошло, и тебя тоже, — добавил я. — Не знаю, известно ли тебе, кто такой Перевертыш, но враг он серьезный. Так что давай поосторожнее.

Мыш обдумал услышанное и зевнул.

Я невольно усмехнулся:

— Гордость превыше всего, так, малыш?

Он вильнул хвостом и потерся лбом о мою ногу: ему явно нравилось, когда он заставлял меня улыбаться. Я удостоверился, что обе пары мисок наполнены едой и водой, и вернулся к Моргану.

Температура у него поднялась на полградуса, его явно мучили боли.

— Это не слишком сильные средства, — сообщил я, расстегивая сумку. — Большую часть мы с Билли прикупили в Канаде. Но тут немного кодеина от боли и все необходимое для капельницы. Плазма, антибиотики и все такое.

Морган кивнул. Потом нахмурился — к этому выражению его лица при общении со мной я привык. Взгляд его буквально впился в мое лицо.

— Мне кажется, или от вас действительно пахнет кровью? — спросил он.

Черт. Для парня, стоящего, можно сказать, одной ногой в могиле, он сохранял отменную наблюдательность. Энди ведь не истекала кровью, когда мы несли ее на моем плаще — так, царапины и ссадины, хотя и в большом количестве.

— Угу, — подтвердил я.

— Что случилось?

Я рассказал ему про Перевертыша и о том, что произошло с Кирби и Энди.

Он устало покачал головой:

— Именно поэтому мы не поощряем участия дилетантов в работе Стражей, Дрезден.

Я насупился, принес таз теплой воды, антибактериальное мыло и принялся обрабатывать его левую руку.

— Ну... да. Что-то я не видел Стражей, занимающихся этим делом.

— Чикаго — зона вашей ответственности, Страж Дрезден.

— Вот я там и оказался, — буркнул я. — И если бы не помощь этих ребят, меня бы уже не было в живых.

— Так вызвали бы подкрепления. Вы не должны строить из себя супергероя, бросая при этом овец на растерзание волкам. В конце концов это люди, которых вам положено защищать.

— Неплохо придумано, — согласился я, вынимая из сумки пузырь физиологического раствора и подвешивая его к заделанному в стенку над кроватью крючку. Потом проверил трубку. Воздушные пузырьки... плохо. — Именно этого нам сейчас и не хватает: толпы Стражей в Чикаго.

Морган хмыкнул и немного помолчал с закрытыми глазами. Мне даже показалось, что он снова вырубился, но он просто думал.

— Должно быть, он прибыл сюда по моим следам.

— А? Кто?

— Перевертыш, — ответил он. — Из Эдинбурга я бежал через Небывальщину в Таксон. Оттуда в Чикаго ехал на поезде. Должно быть, когда поезд проходил по его территории, он меня и почуял.

— Но зачем ему это?

— Раненый чародей? — переспросил Морган. — Они делаются сильнее, поглощая энергию магии. А я сейчас — легкая добыча.

— Они что, *пожирают* магию?

Морган кивнул:

— Добавляют энергию жертвы к своей собственной.

— То есть, вы хотите сказать, эта гадина не просто ушла, но и сделалась сильнее, убив Кирби?

Он пожал плечами:

— Не думаю, чтобы оборотень добавил ему слишком уж много силы — во всяком случае, по сравнению с той, что у него уже имелась. Другое дело, ваши или мои способности. Они с этой точки зрения значительно питательнее.

Я достал резиновый жгут и перетянул им руку Моргана выше локтя. Потом подождал, пока вены у локтя вздуются.

— Что-то мне мало верится в вероятность такой случайной встречи.

Морган слабо мотнул головой.

— Перевертыши проживают только на индейских территориях Северо-Запада. Вряд ли тот, кто меня подставил, мог знать, что я сбегу в Таксон.

— Логично, — согласился я, осторожно вводя иглу ему в вену. — Кому придет в голову ехать сюда в разгар лета? — Я немного подумал. — А ведь Перевертышу придется возвращаться домой, так?

Морган кивнул:

— Чем дольше он в отрыве от своих мест, тем больше энергии ему приходится расходовать.

— И как долго он может здесь оставаться?

Он поморщился: я промазал мимо вены и приготовился к следующей попытке.

— Более чем достаточно.

— И как нам его убить? — Я снова промахнулся и нахмурился.

— Дайте, я сам, — буркнул Морган. Он забрал у меня иглу и сам ввел ее в вену — с первой попытки.

Ну, наверное, за сотню с лишним лет можно и научиться кое-чему.

— Возможно, никак, — ответил он. — Настоящие Перевертыши, нааглоши, живут тысячу лет. Связываться с ними вредно для здоровья. Мы их избегаем.

Я подцепил к игле трубку и отрегулировал зажим.

— Вообразите на минуту, что он не захочет следовать этому сценарию.

Морган хмыкнул и почесал заросший подбородок.

— Существует индейская магия, способная нанести ему увечья или даже уничтожить. Настоящие, потомственные шаманы знают обряды, способные отвадить враждебных духов. Если нет шамана, единственная доступная нам тактика — обрушить на Перевертыша максимум разрушительной энергии,

учитывая при том, что он вряд ли согласится стоять смирно и следовать нашему сценарию.

— Трудная мишень, — согласился я. — Он знаком с магией и знает, как от нее обороняться.

— Да, — подтвердил Морган и замолчал, глядя, как я достаю из изотермической сумки шприц с антибиотиком. — И силы у него больше, чем у нас двоих вместе взятых.

— Погано... — отозвался я и аккуратно выдавил содержимое шприца в пузырь с физраствором. Потом достал кодеин, принес с кухни чашку воды и дал Моргану. Он проглотил таблетки, устало откинул голову на подушку и закрыл глаза.

— Я *видел* раз одного, — сообщил он.

Я молча начал убирать в сумку лишние предметы.

— Они не неуязвимы. Их можно убить.

Я выбросил упаковки в мусорную корзину и закрыл сумку. Потом поморщился, глядя на окровавленный ковер, на котором мы с Баттерсом перетащили Моргана в спальню. Надо бы вытащить из-под него этот ковер. Я повернулся, чтобы уходить, но задержался в дверях.

— И как вы это проделали? — спросил я, не оглядываясь.

Морган отозвался не сразу. Мне снова показалось, что он потерял сознание.

— Это было в пятидесятых, — сказал он. — Началось в Нью-Мехико. Он преследовал меня до Невады. Я заманил его на испытательный полигон и перешел в Небывальщину за мгновение до взрыва.

Я зажмурился, потом оглянулся на Моргана.

— Вы взорвали его *атомной бомбой*?

Он приоткрыл один глаз и улыбнулся.

Жуть, да и только.

— Блин-тарарам... вот это... — Надо называть вещи своими именами. — Вот это круто.

— Только потому и спокойно сплю по ночам, — пробормотал он, снова закрыл глаза, вздохнул, и голова его чуть свесилась набок.

С минуту я смотрел на спящего Моргана, потом вышел и закрыл за собой дверь.

Я и сам изрядно устал. Но, как говорится, «обещал — делай». Я вздохнул и принялся за работу.

Первым делом я уселся на телефон и принялся обзванивать своих агентов по Паранету.

Паранет — организация, которую я помог основать пару лет назад. По сути своей это объединение, члены которого сотрудничают в деле защиты от сверхъестественных угроз. Большинство из них люди, обладающие некоторыми магическими способностями, — таких на удивление много. Для того, чтобы Белый Совет хотя бы рассмотрел кандидатуру чародея, требуется серьезное владение магическим ремеслом; те же, кто таковым не обладает, как правило, остаются за бортом. И как следствие совершенно беззащитны перед любым сверхъестественным хищником.

Что на мой взгляд весьма подло.

Поэтому мы с моей давней знакомой Элейн Меллори с помощью оставшихся после смерти одной женщины денег принялись налаживать контакты с оккультной публикой в разных городах. По нашему совету те начали обмениваться информацией, а еще они знают теперь, к кому обратиться за помощью. Если дело принимает неприятный оборот, им достаточно послать по Паранету сигнал тревоги, и тогда я или кто-нибудь еще из работающих в Штатах Стражей придет на помощь. Кроме того, я периодически провожу семинары, на которых обучаю их элементарным приемам магической самозащиты — на случай, если кавалерия запаздывает.

Все это работало вполне неплохо. Наши отделения открылись даже в Канаде и Мексике, на очереди стояла Европа.

Вот я и начал обзванивать наши отделения в различных городах и опрашивать, не наблюдалось ли там чего-нибудь необычного. Никаких подробностей я выспрашивать не мог, но, как выяснилось, этого и не потребовалось. Четверо из первого же десятка опрошенных сообщили, что в их городах замечена повышенная активность Стражей, причем появлялись последние исключительно парами. На три следующих десятка звонков пришлось только два таких сообщения, но и этого более чем хватало, чтобы понять: негласная охота на человека в самом разгаре.

Впрочем, и пищу для размышлений мне тоже подкинули. Почему, например, из всех мест, где Стражи могли искать Моргана, они выбрали Поукипси, штат Омаха?

В памяти сразу всплыли слова «искать ветра в поле». Что бы там ни сделал Морган, чтобы скрыть свое местонахождение от поисковых заклятий, это заставило преследователей вслепую гоняться за собственными хвостами.

Впрочем, даже в охоте имелась своя положительная сторона: шириющиеся слухи об усилившейся

активности Стражей означали, что и у меня появилась возможность задавать вопросы, не вызывая при этом подозрения.

Поэтому в качестве следующего шага я принялся обзванивать тех Стражей, с которыми имел дружеские отношения. Трое, формально говоря, работали на меня — в восточных и северо-западных штатах. Начальник из меня так себе. Чаще всего я позволяю им самим решать, когда и как действовать, а сам лишь стараюсь приходить на помощь, если возникает необходимость. Двоим я не дозвонился и только оставил сообщения, но Билл Мейерс в Далласе снял трубку после второго же гудка.

— Как оно? — произнес Мейерс.

Я не шучу — он и в самом деле отвечает на телефонные звонки этими словами.

— Привет, Билл, это Дрезден.

— Привет, Гарри, — вежливо отозвался он. Со мной Билл всегда вежлив. Он как-то раз лицезрел меня в довольно устрашающем виде. — Вот дьявол, легок на помине.

— Значит, у меня к *этому* нос чесался? — поинтересовался я.

— Не иначе, — хмыкнул Билл. — Как раз собирался звонить тебе утром.

— Правда? Что стряслось?

— Слухи, — ответил Билл. — А еще я засек двух Стражей, выходящих из местного портала в Небывальщину, но когда спросил у них, в чем дело, они молчали как каменные истуканы. Я решил, ты меня просветишь насчет того, что происходит.

— Черт, — буркнул я. — А я как раз у *тебя* то же самое спросить собирался.

Он фыркнул.

— Тебе не кажется, что нас держат за дураков?

— С точки зрения Совета, все американские Стражи — все равно что грибы.

— Э? Это как это?

— Их держат в темноте и кормят дерьмом.

— Не без того, — согласился Билл. — Чего тебе от меня надо?

— Держать ухо востро, — сказал я. — Капитан Люччо рано или поздно расскажет нам. Я позвоню тебе, как только узнаю что-либо. И ты так же, ладно?

— Заметано, — откликнулся он.

Я положил трубку и некоторое время хмуро на нее смотрел.

Совет не оповестил меня насчет Моргана. И никого из находящихся под моим началом Стражей тоже.

— Похоже, они хотят оставить меня в неведении, — сообщил я Мистеру. — А может, кто-то считает, что я в этом каким-то образом замешан.

Что не лишено логики. Вряд ли Мерлин в ближайшее время пригласил бы меня на рождественский ужин. Он мне не доверяет. Он сам и мог отдать приказ держать меня в стороне от поисков. Никаких сюрпризов.

Однако если дело обстояло таким образом, это означало, что Анастасия Люччо, командир Корпуса Стражей, с этим согласна. Мы с ней некоторое время типа встречаемся. Ну, конечно, она на пару столетий меня старше, но в том теле, которым снабдил ее несколько лет назад совершенно сбрендивший чернокнижник буквально за тридцать секунд до своей смерти, ей не дашь больше двадцати пяти. Мы с ней вполне ладили. Нам друг с другом весело. Ну, и в смысле секса тоже все в порядке — к взаимному удовольствию.

Я бы ни за что не подумал, что Анастасия способна играть со мной в такие игры.

Я набрал номер Рамиреса в Лос-Анджелесе в надежде на то, что моему коллеге известно еще что-либо, но услышал в трубке только голос автоответчика.

Что ж, мне оставалось одно: искать ответ в мире духов, что было бы рискованно во многих отношениях — в первую очередь тем, что тот, к кому я пришел бы с вопросом, запросто мог слопать меня.

Но и выбора особого тоже не оставалось.

Я сдвинул ковер, закрывавший люк в мою лабораторию, и совсем было собрался уже спускаться, когда зазвонил телефон.

— Встречаюсь с Жюстиной через полчаса, — сообщил мне брат.

— О'кей, — сказал я. — Заедешь за мной?

Глава восьмая

В том, что касается клубной жизни, Чикаго способен удовлетворить самые разнообразные запросы. Хотите послушать классический джаз? Легко. Этого у нас в достатке. Хотите традиционный ирландский кабак? Или турецкую кофейню? Танец живота? Японскую чайную церемонию? Потанцевать свинг? Или бальные танцы? Поэзию битников? Вы найдете без труда все и даже больше.

Точно так же без особого труда вы найдете и клубы другого рода — из тех, куда мамы с папами не водят детей. Гей-клубы, лесби-клубы, стрип-клубы, садо-мазо-клубы и все в этом роде, включая клубы для любителей более изысканных жанров.

Ну и, конечно, есть еще «Зеро».

Мы с Томасом стояли перед тем, что более всего смахивало на пожарный выход из цокольного этажа здания в самом центре города. В дверь был вмонтирован красный неоновый овал, горевший неярко, зловещим светом. Мощное уханье баса, передаваясь через землю, почти било по ногам.

— Это в самом деле то, о чем я думаю? — спросил я.

Томас — в белой футболке в обтяжку и старых синих джинсах — покосился на меня и заломил бровь.

— Ты сомневаешься в том, что это «Зеро»?

«Зеро» — один из тех клубов, о которых большинство людей только слышали, но не видели. Время от времени он переезжает из одного места в другое, но все равно остается настолько эксклюзивным, насколько это вообще возможно для популярного ночного клуба в большом городе. Я уже больше десяти лет работаю в Чикаго частным детективом. Я слышал о «Зеро», но и только. Это то самое место, куда богатые и красивые (но все равно богатые) люди Чикаго ходят, чтобы оттянуться.

— Ты знаком с кем-нибудь отсюда? — поинтересовался я. — Потому что нас ведь не...

Томас достал из кармана ключ, сунул его в замочную скважину и отворил дверь.

— ...пустят, — договорил я. В грудь мне осязаемо ударила волна горячего воздуха и дыма, отдающего сомнительными, с точки зрения закона, запахами. Откуда-то из-за багровой дымовой завесы слышались «тынц-тынц-тынц» техно-данса.

— Это наше семейное предприятие, — пояснил Томас, убирая ключ в карман. Лицо его приобрело странное выражение. — Мы с Жюстиной в «Зеро» и познакомились.

— А никого другого из семьи здесь нет? — спросил я. Из всех разгуливающих в наших краях вампиров представители Белой Коллегии менее других опасны в физическом отношении — и пугают меня больше других. Порождения похоти, они питаются эмоциями и жизненной энергией тех, на кого охотятся. Их жертвы впадают в подобие наркозависимости, пристращаясь к этому процессу, добровольно предлагая себя снова и снова до тех пор пока жизненные силы не иссякнут совсем. Бедолаги, совращенные вампирами Белой Коллегии, превращаются в их рабов. Словом, общаться с этой вампирской братией — самое последнее дело.

Томас покачал головой:

— Не думаю. Иначе Жюстина вряд ли выбрала бы для встречи с нами это место.

Если только ее не заставили это сделать, подумал я, но промолчал. Я предпочитаю держать свою паранойю при себе, а не делиться ею с родными и близкими.

— Только после тебя, — заявил Томас, невозмутимо сдирая с себя футболку.

Я уставился на него.

— У клуба существует неписанный дресс-код, который здесь стремятся поддерживать, — пояснил он. Вид он при этом имел, правда, самодовольный. Торс у него не как у качка, конечно, но все же впечатляющий. Мой торс выглядит так, будто я не имею возможности нормально питаться.

— Ох, — пробормотал я. — Мне что, тоже разоблачаться?

— У тебя хороший кожаный плащ. Сойдет.

— Спасибо и на том, — буркнул я и шагнул через порог.

Мы миновали коридор, в котором по мере продвижения становилось все темнее, громче, и подозрительных запахов тоже прибавлялось с каждым шагом. Дорогу перегородила черная занавесь, и я отодвинул ее в сторону. За ней обнаружили еще несколько футов коридора и дверь, перед которой стояли двое мужчин капитального сложения.

Один из них поднял руку.

— Прошу прощения, сэр, но это частная...

Томас сделал шаг вперед, остановился рядом со мной и пристально посмотрел на говорившего.

Тот опустил руку; когда он вновь заговорил, голос звучал так, словно у него пересохло во рту.

— Извините, сэр. Я не знал, что он с вами.

Томас не опускал взгляда.

Вышибала повернулся к двери, отпер ее своим ключом и распахнул перед нами.

— Вам столик, сэр? Принести выпить?

Немигающий взгляд серых глаз Томаса скользнул наконец в сторону от вышибалы, словно тот исчез, не оставив следа. Брат шагнул мимо, так и не сказав охраннику ни единого слова.

Тот вымученно улыбнулся мне.

— Прошу прощения, сэр. Приятного вам вечера в «Зеро».

— Спасибо, — отозвался я и следом за братом вступил в картину, напоминавшую нечто среднее между античной вакханалией и кадром из фильма Феллини.

Белого освещения в «Зеро» не имелось вовсе. Преобладали красные тона, кое-где перемежавшиеся вкраплениями синего и... право, не знаю, можно ли так сказать про свет — черного. Даже в самых глубоких тенях что-то время от времени вспыхивало и переливалось. Весь зал заволокло пеленой сигаретного дыма, искажавшего размеры и пропорции.

Мы стояли на подобии балкона, нависавшего над танцевальной площадкой. Бас ухал с такой силой, что я ощущал его вибрацию желудком. Огни синхронно вспыхивали и гасли. Пространство под нами заполняла толпа потных людей, одежда которых варьировала от накидки с капюшоном до нескольких полосок изоленты на одной из девиц. Рядом с танцами располагался бар, а дальше все пространство до дальней стены занимали столики. Футах в восьми над танцплощадкой висело несколько клеток, внутри которых извивались в танце молодые мужчины и женщины в вызывающей одежде.

Лестницы и галереи вели на дюжину выступавших из стен площадок, на которых разместились посетители побогаче; оттуда они могли наблюдать происходящее внизу, сохраняя при этом некоторое подобие приватности. Вместо столов и стульев на большинстве таких площадок стояли диваны и кушетки. Имелись на них и более экзотические предметы мебелировки. На одной, например, возвышалась здоровенная Х-образная крестовина, к которой был привязан лицом к деревяшке молодой мужчина с длинными, спадавшими на обнаженную спину волосами. На другой площадке торчал из пола блестящий латунный шест, у которого извивались две девушки, а вокруг разлеглись на диванах зрители обоего пола.

Повсюду, куда ни посмотри, люди занимались тем, за что в любом другом месте их немедленно арестовали бы. На некоторых выступавших из стены площадках имела место оживленная сексуальная активность, количество участников которой варьировало от двух до девятнадцати. Не сходя с места, я мог насчитать не меньше трех столиков, на которых белели выложенные для втягивания дорожки белого порошка. На стенах над мусорными корзинками висели полки со шприцами, каждая с ярким символом биологической угрозы. Кого-то хлестали кнутами и плетями. Кого-то связывали разнообразными путами, использовали и более прозаические наручники. Каждое второе обнаженное тело щеголяло пирсингом или татуировками. Сквозь грохот музыки пробивались время от времени крики и визг, полные боли, экстаза, радости, страха или всего вместе взятого.

Время от времени огни вырубались, оставляя только вспышки стробоскопов, высвечивавших стоп-кадры этого сибаритского пиршества.

Музыка, освещение, пот, дым, алкоголь, наркотики — все это бурлило в котле безумной, ненасытной страсти.

Потому это место и называли «Зеро», сообразил я. Нулевые ограничения. Нулевые приличия. Место идеального, сосредоточенного забытья, полное привлекательного и отвратительного, тошнотворного, всепоглощающего Голода.

Нулевое насыщение.

Меня пробрала невольная дрожь. Таким бы стал мир, созданный Белой Коллегией. Таким бы они его сделали, будь у них возможность. Планета Зеро.

Я покосился на Томаса. Тот шарил взглядом по помещению. Глаза его сменили оттенок: из обычных серых они сделались светлыми, серебристыми с металлическим блеском. Взгляд его задержался на паре проходивших мимо нас молодых женщин в черных кружевах под длинными кожаными накидками; они крепко держали друг дружку за руки, сплетясь пальцами. Обе разом повернулись к нему, словно услышали, как он зовет их. Шаги их замедлились.

Томас отвел глаза и снова неестественно застыл. Женщины озадаченно заморгали, словно страхируя наваждение.

— Эй! — попытался я перекричать музыку. — Ты себя нормально чувствуешь?

Он кивнул и мотнул подбородком в сторону расположенной выше других площадки в дальнем конце зала.

— Нам туда.

Я кивнул в ответ, и Томас повел меня туда. Мы пробирались по лабиринту лестниц и переходов. Похоже, их намеренно сделали узкими, чтобы два человека никак не могли разойтись, не коснувшись друг друга. Я обнаружил это, когда мы с Томасом расходились с девицей в кожаных шортиках и бюстье — оба этих предмета туалета с большим усилием обтягивали рельефные формы, казавшиеся еще соблазнительнее в ритмично пульсировавшем красном освещении. Томас скользнул мимо нее, взгляд ее уперся ему в грудь, и какое-то мгновение казалось, что она готова впиться в него зубами.

Он не обратил на нее внимания, но потом настала моя очередь — а места я занимаю больше, чем Томас. Я почувствовал, как ее бедро скользит по моему, а потом и грудь прижалась к моему телу где-то в районе солнечного сплетения. Губы ее приоткрылись, глаза неестественно сияли. Рука коснулась моего бедра — вроде бы случайно. И все мое тело вдруг потребовало, чтобы я задержался и посмотрел, что из этого выйдет.

Нельзя доверять своему телу, когда оно советует тебе что-нибудь вроде этого. Оно отмахивается от таких вещей, как твои настоящие привязанности, или нежелательная беременность, или передача заболеваний половым путем. Оно просто *хочет*. Я изо всех сил старался не обращать на него внимания, — однако переходы кишмя кишели людьми, значительную часть которых составляли потрясающе красивые женщины. Похоже, другие в «Зеро» не ходят. И конечно, большинство их с удовольствием делало все, чтобы удостовериться в том, что я это вижу и понимаю.

Надо сказать, то же делали и некоторые мужчины, но с этим я еще как-то справлялся.

Ситуация осложнялась еще и тем, что мы то и дело проходили мимо такого, чего мне не приходилось видеть еще ни разу в жизни. Даже в кино. Одна девица, например, с помощью языка и кубика льда...

Послушайте, просто поверьте мне на слово: это чертовски отвлекало.

Когда мы подошли наконец к лестнице, ведущей на верхнюю площадку, Томас ускорил шаг. Лестницу он одолел, перепрыгивая через три ступеньки. Я старался не отставать от него, поминутно оглядываясь в поисках потенциального неприятеля. Это имело побочные эффекты, поскольку мне приходилось глазеть на такое количество привлекательных девушек, какого я еще не видел — по крайней мере сразу. Впрочем, я и глазел вполне профессионально. Кто-то из них вполне мог скрывать...

Ну, кое-что из того, что они скрывали, я видел, и это повергало меня в шок.

Я одолел последние ступени как раз вовремя, чтобы увидеть, как Томас бросается в объятия дамы.

Жюстина даже для женщины не особенно высока — по крайней мере не была высока до тех пор, пока не надела туфли на пятидюймовых шпильках. Внешне она мало изменилась со времени нашей последней встречи: красивое, но не кукольное, вполне человеческое такое лицо с улыбкой, от которой тает сердце. Волосы ее довольно давно уже сделались серебристо-белыми, и она собрала их в тугий пучок на затылке, заколов китайскими палочками для риса.

Но, конечно, в нашу прошлую встречу она не была одета в костюм женщины-кошки из белого латекса — вплоть до белых же перчаток. Он подчеркивал ее формы, причем более чем успешно.

Томас упал на колени и охватил руками ее талию, крепко прижимая к себе. Она обняла его затянутыми в перчатки руками за шею. Оба застыли на мгновение, зажмурившись, не видя и не слыша ничего.

Это здорово отличалось от происходившего вокруг.

Я отвернулся от них, облокотился на перила и принялся смотреть на происходившее внизу в попытке подарить брату и его любимой хоть минуту наедине. Жюстина не случайно облачилась в скрывающий почти все ее тело костюм. Дело в том, что прикосновение настоящей, искренней, беззаветной любви — проклятие для вампира Белой Коллегии. Томас рассказывал мне о вампирах, получивших ожоги, дотронувшись до обручальных колец или просто цветка. И опаснее всего для них прикосновение того, кто любит и любим.

Я собственными глазами видел, как Томас заработал ожог второй степени в последний раз, когда целовал Жюстину.

Они не были вместе с той самой ночи, когда она рискнула своей жизнью ради спасения его, добровольно отдавшись ему в момент, когда он умирал от истощения. Томас, в свою очередь, отказался взять все ее жизненные силы без остатка, как того требовала темная сторона его натуры. Даже так он едва не убил ее — именно в ту ночь она поседела. Ей потребовалось несколько лет на то, чтобы восстановить психику, травмированную несколькими годами связи с инкубом, но она сумела сделать это. В описываемое время она работала личной помощницей старшей сестры Томаса Лары, что открывало доступ ко многим сокровенным тайнам Белой Коллегии. А то, что ее защищала настоящая любовь, означало, что вампиры больше не могут кормиться ею — с точки зрения Лары, это делало Жюстину еще более ценной сотрудницей.

Это означало также и то, что Томас тоже не мог касаться ее. Будь он обычным вампиром Белой Коллегии, заинтересованным лишь в утолении своего голода, он смог бы получить от нее все, чего хочет. Увы...

Порой ирония подобна удару ногой по причинному месту.

Некоторое время я смотрел вниз, на танцующих, не особенно присматриваясь к ним, а просто наблюдая за игрой света. Потом, увидев краем глаза, что Томас и Жюстина отстранились друг от друга, повернулся и подошел к ним. Жюстина жестом пригласила нас сесть на развернутые лицом друг к другу диваны.

Томас уселся с краю дивана, и Жюстина сразу же прижалась к нему, тщательно следя за тем, чтобы не коснуться его кожи немногими оставшимися неприкрытыми частями тела. Я сел напротив, опершись локтями о колени.

Я улыбнулся Жюстине. Должно быть, пол и стены в этом месте обшили звукопоглощающим материалом, потому что грохот музыки воспринимался здесь заметно тише.

— Жюстина — вы сегодня просто женщина-мечта резинового человечка из «Мишлена».

Она рассмеялась, и щеки ее чуть порозовели.

— Ну, мы все-таки стараемся поддерживать имидж клуба. Как вы, Гарри?

— Наполовину задохнулся от всего этого дыма, и голова идет кругом, — признался я. — Томас сказал, у вас есть какая-то информация?

Жюстина серьезно кивнула и взяла с дивана картонную папку.

— Прошел слух о розысках Стража-изменника, — сказала она. — Подробности немного, но мне удалось достать вот это.

Она протянула папку мне, и я открыл ее. Внутри обнаружился листок — распечатка страницы из Интернета.

— Что, черт подери, такое этот Крейгслист?

— Это такой сайт, — объяснила Жюстина. — Вроде огромной доски объявлений, и попасть на нее можно из любой точки земного шара. На сайте проворачиваются многие теневые сделки, поскольку здесь легко сохранить анонимность. Эскортные услуги, наемники и все такое.

На листе было напечатано объявление.

НАГРАДА ЗА ГОЛОВУ
ДОНАЛЬДА МОРГАНА
ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ В РАЗМЕРЕ 5 МЛН.
ЛЬГОТЫ ГАРАНТИРУЮТСЯ
lostwardenfound@yahoo.com

— Блин-тарарам, — негромко выругался я и протянул страницу Томасу.

— Плакат из серии «разыскивается», а что?

— Обрати внимание, не «живым или мертвым». Его хотят получить только мертвым.

Это означало, что все сверхъестественные убийцы на этой чертовой планете наверняка бросятся на поиски Моргана. Не столько ради денег, сколько ради обещанных объявлением льгот, куда более ценных, чем означенная в нем сумма. Пять миллионов просто давали представление о размерах обещанных предьявителю льгот.

— Черт, все до единого наемные стволы с родными и близкими, — пробормотал я. — Дело становится все веселее и веселее.

— Но почему ваши люди пошли на такое? — спросила Жюстина.

— Это не они, — мотнул головой я.

Томас нахмурился:

— Почему ты так думаешь?

— Потому что Совет не выносит сор из избы, — ответил я. И это святая правда. У Совета имеется для таких случаев собственный убийца. Или палач. Я поморщился. — И потом, если бы они и объявили награду, то уж наверняка не через Интернет.

Томас кивнул, поглаживая обтянутое латексом плечо Жюстины.

— Тогда кто?

— А и в самом деле — кто? — поинтересовался я. — Есть способ узнать, кто стоит за этим объявлением? Или кому принадлежит этот адрес?

Жюстина покачала головой:

— Очень маловероятно.

— Тогда, может, стоит обратиться по этому адресу самим? — предложил Томас. — Может, нам удастся выманить их из убежища?

Я задумчиво почесал подбородок.

— Если у них есть хоть на грош смекалки, они не покажутся никому из тех, кто не утвердил себя в этом бизнесе. Но попробовать стоит. — Я вздохнул. — Придется его перевезти.

— Зачем? — удивился Томас.

Я постучал по листку пальцем.

— Дело может обернуться неприятностями, а надо мной живут пожилые люди.

Томас нахмурился еще сильнее и кивнул.

— Куда?

Я раскрыл рот, чтобы ответить, но тут ритм ударных внизу внезапно сменился, и до нас донеслись потрясенные крики, с которыми не справилась даже шумопоглощающая отделка. Секунду спустя мои нервы болезненно напряглись, а сердце забилося чуть быстрее, словно вспомнило недавние запросы моего тела.

Сидевшая напротив Жюстина поежилась, глаза ее закрылись, а соски под тонким латексом обозначились рельефнее. Бедра невольно задвигались, все сильнее прижимаясь к Томасу.

Глаза брата на мгновение вспыхнули серебром, потом он прищурился, осторожно высвободился из объятий Жюстины и встал. Плечи его напряглись словно в ожидании удара.

Я последовал его примеру.

— Что это?

— Неприятности, — отозвался он и оглянулся на меня через плечо. — Родня в гости пожаловала.

Глава девятая

Томас пристально всмотрелся вниз, в зал, и кивнул, словно узнав кого-то.

— Гарри, — спокойным, негромким голосом произнес он. — Не вмешивайся в это.

— Во что? — не понял я.

Он повернулся ко мне; на лице его застыла неестественно бесстрастная маска.

— Это наши семейные дела. Тебя это не касается. Коллегия распорядилась обеспечивать безопасность чародеев. Если ты не будешь вмешиваться, я смогу о тебе не беспокоиться.

— Чего? — удивился я. — Томас...

— Просто позволь мне уладить это самому, — настойчиво произнес он.

Я собирался ему ответить, когда в помещение вошел вампир.

Подобные ощущения обычно вспоминаются с трудом — как последние мгновения сна перед самым пробуждением. Ты даже понимаешь, что стоит тебе отворить глаза, и ты все забудешь — но все равно не можешь поверить в то, что навсегда утратишь нечто, столь важное или прекрасное.

Стоило ей войти, и я повернулся посмотреть — как все до единого в зале.

Разумеется, она была в белом. В белом платье нехитрого покроя из переливающейся шелковистой ткани, дюймов на пять выше колен. Роста не меньше шести футов — возможно, за счет полупрозрачных туфель на шпильках. Бледная, безукоризненно гладкая кожа, темные волосы, меняющие оттенок в зависимости от пульсировавшего освещения дискотеки. Даже застывшее на лице капризно-надменное выражение не портило ее безупречной красоты, а тело вполне могло служить моделью для зазывающего плаката.

С грацией скучающего хищника спустилась она в зал, пересекла его и начала подниматься по лестницам. Каждый ее шаг сопровождался такими движениями бедер и плеч, что по сравнению с ними скачки вспотевших танцоров казались жалкой самодеятельностью. Да и чувственности в ней было побольше, чем у обезумевших любовников.

Не доходя нескольких шагов до нижнего пролета лестницы, она задержалась около молодого мужчины в кожаных штанах и обрывках футболки — похоже, ее растерзали на клочки восторженные поклонницы. Без колебаний она прижала его всем телом к перилам, медленно обвила руками и поцеловала.

Поцелуй, не более. Правда, молодому человеку этого никто не объяснил. По его реакции я мог бы предположить, что она овладела им всем без остатка. Несколько мгновений их губы не отрывались друг от друга, а языки с ожесточением сплетались и расплетались. А потом она просто отвернулась и стала подниматься по лестнице — медленно, так, чтобы каждое движение ее мышц под гладкой кожей запечатлелось в глазах завороченных зрителей.

Молодой человек просто осел на пол, слабо трепыхаясь и закрыв глаза. Подозреваю, он даже не заметил, что она от него оторвалась.

Все до единого в зале смотрели теперь на нее, и она это понимала.

Это не сопровождалось ничем из ряда вон выходящим. Я не могу сказать, что все разом, в едином порыве оглянулись. Все обошлось без внезапно наступившей тишины или оцепенения — вещей, которые сами по себе достаточно уже напрягают.

Ее воздействие на нервы было куда страшнее.

Ужас наводил тот факт, что прикованное к ней всеобщее внимание казалось само собой разумеющимся — вроде гравитации или чего-нибудь в этом роде. Все до единого присутствующие, мужчины и женщины в равной степени бросали на нее короткий взгляд, или просто делали короткую, почти незаметную паузу в разговоре. Большинство даже не заметили этого. Они и не догадывались, что их уже околдовали.

Только тут до меня дошло, что я не исключение.

Мне пришлось совершить серьезное усилие только для того, чтобы зажмуриться и напомнить себе, где я. Я ощущал ауру суккуба прикосновением шелковистых паутинок к ресницам, чем-то возбуждающим, покалывающим, скользящим по ногам, а потом — через пах, наверное — сразу в мозг.

Сушая ерунда, всего лишь обещание, едва слышный шепот — но очень правильный шепот. Мне пришлось постараться еще сильнее, чтобы отгородить от него свои мысли, а потом разум вдруг взял свое, и весь этот дурманный мираж застыл, и растрескался, и разлетелся клочьями под леденящим дуновением вполне осязаемого страха.

Когда я открыл глаза, женщина уже шла к нам по последней галерее. У самой лестницы она чуть задержалась, давая нам возможность полюбоваться собой — она прекрасно осознавала эффект, производимый ею на окружающих. Даже взяв себя в руки и приготовившись сопротивляться, я не мог не ощущать ее соблазнительной чувственности, буквально в голос командовавшей расслабиться и хоть немного, но обласкать ее взглядом.

На мгновение взгляд ее васильковых глаз задержался на мне, и губы изогнулись в улыбку, от которой трусы мгновенно начали становиться мне теснее на три размера в секунду.

— Кузен Томас, — промурлыкала она. — Все такой же благородный и изголодавшийся, как я вижу?

— Мэдлин, — сверкнул Томас зубами в ответной улыбке. — Все такая же невоспитанная и распутная, как я вижу?

Глаза и губы Мэдлин Рейт отреагировали на реплику моего брата по-разному. Улыбка сделалась шире и оглушительнее, но глаза недобро сощурились и побелели, даже зрачки утратили свой яркосиний цвет. Взгляд ее переместился с Томаса на Жюстину.

— Ларина ручная смертная, — произнесла Мэдлин. — А я-то думала, куда это ты намылилась. А ты, оказывается, в обществе старого воздыхателя и... — взгляд ее снова скользнул на меня, — врага.

— Не говори ерунды, — ответила Жюстина. Голос ее оставался все таким же тихим, но щеки чуть порозовели, а зрачки расширились. — Я пришла поработать со счетами, я раз в неделю этим занимаюсь.

— Конечно, только на этот раз припудрилась и надушилась, — заметила Мэдлин. — И аромат выбрала самый что ни на есть возбуждающий, что делает тебе честь, душечка. Мне это представляется, — она облизнула кончиком языка верхнюю губу, — весьма любопытным.

— Мэдлин, — произнес Томас подчеркнуто спокойным тоном. — Будь добра, уходи.

— У меня полное право здесь находиться, — мурлыкнула она. В том, как ей удавалось сохранять голос таким потрясающе мягким и чувственным, несмотря на грохот музыки, было что-то неестественное. Она повернулась и сделала шаг или два в мою сторону, целиком сосредоточившись на мне.

Я вдруг ощутил себя сопливым подростком: чуть-чуть испуганным, изрядно возбужденным и настолько переполненным гормонами, требующими от меня всяких невообразимых вещей, что мне с трудом удавалось хотя бы сфокусировать взгляд.

Она остановилась от меня на расстоянии вытянутой руки.

— Не обижайтесь на невоспитанность моего кузена. Печально известный Гарри Дрезден не нуждается в представлении. — Она осмотрела меня с головы до ног и задумчиво потерела прядь волос. — Как это я столько раз бывала в Чикаго, а с вами так и не познакомилась?

— А я вас видел, — возразил я. Голос мой звучал немного хрипло, но меня слушался.

— Правда? — удивилась она, и ее сводящая с ума улыбка сделалась еще шире. — Вы из тех, кто любит подглядывать, Гарри?

— Точно видел, — кивнул я. — Когда смотрел «Кролика Роджера».

Улыбка ее немножко померкла.

— Вы ведь Джессика Рэббит, верно? — спросил я. — Вся такая в обтяжку, и рельефная, и напоказ?

Улыбка исчезла окончательно.

— Потому что я совершенно уверен, что видел вас где-то, и, черт подери, я просто расстроюсь, если окажется, что вы вовсе не злая принцесса из «Бака Роджерса».

— Что? — не поняла она. — Бака? Что еще за бака?

Я улыбнулся ей как мог ослепительнее.

— Эй, поймите меня правильно. Вы неплохо вписываетесь в ансамбль. Но все-таки переигрываете. — Я придвинулся к ней чуть ближе и изобразил заговорщический шепот. — Лара производит на меня больше впечатления, просто неподвижно сидя, чем вы со всем своим выходом.

Мэдлин Рейт разом превратилась в ледяное изваяние разгневанной богини, и температура вокруг нас понизилась на несколько градусов.

Я вдруг сообразил, что Томас стоит рядом со мной; он небрежно откинулся на перила, опершись на них локтями. И находился он чуть ближе к Мэдлин, чем я.

— Мэдлин, — произнес он совершенно тем же тоном, что и несколько секунд назад. — Уходи, пока я не убил тебя голыми руками.

Голова Мэдлин дернулась как от пощечины.

— Что?

— Ты меня слышала, — спокойно продолжал он. — Это, конечно, не так изысканно, как положено при наших семейных распрях, но я устал, и мне абсолютно плевать на то, что думаешь обо мне ты или кто угодно другой из семьи, да и уважаю я тебя слишком мало, чтобы с тобой церемониться, будь даже я в духе.

— Да как ты смеешь? — прошипела Мэдлин. — Как ты *смеешь* мне угрожать? Лара с тебя за это живьем шкуру сдерет!

— Правда? — Томас смерил ее ледяной улыбкой. — После всех твоих чар, что ты пыталась навести на чародея, он имеет полное право испепелить тебя — только шпильки останутся.

— Я не...

— И это несмотря на все приказы Короля. — Томас покачал головой. — Ларе осточертело убирать за тобой, Мэд. Как знать, может, она даже подарит мне новый набор разделочных ножей, если я смогу чуть упростить ей жизнь.

Мэдлин рассмеялась. Звук этот напомнил мне звон бьющегося стекла.

— Уж не думаешь ли ты, что тебя она любит намного больше, братец? Ты отказываешься участвовать в собраниях Коллегии, ты проводишь все время с дичью, ублажая ее, позоря при этом семью. Или ты меня обрадуешь — скажешь, что готовишь этих тварей к какому-то подобию аукциона?

— Тебе все равно не понять, зачем я это делаю, — сказал Томас.

— Да не очень-то и хотелось, — парировала она. — Ты такой же дегенерат, как эти идиоты Скави и Мальворы.

Уголок рта у Томаса чуть дернулся, но и только.

— Уходи, Мэдлин. Последнее предупреждение.

— Два члена старейших ветвей рода Рейтов убивают друг друга? — ухмыльнулась Мэдлин. — Белый Король не потерпит такого, и тебе это прекрасно известно. — Она отвернулась от Томаса и шагнула к Жюстине. — Ты блефуешь, — бросила она через плечо. — И потом, мы ведь не выслушали нашу маленькую розочку.

Голос ее понизился до гортанного кошачьего урчания, и Жюстина задрожала, явно не в состоянии сдвинуться с места.

— Жюстина, лапочка. — Мэдлин положила руку ей на плечо, потом осторожно провела кончиком пальца по обтянутой латексом груди. — Я такие вещи люблю не так сильно, как многое другое, милая моя, но даже мне мысль овладеть тобой представляется восхитительной.

— Вы не с-смеете меня трогать, — пролепетала Жюстина. Дыхание ее участилось.

— Пока нет, — согласилась Мэдлин. — Впрочем, в твоей хорошенькой головке слишком мало осталось, чтобы ты могла долго удерживать себя в руках. — Мэдлин шагнула еще ближе, и рука ее обвилась вокруг талии Жюстины. — Как знать, может, как-нибудь ночью я приду к тебе с хорошеньким бычком и буду нашептывать тебе всякие вещи до тех пор, пока ты сама не захочешь, чтобы тебя взяли. А после того как он воспользуется тобой, моя маленькая телочка, я проглочу тебя в один присест. — Она облизнулась. — Возьму тебя всю без остатка, а ты будешь визжать о том, как это тебе нравится, а по...

Томас разбил о ее голову стул.

Зрелище вышло весьма впечатляющим — особенно с учетом того, что стулья в ложе металлические.

Все произошло мгновенно, я и моргнуть не успел. Только что он стоял рядом со мной, kloчoca от злости, а мгновение спустя заклепки со звоном рикошетили от стен, и Мэдлин валялась на полу.

Воздух сделался совсем уже холодным. Томас отшвырнул искореженный стул в сторону. Мэдлин мячиком отскочила от пола и тут же замахнулась кулаком, целясь Томасу в челюсть. Он пригнулся в боксерской стойке, приняв удар на плечо. Удар вышел не детский, даже не женский: Томас негромко охнул от боли, но тут же перехватил ее за локоть и, используя инерцию ее удара, крутанул так, что она плашмя, всем телом впечаталась в стену, оставив в гипсокартоне вмятину 60-90-60. Сантиметров, не дюймов.

Мэдлин вскрикнула и обмякла. Томас не отпустил ее — описав ее телом еще одну дугу, он с размаху опустил ее на журнальный столик между диванами. Она охнула еще раз и осталась лежать, уставившись куда-то в потолок. Мой брат повернулся и выдернул у Жюстины из волос палочки, которыми те были заколоты. Серебристо-белые волосы разметались по ее спине.

Без видимого усилия он проткнул палочками запястья Мэдлин, пригвоздив ее к столу.

— Ты, конечно, права, — прорычал он. — Лара не потерпит, чтобы один член семьи убивал другого. Это плохо скажется на имидже Короля. — Он сжал лицо Мэдлин пальцами и притянул к себе так, что пригвожденные к столу руки изогнулись под болезненно-неестественным углом. — Я блефовал.

Он оттолкнул ее обратно на стол.

— Верно, — продолжал он. — Ты член семьи. А родственники не убивают друг друга. — Он оглянулся на Жюстину. — Они делятся самым дорогим.

Они с Жюстиной встретились взглядами, и на лице ее заиграла легкая, жестокая улыбка.

— Ты хотела отведать ее, — произнес Томас, сплетая пальцами с обтянутыми перчаткой пальцами Жюстины. — Что ж, Мэдлин, угощайся на здоровье.

Жюстина наклонилась и поцеловала Мэдлин Рейт в лоб. Серебряные волосы закрыли завесой их лица.

Вампир завизжала.

Визг ее потонул в грохоте музыки.

Спустя несколько секунд Жюстина подняла голову и медленно провела волосами по всему телу Мэдлин. Вампир бешено извивалась и визжала, но Томас удерживал ее за руки. Там, где волосы Жюстины касались обнаженной плоти, кожа шипела и темнела — где докрасна, и на ней вспухали волдыри, где дочерна. Только превратив одну ногу Мэдлин в сплошной ожог, Жюстина оторвалась от нее, и они с Томасом поднялись.

Лицо Мэдлин Рейт тоже потемнело от ожогов, а на лбу чернел печатью след губ Жюстины. Она лежала на спине, по телу пробегала волнами слабая дрожь. Кричать она больше не могла: задохнулась от боли.

Рука в руку Томас с Жюстиной начали спускаться по лестнице. Я пошел за ними.

Когда они проходили под решеткой приточной вентиляции, поток воздуха сдул прядь волос Жюстины, и они скользнули по руке и груди Томаса. На светлой коже мгновенно вспухли тонкие алые полосы. Томас даже не поморщился.

Я догнал их и протянул Жюстине пару карандашей, которые выудил из кармана плаща. Она кивком поблагодарила меня и поспешно заколола волосы. Пока она приводила в порядок прическу, я оглянулся.

Мэдлин Рейт лежала неподвижно, задыхаясь — но белые глаза ее горели ненавистью.

Томас выдернул заткнутую за пояс майку, надел ее, а потом снова обнял Жюстину и крепко прижал ее к груди.

— Ты в порядке? — спросил он.

Жюстина кивнула, не открывая глаз.

— Позвоню домой. Лара придет за ней кого-нибудь.

— Ты ее оставляешь здесь так. Она ничего не натворит? — поинтересовался я.

Он пожал плечами.

— Не мог же я убить ее. Однако и браконьерство в нашей семье не поощряется. Подумать, так показать это Мэдлин — моя святая обязанность. Она это заслужила.

Жюстина прижалась к нему чуть сильнее, и он ответил ей тем же.

Мы двинулись по лестнице дальше. Признаюсь: мне не терпелось уйти из «Зеро».

— И все же, — задумчиво произнес я, — мне как-то неловко оставлять ее вот так. Мне кажется, кто-

то из нас перестарался. Мне ее даже жаль немного.

Томас оглянулся на меня, выгнув бровь.

— Жаль?

— Угу. — Я задумчиво прикусил губу. — Может, мне не стоило говорить ей про Джессику.

Глава десятая

Жаркая летняя ночь показалась нам на десять градусов холоднее и в миллион раз чище по сравнению с воздухом в «Зеро». Томас свернул направо, нашел пяточок тени у погасшего фонаря и привалился плечом к стене. Так он постоял, низко склонив голову, минуту или две.

Я ждал. Мне не было нужды спрашивать у Томаса, что не так. Все, что он обрушил на Мэдлин, стоило ему энергии — той, которую другие вампиры пополняют, кормясь своими жертвами. Так, как это проделала несколько минут назад Мэдлин с тем бедолагой в клубе. Томас вовсе не расстраивался из-за того, что произошло в «Зеро». Он просто проголодался.

Борьба Томаса со своим Голодом носит затяжной и весьма непростой характер. Одержать в ней окончательную победу скорее всего невозможно. Однако он не прекращает попыток. Остальные члены семьи Рейтов считают его сумасшедшим.

Но я его понимаю.

Придя в себя, он вернулся ко мне; черты лица его сделались холодны и незыблемы как антарктические горы.

Вдвоем мы направились к стоянке, где он оставил машину.

— Спросить можно? — поинтересовался я.

Он кивнул.

— Белые вампиры получают ожоги, только когда пытаются кормиться тем, кого коснулась истинная любовь, так?

— Все не так просто, — негромко произнес Томас. — Скорее это зависит от того, как сильно руководит твоими действиями Голод при этом прикосновении.

Я хмыкнул.

— Но ведь при кормежке Голод берет власть.

Томас медленно кивнул.

— Тогда зачем Мэдлин пыталась кормиться Жюстиной? Не могла же она не понимать, что это причинит ей боль?

— По той же причине, по которой это делаю я, — ответил Томас. — Она ничего не может с собой поделать. Это рефлекс.

— Не понимаю, — нахмурился я.

Он молчал так долго, что я решил было, что он не ответит. Но он все-таки заговорил.

— Мы с Жюстиной вместе уже много лет. И она... она много для меня значит. Когда я рядом с ней, я ни о чем другом не могу думать. Только о ней. А когда я до нее дотрагиваюсь, все мое существо требует, чтобы я от нее не отрывался.

— И твой Голод — не исключение, — пробормотал я.

Он кивнул.

— В этом мы сходимся, я и мой демон. Поэтому я не могу коснуться Жюстины без того, чтобы... чтобы не выпустить его поближе к поверхности — ты, наверное, так бы это назвал.

— И он обжигается, — кивнул я.

— Мэдлин — противоположный конец спектра. Она полагает, что может кормиться на ком захочет и когда захочет. Людей она не замечает. Она видит только пищу. Голод управляет ею всецело. — Он недобро улыбнулся. — В общем, для нее это рефлекс, как и для меня.

— У тебя все по-другому. Для нее так со всеми. Не только с Жюстиной.

Он пожал плечами.

— Мне плевать на всех. Я переживаю за Жюстину.

— Ты — не такой, как все. А для нее, выходит, все одинаковы, — предположил я. — Не только Жюстина.

Он снова пожал плечами.

— Мне плевать на всех остальных. Меня волнует только Жюстина.

— Ты не такой, как все, — повторил я.

Томас повернулся ко мне; лицо его застыло словно лед.

— Заткнись, Гарри.

— Но...

Он понизил голос до хрипловатого рычания.

— Заткнись. Ну?

Все это немного пугало.

Некоторое время он продолжал пристально смотреть на меня, потом тряхнул головой и медленно выдохнул.

— Сейчас подгоню машину. Подожди здесь.

— Угу, — кивнул я.

Он удалился от меня бесшумной походкой, сунув руки в карманы и низко опустив голову. Все до единой женщины, мимо которых он проходил, да и некоторые мужчины оглядывались на него. Он не обращал на них никакого внимания.

На меня, впрочем, тоже оглядывались, но только потому, что я стоял на тротуаре перед полудюжиной самых престижных ночных заведений Чикаго в разгар жаркой летней ночи, облаченный в длинный кожаный плащ, с покрытым резными рунами посохом в руках. Взгляды, бросаемые на Томаса, говорили «ого!». Взгляды, бросаемые на меня, говорили «ну и ну...».

Что-то мне плохо верится, чтобы в отношении меня это изменилось.

Пока я ждал, мои инстинкты снова забили тревогу. Кто-то снова следил за мной — я ощущал это загривком. Мои инстинкты редко меня подводят, поэтому я не стал отмахиваться от них, а изготовил свой браслет-оберег и медленно, как бы невзначай огляделся по сторонам. Я не заметил никого, но когда мой взгляд скользил по переулку на противоположной стороне улицы, там что-то мелькнуло, какое-то мерцание. На мгновение я сосредоточил взгляд на этом месте и разобрал неясную человеческую фигуру.

А потом мерцание разом сменилось очертаниями Анастасии Лючко. Она подняла руку и махнула, подзывая к себе.

Ох.

Я короткими перебежками, в интервалы между проезжающими машинами, пересек улицу, и мы отступили на несколько шагов в темный переулок.

— Привет, Стейси, — сказал я.

Она повернулась ко мне, и в одной руке ее как по волшебству возникла шпага, а в другой — пистолет. Острие шпаги застыло в угрожающей близости от моего лица, и мне пришлось отдернуть голову. В результате я оступился и привалился спиной к стене.

Анастасия выгнула бровь; губы ее, обычно мягкие и чувственные, сжались в жесткую линию.

— Надеюсь, ты все-таки настоящий Гарри Дрезден, а имя мое сократил только для того, чтобы проверить, настоящая ли я Анастасия, — она сделала особое ударение на имени, — Лючко.

— Ну... да, Анастасия, — произнес я, стараясь не шевелиться. — Впрочем, я понял, что это действительно ты, по одной твоей реакции.

Она отодвинула острие шпаги от моего горла и опустила пистолет. Напряжение, сковывавшее ее, заметно ослабло; она сделала глубокий вдох и убрала оружие.

— Ну разумеется, я. А кто еще?

Я тряхнул головой.

— Ночь у меня выдалась нелегкая. Со Шкурой-Перевертышем и прочими.

Она выгнула бровь. Анастасия Лючко командует Корпусом Стражей, этакой полицией или вооруженными силами Белого Совета. И опыта боевого у нее лет двести, если не больше.

— Приходилось встречаться, — кивнула она и взяла меня за руку. — Ты как, в порядке?

Мы крепко обнялись. Я и не подозревал, сколько адреналина выплеснулось мне в кровь, пока не сделал глубокий вдох-выдох и не расслабился чуть-чуть. В моих руках Лючко казалась хрупкой, и теплой, и сильной одновременно.

— Пока жив, — ответил я. — Я так понимаю, ты выследила меня с помощью заклятия — в том, что я это я, у тебя, похоже, никаких сомнений.

Она запрокинула лицо и поцеловала меня в губы.

— Честно говоря, Гарри, — улыбнулась она, — кому придет в голову притворяться *тобой*?

— Полагаю, тому, кому нравится целоваться в темных переулках с соблазнительными женщинами солидного возраста.

Улыбка ее на мгновение сделалась шире, потом померкла.

— Я уже боялась, мне придется вламываться в дверь и искать тебя внутри. Что ты потерял в этом гадючнике Белой Коллегии?

Я, кажется, не сделал ничего такого, но вышло как-то так, что мы чуть отстранились друг от друга.

— Искал кое-какую информацию, — ответил я вполголоса. — Что-то происходит. И меня старательно оставляют в неведении.

Анастасия сжала губы и отвернулась. Лицо ее сразу сделалось замкнутым, чуть-чуть сердитым.

— Да. Таков приказ.

— Приказ, — повторил я. — От Мерлина, полагаю.

— На самом деле, от Эбинизера Маккоя.

Я чуть не охнул от неожиданности. Маккой был моим наставником. Я его уважал.

— Ясно, — кивнул я. — Он испугался, что, если я услышу о бегстве Моргана, я подключусь к травле в надежде хоть малость поквитаться.

Она покосилась на меня, на вход в «Зеро». Потом пожала плечами. В глаза она мне так и не смотрела.

— Видит Бог, у тебя есть повод желать этого.

— То есть ты с ним согласна, — предположил я.

Она наконец подняла взгляд.

— Если так, зачем я здесь?

Я нахмурился и почесал затылок.

— Ладно, убедила.

— И потом, — добавила она, — я за тебя боялась.

— Боялась?

Она кивнула.

— Морган сделал что-то такое, что скрыло его даже от старейшин — с их-то способностями. Я боялась, он может явиться сюда.

Ну, лицо мое, не выдай...

— Но это же безумие, — пробормотал я. — С какой стати ему поступать так?

Она чуть расправила плечи и посмотрела на меня в упор.

— Возможно, потому, что он невиновен.

— И что?

— Ряд членов Совета требовал у старейшин разрешения арестовать и допросить тебя по подозрению в передаче информации Красной Коллегии. Она снова отвела взгляд. — Морган был из них чуть ли не самым активным.

Я сделал глубокий вдох.

— Ты хочешь сказать, Морган понимает, что предатель не он. И полагает, что это я.

— И он мог искать тебя в надежде доказать свою невиновность, а в случае неудачи...

— ...убить меня, — тихо договорил я. — И если ему суждено пасть, ты считаешь, он может попытаться убрать настоящего предателя прежде, чем палач доберется до него.

Тут до меня вдруг дошло, что Морган мог явиться ко мне вовсе не с теми целями, о которых мне говорил. Анастасия знала Моргана со времен его ученичества — на протяжении нескольких поколений.

Что, если ее оценка его действий правильнее, чем моя?

Ну конечно, сам Морган вряд ли мог сейчас разделаться со мной лично. Впрочем, этого и не требовалось. Ему вполне достаточно было бы позвонить Стражам и дать им понять, где он находится. Многие в Совете относятся ко мне без особой симпатии. Меня прикончат вместе с Морганом — за укрывательство, доноительство и оказание помощи изменнику.

Я вдруг ощутил себя наивным. И беззащитным, и, возможно, малость туповатым.

— Его ведь арестовали уже, — заметил я. — Как он ухитрился сбежать?

Лючко едва заметно улыбнулась.

— Мы не знаем. Придумал что-то такое, до чего мы не додумались. И, уходя, отправил троих Стражей в больницу.

— Но ты сомневаешься в его виновности.

— Я... — Она помолчала, нахмурившись. — Я не хочу, чтобы страх заставил меня обратиться против того, кого знаю и кому доверяла. Но мое мнение ничего не значит. Улик против него достаточно, чтобы его казнить.

— Каких улик? — поинтересовался я.

— Мало того, что его застали стоящим над трупом Ла Фортъе с окровавленным ножом в руках?

— С этим ясно, — буркнул я. — А что еще?

Она провела рукой по волосам.

— К информации, ставшей достоянием Красной Коллегии, имело доступ крайне ограниченное число подозреваемых, в том числе и он. У нас есть записи его телефонных переговоров с известным нам агентом Красных. Кроме того, нам удалось проследить его оффшорный банковский счет, на который только что перевели несколько миллионов долларов.

Я недоверчиво хмыкнул.

— Ну да, это на него похоже. Морган-наемник, грезящий исключительно о баксах.

— Знаю, — кивнула она. — Потому и упомянула о том, как страх затуманивает здравые суждения. Нам всем ясно, что Красная Коллегия готовит новый удар. Понятно, что, если мы не изобличим предателя, этот удар может оказаться смертельным. Мерлин в отчаянии.

— Добро пожаловать в клуб, — буркнул я и со вздохом потер слипающиеся глаза.

Она снова коснулась моей руки.

— Я считаю, ты имеешь право знать, — сказала она. — Прости, что не смогла выбраться раньше.

Я взял ее руку в свою и легонько сжал.

— Угу, — кивнул я. — Спасибо.

— Ты ужасно выглядишь.

— Добрая девочка.

Она коснулась рукой моего лица.

— У меня еще несколько часов, прежде чем придется возвращаться к обязанностям. Мне кажется, бутылка хорошего вина и массаж тебе не помешали бы.

Я едва не застонал при мысли о руках Анастасии, массирующих мою несчастную спину. Если она и не знала каких-то приемов, доставляющих беспощадное наслаждение истерзанному телу, так только потому, что их, должно быть, еще не изобрели. Однако же я никак, черт подери, не мог вести ее к себе домой. Если она наткнулась бы там на Моргана, и если бы он и впрямь намеревался подставить меня, ее голова могла слететь с плеч с той же легкостью, что и наши с Морганом.

— Не могу, — сказал я. — Мне в больницу надо.

Она нахмурилась:

— Что случилось?

— Вчера вечером, когда я ехал к Билли Бордену, меня выследил Шкура-Перевертыш. Кирби погиб. Энди в реанимации.

Она со свистом втянула в себя воздух и поморщилась.

— *Dio*, ¹ Гарри. Мне ужасно жаль.

Я пожал плечами. Взгляд у меня затуманился, и до меня дошло, что я не просто изобретал повод не пускать ее к себе домой. Нас с Кирби не связывало никаких кровных уз — и все-таки он был мне другом, частью моей жизни. *Был* — в прошедшем времени.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросила она.

Я покачал головой, потом спохватился.

— Вообще-то можешь.

— Ну?

— Попробуй нарыть как можно больше информации о Перевертышах. Потому что этого гада я намерен убить.

— Хорошо, — кивнула она.

— Да, кстати, — спохватился я. — Я-то тебе могу чем-нибудь помочь?

— Мне? — Она покачала головой. — Ну... Моргану могла бы понадобиться помощь.

— Угу, — хмыкнул я. — Можно подумать, я буду помогать Моргану.

Она подняла руки.

— Знаю, знаю. Но я почти ничего не в состоянии сделать сама. Всем известно, что он мой бывший ученик. За мной присматривают. Попытайся я помочь ему открыто, и меня отстранят от командования Корпусом — это в лучшем случае.

— Разве тебе не нравится, когда правосудие действует без оглядки на личные симпатии и антипатии?

— Гарри, — вздохнула она. — Что, если он невиновен?

Я пожал плечами.

— Как я все эти годы? Я слишком наслаждаюсь своей нынешней кармой, чтобы протягивать руку этому ублюдку. — На улице показался и притормозил у тротуара «ягуар» Томаса.

— За мной приехали, — сказал я.

¹ О Господи (*исп.*).

Анастасия выразительно повела бровью.
— Вампир?
— Он мне многим обязан.
— Гмммм, — протянула Анастасия. Взгляд ее, направленный на Томаса, не выражал особого восхищения. Скорее напоминал тот, каким отслеживают движущуюся мишень. — Ты уверен?
Я кивнул:
— Белый Король приказал ему вести себя хорошо. Он выполнит приказ.
— До поры, до времени, — возразила она.
— Пешеходам не приходится быть слишком разборчивыми.
— Что, Жучок снова сдох?
— Угу.
— Почему ты не заведешь себе другую машину? — поинтересовалась она.
— Потому что Голубой Жучок — *моя* машина.
Анастасия устало улыбнулась:
— Просто поражаюсь, как у тебя даже такое обаятельно выходит.
— Это все мой хороший характер, — ухмыльнулся я. — Понадобилось бы, я и ногой жилистой смог бы очаровать.
Она закатила глаза, но улыбаться не перестала.
— Я сейчас возвращаюсь в Эдинбург — координировать действия поисковых групп. Все, что в моих силах...
Я кивнул.
— Спасибо.
Она коснулась моих щек ладонями.
— Мне очень жаль, что так вышло с твоими друзьями. Когда все это кончится, мы найдем какое-нибудь тихое местечко и отдохнем.
Я чуть повернул голову, поцеловал ее запястье и осторожно сжал ее пальцы.
— Послушай, я не могу тебе ничего обещать. Но если вдруг обнаружу что-нибудь, что могло бы помочь Моргану, сразу же дам тебе знать.
— Спасибо, — тихо произнесла она.
Потом приподнялась на цыпочки поцеловать меня на прощание, повернулась и скрылась в темном переулке.
Я подождал, пока стихнут ее шаги, и лишь после этого пошел к ожидавшему меня «ягуару».
— Черт, а складная девица, — заметил Томас. — Куда едем?
— Кончай глазеть, — сказал я. — Ко мне домой.
Самое время выяснить, готовит Морган мне подлянку или нет.

Глава одиннадцатая

Томас остановил «ягуар» напротив моего дома.
— Я при мобильнике, — сообщил он. — Постарайся позвонить мне прежде, чем все начнет взрываться.
— Может, на этот раз обойдется. Может, я проверну все с помощью логики, дипломатии, диалога и взаимовыгодного сотрудничества.
Томас смерил меня выразительным взглядом.
Я постарался прикинуться оскорбленным до глубины души.
— Но ведь такое возможно!
Он полез в карман джинсов, достал белую визитку с одним-единственным телефонным номером и протянул мне.
— Звони по этому номеру. Это клон.
Я непонимающе уставился на него.
— Сверхсекретный телефон, — объяснил он. — Про него не известно никому, а если кому-нибудь удастся проследить твой звонок, он попадет со-овсем в другое место.
— А, — сообразил я. — Ясно.
— Уверен, что не хочешь просто забрать Моргана сейчас, чтобы переправить в другое место?
Я покачал головой.
— По крайней мере не прежде, чем введу его в курс. Стоит ему увидеть меня в сопровождении

вампира — и он выкинет что-нибудь. Например, попытается убить нас обоих. — Я выбрался из «ягуара», покосился на дом и снова покачал головой. — Проживи ты столько, сколько Морган с его родом занятий, оставшись при этом в живых, и параноя станет у тебя просто условным рефлексом.

Томас поморщился.

— Угу. Дай мне час на то, чтобы найти все необходимое. И позвони, когда подготовишь его к перевозке.

Я покосился на номер, запечатлел его в памяти и сунул визитку в карман.

— Спасибо. Я верну тебе деньги за оборудование.

Он закатил глаза.

— Заткнись, Гарри.

Я выдохнул и благодарно кивнул. Мы легонько стукнулись костяшками пальцев, он вырулил обратно на улицу и растворился в чикагской ночи.

Я медленно огляделся по сторонам. Все было тихо, только несколько окон светилось еще в знакомых домах. Я живу в этом районе уже много лет. Вам, наверное, кажется, что обнаружить какое-либо отклонение от нормы для меня раз плюнуть. Черта с два — можете считать меня психом, но в этой игре участвует уже столько игроков, что одному Богу известно, на какие ухищрения они могут пойти.

Я не заметил никого, кто собирался бы меня убить, чтобы прорваться к Моргану. Впрочем, из этого не следовало, что таковых не имелось.

— Ну, если это не рефлекторная параноя, — пробормотал я сам себе, — то и не знаю, как это назвать.

Я поежился, спустился ко входу в мою квартиру и, деактивируя защищавшие ее обереги, очередной раз напомнил себе о том, что давно пора уже сделать что-нибудь с исковерканной стальной дверью. Меньше всего мне хотелось, чтобы старая миссис Спанкелкриф, моя полуглухая домовладелица, начала спрашивать меня, почему у моей двери такой вид, будто ее расстреливали прямой наводкой. То есть я, конечно, могу сказать ей, что так на самом деле и было, но это не лучший вариант ответа домовладелице, если вы хотите жить в квартире и дальше.

Я отворил изуродованную пулями дверь, вошел, повернулся к спальне и застыл, потрясенный открывшимся мне зрелищем.

Морган сполз с кровати и сидел на полу, привалившись к ней спиной и вытянув перед собой раненую ногу. Выглядел он все еще кошмарно, но глаза его недобро сощурились, и весь вид его выражал крайнюю степень подозрительности.

Прямо в дверном проеме распласталась на полу моя ученица Молли Карпентер.

Молли — высокая юная красotka впечатляющих форм, с волосами до плеч, в описываемый момент окрашенными в насыщенный синий цвет. Одежду ее составляли обрезанные чуть ниже колен синие джинсы и белая футболка; взгляд ее голубых глаз прямо-таки излучал раздражение.

Распластанной на полу она пребывала по той причине, что ее удерживал в этом положении Мыш. Точнее говоря, он просто навалился на нее — не всей массой (так он, возможно, расплющил бы ее в хлам), но и этого хватало, чтобы она не могла пошевелиться.

— Гарри! — произнесла Молли. Она собиралась сказать что-то еще, но Мыш чуть шевельнулся, и рот ее открылся беззвучно, как у выдернутой из воды рыбы.

— Дрезден! — прорычал Морган и пошевелился, словно собираясь встать.

Мыш повернул голову в его сторону, пристально на него посмотрел, и чуть приподнял губу, демонстрируя клыки.

Морган опустился на место.

— Ух ты, — выдохнул я и захлопнул за собой дверь, от чего в комнате сразу стало темнее. Я задвинул засов, активировал обереги, потом махнул рукой и пробормотал: «*Flickum bicus*». Сопровождавшего это небольшого усилия воли хватило, чтобы дюжина свечей в комнате засияла ровным светом.

Мыш повернул морду ко мне и смерил меня, как мне показалось, укоризненным взглядом. Потом слез с Молли, пробрел в нишу, которая служит мне кухней, и, демонстративно зевнув, плюхнулся спать. Свою точку зрения он изложил предельно ясно: «Теперь это твоя проблема, ты и разбирайся».

— А, — произнес я, переводя взгляд с Мыша на ученицу. — Э-э. Так что здесь все-таки произошло?

— Пока я спал, ко мне пыталась проникнуть эта чернокнижница, — заявил Морган.

Молли поспешно поднялась и, сжав кулаки, покосилась на Моргана.

— Ох, да вздор все это!

— Тогда объясни, что ты здесь делаешь в ночной час, — потребовал Морган. — И что скажешь ты в

свое оправдание?

— Я готовила эликсир для концентрации внимания, — процедила она сквозь зубы — так, словно проделывала это уже в сотый раз. — Жасмин надо добавлять ночью. Да скажите же ему, Гарри.

Блин. За всеми хлопотами и переживаниями я и забыл, что Кузнечик должна была отработать ночную смену у меня в лаборатории.

— Гм, — сказал я. — Я-то хотел узнать, как так вышло, что Мыш сидел на вас обоих, а?

— Чернокнижница собирала энергию, чтобы напасть на меня, — ледяным тоном ответил Морган. — Пес ей помешал.

Молли закатила глаза, потом испепелила его взглядом.

— Ой, может, хватит? Нельзя же быть такой задницей.

Воздух в комнате, казалось, наэлектризовался немного, и вся эта энергия словно сгустилась вокруг девушки.

— Молли, — мягко произнес я.

Она, насупившись, оглянулась на меня.

— Чего?

Я кашлянул и сделал ей знак рукой.

Секунду-другую она моргала, потом до нее, похоже, дошло. Она зажмурилась, сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Ощущение повисшей в воздухе энергии исчезло. Молли чуть пригнула голову и покраснела.

— Извините. Но все было не так.

Морган фыркнул. Я не обратил на него внимания.

— Валяй, — сказал я Молли. — Рассказывай.

— Он просто... Я просто разозлилась, — пробормотала Молли. — Он меня огорчил. Я ничего не могла с собой поделать. А тогда он, — она махнула рукой в направлении Мыша, — он меня взял и расплющил. И не пускал меня, и Моргану тоже не давал пошевелиться.

— Похоже, — заметил я, — пес оказался умнее тебя. — Я покосился на Моргана. — Умнее вас обоих. Вам же положен покой. Вы что, угробить себя хотите?

— Я просто отреагировал так на ее появление, — спокойно ответил Морган. — И я это пережил.

Я покачал головой.

— А ты? — повернулся я обратно к Молли. — Сколько месяцев мы бились над контролем за своими эмоциями?

— Ну да, да, — вздохнула она. — Нельзя заниматься магией, разозлившись. Я понимаю, Гарри.

— Уж надеюсь, — негромко заметил я. — Если разозлить тебя так легко, что это удалось даже старому израненному Стражу, первый же реальный противник, которому понадобится вывести тебя из игры, уложит тебя в гроб, скажет, что это была самозащита и выйдет сухим из воды.

Морган оскалил зубы в отдаленном подобии улыбки.

— Так вы обо всем этом знали, а, Дрезден?

— Ах, сукин сын! — взорвалась Молли, хватая со стола тяжелый подсвечник и замахиваясь. Свеча вылетела из гнезда и упала на пол.

Морган даже не пошевелился, и угрюмая ухмылка на его лице не дрогнула.

Я метнулся вперед и перехватил Молли за запястье прежде, чем она успела обрушить подсвечник на голову Моргану. Для женщины своих лет Молли отличается отменной физической подготовкой, так что мне пришлось приложить немалое усилие, чтобы одной рукой удержать ее запястье, а второй схватить за талию и оттащить от Моргана.

— Нет! — рявкнул я. — Чтоб тебя, Молли, нет! — Мне пришлось буквально оторвать ее от пола. — Брось подсвечник, ну! — скомандовал я, крепче стиснув ее запястье.

Она вскрикнула — не знаю, от злости или боли, — и тяжелый бронзовый подсвечник, выскользнув из ее пальцев, с глухим стуком ударился о ковер. Воздух вокруг Молли буквально напитался энергией, коловшей меня словно тысяча крошечных электрических разрядов.

— Он не имеет права разговаривать с вами так! — выкрикнула Молли.

— *Пошевели мозгами*, — посоветовал я ей жестко, но все-таки сдержанно. — Вспомни упражнения. Это всего лишь слова, Молли. Думай о том, что стоит за ними. Он же нарочно подстроил такую твою реакцию. Ты *сама* позволяешь ему провоцировать тебя на всякие огорчительные штуки.

Молли открыла рот для решительной реплики, с видимым усилием закрыла и отвернулась. С полминуты она молчала, заставляя себя успокоиться.

— Извините, — пробормотала она наконец.

— Не извиняйся, — как мог мягко ответил я. — Лучше держи себя в руках. Ты не имеешь права позволять кому-либо выводить тебя из равновесия. Вообще никому.

Она сделала еще один глубокий вдох, потом выдох, и я ощутил, как напряжение отпускает ее.

— Хорошо, — произнесла она. — Хорошо, Гарри.

Я отпустил ее, и она принялась растирать запястье правой руки. Боюсь, я стиснул ее до синяков.

— Сделай одолжение, — попросил я. — Возьми Мыша и проверь почтовый ящик.

— Я в норме. Мне не нуж... — Она осеклась, тряхнула головой и посмотрела на Мыша.

Пес поднялся, подошел к стоявшей у двери корзине и зубами потянул из нее свой кожаный поводок. Вопрошительно, склонив голову набок, посмотрел на Молли и вильнул хвостом.

Молли виновато усмехнулась, опустила на колени и обняла пса за бычью шею. Потом застегнула поводок, и они вышли.

Я наконец получил возможность посмотреть, что случилось со свечой. Она, конечно, заляпала настоящий индейский ковер воском, но без пожара обошлось. Я наклонился, подобрал свечу и по возможности отчистил ковер.

— Но зачем? — спросил я довольно жестко.

— Единственный способ по-настоящему узнать человека, — отозвался Морган, — это посмотреть на его учеников.

— Вы не смотрели, — возразил я. — Вы подначивали ее, пока она не сорвалась.

— Она — самопровозглашенная чернокнижница, Дрезден, — сказал он. — Виновная в одном из самых жутких и саморазрушительных преступлений, какие только может совершить чародей. Разве это не повод для проверки?

— То, что вы сделали, — жестоко, — буркнул я.

— Разве? — искренне удивился он. — Рано или поздно ей предстоит общаться с другими, которые не будут с ней миндальничать. Вы подготовили ее к общению с этими людьми?

Я испепелил его взглядом.

Он даже не моргнул.

— Вы оказываете ей плохую услугу своими поблажками, Дрезден, — произнес он чуть тише. — Вы не готовите ее к экзаменам. А она ведь не плохую оценку получит, если провалится.

С минуту я молчал.

— Вы сами в ученичестве щиты учились выстраивать? — спросил я наконец.

— Разумеется. На одном из первых же занятий.

— Как вас учила ваша наставница?

— Кидала в меня камни.

Я хмыкнул, не глядя на него.

— Боль исключительно мобилизует, — заметил он. — И к тому же учит одновременно владеть эмоциями. — Он склонил голову набок. — А почему вы спрашиваете?

— Просто так, — ответил я. — Вы хоть понимаете, что она могла вам голову раскроить?

Он ответил на это все той же выводящей из себя улыбкой.

— Вы бы ей не позволили.

Вернулась Молли с охапкой конвертов и открыток — включая очередной дурацкий рекламный флаер «Электронного Города», которые эти идиоты продолжают присылать на мой адрес. Она закрыла дверь, активировала обереги и сняла с Мыша ошейник. Пес прошел на кухню и завалился спать дальше.

Молли положила почту на журнальный столик, бросила на Моргана задумчивый взгляд.

— И... что он здесь делает, босс?

Пару секунд я смотрел на Молли, потом перевел взгляд на Моргана.

— Как вы считаете? — спросил я.

Он повел плечом.

— Ей уже известно достаточно, чтобы она считалась соучастницей. И потом, Дрезден, если вас казнят вместе со мной, вступить за нее будет некому. Отсрочку приговора ликвидируют сразу же.

Я стиснул зубы. Несколько лет назад Молли оступилась пару раз, нарушив при этом один из Законов Магии. Белый Совет смотрит на такие вещи очень и очень строго — как правило, первой его реакцией является обезглавливание, а потом меры могут стать и еще жестче. Я поручился своей жизнью за то, что Молли не безнадежно испорчена, и что я смогу перевоспитать ее. Я понимал, чем рискую. Стоило бы Молли оступиться, и ответственность легла бы на меня, а приговором стала бы смерть — с приведением в исполнение через двадцать секунд после вынесения.

Я как-то не думал, что это может обернуться и с точностью до наоборот.

Допустим на минуту, что Морган задумал сдаться и потопить с собой меня. Это означает, что вместе с нами погибла бы и Молли. Получается, он разом избавился бы от двух бывших подозреваемых в черной магии. Одним махом двух убивахом.

Ох, черт.

— Ладно, — вздохнул я. — Считаю, ты тоже в деле.

— Я? — округлила глаза Молли. — Э... В каком?

И я рассказал.

Глава двенадцатая

— Не нравится мне это, — буркнул Морган, когда я катил его на кресле-каталке к поджидавшему нас фургону, который взял напрокат ради такого случая Томас.

— Да ну! Надо же, сюрприз какой, — отозвался я. Перемещение Моргана — даже в кресле — требовало немалых усилий. — Вас огорчают мои методы.

— Он вампир, — сказал Морган. — Ему нельзя доверять.

— Я слышу, что вы там говорите, — откликнулся Томас из-за руля.

— Я знаю, вампир, — произнес Морган, не повышая голоса, и снова посмотрел на меня.

— Он мне многим обязан, — объяснил я, — после той попытки дворцового переворота в Белой Коллегии.

Морган угрюмо уставился на меня.

— Врете, — заявил он.

— Вы сами знаете, что это правда.

— Нет, не правда, — невозмутимо возразил он. — Вы мне лжете.

— Ну, да...

Он перевел взгляд с меня на фургон.

— Вы ему доверяете.

— До определенной степени, — согласился я.

— Идиот, — буркнул он — впрочем, не слишком убежденно. — Вампиру Белой Коллегии доверять нельзя, даже если он делает что-либо искренне. Рано или поздно сидящий в нем демон возьмет верх. А после этого вы для него не больше, чем пища. Такова их природа.

Я ощутил подступающий приступ гнева и задушил его в зародыше — прежде чем мои губы хоть что-то произнесли.

— Вы сами ко мне пришли, не забываете! Если не нравится, как я вам помогаю, скатертью дорожка из моей жизни, не стесняйтесь, чего там.

Морган недовольно покосился на меня, скрестил руки на груди — и заткнулся.

Томас включил аварийку, обошел фургон и откатил боковую дверь. Потом повернулся к Моргану и поднял кресло с раненым Стражем так же легко, как я мог бы погрузить в багажник Жучка сумку с продуктами. Он осторожно закатил кресло в глубь салона, а Морган придерживал пузырь с раствором для внутривенного вливания, чтобы тот не слишком раскачивался на прикрепленном к подлокотнику кресла штативе.

При всей своей неприязни к Моргану я не мог не отдать ему должного: он, конечно, сукин сын, но крепкий как камень. Даже с учетом несомненно терзавшей его боли, чудовищной усталости, не говоря уже о вдребезги разбитой репутации, ему все равно хватало упрямства оставаться мнительным и невыносимым. Если бы все это не было нацелено на меня лично, я, возможно, восхищался бы им еще больше.

Томас захлопнул дверь, выразительно закатил глаза и пошел обратно за руль.

По лестнице от моей квартиры поспешно поднялась Молли, державшая в одной руке два рюкзака, а в другой — Мыша на поводке. Я протянул руку, и она сунула мне один из двух рюкзаков — черный, нейлоновый. Я держу в нем свой аварийный набор. Помимо прочего, в нем лежат еда, вода, аптечка, пара одеял, химические трубки-фонари, изолента, две смены одежды, кусачки-мультиинструмент, двести долларов наличными, мой паспорт и пара любимых романов в мягкой обложке. Я всегда держу его наготове на случай, если придется спешно делать ноги. С таким набором я смогу продержаться почти в любой обстановке — ну, в девяноста процентах случаев — по меньшей мере пару дней.

Молли начала собирать такой же, с того дня, когда узнала о существовании моего. С одной только разницей: ее рюкзак розовый.

— Ты уверена? — спросил я, понизив голос, чтобы нас не слышал Морган.

Она кивнула.

— Он же не сможет там один. И вы с ним остаться не можете. И Томас тоже.

Я хмыкнул.

— Мне не нужно обыскивать твой рюкзак на предмет подсвечников?

Она обиженно мотнула головой.

— Не расстраивайся слишком сильно, детка, — посоветовал я. — У него имелась пара часов, чтобы довести тебя до кондиции. И потом, это ведь он едва не отрубил тебе голову после той заварухи на Сплеттерконе.

— Не в том дело, — тихо произнесла она. — Просто он вам такое сказал... И делал.

Я положил руку ей на плечо и мягко сжал.

Она улыбнулась в ответ.

— Я никогда... никогда не... не ощущала такой ненависти. Ни разу.

— Просто твои эмоции взяли верх. Только и всего.

— Но это не так, — настаивала она, сложив руки на животе и чуть ссутулившись. — Гарри, я ведь видела, как вы буквально убивались, только бы помочь людям, попавшим в беду. А Морган — он совсем другое дело. Ты для него всего лишь... *тварь*, которая раз сделала что-то плохое, и больше никогда, никогда уже не будет ничем другим.

Ага...

— Детка, — тихо произнес я. — Может, лучше подумаешь о том, на кого именно ты так разозлилась?

— Что вы хотите сказать?

Я пожал плечами:

— Я думаю, есть причина, почему ты взорвалась, когда он принялся за меня. Возможно, тот факт, что это именно Морган, не был простой случайностью.

Она несколько раз моргнула, но удержать по крайней мере одну слезинку не успела.

— Один раз ты совершила зло, — сказал я. — Это еще не превратило тебя в монстра.

Еще две слезинки.

— А что, если превратило? — Она с досадой вытерла щеку рукавом. — Что, если превратило, Гарри?

Я кивнул:

— Потому что, если Морган прав насчет того, что я всего лишь бомба с часовым механизмом, и я пытаюсь исцелить *тебя*, у тебя нет ни малейшего дьявольского шанса. Понял.

Она крепко сжала губы, так что я с трудом разобрал то, что она хотела сказать.

— Прежде чем Мышь сшиб меня, я хотела... хотела сделать с Морганом такое... С его разумом. Чтобы он вел себя по-другому. Я так разозлилась, и казалось, что так будет *правильно*.

— Одно дело — ощущать что-то, совсем другое — действовать на основании того, что ты ощущаешь.

Она мотнула головой.

— Но кто может вообще хотя бы желать такого, Гарри? Что за монстр?

Закинув рюкзак за плечо, я взял ее лицо обеими руками и заставил посмотреть на меня. От слез ее глаза казались даже не голубыми, а синими.

— Нормальный человек. Молли, ты ведь хороший человек. Не позволяй никому отнять у тебя этого качества. Даже самой себе.

Она больше не пыталась сдерживать слезы. Губы ее дрожали. Она широко-широко открыла глаза, и щеки казались под моими пальцами горячими словно от жара.

— В-вы уверены?

— Да.

Она низко опустила голову, плечи затряслись от слез. Я чуть пригнулся, чтобы коснуться ее лба своим. Так мы постояли немного.

— С тобой все в порядке, — тихо сказал я ей. — Ты не монстр. С тобой все будет в порядке, Кузнечик.

Нам помешал резкий стук в окно фургона. Я оглянулся через плечо и увидел испепеляющего меня взглядом Моргана. Он держал в руке карманные часы — настоящие, без дураков, золотые — и нетерпеливо стучал по циферблату пальцем.

— Ублюдок, — пробормотала Молли, сморщив нос. — Жирный, ворчливый ублюдок.

— Да. Но в одном он прав. Тик-так.

Она смахнула с кончика носа слезинку и взяла себя в руки.

— Ладно, — сказала она. — Поехали.

Арендванный мною склад располагался в паре кварталов от Дирфилд-сквер, в непомерно разросшемся пригороде к северу от чикагского центра. Большую часть окружающей застройки составляло жилье, и вам бы и четверти часа не пройти там без того, чтобы не встретить полицейскую машину.

Я выбрал это место своим убежищем по одной причине: всякого рода подозрительные типы заметны на фоне мелкобуржуазного окружения как под ультрафиолетовой лампой.

Конечно, это действовало бы еще эффективнее, не будь я сам одним из таких типов.

Я отомкнул ключом въездные ворота, и Томас подогнал фургон к моей ячейке — помещению размером с гараж на две машины. Я отпер еще один замок и поднял вверх створку рольставня, а Томас тем временем доставал Моргана из машины. Молли вышла следом и закатила кресло в склад. Последним из фургона показался Мыш. Я опустил ворота и осветил помещение голубоватым сиянием своего амулета.

Собственно, освещать было особенно нечего. Обстановку составляли расположенная в центре раскладушка со спальным мешком и подушкой, а еще два стоявших рядом чемодана — один с едой, водой в пластиковых бутылках, свечами и прочими припасами; второй — с магическим снаряжением: запасным жезлом и всякими полезными мелочами. С другой стороны от раскладушки стояли биотуалет и пара баллонов жидкого наполнителя.

Пол, стены и потолок сплошь покрывали руны, знаки и магические формулы. Не полноценные обереги, конечно, какими я защищаю свою квартиру, но принцип действия у них схож. Конечно, в отсутствие порога, сообщающего им силу, каждая из этих формул по отдельности не особенно эффективна — зато их здесь было *много*. В серебристом сиянии моего амулета они тоже начали светиться.

— Ух ты, — восхищенно выдохнула Молли, озираясь по сторонам. — Что это за место, Гарри?

— Убежище, которое я соорудил себе в прошлом году на случай, если потребуется тихое место, где меня не будут тревожить.

Морган тоже оглядывался, хотя лицо его заметно побледнело и исказилось от боли.

— Чего это вы сюда намешали, Дрезден? — спросил он.

— По большей части сокрытия и уклонительства, — ответил я. — Плюс добавлена клетка Фарадея.

Морган кивнул, оглядываясь.

— Что ж, вид адекватный.

— Что это такое? — не поняла Молли. — Которое Фарадея?

— Так называется экранирование от электромагнитных импульсов, — объяснил я. — Достаточно поместить предмет, который тебе нужно защитить, в заземленную сетку из токопроводящего материала, и разрушительный импульс уйдет в землю.

— Вроде громоотвода, — кивнула Молли.

— Очень близко, — согласился я. — Только вместо электричества здесь она сооружена, чтобы задержать враждебную магию.

— Один раз, — уточнил Морган.

Я только хмыкнул.

— Для того чтобы работать по-настоящему, требуется порог. В его отсутствие хорошо и это. Весь смысл в том, что это защитит от внезапного нападения на время, достаточное, чтобы бежать через черный ход.

Молли покосилась в глубь склада и нахмурилась.

— Но там же нету двери, Гарри. Там просто стена. О каком черном ходе вы говорите?

Морган мотнул головой в дальнюю часть помещения, указывая на прямоугольное пятно на полу, свободное от рун и других отметок.

— Там? — спросил он. — Куда он выходит?

— Примерно в трех шагах от одной из размеченных троп по Небывальщине, которыми имеет право пользоваться Совет, — ответил я и махнул рукой в сторону стоявшей посередине прямоугольника большой картонной коробки. — Там холодно. В коробке пара пальто.

— Проход в Небывальщину, — выдохнула Молли. — О таком я не подумала.

— Будем надеяться, — заметил я, — те, кто может за мной гнаться, до этого тоже не додумаются.

Морган по-прежнему пристально смотрел на меня.

— Не могу отделаться от мысли, — сказал он, — что это место производит впечатление идеально приспособленного для того, чтобы скрываться от Стражей.

— Ха, — откликнулся я. — Раз уж вы заметили, и впрямь похоже. Вполне подошло бы для такой цели. — Я невинно покосился на Моргана. — Но это, не сомневаюсь, всего лишь случайное сходство: видите ли, я и сам из этих психов.

Морган насупился.

— Вы ведь ко мне не просто так пришли, Весельчак, — продолжал я. — И потом, наделе я думал не столько о Стражах, сколько о... — Я тряхнул головой и замолчал.

— О ком, Гарри? — поинтересовалась Молли.

— Я не знаю, кто они, — признался я. — Но в событиях последних лет они замешаны. Темносияние, Арктис-Тор, попытка переворота в Белой Коллегии. Они до ужаса сильны в магии. Я называю их Черным Советом.

— Нет никакого Черного Совета. — Рывкнул Морган чисто рефлекторно.

Мы с Молли переглянулись.

Морган раздраженно вздохнул.

— Все это действия предателей-одиночек, — сказал он. — Организованного подполья в Белом Совете не существует.

— Ну-ну, — хмыкнул я. — Надо же, а я-то думал, что теория заговора вам не чужда.

— В Совете *нет* раскола, — произнес он как можно жестче. — Потому что стоит нам обратиться друг против друга, и нам конец. *Нет* никакого Черного Совета, Дрезден.

Я приподнял брови.

— Насколько это представляется мне, Совет оборачивался против меня большую часть моей жизни, — заметил я. — А я ведь действительный член. У меня мантия и все такое.

— Вы, — поперхнулся Морган, — вы... вы... — Он буквально захлебывался от ярости, но совладал с собой. — Вы до невозможности невыносимы.

Я одарил его лучезарной улыбкой.

— Это официальная позиция Мерлина, не так ли? — спросил я. — Никакого подполья в Совете?

— Это единая позиция всего Совета Старейшин, — парировал Морган.

— О'кей, умник, — вздохнул я. — Тогда объясните, что произошло с вами.

Он насупился и побагровел еще пуще.

Я многозначительно кивнул и повернулся к Молли:

— Это место оградит тебя от большинства поисковых заклятий, — сказал я. — Ну и обереги не позволят никому заглядывать сюда с ненужными расспросами.

Морган недовольно засопел.

— Никакого принуждения. — Я закатил глаза к потолку. — Этими заклятиями пользуются повсеместно, и вы это прекрасно знаете.

— А что делать, если кто-нибудь все-таки явится? — спросила Молли.

— Прикрыться завесой и бежать, — ответил я.

Она покачала головой.

— Я не умею открывать проход в Небывальщину, Гарри. Вы мне этого еще не показывали.

— Я могу показать ей, — заявил Морган.

Мы оба осеклись и уставились на него.

Секунду он молчал.

— Я могу, — повторил он. — Если будет смотреть внимательно, может, усвоит что-нибудь. — Он хмуро поглядел на меня. — Только проходы открыты в обе стороны, Дрезден. Что, если что-нибудь *войдет* с той стороны?

Мыш подошел к свободному от надписей участку пола и улегся дюймах в шести от него. Вздохнул, устроился поудобнее и снова уснул, хотя уши его чутко дергались при каждом звуке.

Я подошел к первому чемодану, откинул крышку, достал пакет фруктового напитка и протянул Моргану.

— У вас уровень сахара в крови падает. Поэтому вы и раздражительны. Однако если к вам заявится непрощенный гость с той стороны... — Я перешел ко второму чемодану, открыл его и достал помповый дробовик со стволом, отпиленным до минимально разрешенной законом длины. Проверив оружие, я передал его Молли. — Он заряжен смесью картечи и каменной соли. В сочетании с Мышом эта штука сможет остановить любого, кто вломится сюда через портал.

— Верно, — кивнула Молли. Она осмотрела дробовик и передернула цевье, загоня патрон в затвор. Потом проверила предохранитель и еще раз кивнула.

— Вы обучили ее обращению с оружием, — заметил Морган. — Но не тому, как открывать проход в

Небывальщину.

— Неприятностей и в реальном мире достаточно, — ответил я.

— Тоже верно, — хмыкнул Морган. — Куда собираетесь вы?

— Есть только одно место, куда я могу направиться.

Он кивнул:

— Эдинбург.

Я двинулся к выходу. Перед тем как опустить рольставень, я бросил еще один взгляд на Моргана с пакетом сока в руке и Молли с дробовиком.

— Ну из вас и парочка выходит.

Глава тринадцатая

Чародеи и техника неважно сосуществуют друг с другом, что делает путешествия делом затруднительным. Некоторые чародеи, похоже, пагубнее влияют на технику, чем другие, и если кто-то из них превзошел по этой части меня, я с такими пока не знаком. Пару раз мне доводилось летать самолетом, только один полет закончился аварийной посадкой — всего один. После того как у самолета отказали все компьютеры и навигационные системы и нам пришлось садиться на короткую травяную полосу, у меня нет особого желания испытывать судьбу еще раз.

Чуть лучше обстоит дело с автобусами, особенно если сидеть лицом назад, но проблемы возникают и с ними. Я еще ни разу не одолел расстояния больше трехсот, ну, четырехсот миль без того, чтобы не оказаться в сломанном автобусе на обочине вдали от цивилизации. Лучше всего, конечно, ездить на машине, особенно старых моделей — чем меньше в нее напихано электроники, тем лучше. Впрочем, даже так обойтись без хронических проблем не удастся. У меня еще ни разу не было машины, способной пройти десять дней без поломок. И это в лучшем случае.

Идеальными вариантами являются поезда и корабли — особенно если удастся держаться подальше от двигателей. Большинство чародеев, когда им приходится путешествовать, пользуются именно кораблями и железными дорогами. Или так, или приходится прибегать к трюкам — что я как раз и собирался сделать.

Еще в самом начале войны с вампирскими Коллегиями Белый Совет (с помощью одного чародея — частного сыщика из Чикаго, не будем называть имен) выторговал себе право прохода через окраинные районы Небывальщины, находящиеся под властью Королев фэйре. Небывальщина — мир духов, призраков и фантастических существ всех описуемых и неопишуемых видов — существует параллельно с нашей реальностью однако вовсе не повторяет ее очертаниями. Из этого следует, что Небывальщина может соприкоснуться с реальным миром двумя расположенными совсем рядом друг с другом точками, тогда как в реальном мире точки соприкосновения находятся очень и очень далеко. Короче говоря, используя правильные пути по Небывальщине, так называемые тропы, можно изрядно срезать себе путь — важно только уметь открывать переход между двумя мирами.

В данном конкретном случае это означало, что я могу одолеть пешком расстояние, отделяющее Чикаго, штат Иллинойс, от Эдинбурга в Шотландии, меньше, чем за полчаса.

Ближайшая подходящая мне точка перехода в Небывальщину располагалась в темном переулке у здания, служившего некогда бойней. В доме этом умерло множество существ — не только коров, и не только от руки мясника. Вокруг него витало ощущение безысходности, какого-то ужаса, пусть и эфемерное, ощутимое далеко не каждым. Где-то посередине переул�а бетонные ступени вели в прямом, к двери, заколоченной досками, поверх которых ее удерживали крест-накрест стальные цепи. На всякий случай, наверное.

Я спустился к двери, на мгновение закрыл глаза и отворил свои сверхъестественные чувства, нацелив их не на саму дверь, но на бетонную стену рядом с ней. Под крепкой на первый взгляд поверхностью ощущалось бурление энергий — оболочка реальности была здесь на порядок тоньше.

В Чикаго стояла жаркая ночь, однако с той стороны все могло быть совсем по-другому. Специально для этого я облачился в рубашку с длинными рукавами, плотные джинсы и носки потеплее. И это не говоря уже о том, что я взмок как мышь под своим тяжелым кожаным плащом. Я сконцентрировался, вытянул руку перед собой и, прошептав «*Aparturum*», отворил портал между мирами.

Честно говоря, в описании это вышло на порядок драматичнее, чем на деле. Поверхность бетонной стены заиграла всеми цветами радуги, потом от нее начал исходить неяркий свет.

Я сделал глубокий вдох, покрепче сжал обеими руками посох и шагнул — прямо в бетон.

Плоть моя миновала то, чему полагалось быть твердым как камень, и я очутился в темном

заснеженном лесу. Хорошо еще, уровень приямка в Чикаго более или менее совпадал с уровнем земли в Небывальщине. Помнится, при прошлом переходе разница составляла каких-то три дюйма, но я их не ожидал и в результате плюхнулся задницей прямо в снег. Все обошлось, а могло бы и кончиться хуже: эти места в Небывальщине кишмя кишат разными тварями, которым не стоит демонстрировать свою уязвимость.

Я огляделся, стараясь сориентироваться по местности. Лес ничем не отличался от того, в котором я бывал уже трижды. Передо мной полого опускался, теряясь в ночи, склон холма. На самой вершине, как я слышал, должен был открываться узкий, до ужаса холодный проход в глубь Зачарованных Гор, в самую цитадель Мэб — Арктис-Тор. Растворявшиеся в темноте подножия холма переходили в равнину, на которой кончалась власть Мэб и начинались владения Титании, Летней Королевы фэйре.

Я стоял на распутье — и немудрено, учитывая то, что прибыл я из Чикаго, одного из самых напряженных мировых перекрестков. Одна тропа вела с вершины холма вниз. Другая пересекала ее под прямым углом и тянулась почти горизонтально. Я пошел налево, обходя холм против часовой стрелки. На местном наречии это называется «осолонь». Тропинка вилась меж замерзших деревьев, ветви которых едва не ломались под тяжестью снега и наледи.

Я шел быстро, но не слишком, чтобы не нарваться в темноте на какой-нибудь острый сук. У Белого Совета имеется дарованное Мэб право свободного прохода, но это еще не значит, что здешние тропы безопасны.

Подтверждение этому последовало минут через пятнадцать, когда с деревьев вдруг посыпался снег и меня окружили безмолвные темные фигуры. Все произошло мгновенно и в полной тишине — с дюжину пауков размером с доброго пони смотрели на меня с земли и с древесных стволов. С гладкими, четко очерченными хитиновыми оболочками, они напоминали садовых пауков, только с длинными конечностями. Вид у них был самый что ни на есть угрожающий, и перемещались они с почти невероятной легкостью. Серо-сине-белая расцветка замечательно маскировала их, по крайней мере в эту снежную ночь.

Паук, остановившийся на тропе прямо передо мной, предостерегающе поднял пару передних ног и продемонстрировал жвала размером с мою руку, с которых сочился молочно-белый яд.

— Стой, смертная тварь, — произнес он.

Поверьте, это пугало сильнее, чем просто появление паукообразных переростков. Рот, который шевелился, издавая эти звуки, между жвалами, неприятно напоминал человеческий. Множество круглых глазок походили на капли застывшего обсидиана. Голос, правда, звучал не по-человечески: он то щебетал, то жужжал.

— Стой — тот, чья кровь согреет нас, нарушитель покоя лесов Зимней Королевы.

Я остановился и обвел взглядом круг пауков. Размеры все они были почти одинакового — если бы мне пришлось идти на прорыв, это предстояло делать наугад, поскольку слабых звеньев я не обнаружил.

— Мое почтение, — произнес я. — Уважаемые охотники, я не нарушитель. Я чародей, член Белого Совета, и повелением Королевы обладаю правом прохода по этим дорогам.

Воздух вокруг меня наполнился щебетом, шипением и щелчками.

— Слова смертных тварей часто лживы, — объявил старший паук, возбужденно трясая передними ногами.

Я выразительно поднял жезл.

— Полагаю, *такое* у смертных тварей тоже всегда при себе, а?

Паук зашипел так, что яд у него на жвалах пошел пузырями.

— Многие смертные носят длинные палки, да.

— Поосторожнее, длинноногий, — посоветовал я ему. — Я лично знаком с Королевой Мэб. Не думаю, чтобы тебе хотелось провиниться перед ней.

Ноги паука сделали почти неуловимое движение, и он оказался на два или три фута ближе ко мне. Остальные пауки тоже переместились чуть поближе. Мне это не нравилось. Ни капельки не нравилось. Стоит одному из них прыгнуть, и они все навалиться на меня, одолев чистой массой — мне почти нечего было противопоставить этому.

Старший паук рассмеялся — смех его прозвучал глухо, издевательски.

— Нет таких смертных, что встречались бы с нашей Королевой и остались при этом живы.

— Он лжет, — прошипел другой паук. — И кровь у него теплая.

Я покосился на острые жвала, и мне почему-то с необычайной ясностью вспомнился Морган, потягивающий через трубочку сок из чертова пакета.

Стоявший на тропе паук сместился чуть влево, потом чуть вправо, и эти легкие движения явно имели целью скрыть от моего внимания тот факт, что он придвинулся ко мне почти на фут.

— Скажи, смертная тварь, как нам узнать, кто ты на деле?

В моем ремесле редко случается, чтобы тебе подставлялись так удачно.

Я выставил посох вперед, нацелив его в паука, и выкрикнул:

— Forzare!

Струя невидимой энергии, сорвавшись с посоха, угодила старшему пауку прямо в человекоподобный рот. Такова была сила удара, что все его восемь ног оторвались от земли, и паук, пролетев по воздуху добрых восемь футов, врезался в ствол огромного древнего дуба. Послышался звук, напоминающий столкновение с твердым препятствием большого пластикового баллона с водой; паук от ricochetил от дерева на промерзшую землю и остался лежать, слабо подергивая конечностями. Сотрясение сбросило с веток сотни три фунтов снега, наполовину засыпавших тело.

Все застыло и смолкло.

Я сощурился и, не говоря больше ни слова, обвел круг исполинских арахнид взглядом.

Стоявший ближе других к мертвому товарищу паук неловко переминался с ноги на ногу.

— Дайте чародею пройти, — прочирикал он наконец заметно более тихим голосом.

— Да, черт возьми, дайте же ему пройти, — буркнул я себе под нос и шагнул вперед с таким видом, будто готов стереть в труху всякого, кто окажется у меня на пути.

Пауки бросились врассыпную. Я шел, не сбавляя шага и не оглядываясь. Хорошо, они не знали, как часто колотится мое сердце и как трясутся от страха поджилки. Что ж, до тех пор пока они этого не знают, мне ничего не грозит.

Я оглянулся только шагов через сто — пауки столпились вокруг своего погибшего товарища и заворачивали его тело в шелк, голодно дергая жвалами. Я поежился, желудок свело болезненной судорогой.

При посещении Небывальщины можно быть полностью уверенным в одном: скучать вам не придется.

У дерева, на стволе которого красовалась вырезанная пентаграмма, я свернул на другую тропу. Дубы сменились хвойными деревьями, подступившими ближе к проходу, и между ними угадывалось движение невидимых лесных тварей, только пронзительный щебет и посвисты доносились со всех сторон. Жутковато, но здесь иначе и не бывает.

Тропа вывела меня к прогалине. В самой середине ее вырастал из земли курган ярдов пятнадцати в диаметре и примерно столько же в высоту. С одной его стороны темнел обрамленный массивными каменными плитами проем, у которого виднелась одинокая фигура в сером плаще — стройный, спортивного вида молодой человек со скулами столь острыми, что ими можно было бы резать хлеб, и ярко-синими глазами. Из-под серого плаща виднелись явно дорогой костюм из синего кашемира и светлая рубашка с галстуком медного цвета. Наряд завершался черным котелком, а вместо традиционного посоха он держал трость с серебряным набалдашником.

Собственно, в описываемый момент трость эта целилась точнехонько мне в голову.

Я остановился и помахал рукой.

— Полегче там, Жеребец!

Молодой человек опустил трость, и на лице его расцвела улыбка, разом сделавшая его на десять лет моложе.

— Ага! — произнес он. — Надеетесь, не знаю, откуда это?

— Самая расклассическая классика, — хмыкнул я. — Как дела, Чандлер?

— Всю холеную задницу отморозил, — отозвался он с безукоризненным оксфордским произношением. — Однако терплю — благодаря отменной родословной, хорошей академической подготовке и метрическим тоннам чисто британской стойкости. — Взгляд пронзительно-синих глаз снова остановился на мне, и хотя выражение лица его не изменилось, в голосе зазвучали тревожные нотки. — У вас-то все в порядке, Гарри?

— Ночь нелегкая выдалась, — отозвался я, делая шаг вперед. — А разве охранять дверь вы должны не впятером?

— Пятеро *меня* на одну дверь? Да вы с ума сошли! Одной концентрации стиля более чем довольно, чтобы удерживать потенциальных гостей на расстоянии пушечного выстрела.

Я не удержался от смеха.

— Такую силу позволительно использовать только во благо, не так ли?

— Именно так, что я и делаю. — Он задумчиво склонил голову набок. — Что-то я не припомню, чтобы мы с вами встречались *здесь*.

— Я бывал здесь только раз, — ответил я. — И довольно давно — сразу после того, как меня завербовали.

Чандлер с серьезным видом кивнул.

— Что привело вас к нам из Чикаго?

— Я слышал про Моргана.

Лицо молодого Стража чуть потемнело.

— Да, — тихо произнес он. — В это... трудно поверить. Вы здесь, чтобы помочь его отыскать?

— Мне уже доводилось разыскивать убийц, — сказал я. — Полагаю, смогу проделать это и еще раз. — Я помолчал. В силу некоторых причин Чандлер почти всегда вращался в непосредственной близости от Совета Старейшин. Если кто и знал подоплеку происходящего, то он наверняка. — Как по-вашему, с кем бы мне поговорить на этот счет?

— За поиски отвечает чародей Либерти, — ответил он. — Чародей Слушающий Ветер обследует место преступления. Старая Мэй оповещает членов Совета о созыве внеочередного совещания.

Я кивнул.

— А что чародей Маккой?

— Возглавляет боевую группу, насколько мне известно, — сообщил Чандлер. — В конце концов он один из немногих, кто в состоянии одолеть Моргана.

— Угу, — согласился я. — Морган — изрядная заноза в заднице. — Я поежился и принялся притоптывать, чтобы согреться. — У меня имеется кое-какая информация, от которой они бы не отказались. Где мне их искать?

Чандлер подумал немного.

— Старая Мэй в Хрустальном Зале... чародей Либерти в кабинетах начальства, чародей Маккой, должно быть, где-нибудь в районе штабной комнаты, а Слушающий Ветер с Мерлином в покоях у Ла Фортье.

— А что Привратник? — поинтересовался я.

— Охраняет врата, я думаю. Единственный чародей, которого я вижу еще реже, чем его — это вы.

— Спасибо, Чандлер, — улыбнулся я, а потом придал голосу и лицу надлежащую серьезность и официальность. — Я ищу входа в Тайные Чертоги, о Страж. Позволь же мне войти.

Секунду-другую он смотрел на меня, потом царственно поклонился, хотя в глазах его мерцали ироничные искорки.

— Добро пожаловать в цитадель Белого Совета. Войди с миром и уйди с миром.

Я кивнул ему и ступил под арку.

Входил я с миром, это так. Однако если убийца по-прежнему где-то поблизости и если он догадается, с чем я пожаловал, уйти с миром не удастся никак.

Какой уж тут мир.

Глава четырнадцатая

Тайные Чертоги Эдинбурга служили редутом и цитаделью Белого Совета с незапамятных времен. Ну, если честно, последнее утверждение не совсем верно. Они были нашей штаб-квартирой немногим менее пятисот лет.

Сам Белый Совет в той или иной форме существовал еще до основания Римской империи, и его штаб-квартира время от времени перемещалась с одного места на другое. Александрия, Карфаген, Рим — хотите верьте, хотите нет, но в раннехристианские времена мы сидели даже в Ватикане, — Константинополь и Мадрид, но с конца средневековья руководящие органы Совета размещались в туннелях и катакомбах под непокорной шотландской скалой.

Сеть туннелей Эдинбурга превосходит своей разветвленностью даже чикагские подземелья, а по части крепости и надежности с ними и вовсе несравнима. Основные помещения комплекса расположены непосредственно под Старой скалой — под эдинбургским замком, где короли и королевы, лорды и леди бились друг с другом, осаждали друг друга, предавали и убивали друг друга с дохристианских времен.

Да и сама крепость не случайно существует здесь столько, сколько помнит себя человечество — это одно из крупнейших в мире пересечений магических жил. Жилы — это естественные потоки магических энергий, пронизывающие весь наш мир. Из всех источников энергии для занятий магией,

известных человеку, они являются самыми мощными — и уж те, что пересекаются в толще земли под Замковой скалой, просто просятся быть использованными всяким, у кого для этого достаточно умения. Или глупости.

Первую такую линию я пересек, едва сделав три шага — я ногами ощущал пульсировавшую в ней энергию, почти наяву слышимое журчание какой-то подземной реки. Как-то сами собой шаги мои убыстрились — словно из боязни, что невидимый поток смоев меня — и успокоились-только тогда, когда линия ощущалась угасающей вибрацией камня под ногами.

Амулет-пентаграмма, которым я обычно освещаю дорогу под землей, остался на этот раз без работы. Искусно вмурованные в стены кристаллы освещали коридор всеми цветами радуги. При этом коридор оставался, разумеется, сырым и промозглым. Любой выдох мгновенно оседал на каменных стенах инеем, а то и изморозью.

В ширину туннель не превышал размаха рук — по крайней мере моих; в высоту — восьми футов. Поверхность стен почти сплошь покрывали резные рельефы. Часть из них изображала, как мне говорили, знаменательные моменты из истории Белого Совета. Поскольку никого на них я не узнавал, они говорили мне очень мало, так что я относился к ним просто как к красивым картинкам — такие тысячами можно видеть на гобелене из Байё. Остальные рельефы с самого начала задумывались как обереги — настоящие, без дураков, крупнокалиберные обереги. Не знаю, что они могли сделать с непрошеными гостями, но исходившую от них смертоносную энергию я ощущал хорошо, так что старался идти и держать себя чем дальше в глубь комплекса, тем осторожнее.

Входной туннель со стороны Небывальщины тянется больше чем на четверть мили, плавно понижаясь по мере продвижения от арки. Каждые двести или около того ярдов он перегораживается металлическими воротами, у которых дежурят стражи с каменными Храмовыми Собаками Старой Мэй.

Храмовые Собаки — это твари ростом фута три в холке, и вид у них такой, словно они сбежали из фильма про Годзиллу. Высеченные из камня, они сидят недвижными изваяниями, но я-то знаю, что они могут мгновенно ожить. Я задумывался о том, каково было бы оказаться лицом к лицу с парочкой таких чудищ в относительно узком коридоре, и решил, что лично я предпочел бы сразиться с надвигающимся на меня составом подземки. По крайней мере развязка наступила бы быстрее.

Раскланиваясь на ходу с дежурными Стражами, я шел все дальше до тех пор, пока не миновал последний пост охраны и не оказался в самих помещениях штаб-квартиры. Тут я остановился, достал из кармана плаща сложенную в несколько раз схему и сделал попытку сориентироваться. План туннелей представлял собой замысловатый лабиринт, в котором ничего не стоило заблудиться.

С чего начать?

Находишься где-нибудь поблизости Привратник, я бы в первую очередь искал именно его. Одному Богу известно почему, но Рашид не раз оказывал мне помощь и поддержку. Про меня никак нельзя сказать, что я в хороших отношениях с Мерлином. С Мартой Либерти или Слушающим Ветер я был знаком, но очень немного. Старая Мэй представлялась мне особой довольно страшной. Значит, оставался Эбинизер.

Я направился к штабной комнате.

На то, чтобы попасть туда, у меня ушло больше четверти часа. Я сказал уже, что система туннелей обширна и запутанна, а после того как война изрядно проредила численность членов Совета, здесь стало еще более безлюдно и запущенно, чем обычно. Мои шаги гулким эхом отдавались от каменных стен; других звуков до меня не доносилось.

Признаюсь, я ощущал себя в Тайных Чертогах чертовски неуютно. Думается, это все из-за запаха. Когда меня совсем еще мальчишкой схватили и судили за нарушение Закона Магии, дело происходило как раз в Эдинбурге. Затхлый, влажный минеральный запах этого места остался почти единственным, что мне запомнилось за время ожидания — в камере, связанному по рукам и ногам, под тяжелым капюшоном подсудимого. Еще мне запомнились отчаянный холод и боль в мышцах, когда меня освободили от пут. И чувство одиночества, какого я не испытывал ни до, ни после этого безнадёжного ожидания.

Мне было страшно. Чудовищно страшно. Мне ведь едва шестнадцать исполнилось.

Запах не изменился с тех пор, и одного этого хватало, чтобы оживить давным-давно похороненные в недрах памяти образы. Этакая психическая некромантия.

— Мозги-иии, — протянул я вслух.

Если уж вы не можете остановить дурные мысли, всплывающие у вас в сознании, никто по крайней мере не мешает поиздеваться над ними, пока есть такая возможность.

По какой-то неподвластной моему разумению логике штабная комната размещена между

центральными помещениями Совета Старейшин и казармами Стражей, при которых предусмотрена, разумеется, и кухня. К запаху плесени добавился аромат свежее испеченного хлеба, и я невольно ускорил шаг.

Я миновал казармы — вне всякого сомнения, почти пустые. Большая часть Стражей наверняка охотилась сейчас за Морганом, о чем свидетельствовала и численность часовых на входе — где одному Чандлеру пришлось заменять пятерых. На первом же перекрестье коридоров я свернул налево, кивнул дежурившему у двери очень юному Стражу и вошел в штабную комнату.

Она расположена в просторном подземном зале примерно в сотню футов в поперечнике, но большую часть площади съедают массивные колонны, на которые опирается свод. Световые кристаллы сияли здесь ярче — чтобы глаза меньше уставали от чтения. Пространство между колоннами занимали пробковые щиты, сплошь завешенные картами, сводками и просто короткими записками. Кое-где они перемежались грифельными досками, изрисованными схемами, набросанными мелом от руки фрагментами карт и тому подобными изображениями. Пространство у стен по периметру разбивалось на рабочие отсеки самыми заурядными офисными столами и перегородками.

Стрекотали и звякали пишущие машинки. По комнате сновали во всех направлениях, разговаривали вполголоса, писали, печатали и рылись в бумагах штабные сотрудники обоего пола — все до одного чародеи. Стену в стороне от входа занимал ряд столов со стоявшими на газовых горелках кофейниками, а также несколько потертых, продавленных диванов и кресел.

С полдюжины Стражей дремали на диванах, читали, сидя в креслах, или играли в шахматы древними костяными фигурками. Так или иначе, оружие, посохи и плащи лежали у каждого под рукой, так что приготовления к бою при необходимости заняли бы от силы пару секунд. Это был закаленные бойцы, мужчины и женщины, сумевшие выжить в первых сражениях войны с вампирами. Мне не хотелось бы попасться кому-либо из них под руку.

Чуть поодаль стояло еще одно кресло, в котором сидел и смотрел на трещащий в камине огонь мой старый наставник Эбинизер Маккой. В заскорузлых фермерских пальцах он держал кружку кофе. Довольно многие из руководящих чародеев относятся к внешним проявлениям своего статуса излишне серьезно: они всегда одеты, как того требует традиция, тщательно соблюдая все до последней мелочи. Эбинизер был одет в потертые джинсы, клетчатую фланелевую рубашу и пару тяжелых рабочих башмаков, которым исполнилось если не сорок, так уж тридцать лет наверняка. Его седые волосы — точнее, то, что от них осталось — пребывали в изрядно растрепанном состоянии, словно он только что пробудился от беспокойного сна. Даже по чародейским меркам он заметно постарел, но плечи его оставались широкими, мощными. Сквозь старые очки в проволочной оправе он смотрел на огонь, легонько притопывая одной ногой по каменному полу.

Я прислонил посох к стене, налил себе кофе и уселся в соседнее кресло. Потом сделал глоток и принялся ждать, наслаждаясь расходящимся по телу теплом.

— Здесь у них всегда хороший кофе, — заметил Эбинизер спустя несколько секунд.

— И они не дают ему всяких дурацких названий, — согласился я. — Это просто кофе, не какой-нибудь «флаппалаттеграндечино».

Эбинизер хмыкнул и сделал еще глоток.

— Нормально добрался?

— Повздорил немного с чьими-то громилами на тропе у Зимних.

Он поморщился.

— Угу. Наших уже несколько раз беспокоили за последние месяцы. Как дела, Хосс?

— Нехватка информации, сэр, — ответил я.

Он окинул меня непроницаемым взглядом.

— М-м-м. Я поступил так, как мне казалось лучше, сынок. И не буду извиняться.

— Я этого и не ожидал, — сказал я.

Он кивнул.

— Что ты здесь делаешь?

— А как вы думаете?

Он покачал головой.

— Я не возьму тебя в ударную группу, Хосс.

— Полагаете, у меня сил не хватит?

Наконец-то он посмотрел на меня в упор.

— У тебя слишком много счетов с Морганом. Это дело надо делать беспристрастно, а из всех мне известных людей ты едва ли не наименее беспристрастен.

— Вы уверены, — буркнул я, — что Ла Фортье прикончил именно Морган?

Взгляд его снова уперся в огонь.

— Меньше всего я ожидал такого. Но слишком много сходится.

— И нет возможности того, что это подстава?

Эбинизер моргнул и пристально посмотрел на меня:

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому, что если этого говнюка наконец прижмут к ногтю, я хочу быть уверен, что это по заслугам.

Он пару раз кивнул.

— Я не представляю себе, как это можно было бы проделать. Если что-то выглядит как утка, движется как утка, а вдобавок еще и крикает как утка — скорее всего это утка и есть. Бритва Оккама, Хосс.

— Кто-то мог вселиться к нему в голову, — предположил я.

— В его-то возрасте? — усомнился Эбинизер. — Маловероятно.

Я нахмурился.

— Что вы хотите этим сказать?

— По мере взросления рассудок делается стабильнее, — объяснил он. — Устойчивее во многих отношениях. Ну, как ивняк. Гибкие и упругие молодые побеги, но старые ветви — ломкие. Стоит тебе прожить лет сто, и будет почти невозможно склонить твой разум к чему-либо, не повредив его.

— Исключения невозможны?

— Не в такой степени. Заставить верного принципам человека предать то, чему он посвятил всю свою жизнь? Да он просто сойдет с ума прежде, чем вам удастся подвинуть его хоть на шаг в этом направлении. Из чего следует, что Морган совершил это осознанно.

— Если это все-таки он. — Я покачал головой. — Я просто не могу не задавать себе вопросов, кто окажется в выигрыше, если мы сами обезглавим Моргана.

Эбинизер поморщился.

— Насквозь вонючая история, — сказал он, — но пока все обстоит именно так. Я помню, Хосс, вы с ним заглядывали друг другу в душу, но даже это не детектор лжи. Да ты и сам знаешь.

Я помолчал немного, отхлебнув кофе.

— Мне просто любопытно, — произнес я наконец. — Кто будет замахиваться мечом, когда вы его схватите? Обыкновенно рубить головы доверяли Моргану.

— Насколько я помню порядок, капитан Люччо, — ответил Эбинизер. — Или кто-нибудь, кого она назначит. Ну да она не из тех, кто спихивает такое на подчиненных.

Перед моими глазами мгновенно возник образ Анастасии, сносящей голову с плеч своего старого воспитанника. А потом меня, проделывающего то же самое с Молли. Я поежился.

— Дрянь дело.

Эбинизер продолжал смотреть в огонь, разом постарев лет на двадцать.

— Угу.

Дверь из коридора отворилась, и в помещение вошел субтильного вида низкорослый чародей в буром твидовом костюме и с пухлым портфелем в руке. Короткие седые волосы были старательно прилизаны; синие чернила, казалось, намертво въелись в его пальцы. За одно ухо он на манер древних писарей заткнул карандаш, за другое — чернильную авторучку. На мгновение он задержался, оглядываясь по сторонам, потом отыскал взглядом Эбинизера и поспешил к нему.

— Прощения прошу, чародей Маккой, — произнес он. — Если бы у вас нашлась свободная минутка, я бы попросил вас подписать кое-какие бумаги.

Эбинизер поставил кружку на пол и взял у него ручку.

— Что на этот раз, Пибоди?

— Во-первых, доверенность представительству в Джакарте на покупку здания для нашего нового убежища, — ответил чародей Пибоди, открывая папку и вынимая из нее лист бумаги. Эбинизер пробежал его взглядом и подписал. Пибоди поспешно протянул ему еще несколько страниц. — Очень хорошо. Потом еще ваше согласие на то, чтобы пересмотреть жалованье Стражей... вот здесь, прошу вас... спасибо. И последнее — акт передачи имущества чародея Ла Фортье его наследникам.

— Всего три? — недоверчиво спросил Эбинизер.

— Остальные под грифом «секретно», сэр.

Эбинизер вздохнул.

— Подпишу, как доберусь до своего кабинета.

— Чем скорее, тем лучше, сэр, — заметил Пибоди. Потом заморгал и сделал вид, будто только-только меня заметил. — А, чародей Дрезден. Что привело вас в наши края?

— Мне показалось, стоило спросить, не могу ли я помочь убрать Моргана, — беззаботно отозвался я. Пибоди поперхнулся.

— Я... ясно.

— Что, Индеец Джо нашел что-нибудь?

Пибоди неодобрительно нахмурился, но сдержался.

— Чародей Слушающий Ветер занят подготовкой к следственно-магическим мероприятиям.

— Значит, нет пока, — сказал я.

Пибоди шмыгнул носом.

— Пока нет. Однако не сомневаюсь, им с Мерлином удастся совершенно точно установить, каким именно образом Стражу Моргану удалось миновать посты охраны. — Он покосился на меня, и тон его сделался подчеркнуто вежливым. — Ведь вы не будете оспаривать того, что оба они — исключительно опытные чародеи?

Я испепелил Пибоди взглядом, но так и не выдумал удовлетворительной отповеди прежде, чем он забрал у Эбинизера бумаги и ручку и не поблагодарил его.

Эбинизер с отсутствующим видом кивнул, наклонился за своей кофейной кружкой, а Пибоди выскользнул из комнаты.

— Чертова канцелярская крыса, — пробормотал я вполголоса.

— Канцелярская крыса, но очень ценная, — поправил меня Эбинизер. — Может, его работа и не производит впечатления, но его организаторские способности сослужили нам за время войны хорошую службу.

— Бюрокромант, — фыркнул я.

Эбинизер устало улыбнулся, делая еще глоток из кружки. Я заметил, что большой и указательный пальцы его правой руки тоже перепачкались в чернилах. Он встал и потянулся, хрустнув суставами.

— Войны не выиграть без писарей, Хосс.

Я уставился взглядом в свою недопитую кружку кофе.

— Сэр, — тихо произнес я, — чисто гипотетически — что, если Морган невиновен?

Он внимательно на меня посмотрел.

— Мне казалось, ты сам хотел, чтобы его разорвали на части.

— Видите ли, у меня нервный тик начинается всякий раз, как на моих глазах рубят голову невинно осужденному.

— Еще бы. Но, Хосс, постарайся понять... — Эбинизер осекся и уставился на меня расширившимися глазами. Я почти слышал, как проворачиваются у него в голове шестеренки.

Потом он перевел дух и понизил голос до едва слышного шепота.

— Значит, так? Ты уверен?

Я коротко кивнул.

— Блин-тарарам, — выдохнул он. — Мог бы и поосторожнее спрашивать, Хосс. — Он опустил подбородок и посмотрел на меня поверх своих старомодных очков. — Две головы снести ненамного труднее, чем одну. Ты это хоть понимаешь?

Я медленно кивнул.

— Угу.

— Даже не знаю, что я мог бы для тебя сделать, — признался он. — Я буквально припигилен к этому месту до тех пор, пока Моргана не обнаружат.

— Если исходить из того, что это не его подстава, — спросил я, — с чего мне начать?

Он задумчиво пожевал губу.

— С Индейца Джо.

Глава пятнадцатая

Члены Совета Старейшин, как выяснилось, терпеть не могут нищих бродяг.

Миновав еще несколько постов охраны, я оказался в помещении размером с бальную залу, которой не постеснялся бы и Версаль. Из белого с золотыми прожилками мраморного пола вырастали стройные колонны. На дальней стене виднелся водопад, стекавший в небольшой пруд, окруженный самой разнообразной зеленью — от обычной травы до роз и даже небольших деревьев. Самый настоящий садик, черт подери. В воздухе слышался негромкий звон — музыка ветра, — а золотистый свет,

исходивший от кристаллов на потолке, был почти неотличим от настоящего солнечного. В саду пели птицы, и я разглядел темный силуэт соловья, порхнувшего между колонн и опустившегося на одну из веток.

В садике и рядом с ним была расставлена дорогая, удобная на вид мебель, какую можно иногда увидеть в вестибюлях самых фешенебельных гостиниц. На столике у стены стояли всяко-разные экзотические закуски от холодных нарезок и до того, что более всего напоминало маринованные щупальца осьминога. Рядом имел место бар, готовый в любой момент спасти членов Совета Старейшин от обезвоживания.

По всему периметру помещения тянулся на высоте десяти футов от пола балкон, на который выходили двери личных покоев Старейшин. Я пересек просторный Зал Отдохновения, поднялся по парадному лестничному маршу и постоял немного, вертя головой, пока не приметил дверь, охранявшуюся парой Храмовых Собак-изваяний и сонного вида юнцом, с загипсованной ногой в плаще Стража. Обойдя галерею, я помахал ему рукой.

Не успел я с ним заговорить, как обе Храмовые Собаки синхронно повернули головы в мою сторону; движение это сопровождалось скрежетом камня о камень.

Я застыл как вкопанный, чуть приподняв руки.

— Славные собачки.

Юный Страж уставился на меня и произнес что-то на незнакомом языке. Внешность выдавала в нем уроженца Юго-Восточной Азии, но определить страну точно я бы не решился. Еще секунду-другую он буравил меня взглядом, и я вдруг узнал его — одного из личных телохранителей Старой Мэй. В прошлый раз я видел его замерзшим до полусмерти, когда он пытался передать послание королеве Мэб. Теперь, должно быть, сломанная лодыжка не позволила ему принять участие в поисках Моргана.

Я так думаю, некоторым прямо с рождения везет.

— Добрый вечер, — обратился я к нему на латыни, официальном языке Совета. — Как дела?

Секунду-другую Везунчик косился на меня с нескрываемым подозрением.

— Мы в Шотландии, сэр, — произнес наконец он. — Здесь сейчас утро.

Ну да. Моя получасовая прогулка переместила меня на шесть часовых поясов.

— Мне нужно поговорить с чародеем Слушающим Ветер.

— Он занят, — сообщил мне Везунчик. — Его нельзя беспокоить.

— Меня послал поговорить с ним чародей Маккой, — настаивал я. — Он считает, это важно.

Везунчик сощурил глаза так, что они превратились в совсем уж узенькие щелочки.

— Будьте добры, подождите здесь, — произнес он. — И не двигайтесь с места.

Храмовые Собаки продолжали пялиться на меня. Ну да, я понимаю, на самом-то деле они не могут смотреть. Не может же смотреть каменная глыба? Но взгляд у них для безмозглых булыжников очень уж пронзительный.

— Можете не беспокоиться, — заверил я его.

Он кивнул и скрылся за дверью. Минут десять прошло в неудобном ожидании; наконец он появился, легонько хлопнул Собак по каменным загривкам и кивнул мне:

— Проходите.

Косясь на каменных монстров, я сделал осторожный шаг вперед, но они остались неподвижны. Тогда я кивнул и, миновав их, вступил в покои Ла Фортъе; я очень надеялся, что не произвожу впечатления потревоженной подзаборной кошки.

Первое помещение, в котором я оказался, представляло собой кабинет, а может, антикварную лавку. Здесь стоял массивный рабочий стол из какого-то светлого дерева, хотя передний торец его, ручки ящиков и часть столешницы перед обычным конторским креслом на колесиках потемнели от времени и использования. Строго посередине стола лежало пресс-папье, перед ним выложенные аккуратным рядом авторучки. Полки прогибались под тяжестью книг, барабанов, масок, поясов, древнего оружия и прочих причиндалов, попавших сюда, судя по виду, из самых разных экзотических земель. В тех немногих местах, где стена оставалась свободна от полок, на ней висели щиты, а под ними — скрещенное оружие: норманнский ромбический, под которым красовались висевшие крест-накрест двуручные мечи; зулусский щит из шкуры буйвола — с двумя ассегаями; круглый, с острым шипом посередине, персидский — с кривыми саблями... Не сомневаюсь, любой уважающий себя музей оказался бы на седьмом небе от счастья, обладая он хоть вполовину меньшей коллекцией.

Дверь в дальнем конце помещения вела, очевидно, в спальню. Со своего места я мог разглядеть платяной шкаф и часть застеленной кровати размером с хороший купейный вагон.

Еще я видел темные точки разлетевшихся по стенам кровавых брызг.

— Заходи, Гарри Дрезден, — слышался из спальни негромкий старческий голос. — Мы сделали перерыв и ждем тебя.

Я вошел в спальню и оказался на месте преступления.

Первой ударила в ноздри вонь. Ла Фортье погиб несколько дней назад, и стоило миновать порог, как меня захлестнули запахи смерти и разложения. Он лежал на полу у кровати. Повсюду виднелись следы крови. На горле зияла чудовищная рана, все тело покрывала корочка запекшейся крови. Руки тоже были изрезаны — Ла Фортье явно пытался защититься от лезвия. Возможно, имелись и другие раны, на торсе, но утверждать этого наверняка я не мог.

На секунду я зажмурился, сдерживая рвотный позыв, а потом осмотрел комнату внимательнее.

Вокруг тела виднелся аккуратно очерченный золотой краской круг, по которому горели расставленные с одинаковыми интервалами пять белых свечей. Между свечами дымились пять курильниц с благовониями, и — поверьте мне на слово — запах горящего сандалового дерева не перебивал вони разлагающегося тела. По сравнению с ним она казалась лишь еще омерзительнее.

Я стоял, глядя на Ла Фортье сверху вниз. Он был лыс, чуть выше среднего роста и неестественно худ. Правда, сейчас он худым не казался. Труп начал распухать. Рубаха на груди и животе натянулась, едва не обрывая пуговицы. Спина выгнулась, ногти на руках глубоко впились в ладони, зубы оскалились в чудовищной гримасе.

— Он умирал в муках, — слышался все тот же старческий голос, и Индеец Джо, которого на самом деле звали Слушающий Ветер, вытирая руки полотенцем, вышел ко мне из ванной. В его длинных седых волосах виднелось еще несколько черных прядей. Кожа имела характерный для коренных обитателей Америки бронзовый оттенок; темные глаза поблескивали из-под седых бровей. Он был одет в линялые синие джинсы, кожаные мокасины и старую черную футболку с логотипом «Аэросмита». На поясе красовалась сумка из сморщившейся от времени кожи; такая же, но поменьше, висела на перекинутой через шею веревке. — Привет, Гарри Дрезден.

Я почтительно склонил голову. Индеец Джо славился в первую очередь как самый опытный целитель и знахарь Белого Совета — а возможно, и всей планеты. Он обладал несколькими докторскими степенями в области медицины, что не мешало ему раз в десять — двадцать лет проходить новый университетский курс: Индеец Джо старался не отставать от прогресса.

— Он погиб, защищаясь, — согласился я, мотнув головой в сторону Ла Фортье.

С минуту Индеец Джо, нахмурившись, смотрел на тело, потом снова повернулся ко мне.

— Лично я предпочел бы умереть во сне, — заметил он. — А ты?

— Мне бы хотелось, чтобы на меня наступил слон — в момент, когда я занимался бы любовью с хорошенькими тройняшками, — отозвался я.

Он ответил на это улыбкой, на мгновение согнавшей с лица вековую усталость.

— Знал я парней, которые надеялись жить вечно. — Он перевел взгляд на погибшего, и улыбка померкла, словно ее и не было. — Может, такое когда и станет возможно. А может, и нет. Смерть ведь естественная часть жизни.

Я не нашелся что возразить.

— Что это вы такое готовите?

— Его смерть оставила отметину, — ответил старый чародей. — Мы пытаемся собрать физические следы в цельный образ.

Я удивленно выгнул бровь.

— Неужели... такое возможно?

— В обычной обстановке — нет, — признал Индеец Джо. — Но это помещение со всех сторон огорожено берегами. Нам известно, какими именно, следовательно, мы знаем, как они должны выглядеть в нормальном состоянии. А значит, по следам воздействия на обереги посторонней энергии мы можем вычислить, что это была за энергия и с какой стороны пришла. Это одна из причин, по которым мы не двигали тело с места.

Некоторое время я обдумывал услышанное и в конце концов я решил, что описываемое Индейцем Джо, в принципе, возможно, но лишь отчасти. Это было, как если бы кто-то попытался воссоздать образ, освещенный короткой вспышкой света, проследив отражения вспышки от стен. И даже так необходимые для этого концентрация и умственная энергия потрясали воображение.

— Я-то думал, дело открыли и закрыли, — пробормотал я.

— Улики неопровержимы, — кивнул Индеец Джо.

— Тогда какого черта вы тратите время на эти... штуки?

Индеец Джо посмотрел на меня в упор и ничего не ответил.

— Мерлин, — произнес я. — Он не верит, что это совершил Морган.

— Совершил он это или нет, — сказал Индеец Джо, — Морган был правой рукой Мерлина. Если его будут судить и признают виновным, это нанесет сильный удар по авторитету Мерлина.

Я тряхнул головой.

— Как я люблю эту политику...

— Не будь младенцем, — негромко произнес Индеец Джо. — Нынешнее равновесие сил — во многом заслуга Мерлина. Его смещение с поста председателя Совета посеет в сверхъестественном мире хаос и смуту.

Я подумал еще немного.

— Вы полагаете, — спросил я, — он попробует смухлевать?

Секунду-другую Индеец Джо молчал, потом медленно, но решительно покачал головой.

— Я ему не позволю.

— Почему?

Индеец Джо кивнул в сторону кабинета.

— Из всех членов Совета, — сказал он, — Ла Фортье обладал самыми обширными связями в третьем мире. Очень много членов Совета родом из Азии, Африки, Латинской Америки, преимущественно из маленьких, нищих государств. Они считают, что Белый Совет безразличен к их проблемам, их мнению. Ла Фортье был их союзником, единственным членом Совета Старейшин, который — по их мнению — относился к ним со вниманием.

Я скрестил руки на груди.

— И поэтому его убил человек — правая рука Мерлина?

— Виновен Морган или нет, они *считают*, что это совершил он — возможно, по приказу Мерлина, — вздохнул Индеец Джо. — И если его признают невиновным и освободят, события могут принять неприятный оборот. Очень неприятный.

Мой желудок снова свело болезненной судорогой.

— Гражданская война.

Индеец Джо вздохнул и кивнул головой.

С ума сойти.

— И на чьей стороне вы? — спросил я.

— Я рад бы ответить, что я на стороне правды, — честно сказал он. — Но не могу. Потерю Моргана Совет переживет, хотя и ценой некоторого хаоса, пока страсти не улягутся. — Он покачал головой. — А гражданская война гарантированно нас уничтожит.

— Значит, убийца — Морган, и с этим ничего уже не поделать? — тихо произнес я.

— Если падет Белый Совет, кто защитит человечество от тех, кто считает его своей дичью? — Он снова покачал головой. — Я с уважением отношусь к Моргану, но такого допустить не могу. В конце концов, если на одной чаше весов единственный человек, то на другой — все человечество.

— То есть когда вы завершите процедуру, заклание укажет на Моргана, — сказал я. — Вне зависимости от того, кто это совершил на самом деле.

Индеец Джо низко опустил голову.

— Я сомневаюсь, что оно подействует. Даже с учетом Мерлинова опыта.

— А если сработает? Если оно покажет другого, настоящего убийцу? Вы сами станете выбирать, кому жить, а кому умереть — и черт с ней, с правдой?

Индеец Джо поднял на меня взгляд своих темных глаз, и голос его, хоть и сделался тише, окреп как камень.

— Однажды, Гарри Дрезден, на моих глазах погибло племя, которое мне полагалось защитить. Я не сделал этого, потому что по моему тогдашнему убеждению Совету или его членам не полагалось участвовать в политических махинациях смертных. Я не позволял себе вмешиваться до тех пор, пока не было уже поздно. Тогда я сделал выбор, кому умирать, а кому жить. Мой народ погиб из-за моих убеждений. — Он тряхнул головой. — Больше я такой ошибки не совершу.

Я отвернулся от него и промолчал.

— С твоего позволения, — произнес он и вышел из комнаты.

Блин-тарарам.

Я-то надеялся заручиться поддержкой Индейца Джо — но не принял в расчет побочных политических факторов. Не думаю, чтобы он стал мне мешать, узнай он, что у меня на уме, но и помощи от него ожидать я не мог. Чем глубже я копал, тем безнадежнее выглядела вся эта история. Если Моргана обрекут на смерть, всем канты. И если *не обрекут* — тоже канты.

Кранты, и все тут.

Черт.

Я даже не мог сердиться на Индейца Джо. Я понимал, в каком положении он оказался. Блин, да будь я членом Совета Старейшин и доведись мне оказаться на его месте, не уверен, что я не поступил бы так же. Голова снова разболелась.

Как, черт подери, мне поступить по справедливости — если ее, справедливости этой, и нет вовсе?

Глава шестнадцатая

Еще с минуту я молча смотрел на труп Ла Фортъе, потом тряхнул головой и достал из кармана одноразовый пленочный фотоаппарат — из тех, что продают в торговых автоматах. Я обошел всю комнату, щелкая тело, кровавые брызги и сломанную мебель. Я отснял всю пленку, стараясь по возможности полнее запечатлеть место преступления, после чего убрал камеру в карман и вышел из покоев на галерею.

Откуда-то снизу донеслись голоса. Я приятельски кивнул Везунчику, который ответил непроницаемым взглядом, и подошел к перилам.

У столика с закусками стояли, переговариваясь о чем-то вполголоса, Слушающий Ветер и Мерлин. Где-то на заднем плане витал Пибоди, на сей раз с другим набором папок, гроссбухов и авторучек.

Я застыл, прислушиваясь. Слушать я научился уже давно — это не столько магия, сколько умение концентрироваться и отсекал посторонние раздражители.

— ...выяснить истину, — говорил Мерлин, накладывая себе на тарелку миниатюрные сэндвичи, нарезанный кубиками сыр и зеленые виноградины. — Уж наверняка ты не имеешь возражений против этого.

— Я полагаю, истина и так уже достаточно ясна, — негромко отвечал Слушающий Ветер. — Мы только теряем время. Нам стоит сосредоточиться на потенциальных последствиях инцидента.

Мерлин — высокий мужчина с царственной осанкой, длинной седой бородой и соответствующей седой шевелюрой — этакий эталон чародея. Он был облачен в синюю мантию, голову его венчал серебряный обруч, и на посохе белого дерева не виднелось ни одной отметки. Пальцы с зажатыми в них виноградиной застыли в паре дюймов от тарелки, и он внимательно посмотрел на Индейца Джо.

— Я приму этот совет к сведению.

Индеец Джо, Слушающий Ветер, вздохнул и поднял руки ладонями вверх.

— Мы готовы начинать.

— Позволь мне подкрепиться немного, и я подойду.

— Гхм, — подал голос Пибоди. — Право же, чародей Слушающий Ветер, я был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вы, пока Мерлин кушает, подписали бы несколько бумаг. У вас на столе лежат два документа, требующих вашего одобрения, и у меня с собой имеются еще три... — он перевернул стопку бумаг, которую держал в руках, — нет, четыре. Четыре документа.

Индеец Джо вздохнул.

— Ладно, — буркнул он. — Идем. — Они повернулись, поднялись по лестнице на галерею и скрылись в двери на противоположной стороне зала.

Я подождал немного и спустился.

Мерлин сидел в кресле недалеко от лестницы и расправлялся со своими сэндвичами. Увидев меня, он на мгновение застыл, и вновь продолжил жевать. Забавно. Мерлин мне нравился не больше, чем прыщ на причинном месте, но мне как-то не приходилось еще встречаться с ним в быту. До сих пор я видел его исключительно в процессе руководства Советом, и в этом амплуа он оставался для меня бесконечно далеким, можно сказать, недостижимым. Одно слово — власть.

Мне, например, и в голову не приходило, что он может есть сэндвичи.

Я собирался пройти мимо, но вместо этого почему-то свернул и остановился перед ним.

Он продолжал жевать как ни в чем не бывало. Только расправившись с сэндвичем, он поднял на меня взгляд.

— Пришли поглумиться надо мной, Дрезден? — спросил он.

— Нет, — тихо ответил я. — Я здесь затем, чтобы помочь вам.

Он выпустил из пальцев кубик сыра, который хотел положить в рот, и уронил на пол. Мерлин прищурился, глядя на меня с нескрываемым подозрением.

— Прошу прощения?

Я оскалился в недоброй улыбке.

— Понимаю. Поверьте, мне это произносить — все равно что теркой для сыра по деснам тереть.

Долгое мгновение он пристально смотрел на меня, потом перевел дух и откинулся на спинку кресла. Взгляд его голубых глаз был по-прежнему прикован к моему лицу.

— С какой стати мне верить, что вы действительно поступите так?

— Потому что вы сидите задницей на раскаленной сковородке, и я единственный, кто может эту сковородку убрать.

Он царственно повел седой бровью.

— Ну ладно, — признал я. — Это вышло немного двусмысленнее, чем мне хотелось бы.

— Разумеется, — буркнул Мерлин.

— Однако же Морган не может прятаться до бесконечности, и вы это прекрасно понимаете. Его найдут. Суд над ним вряд ли займет больше двух секунд. И стоит его голове упасть с плеч, как ваша карьера полетит кувырком вслед за нею.

Мерлин помолчал, обдумывая, а затем пожал плечами.

— Мне кажется, от вас логичнее было бы ожидать, что вы приложите все усилия к тому, чтобы с ним покончили.

— Мне хотелось бы полагать, что я прилагаю все свои усилия с умом, а не от балды, — улыбнулся я. — Если бы я желал его смерти, мне достаточно было бы просто стоять в сторонке, ничего не делая. Ну, может, в ладоши похлопать. Вряд ли я мог бы причинить ему больше ущерба.

— О, — произнес Мерлин. — Право же, не уверен. По этой части у вас особый талант.

— Охота за ним в полном разгаре. Половина Совета жаждет его крови. Насколько я слышал, все улики против него — и уж у меня к нему счет за все эти годы побольше, чем у любого другого. — Я пожал плечами. — В подобных обстоятельствах вряд ли я могу сделать его положение хуже, чем оно есть. И что вам терять?

Легкая улыбка коснулась на мгновение уголков его губ.

— Допустим на мгновение, что я с вами соглашусь. Что вам от меня нужно?

— Копию его дела, — ответил я. — Все, что вам известно о смерти Ла Фортье, и как Морган ушел от вас. Все до последней детали.

— И что вы намерены с этим делать?

— Полагаю, использовать эту информацию для того, чтобы найти убийцу Ла Фортье.

— И только?

— Да. Именно так, — ответил я после короткого молчания.

Мерлин взял с тарелки другой кусок сыра и некоторое время жевал.

— Если мое собственное расследование даст результат, я обойдусь и без вашей помощи.

— Черта с два обойдетесь, — сказал я. — Всем известно, что в ваших интересах выгородить Моргану, пусть даже ценой лжи. Все ваши доказательства его невиновности только усугубят подозрения.

— В то время как ваша с Морганом взаимная неприязнь всем хорошо известна, — задумчиво произнес Мерлин. — Так что любые доказательства его невиновности не вызовут сомнений, если будут исходить от вас. — Он склонил голову набок и посмотрел на меня: — Почему вы так поступаете?

— Возможно, потому что я не считаю его виновным.

Брови его приподнялись — казалось, он сейчас улыбнется.

— А тот факт, что убитый голосовал против вас, когда вы сами представляли перед судом, не имеет к этому никакого отношения.

— Именно так, — подтвердил я, закатывая глаза. — Вы, как всегда, попали в точку. Вот вам моя эгоистичная, мстительная мотивация помочь Моргану оправдаться: то, что ублюдок Ла Фортье получил по заслугам.

Мерлин смотрел на меня еще несколько долгих секунд и наконец кивнул.

— Одно условие, — произнес он.

— Условие, — восхитился я. — Вы еще ставите условия в ответ на предложение убрать огонь из-под вашей задницы.

Он устало улыбнулся.

— Моей заднице вполне удобно там, где она находится. Не забывайте, Страж, у меня такой кризис не впервые.

— Но вы до сих не прогнали меня к чертовой матери.

Он поднял палец, пародируя салют фехтовальщика.

— Туше. Я допускаю, что вы — чисто гипотетически — можете оказаться полезным.

— Вот черт! Я прямо-таки счастлив, что соизволил предложить вам свою помощь. Так счастлив, что даже готов выслушать ваше условие.

Он медленно покачал головой.

— Мало просто доказать, что Морган невиновен. То, что в наших рядах предатель — неопровержимый факт. Его *необходимо* найти. Кто-то должен ответить за то, что случилось с Ла Фортье — и не только ради сохранения Совета. Наши враги должны знать, во что подобные акции обойдутся *им*.

Я кивнул.

— Значит, не только доказать невинность Моргана, но и найти того типа, что это сделал. Надо бы положить все это на музыку, чтобы заниматься этим делом, приплясывая.

— Вынужден напомнить, что это вы первый подошли ко мне, Дрезден. — Он снова улыбнулся. — Если мы хотим избежать хаоса, с ситуацией надо разобраться чисто и решительно. — Он развел руками. — Да, если вы не сможете решить проблему подобным образом, нашего разговора не было. — Взгляд его сделался жестче. — И я буду ждать от вас благоразумия.

— И вы сможете спокойно казнить преданного вам человека — даже зная, что он невиновен?

Глаза его внезапно вспыхнули холодным огнем, и я едва не отшатнулся.

— Я буду поступать так, как считаю необходимым. Зарубите это себе на носу, если хотите мне «помогать».

Наверху, на галерее, скрипнула дверь, и через несколько секунд Пибоди, нагруженный своими папками и листочками, начал осторожно спускаться по лестнице.

— Сэмюэль, — произнес Мерлин, так и не сводя с меня взгляда. — Будьте добры, проследите, чтобы Страж Дрезден получил все материалы по делу об убийстве Ла Фортье.

Растеряннo моргая, Пибоди остановился перед Мерлином.

— А? Да, разумеется, сэр. Сей момент. — Он покосился на меня. — Вы не пройдете со мной, Страж?

— Дрезден, — произнес Мерлин почти дружеским тоном, — если это какие-то ваши штучки, можете не сомневаться, этим меня не пронять. И вообще мое терпение на ваш счет не безгранично.

Мерлин неспроста считается самым могущественным чародеем планеты. Одних этих слов с почти неприкрытой угрозой хватило, чтобы меня пробрал озноб.

Ну, почти.

— Надеюсь, Мерлин, вы сможете продержаться достаточно долго, чтобы я успел вытащить вас из этой заварухи. — Я улыбнулся и поднял руку ладонью вверх, словно держал на ней среднего размера дыню. — Задница, — пояснил я. — На сковородке. Идемте, Пибоди.

Пибоди изумленно заморгал. Пока я шел мимо него к двери, рот его открылся и закрылся несколько раз, так и не издав ни звука. Потом он все-таки смог выдохнуть и засеменил за мной следом.

Уже от двери я оглянулся еще раз на Мерлина.

Он сидел в ленивой, расслабленной позе, но даже с такого расстояния я видел, каким ледяным гневом горят его голубые глаза. Пальцы его дергались словно от судорог, не затрагивавших остальных частей тела. На мгновение мне в голову пришла мысль о том, что он, должно быть, в отчаянном положении, если согласился на мою помощь. И еще: умно ли с моей стороны было дразнить его вот так.

И что таилось под этим внешне спокойным и уверенным обликом — не безумие ли?

Будь проклят Морган — за то, что приперся к моим дверям.

И будь проклят я сам — за то, что свалил дурака, открыв ему.

Глава семнадцатая

Пибоди отворил дверь и прошел в идеально ухоженный кабинет. Книги на полках стояли в безукоризненном порядке, в соответствии с размерами и цветом корешка. Примерно так же обстояло дела с папками, только окраска их была на порядок разнообразнее. Наверное, решил я, в бюрократической радуге и цветов больше, чем в обычной.

Я шагнул за ним внутрь, но он повернулся и испепелил меня взглядом.

— Мой кабинет — цитадель порядка, Страж Дрезден. Вам здесь не место.

Мгновение-другое я просто молча смотрел на него.

— Будь я немного чувствительнее, это уязвило бы мои чувства.

Он злобно глянул на меня поверх очков.

— Вы... вы неправильный человек, — произнес он так, будто надеялся, что яд в его словах сразит меня насмерть.

Я положил руку на сердце и ухмыльнулся в ответ:

— Ой.

Кончики его ушей заметно покраснели. Он неуклюже повернулся, подошел к шкафу и принялся свирепо выдвигать и захлопывать ящики.

— Да, кстати, — заметил я. — Я прочел вашу книгу.

Он бросил на меня взгляд и снова отвернулся. Потом резко, едва не выдернув из гнезда, выдвинул очередной ящик.

— Ну, ту, про Эрлкёнига, — пояснил я. — Сборник стихов и статей.

Он достал из ящика папку и напряженно выпрямился.

— Один Страж, родом из Бремена, сказал, вы неправильно перевели название с немецкого, — продолжал я. — Должно быть, это здорово досадно, правда? В смысле, ее же издали лет сто или больше назад. Вы, наверное, переживаете из-за этого.

— Немецкий, — злобно буркнул Пибоди, — тоже неправильный язык. — Он подошел ко мне, держа в руках папку, листок бумаги и чернильницу с пером. — Распишитесь здесь.

Я потянулся за пером правой рукой, а левой схватил папку.

— Прошу прощения. Обойдемся без автографов.

Пибоди насупился как туча и едва не уронил чернильницу.

— Послушайте-ка, страж Дрезден...

— Ну-ну, Саймон, — улыбнулся я, радуясь возможности отомстить за немецкоязычное население планеты. — Мы же не хотим сделать кого-либо уязвимее, правда?

— Меня зовут Сэмюэль, — огрызнулся он. — А вы, Страж Дрезден, можете обращаться ко мне «чародей Пибоди».

Я открыл папку и пробежал взглядом страницы. Содержимое мало отличалось от нормальных, современных полицейских отчетов — показания свидетелей, фотографии и записи ведущих дело Стражей. Похоже, хоть военное ведомство Белого Совета отстало от времени не так сильно, как прочие динозавры. Заслуга в этом принадлежала по большей части Анастасии.

— Это все материалы, Сэм?

— Все, — процедил он сквозь зубы.

Я захлопнул папку.

— Спасибо.

— Эта папка — официальная собственность Совета Старейшин, — возмутился Пибоди, размахивая бумагой и чернилами. — Я вынужден настаивать на том, чтобы вы немедленно расписались в получении.

— Стой! — закричал я. — Стой, воры! — Я приложил руку к уху, несколько секунд с внимательным видом прислушивался, потом покачал головой. — Вот ведь незадача: как раз когда нужен Страж, ни одного не отыщется. Верно, Сэм?

После чего вышел, оставив чародея-карлика задыхаться от злости.

Обстоятельства порой заставляют меня звереть.

Обратное путешествие прошло значительно спокойнее. Никакие беглецы со съемок третьесортных ужастиков не пытались напугать меня до смерти — только несколько не подлежащих опознанию кусков свисали, завернутые в серебристую паутину, с ветвей на том месте, где я разобрался по пути в Эдинбурге нарушителями порядка — похоже, все, что осталось от незадачливого паука.

Я вышел из Небывальщины в тот же переулок за старой чикагской бойней, не встретив ничего страшнее призрачных наблюдателей. Здесь, в Чикаго, уже стояла глухая ночь — четвертый час или около того. Головная боль и без того меня доканывала, а с учетом нанесенной Шкурой-Перевертышем психической травмы, той энергии, которую мне пришлось потратить за весь этот долгий день, и пары прогулок по зимней сказочной стране... короче, устал я смертельно.

Я миновал пять кварталов, добрался до гостиницы, где была стоянка такси, и вернулся на машине домой. Когда-то давно, еще только начиная свой бизнес, я без сожаления жертвовал сном ради дел. Однако я далеко уже не двадцатилетний юнец. Мне стоило бы вести себя размереннее. Никому ведь не поможет, если я чисто от усталости допущу какую-нибудь критическую ошибку, правда?

Мистер, мой короткохвостый серый кот, которому полагалось бы называться пумой, пулей вылетел из глубины квартиры, стоило мне отворить дверь. Он с разбегу врезал плечом мне по ногам, напугав до полусмерти и едва не опрокинув. Веса в нем почти тридцать фунтов, и когда он в знак приветствия врезается в кого-нибудь плечом, это, скажем так, трудно не заметить.

Я наклонился и успел ухватить его, пока он не выскочил на улицу, потом устало ввалился в комнату и закрыл за собой дверь. Без Мыша в доме сделалось совсем тихо и пусто. Поймите меня правильно: мы с Мистером делили жилплощадь задолго до того, как у нас появилось это пушистое чудище. Обоим стоило немалого труда привыкнуть к тому, что здесь будет проживать еще и огромная, пусть даже дружелюбная метелка для сметания пыли, но теперь, когда она вдруг исчезла, это ощущалось довольно остро.

Впрочем, Мистер не спеша подошел к миске Мыша, съел кусочек сухого корма, а потом просто-напросто перевернул миску, так что корм рассыпался по всей кухне. Затем он улегся в том месте, где обычно дремлет Мыш, и блаженно потянулся. Возможно, дисконфорт ощущал только я.

Я уселся на диван, набрал номер, не дождался ответа, оставил сообщение и вдруг сообразил, что мне отчаянно не хочется тащиться в спальню, снимать с постели окровавленное Морганом белье и стелить перед сном новое.

Поэтому я просто вытянулся на диване и закрыл глаза. Сон навалился мгновенно.

Судя по всему, я проспал как полено, не шевелясь, до тех самых пор, как отворилась входная дверь и вошла Мёрфи, держа в руках амулет, который позволял ей миновать мои обереги. Стояло утро, и из расположенных в прямых окон лился уютный золотистый свет.

— Гарри, — сказала она. — Я получила твоё сообщение.

А может, мне показалось, что она это сказала. Мне удалось продрать глаза и сесть со второй, если не с третьей попытки.

— Погоди, — сказал я. — Погоди. — Я выполз в ванную, привел себя в порядок, сполоснул лицо холодной водой и вернулся в гостиную. — Ладно. Пожалуй, теперь я хоть немного начинаю понимать слова.

Она одарила меня кривоватой улыбкой.

— Неважно выглядишь.

— Я всегда такой, пока не подкрашусь и не припудрюсь, — буркнул я.

— Почему ты не позвонил мне на мобильный? Я же тебе давала номер.

— Нужно было соснуть, — ответил я. — До утра терпело.

— Я так и поняла. — Мёрфи жестом фокусника вынула из-за спины бумажный пакет и поставила на стол.

Я открыл его. Кофе и пончики.

— Девушки-полицейские такие классные, — пробормотал я, подвинул ей через стол папку Пибоди и принялся жевать.

Мёрфи, хмурясь, перелистала дело.

— Что это? — спросила она, перевернув последнюю страницу.

— Документы по делу Стража, — ответил я. — И, кстати, ты их не видела.

— Значит, предатель, — задумчиво сказала она. — И почему я этого не видела?

— Потому, что это все, что имеется у Совета по делу Ла Фортье. Я очень надеюсь отыскать здесь что-нибудь, что укажет мне на настоящего нехорошего парня. И я подумал, одна голова хорошо, а две лучше.

— Ясно, — кивнула она, доставая из кармана ручку и блокнот. — На что обращать внимание?

— На все необычное.

Она помедлила, переворачивая страницу.

— Вот, например, — сухим тоном заметила она. — Жертве в момент гибели исполнилось двести семьдесят девять лет.

Я вздохнул:

— Ищи нестыковки.

— А-а, — понимающе просияла она.

А потом мы оба замолчали, углубившись в бумаги.

Морган рассказал мне все правильно. Несколько дней назад девушка-Страж, дежурившая в эдинбургских катакомбах, услышала шум в покоях Ла Фортье. Она вызвала подмогу, и когда они вышли к двери, там обнаружили Моргану, стоявшего над не остывшим еще трупом Ла Фортье, с орудием убийства в руках. Он изобразил удивление и заявил, будто не знает, что произошло. Характер ранений соответствовал оружию в его руках; анализ крови на последнем тоже совпал с соответствующими показателями Ла Фортье. Моргану взяли под стражу, и тщательное расследование обнаружило, что на его банковский счет только что пришла чертовски крупная сумма денег. Стоило Моргану узнать об этом, как он ухитрился бежать, тяжело ранив троих Стражей.

— Могу я тебя кое о чем спросить? — поинтересовалась Мёрфи.
— Ну?
— Одна из вещей, по которой бояться убивать чародеев, это смертное проклятие, так?
— Ну... более или менее так, — пробормотал я. — Если ты хочешь гарантированно угробить себя при этом, можно и убийце серьезных пакостей подложить.

Она кивнула.

— Это происходит мгновенно?

Я пожевал губу.

— Не совсем.

— Тогда — насколько быстро? Несколько минут? Секунд?

— Примерно столько, сколько требуется, чтобы выхватить пистолет и пришить кого-то, — сказал я. — Некоторые короче, некоторые длиннее.

— То есть секунду или три?

— Угу.

— Как по-твоему, Морган получил смертное проклятие Ла Фортье?

Я наморщил лоб.

— Гм. Трудно сказать. Эффект от этого не всегда проявляется сразу.

— Но как ты считаешь?

Я допил последние капли кофе.

— Ла Фортье входил в Совет Старейших, а туда за красивые глаза не берут. Разрушительное смертное проклятие от чародея такого уровня запросто превратило бы в массу запекшегося стекла целый городской квартал. Так что, на мой взгляд, вряд ли. Ла Фортье не делал этого.

— Но почему?

Я нахмурился еще сильнее.

— Времени у него имелось предостаточно, — продолжала Мёрфи. — Он явно сопротивлялся — об этом говорит характер полученных ранений. У жертвы все руки изрезаны, и погиб он от потери крови. Все это не заняло много времени, но на вашу штуку с проклятием хватило бы и того.

— Если уж на то пошло, — пробормотал я, — почему ни один, ни второй не прибегли к магии? Почему все свелось к чисто физическому поединку?

— А не могли они заблокировать магическую энергию друг друга?

— Чисто технически, пожалуй, могли. Но такие штуки требуют серьезной синхронизации. Случайно такое не выйдет.

— Что ж. Уже лучше, чем ничего, — хмыкнула она. — Оба соперника или сознательно воздержались от использования магии, или просто *не смогли* ее использовать. Та же фигня с проклятием. Ла Фортье либо сознательно не сделал этого, либо был не в состоянии. Остается один вопрос — почему?

Я кивнул:

— Не лишено логики. Только каким образом это приближает нас к поимке убийцы?

Она рассеянно пожала плечами.

— Понятия не имею.

Вот так, кстати, по большей части проходят расследования. Копы, детективы или донкихотствующие чародеи понятия не имеют, какая информация окажется для них важна, до тех пор пока не разберутся с тем, что произошло. Все, что приходится делать — это собирать всю доступную информацию в надежде, что рано или поздно она сложится в нечто, поддающееся прочтению.

— Мысль хорошая, но толку от нее пока немного, — вздохнул я. — Что у нас еще?

Мёрфи покачала головой.

— Пока ничего такого, что привлекло бы мое внимание. Но хочешь предложение?

— Еще бы.

Она помахала в воздухе листком, на котором описывался обличающий банковский счет.

— Проследите деньги.

— Деньги?

— Свидетели могут ошибаться или давать ложные показания. Их можно подкупить. Построенные на их показаниях теории и заключения могут завести тебя в тупик. — Она бросила листок обратно на журнальный столик. — А вот деньги всегда подскажут что-нибудь. Если ты, конечно, сможешь это найти.

Я взял листок и перечитал его внимательнее.

— Банк заграничный. Амстердам. Ты могла бы заставить их открыть отправителя перевода?

— Смеешься, — вздохнула Мёрфи. — На то, чтобы пройти все положенные формальности и получить такое хотя бы от американского банка, у меня ушли бы дни, если не месяцы. А уж от зарубежного банка с пунктиком на конфиденциальности? У меня больше шансов перепить на пари Майкла Джордана.

Я хмыкнул. Потом спохватился, достал из кармана свою разовую камеру и протянул ее Мёрфи.

— Я там пощелкал немного, на месте. Больше, чем в деле у Стражей. Хотелось бы, чтобы ты тоже посмотрела.

Она кивнула и взяла камеру.

— Идет. Отдам по дороге в проявку и...

Ее перебил звонок моего древнего дискового телефона. Я снял трубку.

— Гарри, — произнес Томас очень напряженным голосом. — Ты нужен здесь. Срочно.

Я разом напрягся как струна.

— Что случилось?

— *Живо!* — рявкнул мой брат. — Мне одному их не сдер...

В трубке послышались гудки.

Господи.

Я покосился на Мёрфи. Ей хватило одного взгляда на мое лицо, чтобы вскочить из-за стола. К двери она подошла, уже держа наготове ключи от машины.

— Неприятности?

— Неприятности.

— Где?

Я вскочил и взял стоявшие в углу жезл и посох.

— Аренда складских помещений у Дирфилд-сквер.

— Знаю это место, — кивнула Мёрфи. — Едем.

Глава восемнадцатая

Неоспоримое преимущество езды на полицейской машине состоит в том, что у нее есть всякие классные прибабасы, позволяющие быстрее попасть в нужное место даже сквозь утренние чикагские пробки. Машина еще раскачивалась на пружинах подвески после того, как соскочила на проезжую часть с бордюра у моего дома, а Мёрфи уже нахлобучила на крышу синюю мигалку и включила сирену. Такое начало мне понравилось.

Остальная часть поездки понравилась мне значительно меньше. Понятие «быстрая» езда применительно к большому городу звучит весьма условно; не знаю, как в других местах, а в Чикаго оно означает чередование резких ускорений с еще более резкими торможениями. Мы попетляли по полудюжине переулков, избежали проблемного перекрестка, срезав поворот по стоянке, и меняли полосы движения с такой частотой, что только что выпитый кофе с пончиками начал вести себя в моем желудке самым неприятным образом.

— Выруби сирену и мигалку, — попросил я, когда от складов нас отделяла лишь пара кварталов.

Она послушно выполнила мою просьбу, но сморщила нос.

— Зачем?

— Затем, что кто бы там ни был, их несколько — иначе Томас не сомневался бы, что справится. — Я достал из кармана плаща револьвер и проверил его. — Дыма-огня вроде пока не видно. Будем надеяться, еще не все кончено, и умнее всего нам не слишком лезть на глаза — по крайней мере пока не разберемся, что происходит.

— Все таскаешься с револьвером, — сокрушенно покачала головой Мёрфи. Она проехала улицу, ведущую к складам, и лишь на следующей повернула и остановила машину. — Когда ты наконец заведешь себе нормальную пушку?

— Послушай, — начал я. — То, что у тебя боезапас вдвое больше моего, еще не...

— Второе, — перебила меня Мёрфи. — У ЗИГа обойма на двадцать патронов.

— Двадцать?! Ты лучше подумай о том, что...

— И перезарядка на порядок быстрее. Тебе ведь нужно доставать патроны из кармана по одному или горстью, так? И вставлять в барабан по одному?

Я сунул револьвер обратно в карман, стараясь, чтобы ни один патрон не выскочил из барабана. Мы вышли из машины.

— Дело не в этом.

Мёрфи раздраженно тряхнула головой.

— Чтоб тебя, Дрезден.

— С револьвером я знаю, что он не откажет, — объяснил я, повернувшись в направлении складов. — А автоматы у меня сплошь да рядом заклинивает.

— И самые новые?

— Насчет новых не знаю.

Мёрфи тоже сунула пистолет в карман легкой спортивной куртки.

— Просто всегда лучше иметь выбор. Собственно, я только это хотела сказать.

— Если револьвер устраивал Индиану Джонса, — упрямо буркнул я, — он и мне сойдет.

— Это ведь *вымышленный* персонаж, Гарри. — Губы ее изогнулись в легкой улыбке. — И потом, у него был еще хлыст.

Я пристально посмотрел на нее.

Глаза ее искрились.

— А у тебя есть хлыст, Дрезден?

Я посмотрел на нее еще пристальнее.

— Мёрфи... ты собралась ко мне *на ночь*?

Она рассмеялась, блеснув белыми зубами. Мы свернули за угол и обнаружили взятый напрокат белый фургон там, где его оставил Томас — через дорогу от складов.

На тротуаре у фургона как бы невзначай стояли на солнце двое мужчин в почти серых костюмах и серых же шляпах.

Приглядевшись к ним чуть более внимательно, я отказался от этого «почти» — костюмы и впрямь оказались абсолютно одинаковыми, равно как и шляпы.

— ФБР? — вполголоса спросил я у Мёрфи, сворачивая по тротуару в их сторону.

— Даже федералы покупают одежду в разных магазинах, — отозвалась она. — Что-то мне не по себе здесь, Гарри.

Я повернул голову и сквозь металлическую ограду десятифутовой высоты осмотрел складской комплекс.

Двое мужчин в серых костюмах шли вдоль одного ряда складов. Еще четверо — тоже попарно — шли вдоль следующего. И еще двое — вдоль третьего.

— Всего, значит, двенадцать, — вполголоса сообщила мне Мёрфи. Головы она даже не поворачивала. У Мёрфи свои, полицейские органы чувств. — И все в абсолютно одинаковых костюмах.

— Угу, явно нездешние, — подтвердил я. — Твари из Небывальщины очень часто так: если им нужно раствориться в окружении, они выбирают себе из этого окружения образец и прикидываются им. — Пару шагов я размышлял. — А то, что все выбрали один и тот же образец, возможно, означает, что они и по сути не слишком друг от друга отличаются.

— То есть ты хочешь сказать, что мне достаточно сходить на свидание с одним из них, чтобы иметь представление об остальных?

— Я имел в виду, чтобы беспокоиться за себя, нужно для начала этого *себя* ощущать.

Мёрфи медленно вздохнула.

— Просто замечательно. — Рука ее переместилась к карману, в котором она, насколько я знал, носила сотовый. — Подкрепление не помешает.

— А может, заставит их действовать, — отозвался я. — Я чего хочу сказать: если начнется концерт, не миндальничай — стреляй по ногам, или куда там у вас положено.

— Ты насмотрелся кино, Гарри, — хмыкнула она. — Если уж коп нажимает на спуск, так только для того, чтобы прикончить поганца. А фокусам и пускай занимаются всякие там спецназовцы и прочие Индианы Джонсы.

Я покосился на будку у въезда на стоянку. Обыкновенно там сидел дежурный — по крайней мере в светлое время суток. Однако сейчас будка была пуста — да и на улице, если на то пошло, я тоже никого не увидел.

— Где твоя ячейка? — спросила Мёрфи.

Я повел бровью.

— Там же, где всегда, балда.

Она издала звук, будто ее вот-вот стошнит.

— В первом ряду от середины, — сказал я. — Ближе к дальнему концу.

— Нам придется миновать тех, что ошииваются рядом с фургоном.

— Угу, — согласился я. — Но я не думаю, чтобы эти болванчики в костюмах уже нашли ее. Они все

еще ходят, все еще принимают. Если бы они нашли Моргана, они бы уже исчезли. — Подойдя ближе к фургону, я обнаружил, что две шины со стороны тротуара спущены. — Насчет нашего бегства они подумали.

— Ты уверен, что это не люди? — спросила Мёрфи.

— Гм... Ну, почти.

Она покачала головой.

— Меня такой ответ не устраивает. Они из мира духов или нет?

— Трудно сказать, пока не подойдем поближе, — сказал я. — Возможно, для этого придется даже дотронуться до одного из них.

Она медленно перевела дух.

— Как только будешь знать наверняка, — буркнула она, — дай знать. Скажем, мотни головой, если будешь уверен, что это не люди. Или кивни, если люди.

От фургона нас отделяло уже меньше двух десятков футов, так что на пререкания времени не осталось.

— Идет.

Я сделал еще несколько шагов и налетел на занавес тошнотворной энергии — столь интенсивной, что волосы от нее встали дыбом. Тут сомнений уже не осталось: мы имеем дело с враждебной сверхъестественной силой. Я коротко мотнул головой из стороны в сторону, и в это самое мгновение парочка в серых костюмах синхронно, как по команде, повернулась и уставилась на меня. Рты у обоих начали открываться.

Прежде, чем они успели издать хоть звук, Мёрфи выхватила пистолет и выпустила пули им в голову.

По две пули.

Две пули на одну мишень — тактика профессионального киллера. Всегда имеется небольшой шанс, что пуля коснется цели под острым углом и от ricoшетит от черепа. Вероятность этого невелика — однако повторный выстрел понижает эту вероятность от «небольшой» до «практически нулевой».

Мёрфи — коп, победитель стрелковых турниров, и от цели ее отделяло меньше пяти футов. Она проделала все одним движением, и выстрелы почти слились в один.

Из затылков обоих модников выплеснулось по фонтану прозрачной жижи, оба повалились тряпичными куклами на тротуар, и тела их мгновенно начали деформироваться, как попавший в сауну снеговик, превращаясь в эктоплазму — липкую, бесцветную слизь, материю Небывальщины.

— Блин-тарарам, — поперхнулся я, когда адреналин с секундным опозданием ударил мне в кровь.

Мёрфи не опускала пистолет до тех пор, пока не удостоверилась в том, что ее противники не продолжат свою боевую карьеру к качеству всадников без головы. Потом она бросила взгляд налево по улице, направо — и только после этого вытащила из ЗИГа почти полную еще обойму, заменив ее свежей.

Возможно, Мёрфи и производит впечатление любимой голубоглазой тетушки, но драться она умеет по-взрослому, без дураков.

Спустя какую-то пару секунд воздух наполнился тем, что более всего напоминало хор обезумевших бензопил. Не знаю, сколько голосов в нем участвовало, но наверняка больше двенадцати. Гораздо больше.

— Вперед, — рявкнул я, срываясь на бег.

Серые костюмы не умели действовать по индивидуальной программе. Вполне вероятно, у них и сознание-то было одно на всех. То, как мы сняли часовых, возбудило и разъярило остальных, и я не особо сомневался в том, что ответная реакция будет именно такой, какую можно ожидать от колониального организма при нападении на одну его часть.

Серые костюмы явно намеревались убить нас.

Ретироваться мы не могли: слишком близко оказались они от Молли с Морганом. Однако и за наши с Мёрфи жизни, поймай они нас здесь, на улице, я не дал бы и ломаного гроша. Все, что нам оставалось — это бежать вперед, и быстрее, в надежде прорваться на склад прежде, чем эти модники обнаружат нас. У нас имелся некоторый шанс попасть в нашу ячейку, забрать Молли и Моргана и смыться через портал в Небывальщину, оставив модников с носом.

Я вихрем пересек улицу и ворвался на складскую территорию; Мёрфи не отставала от меня ни на шаг. Не обращая внимания на делавшиеся все громче вопли, я добежал до центрального ряда складских ячеек, и тут с обоих концов прохода вывернулось штук двадцать или двадцать пять серых костюмов. Несколько штук увидели нас и нажали на тормоза, разбрызгивая гравий подошвами своих модных ботинок. Остальные, пусть с секундным опозданием, тоже начали поворачивать; тональность воплей

при этом изменилась. А потом мы с Мёрфи уже неслись, не сбавляя скорости, по проходу между ячейками.

Серые костюмы устремились в погоню, но у нас с Мёрфи оставался еще отрыв футов в сорок, а по части бега эти ребята не отличались сверхъестественной скоростью. К дверям мы вроде успевали.

Тут я вспомнил, что дверь заперта.

Не сбавляя хода, я сунул руку в карман джинсов, чтобы, подбегая, держать ключи наготове. До меня дошло, что если мне не удастся отпереть дверь с первой попытки, ничто не помешает серым костюмам догнать нас и убить.

Стоит ли удивляться, что я уронил эти чертовы ключи на землю.

Я выругался, затормозил, оступившись на гравии, и принялся лихорадочно шарить взглядом по земле в поисках ключей, а толпа серых костюмов настигала нас — теперь уже в неестественно-зловещей тишине.

— Гарри, — окликнула меня Мёрфи.

— Да знаю!

Она вернулась ко мне и застыла, изготовившись к стрельбе. Ствол ее пистолета целился в ближний от нас серый костюм.

Наконец в россыпи серых камешков блеснул металл, и я бросился к нему. Мёрфи открыла огонь — одиночными, отрывистыми выстрелами. Ближний серый костюм покатился по гравию. Остальные стоптали его, не сбавляя скорости.

Я нашел ключ, только, к сожалению, слишком поздно.

К дверям моего убежища мы уже не успевали.

Глава девятнадцатая

— Стань ближе! — рявкнул я, сунул конец посоха в гравий и повел им в сторону, очерчивая неровный круг диаметром фута в четыре. На мгновение я оказался на линии огня.

— Чтоб тебя, Гарри, пригнись! — сердито выдохнула она.

Я поспешно повиновался, тем более, что мне все равно нужно было коснуться земли, чтобы активировать круг. Пистолет Мёрфи дважды рявкнул, я торопливо бросил в круг заряд энергии и не увидел, но ощутил, как вокруг нас выросла защитная стена.

Бежавший впереди других серый костюм оступился и рыбкой полетел прямо на нас. Мёрфи отшатнулась, я бесцеремонно схватил ее прежде, чем она успела пересечь круг, разрушив его.

Серый костюм врезался в круг и отлетел как от каменной стены, только вспышка бело-голубого света очертила на мгновение призрачный цилиндр в воздухе. Мгновение спустя это начали повторять за ним остальные серые костюмы — в абсолютно одинаковой манере, словно опыт первого для остальных ничего не значил. Штук двадцать костюмов один за другим врезались в защитное поле и отлетели от него.

— Спокойно! — посоветовал я Мёрфи, не отпуская ее. — Спокойно, спокойно! — Она чуть расслабилась — ну, по крайней мере перестала сопротивляться моей хватке. — Все в порядке. До тех пор, пока мы не нарушим круг, им сюда не прорваться.

Нас обоих трясло. Мёрфи пару раз, словно задыхаясь, глотнула воздух. Мы так и стояли вдвоем, а серые костюмы тем временем растянулись по периметру круга, ощупывая его руками в надежде на брешь. Пока они проделывали это, я получил возможность рассмотреть их получше.

Ростом и сложением они совершенно не отличались друг от друга, за однойцовых близнецов не сошли бы, а вот за близких родственников — легко. Одинаковый цвет глаз — причудливый серо-зеленый. А еще на их лицах отсутствовал малейший намек на хоть какое-то выражение.

Один из них протянул руку, словно пытаясь коснуться меня, и стоило его растопыренной пятерне прижаться ладонью к невидимому барьеру, как на ней отворился самый что ни на есть гребаный рот. Настоящий рот, усеянный треугольными акульими зубами; скользкий, темно-лиловый язык вывалился кольцами из-за зубов и, раскрутившись, начал ощупывать круг, словно надеясь найти щель.

— Что ж, — произнесла Мёрфи перехваченным, напряженным голосом. — Не могу не признать: действует на нервы.

— Ничего, это еще цветочки, — буркнул я вместо ободрения.

И правда, остальные серые костюмы последовали примеру первого. Не прошло и пары секунд, как нас полностью окружили жуткие руки-пасти, извивающиеся змеями языки и брызги липкой слюны.

Мёрфи тряхнула головой и с шумом втянула в себя воздух.

— Ик.

— И не говори.

— Как долго эта твоя штука сможет их удерживать?

— Они из мира духов, — сказал я. — Пока круг на месте, они не в состоянии проникнуть внутрь.

— А разве они не могут... ну, накидать на него грязи или чего такого?

Я покачал головой.

— Сломать круг трудно, это не сводится к простому физическому процессу. Тут важен еще осознанный выбор, воля — а эти твари их лишены.

Мёрфи нахмурилась:

— Тогда кой черт они вообще все это устроили?

Мне пришлось сделать усилие, чтобы не врезать себе с размаху кулаком по лбу.

— Да потому, что кто-то призвал их сюда из Небывальщины, — ответил я. — И этот кто-то, кем бы он ни был, командует ими.

— А *он* может взломать круг?

— Угу, — кивнул я. — Легко.

— Замечательная реплика — идеально подходящая для начала разговора, — произнес мужской голос с ярко выраженным акцентом кокни. — Посторонитесь-ка, ребята.

Серые костюмы с одной стороны круга опустили руки и отступили на шаг, открыв взгляду коренастого, похожего на бульдога мужчину в дешевом малиновом костюме. Роста он был среднего, но с капитальной мускулатурой, не говоря уже о выпуклом пивном животике. Черты лица казались округлыми, замысленными какими-то — словно у хорошо обточенного водой камня. Седеющие волосы он остриг коротким ежиком, почти наголо, а маленькие пронзительные глаза его имели точно такой же цвет, как у серых костюмов: серо-зеленый.

— Любовь... — произнес он с ухмылкой. — Подумать, так нет ничего приятнее, нежели созерцать парочку, не стесняющуюся проявлять свои чувства на глазах у других.

Я уставился на него, потом на Мёрфи, и только тогда сообразил, что продолжаю прижимать ее к себе. Судя по выражению лица, Мёрфи тоже не замечала этого обстоятельства. Она закашлялась и чуть отстранилась от меня, стараясь при этом не выступить из очерченного по гравии круга.

Продолжая все так же ухмыляться, он приятельски кивнул нам.

— Привет, Дрезден. Не хотите упростить все для нас всех, сказав, в какой секции скрывается Дональд Морган?

Я вдруг вспомнил, где раньше видел портрет этого недоноска: в досье, разосланном всем Стражам.

— Вязальщик, — произнес я. — Вас ведь так, если не ошибаюсь, зовут?

Улыбка Вязальщика сделалась еще шире, и он чуть поклонился.

— Он самый.

Мёрфи посмотрела на Вязальщика и нахмурилась:

— Это еще что за жопа?

— Один из тех типов, на которых не терпится наложить руки Стражам.

— Он чародей?

— Ну, есть у меня кой-какие навыки по этой части, лапуля, — отозвался Вязальщик.

— Он актер одной роли, — заметил я, глядя на него в упор. — У него талант призывать всяких тварей из Небывальщины и подчинять их своей воле.

— Значит, Вязальщик, — кивнула Мёрфи.

— Угу. Вообще-то он мелкая шпана, работающая на подхвате у того, кто заплатит, но он очень осторожен: избегает нарушать Законы Магии, так что у Стражей нет повода взять его за жабры.

— Все так, — жизнерадостно подтвердил Вязальщик. — Вот потому я и наслаждаюсь исключительной иронией момента: в конце концов, не кого-то беру, а знаменитого Стража Дональда Моргана. Зануду напыщенного.

— Вы его еще не поймали, — заметил я.

— Все мое время, приятель, — подмигнул Вязальщик. Он наклонился, подобрал с земли камешек, задумчиво подбросил его пару раз на ладони и посмотрел на нас. — Видите ли, заполучить этот контракт было много желающих, а бабок обещают видимо-невидимо. Так что я не прочь дать вам шанс облегчить мою работу в обмен на кой-какие соображения.

— Какие соображения? — поинтересовался я.

Он зажал камешек большим и указательным пальцами.

— Я не кину вот это в ваш круг и не взломаю его. А значит, моим ребятами не придется вас обоих

убивать — а ведь это славно, не так ли?

Где-то далеко за спиной Вязальщика, у самого конца ряда одинаковых складских ворот взметнулось в воздух облачко пыли. По гравию перемещалось что-то невидимое. С учетом того, как обычно складывается моя жизнь, скорее всего мне не приходилось ждать от этого ничего хорошего. Если только...

— Ну же, Вязальщик, — сказал я. — Не будьте таким простаком. С чего вы взяли, что я не попрошу вот эту леди всадить пулю в то место вашей башки, где полагалось бы находиться мозгам?

— Стоит ей сделать это, и пуля сломает круг, а мои ребятки разорвут вас на части, — отозвался Вязальщик.

— Однако к тому времени это будет уже не ваша проблема, — заметил я.

Вязальщик безмятежно ухмыльнулся.

— Рано или поздно мы все обратимся в прах, не так ли?

Мёрфи спокойно подняла пистолет и нацелила ему в лицо.

Вязальщик смотрел на нее, все так же улыбаясь.

— Ну-ну, милая барышня. Не делайте ничего такого, о чем бы вы потом пожалели. Без моего... скажем так, личного руководства мои ребятки почти мгновенно вырвут этому симпатичному джентльмену глотку. Впрочем, в том, что касается леди, они действуют куда как менее профессионально. — Улыбка его померкла. — И вам, мисс, наверняка не хотелось бы узнать, на кого они похожи, когда орудуют не как профессионалы, атак.

Пальцы и склизкие языки продолжали шарить по кромке защитного поля.

Выражение лица у Мёрфи не изменилось, но я ощутил, как она поежилась.

— Пора решать, мисс, — поторопил Вязальщик. — Вы можете спустить курок и посмотреть, что произойдет, а можете опустить пушку, как и подобает уважающей себя леди, и вообще быть умницей.

В ответ Мёрфи недобро прищурилась.

— Насколько я понимаю, вы собираетесь бросить в нас этим камешком. Полагаю, мне лучше оставить пистолет там, где он сейчас.

— Подумайте-ка еще вот над чем, — посоветовал я Вязальщику. — Я знаю, вы считаете, будто можете выстроить перед собой своих зверьков живой стеной, чтобы бросить камень из-за нее. Но подумайте, что будет с вами, если вы меня убьете.

— Это вы о смертном проклятии, да? — спросил Вязальщик и с наигранным ужасом прижал руки к щекам. — О нет! Смертное проклятие... И чем оно мне грозит?

Я одарил его ледяной улыбкой.

— Думаю, остаток жизни вам придется провести без магии, — сообщил я негромко, но по возможности уверенно. — Умирая, я прихвачу с собой всю вашу силу. Навсегда. И никого вы больше не призвете. И не повяжете.

Лицо Вязальщика сменило выражение с приятельского на нейтральное.

— Вам когда-нибудь нравилось работать, а? — спросил я его. — Готов поспорить, что нет. Я ведь читал ваше досье. Вы из тех, кто любит поздно вставать и сорить деньгами, чтобы произвести впечатление на других. Всегда бронировать самые дорогие номера с прислугой, с шампанским. Ну, и на женщин эти деньги тоже производят впечатление. — Я покачал головой. — И как вы думаете, много ли шампанского вы сможете себе позволить, когда вам придется по роду деятельности напаять газетную шляпу? У вас ведь хватит здоровья и способностей на долгую, славную жизнь, приятель. Никем.

Долгую секунду он молча смотрел на меня.

— Не можете вы такого, — произнес он наконец. — Забрать мои способности. Не бывает такого.

— Я чародей, член Белого Совета. Не тупой болван какой-нибудь, который жизнь свою тратит на то, чтобы вредить людям. Или, по-вашему, мы на каждом перекрестке кричим о том, что мы умеем? Да если бы вы знали хоть половину того, что кажется вам невозможным, а мне под силу, вас бы давно и след простыл.

Вязальщик продолжал смотреть на меня; по скулам его стекали струйки пота.

— В общем, я как следует подумал бы еще, прежде чем бросать этот камень. Очень, очень тщательно подумал бы.

Где-то совсем недалеко взвыла полицейская сирена.

Я оскалил зубы в улыбке.

— Надо же, копы. Это становится все занятнее.

— Вы? — недоверчиво округлил он глаза. — Вы собираетесь вовлекать копов в личные дела?

Я ткнул пальцем в Мёрфи, которая достала книжку с жетоном и прицепила ее корочкой за пояс так,

чтобы значок болтался у Вязальщика перед носом.

— Уже вовлек, — хмыкнула Мёрфи.

— Кстати, я выбрал это место именно потому, что район хорошо патрулируется, — добавил я. — На один выстрел здесь не обратят внимание, а вот полдюжины настораживают.

Вязальщик прищурился и принялся шарить взглядом по стоянке.

— Тик-так, — произнес я, не давая ему опомниться. — Теперь это вопрос времени, приятель.

Вязальщик еще раз огляделся по сторонам, покачал головой и вздохнул:

— Блин. Страсть не люблю иметь дело с копами. Эти идиоты сами напрашиваются на неприятности. Просто штабелями мрут. А что кровищи... — Он махнул рукой в сторону своих клонов. — Одинаковые подозреваемые разбегаются как тараканы. Все бросаются вдогонку — ну, и погибают в попытке поймать. — Он пристально посмотрел на меня. — И как вам это понравится, а, чародей? И мисс коп? Допустим, яйца у вас крепкие — неплохо держались, покуда я угрожал. Уважаю.

У меня неприятно засосало под ложечкой. Я считал в уме секунды, отчаянно стараясь не спешить. Пожалуй, пора.

— И что с этими полицейскими? Вы хотите, чтобы жизни ихние остались у вас на совести? — Он чуть покрутил головой, словно готовящийся к поединку борец-чемпион. — Потому как скажу вам честно и откровенно, им меня не остановить.

Я поднял руку и легонько похлопал Мёрфи по запястью. Она покосилась на меня, кивнула и опустила пистолет.

— Вот так-то лучше, — ухмыльнулся Вязальщик. Приветливости, правда, в его ухмылке не осталось ни капли. — Все, чего мне нужно, — это Стража. Он все одно не жилец уже, да вы и сами это знаете. Так какая разница, кто его поймает?

Что-то шевельнулось за спиной у Вязальщика, и я не удержался от улыбки.

— Мне нет нужды ссориться ни с вами, ни с городом этим, — продолжал Вязальщик. — Скажите мне, где он, я тихо-мирно отчаю, и все будет тип-топ.

Мёрфи глубоко вздохнула.

— О'кей, — сказал я. — Он прямо за вашей спиной.

Улыбка у Вязальщика сделалась совершенно уже волчья.

— Мы же славно поболтали, Дрезден. Ни вы, ни я — мы оба не хотим опрометчивых шагов. Все это ужасно мило. Вот из-за таких мелочей солнце ярче светит. — Голос его окреп. — Тем более не стоит оскорблять меня предположением, что я совсем уж тупица.

— Ни в коем случае, — заверил я его. — Он у вас за спиной, футах в сорока. В инвалидной коляске.

Вязальщик бросил на меня пронзительный взгляд. Потом закатил глаза, оглянулся через плечо и тут же снова повернулся ко мне. Нахмурился, оглянулся еще раз — и невольно разинул рот.

В сорока футах за его спиной сидел в инвалидной коляске Морган с моим дробовиком в руках. Рядом с ним стоял, недобро глядя на Вязальщика и его воинство, Мыш, готовый в любое мгновение броситься вперед.

— Привет, Вязальщик, — ровным, беспощадным тоном произнес Морган. — Прошу вас, мисс Карпентер.

Из ниоткуда появилась Молли; все это время, с самого начала нашего разговора с Вязальщиком, когда я заметил ее движение, она скрывалась за искусно поставленной завесой. В руке она держала мой запасной жезл, конец которого запылвился от корябания по гравию. Она опустилась на колени у начерченного на земле круга и, сосредоточенно нахмурившись, коснулась его ладонью.

Поверьте мне, магические круги власти — самые что ни на есть азы нашего ремесла. Сделать их может практически каждый; важно только знать, как — и уж этому-то умению наши подмастерья обучаются в первую очередь. Круги создают границу, отделяющую пространство внутри от магических энергий внешнего мира. Именно поэтому подручные Вязальщика не смогли пересечь границы очерченного мною на земле круга — их тела состояли из эктоплазмы, удерживавшейся в твердом состоянии магической энергией. Стоило им пытаться пересечь черту, как круг отрезал их от этой энергии.

Оживший по воле Молли круг действовал точно так же, как мой — только на этот раз серые костюмы оказались *внутри* него, разом лишившись удерживавшей их в телесном состоянии энергии.

В результате четыре десятка демонических громил разом превратились в лужи прозрачной слизи.

При виде этого Вязальщик взвизгнул и отчаянно завертелся на месте, бормоча какое-то заклинание — впрочем, мог бы и не стараться. Чтобы вернуть свое воинство, ему пришлось бы сначала вытащить их из круга... Если бы ему, конечно, удалось отскрести слизь с гравия.

— Надо же, Вязальщик, — с деланным сочувствием заметил я. — Не ожидали такого, а?

— Эрнест Арман Тинуистл, — прогрохотал Морган непререкаемым, властным тоном и вскинул к плечу дробовик. — Сдавайся, хорек гнусный, если тебе дорога жизнь.

Взгляд серо-зеленых глаз Вязальщика метнулся от Моргана к нам. Похоже, он все-таки пришел к какому-то решению, потому что низко, по-бычьему наклонил голову и, размахивая руками, бросился на нас.

Ствол Мёрфиного пистолета метнулся было за ним, но она выругалась и рывком отвела оружие вверх и в сторону. Вязальщик врезался плечом ей под вздох, сбив ее с ног; одновременно с этим я получил локтем в живот.

Я попытался поставить ему подножку, но неудачно — все-таки я потерял равновесие от удара. В результате я приземлился на пятую точку, хотя и он оступися, сделав два или три неверных шага. Мёрфи же оказалась готова к удару; она перекатилась через голову и снова вскочила на ноги.

— Убери их отсюда, — бросила она и ринулась за Вязальщиком.

Мыш подошел ко мне, обеспокоенно — как это умеют только собаки — посмотрел вслед Мёрфи и перевел взгляд на меня.

— Нет, — сказал я ему. — Давай посмотрим.

Вязальщик неся во всю свою прыть, но я сильно сомневаюсь, чтобы он и в молодые годы был хорошим бегуном, не говоря уже о том, каким он стал, добавив двадцать лет и сорок фунтов. Другое дело Мёрфи, тренировавшаяся практически ежедневно.

Она нагнала его футах в десяти от конца проезда, помедлила секунду, прилаживая шаг, а потом сделала подсечку. Ноги его заплелись, и он покатился по земле.

Надо отдать ему должное: он сумел подняться, и рыча от ярости бросился на Мёрфи. Швырнув ей в лицо пригоршню гравия, он замахнулся на нее кулаком.

Мёрфи пригнулась, уворачиваясь от камней и песка, уклонилась от одного удара, дождалась второго и перехватила его за запястье. Оба описали замысловатый танцевальный пируэт, а потом Вязальщик с воплем врезался лысой тыквой в стальную дверь складской ячейки. Ничего не скажешь, башка у него оказалась крепкая. Он оглушенно отвалился от двери, но все-таки попытался при этом заехать Мёрфи локтем в висок.

Мёрфи без труда перехватила удар, использовав инерцию для классического броска через бедро — с той только разницей, что Вязальщик описал положенную траекторию в перевернутом положении.

Даже на расстоянии в полсотни футов я услышал хруст выбитой из сустава руки.

А потом он впечатался лицом в гравий.

Мое мнение о сообразительности Вязальщика несколько повысилось: он лежал, не рыпаясь, позволив Мёрфи заломить ему руки за спину и сковать их наручниками.

Мы с Мышом переглянулись.

— Жесть, — со вздохом произнес я.

Полицейские сирены слышались где-то уже совсем близко. Мёрфи покосилась в ту сторону, потом оглянулась на нас и сделала отчаянный жест рукой.

— Ладно, пошли, — сказал я Мышу, и мы поспешили к сидевшему в коляске Моргану.

— Я не мог стрелять в него из этой пукалки, пока вы двое там стояли, — возмущенно заявил Морган, стоило нам приблизиться. — А вы почему не стреляли?

— Вон почему, — ответил я, мотнув головой в направлении въезда на складскую территорию, где как раз тормозила, мигая синими огнями, патрульная машина. — Они почему-то с предубеждением относятся к трупам с огнестрельными ранениями. — Я повернулся к Молли и нахмурился: — Я что тебе сказал? Сматываться при первых признаках опасности!

Она взялась за рукоятки Морганова кресла, и мы двинулись обратно к ячейке и расположенному в ней portalу.

— Мы не знали, что происходит, пока не услышали, как они все начали визжать, — объяснила она. — А потом Мыш словно рехнулся и принялся подкапываться под стальную дверь. Я подумала, что вам грозит опасность. И так оно и оказалось.

— Не в том дело, — буркнул я. Мы как раз проходили мимо начертанного ею круга, и я стер линию ногой, высвободив удерживавшую его энергию. — Кто придумал эту штуку с кругом?

— Я, — невозмутимо произнес Морган. — Силовые ловушки — стандартная тактика борьбы с заклинателями-дилетантами.

— Извините, что я так долго копалась, — сказала Молли. — Просто пришлось делать круг побольше, чтобы они все поместились.

— Ничего страшного. Зато ему хватило времени наговориться всласть. — Мы вошли в ячейку, и я опустил и запер за нами ворота. — Справилась молодцом, Кузнечик.

Молли просияла.

Я огляделся.

— Эй, а где Томас?

— Вампир? — спросил Морган.

— Я оставил его на всякий случай дежурить на стоянке, — объяснил я.

Морган неодобрительно покосился на меня и покатился к portalу в Небывальщину.

— Вампир исчезает как раз перед тем, как появляется мелкий жулик, которому не полагалось бы знать о том, где я нахожусь. Вас это не удивляет, Дрезден?

— Томас позвонил мне и сообщил, что здесь неприятности, — ответил я, стараясь держать себя в руках. — Если бы он этого не сделал, вы бы сейчас уже отдыхали в компании серых костюмов.

Молли беспокойно закусил губу и покачала головой.

— Гарри... я не видела его с тех пор, как он привез нас сюда.

Стиснув зубы, я оглянулся на запертые ворота.

И где он теперь?

Будь у него возможность, он ни за что не бросил бы нас с Мёрфи на растерзание подручным Вязальщика. Он бился бы вместе с нами. Но он вместе с нами не бился.

Почему? Какие-то обстоятельства заставили его уехать, не дожидаясь нашего прибытия? Или, что еще хуже, уж не принял ли кто-то, вовлеченный в эти события, меры для его нейтрализации? Мне почему-то сразу вспомнилась эта психованная сучка Мэдлин. Ну, и Шкура-Перевертыш тоже наглядно продемонстрировал, что ему нравится убивать моих союзников, а не атаковать меня лично.

А может, его просто одолели числом эти чертовы серые костюмы, и его тело остывает в каком-нибудь темном углу? При одной мысли об этом у меня пересохло во рту.

Блин-тарарам.

Что случилось с моим братом?

Морган вполголоса произнес заклинание, отворив переливающийся всеми цветами радуги проем в полу. Молли заглянула в него, и то, что она увидела, явно произвело на нее впечатление.

— Дрезден, — окликнул меня Морган. — Мы не можем позволить себе впутать в это местную полицию.

Мне очень хотелось крикнуть ему что-нибудь обидное, но он был прав. Все новые сирены слышались уже с других сторон. Время делать ноги. Я взялся за кресло и покатыл Моргана к проему.

— Пошли, ребята, — скомандовал я.

Чтоб тебя, Томас, мысленно прорычал я. *Ну куда же ты, черт подери, делся?*

Глава двадцатая

От тропы, ведущей в глубь Небывальщины, портал моего убежища отделяли всего три ступеньки — но для человека в инвалидной коляске и эти три ступени представляли собой серьезное препятствие. Нам с Молли пришлось взять Моргана под руки и на себе перенести на тропу. Затем, оставив с ним Молли и Мыша, я вернулся, взял кресло и перетащил его по заснеженному склону на тропу — почти ничем не отличавшуюся от той, по которой шел минувшей ночью.

Мы снова усадили Моргана в кресло. К моменту, когда мы с этим разобрались, он побледнел как полотно и его трясло. Я положил ладонь ему на лоб — температура высокая.

Морган отдернул голову и насупился.

— Что там? — спросила Молли. Она догадалась захватить из склада оба припасенных мной пальто и уже напялила на себя одно.

— У него жар, — негромко ответил я. — Баттерс говорил, это может означать, что в рану попала инфекция.

— Я в норме, — сказал Морган, лязгая зубами.

Молли помогла ему надеть второе пальто и беспокойно огляделась по сторонам.

— Нам ведь лучше вывезти его отсюда в какое-нибудь теплое место, да?

— Угу, — кивнул я, застегивая плащ. — Отсюда до портала, ведущего в центр города, минут десять ходьбы.

— А вампиру это известно? — буркнул Морган.

— На что это вы намекаете?

— На то, что вы, Дрезден, идете напрямиком в западню.

— Ну вот что! — рявкнул я. — Еще одно замечание насчет Томаса, и выбирайтесь сами как знаете.

— *Томаса?* — Бледное лицо Моргана даже слегка потемнело от ярости и напряжения. — Сколько еще трупов потребуется, чтобы вы очнулись, Дрезден?

Молли деликатно покашляла.

— Гарри... гм... с вашего позволения.

Мы оба оглянулись на нее.

Она зарделась и опустила глаза.

— Это ведь Небывальщина?

— Ну... да, — ответил я.

— Разумеется, — ответил Морган одновременно со мной.

Мы с ним, все еще кипя, посмотрели друг на друга.

— Угу, — сказала Молли. — Разве не вы говорили мне, что это место опасно? — Она набрала побольше воздуха и заговорила быстрее. — То есть... ну, сами понимаете. Это ведь неразумно — стоять здесь и препираться на повышенных тонах? С учетом всех обстоятельств?

Я вдруг почувствовал себя дурак-дураком.

Морган тоже остыл немного. Он устало опустил голову, сложив руки на животе.

— Угу, — кивнул я, совладав с собой. — Угу, пожалуй, что так.

— Не говоря уже о том, что всякий, направляющийся из Эдинбурга в Чикаго, непременно нарвется на нас, — добавил Морган.

Молли кивнула.

— Чего вам хотелось бы... избежать, да?

Я негромко фыркнул, мотнул головой в нужном направлении и тронул коляску с места.

— Нам туда.

Молли поспешила следом, то и дело кося глазами в сторону звуков окружавшего нас зачарованного леса. Мыш пристроился рядом с ней, и она непроизвольно зарылась пальцами в шерсть у него на спине.

Минут пять мы шли молча, потом я нарушил тишину.

— Нам необходимо знать, как они вычислили ваше местонахождение.

— Лучше всего объяснит это вампир, — отозвался Морган подчеркнуто нейтральным тоном.

— Я знаю о нем то, чего не знаете вы, — возразил я. — Допустите на минуту, что это не он. Как они это сделали?

Морган помолчал немного, размышляя.

— Не прибегая к магии.

— Вы уверены?

— Да.

Похоже, он говорил искренне.

— Ваши методы защиты *настолько* хороши?

— Да.

Теперь уже я помолчал, обдумывая услышанное. И тут до меня дошло, что именно сделал Морган, чтобы укрыться от сверхъестественного наблюдения.

— Вы заговорили свой маркер. Серебряный дубовый листок. Тот, которым наградила вас Тита... — Я осекся, настороженно оглядываясь по сторонам. — Тот, которым наградила вас королева Летних.

Морган повернулся, чтобы посмотреть на меня через плечо.

Я присвистнул. Мне довелось как-то раз видеть королеву Титанию в ее истинном облики. Зрелище Титании и ее соперницы Мэб, готовившихся к битве друг с другом, до сих пор оставалось для меня одной из самых наглядных демонстраций силы, перед которой особенно остро ощущается собственная ничтожность.

— Вот, значит, почему вы уверены, что вас никто не найдет. Это она вас прикрывает.

— Должен признать, — произнес Морган, бросив на меня еще один уничтожающий взгляд, — мне всего-то лист дали. Не как некоторым — пончик.

Я нахмурился:

— А вы-то откуда узнали?

— Посланник Титании сказал. Все Летние несколько месяцев над этим хихикали.

Молли за моей спиной издала булькающий звук. Я не стал оборачиваться. Все равно максимум, чего бы я добился — это того, что она прикрыла бы ухмылку рукой.

— Сколько времени она вам дала? — поинтересовался я.

— До завтрашнего захода солнца.

Тридцать шесть часов. На несколько часов больше, чем я рассчитывал, но все равно немного.

— Этот дубовый листок — он у вас с собой?

— Разумеется, — подтвердил Морган.

— Можно посмотреть?

Морган пожал плечами и снял с шеи кожаный шнурок, на котором висел маленький мешочек вроде кисета. Развязал его, пошарил внутри пальцами, достал маленький, искусно отлитый из серебра дубовый листок с простой шпилькой на тыльной стороне и протянул мне.

Я взял листок и швырнул в лес, подальше от тропы.

На этот раз Морган все-таки зарычал.

— Зачем?

— Затем, что Летняя Королева их пометила. В прошлом году целая команда ее громил с помощью такого же листочка отслеживала меня по всему Чикаго.

Морган нахмурился, посмотрел в лес, вслед выброшенному талисману. Потом тряхнул головой и устало потер глаза.

— Должно быть, теряю нюх. Мне такое и в голову не приходило.

— Так я не поняла, — вмешалась Молли. — Он все-таки под защитой или нет?

— Сам он под защитой. А листок — нет. Поэтому если Летняя Королева захочет его найти, или кто-нибудь другой сообразит, что она делает и захочет заключить с ней сделку, она запросто может сдержать слово, но все-таки сдать его. Ей достаточно просто дать этому кому-то понять, что нужно следить за закланием на дубовом листке.

— Сидхе всегда придерживаются только буквы уговора, — кивнул Морган. — Именно поэтому все и избегают договариваться с ними, если только другого выхода не остается.

— Значит, Вязальщик мог следить за дубовым листком? — спросила Молли.

Я пожал плечами:

— Не исключено.

— Однако не исключено и то, что Летняя Королева исполняла свое обещание искренне, — заметил Морган.

Я кивнул.

— Что возвращает нас к первому вопросу: каким образом Вязальщик вас нашел?

— Ну, — снова подала голос Молли, — строго говоря, он ведь нас так и не нашел.

— Еще пара минут — и нашел бы, — возразил Морган.

— Я не это имела в виду, — сказала она. — Он знал, что вы в одном из складов, но не знал, в каком именно. Я хотела сказать, если бы он использовал поисковую магию, разве она не привела бы его напрямик к вам? И еще, если бы вас продал Томас, он ведь тоже наверняка сказал бы Вязальщику номер ячейки. Нет разве?

Морган открыл было рот для ответа, но нахмурился и снова закрыл, ограничившись хмыканьем. Я оглянулся на Кузнечика и одобрителем кивнул.

Молли благодарно улыбнулась в ответ.

— Кто-то мог просто следить за нами? — спросил Морган. — Вряд ли машина, если она висела у нас на хвосте, смогла бы заехать на склады без ключа.

Я вспомнил, как меня преследовал накануне вечером Шкура-Перевертыш.

— Такое возможно, если этим занимался кто-нибудь из серьезных игроков, — признал я. — Маловероятно, но полностью не исключается.

— Ну? — произнес Морган. — И что мы имеем теперь?

— Больше вопросов, чем ответов, — вздохнул я.

Морган оскалил зубы в невеселой улыбке.

— Тогда что дальше?

— Если я отвезу вас обратно к себе, они снова отловят нас, — ответил я. — Для этого не нужно магии: они просто могли оставить кого-нибудь следить за квартирой.

Морган оглянулся на меня:

— Надеюсь, вы не собираетесь возить меня кругами по Чикаго в ожидании, пока нас найдет Совет?

— Нет, — сказал я. — Я везу вас к себе.

Морган обдумал это и кивнул.

— Верно.

— Туда, где нехорошие парни найдут нас и пошлют кого-нибудь еще, чтобы тот нас убил, —

пробормотала Молли. — Ну, ясное дело, я пока ученица — настолько тупая, что не вижу смысла в этой дурацкой затее.

— Смотри и учись, Кузнечик. Смотри и учись.

Глава двадцать первая

Мы снова сошли с тропы, и я — вот уже второй раз за этот день — вынырнул из Небывальщины в переулок за старой бойней. Зайдя по дороге в пару мест, мы вышли на улицу, на которой удалось-таки поймать такси. Водитель не выказал особого изумления ни при виде Мыша, ни от инвалидной коляски, ни оттого, как мы набились в его тачку; впрочем, возможно, для проявления эмоций ему просто не доставало знания английского. Не знаю, не знаю.

— Это ведь вам вредно, — заметила Молли с набитым ртом, уплетая очередной пончик, когда мы выгрузились из такси.

— Это все Морган виноват. Он начал разговор о пончиках. И кстати, ты их тоже ешь.

— У меня обмен веществ растущего организма, — безмятежно улыбнулась Молли. — Это вам, о мой почтенный наставник, пора бы уже задуматься о здоровом образе жизни. А мне на этот счет еще года два ничего не грозит.

Мы посадили Моргана в кресло, и я расплатился с водителем. Нам даже удалось спустить кресло вниз по ступенькам к моей двери, ни разу не уронив. После чего я взял Мыша на поводок, и мы с ним вышли проверить почту и прогуляться по полоске песка на заднем дворе, специально насыпанной для собачьих нужд.

Однако, покончив с этим, я не повел Мыша домой, а направился в дальний конец двора, где у нас растут настоящие маленькие джунгли из сирени, за которой не ухаживали с тех пор, как умер мистер Спанкелкриф. Здесь, в уголке, защищенном зданием от городского шума, деловито жужжали пчелы.

А еще это место остается единственным, куда невозможно заглянуть из окон соседних зданий.

Я протиснулся в глубь зарослей сирени и оказался на относительно свободной от растительности прогалине. Ждать пришлось недолго — всего несколько секунд. Послышался жужжащий звук — словно трепетала крыльями особенно крупная стрекоза, — и крошечный крылатый человечек, спикировав сквозь сирень, застыл передо мной.

По меркам Маленького Народца он мог сойти за великана — целых двенадцать дюймов роста. Если не считать роста и крыльев, он мало чем отличался от юнца атлетического сложения в причудливых доспехах из разного мусора и обрезков. Свой прежний шлем из пластиковой пробки от газировки он сменил на новый из половинки мячика для гольфа. Шлем был велик, но это его, похоже, не смущало. Кирасу он сделал из пластиковой бутылки; на поясе висело что-то вроде лезвия от лобзика, один конец которого, обмотанный леской, служил рукоятью. Стрекозиные крылья за спиной трепетали с такой быстротой, что сливались в прозрачное облачко.

Крошечный эльф застыл в воздухе по стойке «смирно» и лихо отсалютовал.

— Задание выполнено, мой господин, Властелин Пиццы!

— Так быстро? — удивился я. С момента, когда я призвал его — сразу после того, как мы купили пончики, но прежде, чем поймали такси — не прошло и двадцати минут. — Быстро сработано, Тук-Тук, даже для тебя!

Эта похвала, похоже, изрядно польстила пареньку. Он расплылся в улыбке и с жужжанием описал пару кругов над моей головой.

— Он в доме на противоположной стороне улицы, в двух домах отсюда в направлении к озеру.

Я хмыкнул, прикидывая. Если я помнил верно, этот дом тоже перестроили из доходного в обычный, многоквартирный — как и мой.

— Белый с зелеными ставнями?

— Да! Именно там устроил свою нору негодяй! — Рука его метнулась к поясу, и он, свирепо нахмурившись, выхватил из пластиковых ножен свой зазубренный меч. — Скажи, убить его для тебя, мой господин?

Я приложил максимум усилий, чтобы не улыбнуться.

— Не уверен, что события приняли уже такой оборот, чтобы это стало необходимостью, — сказал я. — Откуда ты знаешь, что этот тип следит именно за моей квартирой.

— Ой-ёй! Только не говорите мне, что это не он! — Тук возбужденно закружился в воздухе. — Потому что у него на окнах шторы, чтобы ты не мог заглянуть, а еще у него такая большая черная пластиковая штука с жутко длинным носом, что высовывается из них, а на конце носа — глаз! И он все

равно смотрит на эту штуку сзади, и когда он видит, что кто-нибудь заходит к тебе в дом, он нажимает на кнопку, и эта штука библикает!

— Камера, значит? — уточнил я. — Угу, если так, это, похоже, он. — Я прищурился на солнечный свет и поерзал в теплом кожаном плаще. Снимать его я, правда, не стал: слишком много всяких враждебных существ шаталось по городу. — Скажи, Тук, много ли твоих сородичей ты можешь собрать?

— Сотню! — объявил Тук-Тук, размахивая своим мечом. — Тысячу!

Я заломил бровь.

— И поделишь пиццу на тысячу частей?

— Ну, господин... — поправился он. — Несколько дюжин наверняка.

Вообще-то Маленький Народец — та еще шайка: капризные, непостоянные — но я знаю о них кое-что такое, что, подозреваю, известно немногим. Во-первых, им известно почти все, а то, что им неизвестно, они знают, где узнать. Надолго их внимания не хватает, однако в том, что касается коротких, несложных поручений, они просто асы.

Во-вторых, они как никто в мире обожают пиццу. Я уже много лет на регулярной основе плачу им взятки пиццей, а они в ответ платят мне (иногда даже с избыточным рвением) своей преданностью. Я зовусь у них Ца-Лордом, Властелином Пиццы, и те представители Маленького Народа, что получают мою пиццу, считают себя гвардейцами Ца-Лорда — а это означает по большей части, что они шатаются вокруг моего дома в надежде получить добавку пиццы, защищая его при этом от всяких мелких нападений.

Тук-Тук возглавляет их гвардию, и в прошлом он и его воинство неоднократно помогали мне. Да что там — помогали; они не раз и не два спасали мне жизнь. При этом никто в сверхъестественном сообществе даже не подозревает, на что они способны. Как правило, на Тука и его сородичей просто не обращают внимания. Что ж, я расцениваю это как хороший житейский урок: не стоит недооценивать никого, как бы мал он ни был.

В общем, нынешняя работа как нельзя лучше подходила шпане Тук-Тука. Нет, правда, работа для шпаны — в буквальном смысле слова.

— Знаешь, в какой машине он приехал?

Тук гордо откинул голову назад — в лучших традициях Юла Бриннера.

— Конечно! В синей такой, с *такой* вот штукой на капоте, — он свел руки вместе и вытянул их над головой, расставив при этом ноги, так что в результате получилась перевернутая «Y».

— Синий «мерседес», говоришь? — пробормотал я. — Ладно, мне от тебя вот что нужно...

Пять минут спустя я вышел на улицу, остановился напротив дома, где сидел наблюдатель, запрокинул голову и изобразил на лице самую свирепую гримасу из всех, имеющихся в моем арсенале. Я вытянул руку в направлении зашторенных окон на втором этаже и поманил указательным пальцем. Потом опустил руку и указал на мостовую перед собой.

Одна из штор чуть шелхнулась. Я медленно досчитал до пяти и пошел через улицу к дому с зелеными ставнями.

Молодой человек лет двадцати — двадцати пяти в шортах цвета хаки и зеленой рубашке с короткими рукавами выскочил из переоборудованного в наблюдательный пункт дома и бегом бросился к припаркованному у тротуара синему «мерседесу»; на шее его болталась дорогая зеркалка.

Я продолжал идти, не прибавляя шага.

На бегу он нацелил на машину какую-то штуковину вроде брелка и нажал на кнопку. Добежав, он схватился за дверную ручку, но дверца осталась запертой. Он покосился в мою сторону и попытался сунуть ключ в замок. А потом зажмурился при виде потянувшихся из скважины вслед за ключом липких розовых нитей.

— Я бы на вашем месте даже не пытался, — заметил я, подходя. — Посмотрите-ка на шины.

Взгляд молодого человека метнулся с меня к «мерседесу» и застыл — машина стояла на асфальте всеми четырьмя ободьями.

— Ох, — произнес он. Потом посмотрел на ключ с налипшей на него жевательной резинкой и вздохнул. — Да. Черт.

Я остановился так, чтобы нас разделяла машина, и чуть улыбнулся.

— Не слишком переживайте, приятель. Я занимаюсь этим дольше вашего.

Он скорчил кислую физиономию и помахал в воздухе ключом.

— Жвачка?

— А мог оказаться и суперклея. Считайте это корпоративным тактом. — Я кивнул в сторону машины. — Давайте-ка поговорим. И включите кондиционер, а то погода на мозги действует.

Пару секунд он молча смотрел на меня, потом снова вздохнул.

— Угу. Хорошо.

Мы забрались в машину. Он соскреб жвачку с ключа и сунул его в замок зажигания, однако когда повернул, ничего не произошло.

— А, да. Отоприте капот, — сказал я.

Он покосился на меня и послушно потянул рычажок. Я вышел из машины, поднял капот и подсоединил провода к клеммам аккумулятора. Потом кивнул парню, и тот завел двигатель.

Я говорил уже, что для Тук-Тука и его команды важно, чтобы работа была адекватна их возможностям. И если следовать этому правилу, они показывают себя чертовски эффективными.

Я вернулся в машину.

— Лицензия есть? — спросил я.

Молодой человек пожал плечами и повернул регулятор кондиционера на полную мощность.

— Угу.

Я кивнул.

— Давно?

— Недавно.

— Коп?

— В Джолиет, — сказал он.

— Но не сейчас.

— Кризис.

— Зачем вы следите за моим домом?

Он снова пожал плечами:

— Заплатили.

Я кивнул и протянул ему руку.

— Гарри Дрезден.

Услышав мое имя, он нахмурился.

— Это не вы работали у Ника Крисчена в «Драном Ангеле»?

— Я.

— У Ника хорошая репутация. — Похоже, он пришел к какому-то заключению, поскольку нехотя пожал мою руку. — Винс Грейвер.

— То есть вас наняли подглядывать за мной?

Он еще раз передернул плечами.

— Прошлой ночью это вы ехали за мной?

— Вы же знаете правила, старина, — сказал Грейвер. — Вам платят в том числе за то, чтобы вы держали язык за зубами.

Я повел бровью. Я знаю многих частных детективов, которые — с учетом сложившихся обстоятельств, конечно — сочли бы за благо для себя не упорствовать. Это заставило меня посмотреть на него внимательнее. Тощий, комплекции спортсмена, который по выходным бежит или ездит на велосипеде. Непримечательное лицо — из тех, на которые не обращаешь внимания, тем более не запоминаешь. Не слишком темные волосы, средний рост, глаза обыкновенного, карего оттенка. В общем, внешность, примечательная только тем, что в ней нет ничего примечательного.

— Держать язык за зубами — это правильно, — согласился я. — До тех пор, пока не начинают страдать люди. Тогда это делается сложнее.

Грейвер нахмурился:

— Страдать?

— За последние сутки на мою жизнь покушались дважды, — сказал я. — Дальше сами думайте.

Он уставился куда-то вдаль и прикусил губу.

— Черт.

— Черт?

Он мрачно кивнул:

— Все расходы и гонорар псу под хвост.

Я удивленно вскинул бровь.

— Вы работаете на клиента без предоплаты? Вот просто так?

— Слово «соучастие» мне не нравится. Пусть лучше будет «раскавание».

Сообразительный парень. Сообразительнее, чем был я, когда выправил себе лицензию частного детектива.

— Мне нужно знать, кто за вами стоит.

Грейвер долго обдумывал это. Почти минуту. Потом покачал головой.

— Нет.

— Почему нет?

— Я взял за правило никогда не сдавать клиентов... Ну, или не злить людей, замешанных в мокром деле.

— Вы потеряли контракт, — напомнил я. — Что, если я возьму эти убытки?

— Возможно, вы не дочитали учебник до этого места. «Д» у меня в лицензии означает «детектив». Не «доносчик».

— Я могу еще вызвать копов. Могу сообщить им, что вы замешаны в нападениях на меня.

— Но не сможете доказать ни черта, — покачал головой Грейвер. — В нашем ремесле не продержаться, если не умеешь держать язык за зубами.

Я откинулся на спинку кресла и, скрестив руки на груди, некоторое время молча смотрел на него.

— Вы правы, — произнес я наконец. — Заставить вас я не могу. Поэтому просто прошу. Пожалуйста.

Он продолжал пялиться в ветровое стекло.

— Почему они на вас навалились?

— Защищаю клиента.

— Пожилого типа в инвалидной коляске?

— Угу.

Грейвер нахмурился еще сильнее.

— На вид крутой тип.

— Даже не представляете насколько.

Некоторое время мы остывали в кондиционированном воздухе. Потом он повернулся ко мне и покачал головой.

— Вы производите впечатление парня разумного, — сказал Грейвер. — Надеюсь, вас не ухлопают. Конец разговору.

Я подумал, не надавить ли на него еще, но достаточно долго проработал в этом бизнесе, чтобы распознавать по-настоящему крепких орешков.

— Карточка визитная есть?

Он полез в карман рубахи, достал простую белую карточку с именем и телефоном и протянул мне.

— А что?

— Иногда мне бывает нужен субподрядчик.

Брови его удивленно поползли вверх.

— Такой, чтобы уметь держать язык за зубами. — Я кивнул ему и выбрался из машины. Прежде, чем захлопнуть за собой дверцу, я повернулся и заглянул в салон. — Есть у меня один знакомый механик. Я позвоню, чтобы он приехал. У него на тягаче стоит компрессор, так что он вам шины в два счета накачает. Я заплачу.

Грейвер внимательно посмотрел на меня и улыбнулся.

— Спасибо.

Я захлопнул дверь и постучал по крыше кулаком, а потом направился домой. Мыш, все это время терпеливо ждавший во дворе, вышел поприветствовать меня, и мы вдвоем вернулись в квартиру.

Морган снова лежал на моей кровати. Молли как раз заканчивала менять ему повязки. Мистер с нескрываемым любопытством, наострив уши, наблюдал за этим процессом с дивана.

Морган кивнул мне.

— Вы его поймали? — прохрипел он.

— Угу, — кивнул я. — За мной наняли следить местного детектива. Но есть одна проблема.

— Какая еще?

Я пожал плечами:

— Он слишком порядочен.

Морган втянул носом воздух и кивнул.

— Весьма редкая проблема.

— Угу. Впечатляющий молодой человек. Тут уж ничего не поделаешь.

Молли переводила взгляд с меня на Моргана и обратно.

— Чего-то я не поняла.

— Он теряет контракт, но все равно не соглашается открыть нам то, что ему известно о его клиенте, потому что считает это непорядочным, — объяснил я. — И продать информацию он тоже не соглашается.

Молли нахмурилась.

— Тогда как нам узнать, кто за всем этим стоит?

Я пожал плечами.

— Пока не знаю. Да, я ведь обещал ему, что пришлю механика накачать ему шины. Извините...

— Постойте. Он что, еще не уехал?

— Нет, — ответил я. — Синий «мерседес».

— И он молодой?

— Очень даже, — подтвердил я. — Ненамного старше тебя. Зовут Винс Грейвер.

Молли просияла.

— Раз так, сама пойду и выведаю все у него. — Она открыла ледник, достала темно-коричневую бутылку пива от Мак-Энелли и направилась к двери.

— И как ты это надеешься узнать? — поинтересовался я.

— Доверьтесь мне, Гарри. Он у меня быстро передумает.

— *Нет!* — вскинулся Морган и тут же закашлялся. — Нет. Я лучше помру — слышите? Лучше помру, чем вы прибегнете к черной магии... пусть и ради меня.

Молли поставила бутылку на полку у двери и удивленно оглянулась на Моргана.

— Вы правы, — сообщила она мне. — Ему место в античной трагедии. Разве кто хоть слово сказал про магию?

Она запустила руку под свою футболку и немного повозилась там. Не прошло и пары секунд, как она вытащила через рукав лифчик, бросила на полку, взяла бутылку и приложила ее на несколько секунд сначала к левой груди, потом к правой. В результате соски довольно рельефно обрисовались, натянув тонкую ткань.

— Что скажете? — спросила она, одарив меня самой что ни на есть распутной улыбкой.

Я бы сказал, что Винс обречен.

— Скажу, что твоя мать убила бы тебя на месте, — произнес я вместо этого.

Молли ухмыльнулась.

— Звоните своему механику. Пойду составлю ему компанию, пока тот не придет. — Она повернулась, чуть сильнее, чем требовалось, вильнув бедрами, и вышла на улицу.

Когда дверь закрылась, Морган издал негромкий одобрительный звук.

Я пристально посмотрел на него.

Морган перевел взгляд с двери на меня.

— Я ведь еще не умер, Дрезден. — Он закрыл глаза. — Восхищаться женской красотой еще никому не вредило.

— Возможно. Но это... это *неправильно* как-то.

Морган улыбнулся, хотя даже это причиняло ему боль, судя по тому, какой натянутой вышла улыбка.

— А все-таки она права. Особенно когда речь идет о молодом мужчине. Женщина способна заставить его видеть все в другом свете.

— Неправильно, — пробормотал я. — *Совсем* неправильно.

И пошел звонить Майку, механику.

Молли вернулась минут через сорок пять. Она сияла.

Моргана к этому времени заставили принять еще болеутоляющих средств, так что он погрузился в беспокойный сон. Я осторожно, чтобы не разбудить его, закрыл дверь.

— Ну? — спросил я.

— Кондиционер у него в машине хороший, — самодовольно заявила Молли. — У него не было ни единого шанса.

В пальцах у нее была зажата белая визитная карточка вроде той, которую получил я.

Я помахал в воздухе своей.

Она перевернула карточку, помахав у меня перед носом написанной от руки строчкой на обороте.

— Я прям-таки боюсь за свою работу в качестве вашей помощницы. — Она театральным жестом приложила руку ко лбу. — Случись с вами что, куда мне податься? Что делать?

— Ну?

Она отдала мне карточку.

— Ну, Винс предложил мне подумать о работе в адвокатской конторе. Он даже фирму предложил. «Смит, Коуэн и Маклирой».

— Что, так работу и предложил? — удивился я.

Она снова ухмыльнулась.

— Ну, не мог же он просто сказать, кто его нанял. Это было бы нечестно.

— Жестокая ты женщина. Жестокая и бессердечная. — Я прочитал надпись на карге. Там было написано: «Смит Коуэн Маклирой», потом номер телефона, потом имя. «Эвелин Дерек».

Я повернулся и встретился с Молли взглядом. Она расцвела еще сильнее.

— Черт, а все-таки я молодец.

— Не буду спорить, — согласился я. — Теперь у нас имеется хоть какая-то зацепка. Иной назвал бы это даже уликой.

— Не только это, — сказала Молли. — У меня теперь есть ухажер.

— Отлично сработано, Кузнечик, — произнес я, невольно ухмыляясь. — Почти очко в нашу пользу.

Глава двадцать вторая

Смит, Коуэн и Маклирой, как выяснилось, представляли собой адвокатскую контору высшего разряда в центре Чикаго. Дом, где располагался их офис, стоял в тени Сирс-Тауэр, и вид из него на озеро, должно быть, открывался фантастический. Поскольку, так сказать, зрения я неприятеля временно лишил, я надеялся на то, что нам дадут небольшую передышку. По крайней мере без слежки Винса Морган мог рассчитывать на несколько часов в безопасности.

Впрочем, мне все равно предстояло придумать, куда бы его перевезти — но только после того, как я навещу мисс Эвелин Дерек и выясню, кому она передавала сообщения Винса.

Вид я имел, должно быть, слегка помятый и всклокоченный, поскольку охранник при входе подозрительно покосился на меня, стоило мне ступить на порог. Я почти видел, как крутятся у него в голове колесики — пускать меня или нет.

Я одарил его самой дружелюбной из своих улыбок — боюсь, правда, что по причине усталости она вышла просто вежливой.

— Прошу прощения, сэр, — обратился я к нему. — У меня назначена встреча с консультантом Смита, Коуэна и Маклироя. Они ведь на двадцать втором этаже сидят, так?

Он немного расслабился — очень, надо сказать, кстати. Гражданский костюм не помешал бы ему выставить меня взашей: сложения он был более чем подходящего.

— На двадцать четвертом, сэр.

— Ну да, спасибо. — Я еще раз улыбнулся и уверенно зашагал мимо него к лифту. Уверенность — главный фактор, если вам нужно убедить людей в том, что вам положено попасть куда-либо... особенно в случае, если на деле вам этого не положено.

— Сэр, — окликнул меня из-за спины охранник. — Я был бы вам признателен, если бы вы оставили у меня свою дубину.

Я задержался и оглянулся через плечо.

У него, конечно, был пистолет. Не то чтобы он положил руку на кобуру, но он заткнул большой палец за пояс в непосредственной близости от рукояти.

— Это не дубина, — как мог спокойнее сказал я. — Это прогулочная трость.

— Длиной шесть футов.

— Традиционные озаркские ремесла. Народное искусство.

— С отметинами и царапинами по всей длине.

Я подумал немного.

— Я внушаю вам подозрения?

— Береженого Бог бережет. — Он протянул руку.

Я вздохнул и отдал ему посох.

— Хоть расписку дадите?

Он вынул из кармана блокнот и написал что-то на листке. Потом вырвал и протянул мне. Расписка гласила: *Получена традиционная озаркская прогулочная трость длиной шесть футов, одна штука, от м-ра Хитрожопого.*

— От доктора Хитрожопого, — поправил я. — Я не провел восьми лет в институте оскорблений, так

что на «мистера» не тяну.

Он прислонил посох к стене за стойкой и уселся обратно в кресло.

На лифте я поднялся наверх. Лифт оказался одним из этих скоростных девайсов, что стартуют и тормозят с ускорениями, достаточными, чтобы сломать позвоночник или по крайней мере повредить барабанные перепонки. Адвокатская контора, как выяснилось, занимала целый этаж.

Само собой, на ресепции у них сидела неумолимо привлекательная девица. В комплекте с ней прилагались стеновые панели из дубового массива, живопись маслом (оригиналы, не копии какие-нибудь), мебель ручной работы, а также легкий аромат политуры с лимонной отдушкой — одним словом, все, что ассоциируется с формулой «Польза-Прочность-Красота».

Девица смотрела на меня с вежливой улыбкой. Длинные темные волосы манили; юбка была достаточно коротка, чтобы обратить на это внимание, но недостаточно для того, чтобы уронить ее обладательницу в ваших глазах. Улыбка мне понравилась. Может, я все-таки не слишком напоминал измолоченную боксерскую грушу. Может, помятость моей одежды казалась таким стилем.

— Прошу прощения, сэр, — произнесла она, — но курсы реабилитации алкоголиков находятся на двадцать шестом этаже.

Черт.

— Мне необходимо поговорить здесь кое с кем, — отозвался я. — Если это, конечно, Смит, Коуэн и Маклирой?

Она выразительно, хотя все еще вежливо покосилась на обращенную ко мне сторону стойки, где значилось набранное простым типографским шрифтом название фирмы.

— Ясно, сэр. Кто именно вам нужен?

— Мисс Эвелин Дерек, с вашего позволения.

— Вы договаривались с ней о встрече?

— Нет, — ответил я. — Но ей наверняка захочется побеседовать со мной.

Девица покосилась на меня с таким выражением, будто в рот ей попала какая-то особенная горечь. Что ж, значит, я правильно рассчитал время прихода. Она явно с удовольствием сбагрила бы меня секретарю, или старшему менеджеру, или кого там у них положено звать в таких случаях, чтобы уже тот решал, позволено ли мне находиться здесь. Однако секретарь мисс Эвелин Дерек наверняка ушла на обеденный перерыв — собственно, именно потому я и выбрал этот час.

— Как мне о вас доложить?

Я достал из кармана карточку Винсента Грейвера и протянул ей.

— Пожалуйста, скажите ей, что у Винса появилась важная информация, которую ей необходимо знать.

Она нажала кнопку, надела наушники с микрофоном и послушно передала все это кому-то на другом конце провода. Потом выслушала ответ и кивнула.

— Прямо по коридору, сэр, вторая дверь слева.

Я кивнул в ответ и прошел в дверь за ее спиной. Ковер сделался еще толще, а декор — богаче. В стенной нише, рядом с которой стояли два кожаных кресла (штуки по две баксов каждое), журчал маленький искусственный водопад. Весь интерьер буквально кричал о богатстве, успехе и желании сообщить об этом всем и каждому.

Готов поспорить, Эдинбургским катакомбам они все равно позавидовали бы.

Я открыл вторую дверь слева, вошел и закрыл ее за собой. В помещении стоял стол секретаря с пустовавшим в описываемый момент креслом; открытая дверь вела в кабинет, соответствующий статусу юрисконсультанта Эвелин Дерек.

— Проходите, мистер Грейвер, — послышался из кабинета недовольный женский голос.

Я вошел и закрыл за собой дверь. Кабинет оказался большой, но не огромный. Судя по всему, в фирме мисс Дерек занимала не самую высокую должность. Мебель здесь была строгая, ультрасовременная — много стекла и металла. Обстановку составляли маленький шкаф с папками, полка с юридическими справочниками, тонкий и хрупкий на вид ноутбук на столе. На стене висело что-то вроде растянутой в дорогой золоченой раме овечьей шкуры. В кабинете имелось окно, но с матовым стеклом — только чтобы пропускать свет. На стеклянном столе, журнальном столике и баре в углу не виднелось ни пятнышка, даже отпечатка пальцев. Тепла во всем этом было не больше, чем в операционной.

Женщина, печатавшая что-то на ноутбуке, вполне могла входить в комплект мебелировки. Самые зеленые глаза, какие мне приходилось видеть, смотрели из-под очков без оправы. Черные как вороново крыло волосы были подстрижены совсем коротко, выгодно выставляя напоказ узкое лицо и изящную

шею. Одежду ее составляли темный шелковый пиджак, такая же юбка и белая блузка. Туфли на длинных, стройных ногах, наверное, обошлись ей в сумму, превышающую стоимость среднего юридического контракта. При этом я не увидел на ней ни колец, ни серег, ни кольцо — вообще никаких украшений. Что-то ледяное ощущалось в ее позе, и пальцы ее стучали по клавиатуре с четкостью барабанщика из военного оркестра.

Наверное, две или три минуты она молчала, всецело сосредоточившись на своем тексте. Она явно намеревалась продемонстрировать Винсу, как необдуманно он поступил, осмелившись нарушить распорядок ее рабочего дня.

— Надеюсь, вы не рассчитываете убедить меня снова нанять вас, мистер Грейвер, — произнесла она наконец, так и не поднимая взгляда. — И что же вы считаете столь неотложно важным?

Ага. Значит, Винса уже отставили. Как-то незаметно, чтобы у него осталось немного почвы под ногами... или нет?

Эта женщина определенно привыкла, чтобы к ней относились серьезно. Я обдумал несколько вариантов ответа и решил, что для начала не мешало бы ее побесить немного.

Ну да, да. И это я? Неожиданно, да?

Я постоял немного молча — точно так же, как она только что. Я молчал до тех пор, пока Эвелин Дерек не фыркнула недовольно и не подняла на меня свой ледяной, неодобрительный взгляд.

— Привет, милашка, — произнес я.

Надо отдать ей должное — выдержкой она не уступала хорошему игроку в покер. Неодобрительное выражение лица сменилось нейтральной маской. Она чуть выпрямилась в кресле, хотя напряжение это казалось скорее проявлением внимания, нежели нервозности, и положила руки на стол.

— От вас останутся пятна, — сообщил я.

Она молча смотрела на меня еще несколько секунд и лишь потом открыла рот.

— Вон из моего кабинета!

— Не вижу «Виндекса» — чем стекло-то будете отмывать? — задумчиво заметил я, оглядываясь по сторонам.

— Вы меня слышали? — Голос ее сделался жестче. — Вон. Отсюда.

Я почесал подбородок.

— Может, в шкафу у вашей секретарши найдется? Вам принести?

На щеках ее проступили розовые пятна. Она потянулась к телефону.

Я нацелил на аппарат палец, чуть сосредоточился и прошипел:

— Nexus!

Если что и дается чародеям без особых усилий, так это выводить из строя современную технику. Правда, процесс этот не отличается хирургической точностью. Из телефона, из компьютера, из люстры над столом и еще чего-то, лежавшего в кармане ее пиджака, посыпались искры и послышался резкий треск.

Мисс Дерек негромко взвизгнула и попыталась дернуться в трех направлениях одновременно. Кресло выкатилось из-под нее, и она растянулась на полу за столом в позе, в которой не осталось ничего царственного. Дорогие очки по висли на одном ухе, а зеленые глаза раскрылись широко-широко.

Для вящего эффекта я сделал пару шагов и остановился, молча глядя на нее сверху вниз. В помещении воцарилась полная тишина и заметно потемнело.

— Между вами и остальной конторой две закрытые двери, — произнес я очень, очень тихо. — Да и народу сейчас на этаже почти никого. У вас тут классные ковры, отделанные дубом стены и журчащая штука в коридоре. — Я чуть улыбнулся. — Того, что здесь произошло, никто не слышал. Иначе сюда бы уже прибежали.

Она поперхнулась, не делая попыток пошевелиться.

— Я хочу, чтобы вы сказали, кто заставил вас нанять детектива для слежки за мной.

Она честно попыталась взять себя в руки.

— Я н-не понимаю, о чем вы.

Я покачал головой, вытянул руку в направлении бара и поманил пальцем.

— Forzare, — пробормотал я, сопроводив заклинание небольшим усилием воли. Дверца бара раскрылась. Я выбрал бутылку жидкости, на вид напоминавшей бурбон, и повторил жест еще раз, заставив ее перелететь из бара ко мне в руку. Открутив пробку, я сделал глоток. Виски приятно обжег горло.

Эвелин Дерек смотрела на меня с нескрываемым потрясением — раскрыв рот и побелев сильнее, чем сельская местность в штате Мэн зимой.

Я пристально посмотрел на нее.

— Вы уверены?

— О господи, — прошептала она.

— Эвелин, — произнес я тоном, каким обычно обращаются к неразумному ребенку. — Сосредоточьтесь. Вы наняли Винса Грейвера, чтобы он следил за мной и докладывал вам о моих перемещениях. Кто-то просил вас сделать это. Кто именно?

— М-мои клиенты, — заикаясь пробормотала она. — Это конфиденциально.

Мне ужасно не хотелось запугивать эту женщину. Она реагировала на мою магию ровно так, как любой другой, кому прежде не доводилось иметь дело со сверхъестественными явлениями — из чего следовало, что она, возможно, не имеет представления о природе тех, чьи интересы защищала. Она просто пришла в ужас. Я хочу сказать, я знал, что не собираюсь причинить ей вреда. Но кроме меня в кабинете не было никого, кто мог бы это сделать.

Вся хитрость блефа заключается в том, что его надо доводить до конца — даже тогда, когда это становится неприятным.

— Мне право же, не хочется быть грубым, — с досадой произнес я и поставил бутылку на стол. Потом медленным, драматическим жестом поднял левую руку. Несколько лет назад я серьезно обжег ее, и хотя поврежденные ткани у чародеев восстанавливаются лучше, чем у других людей, вид у руки до сих пор довольно жуткий. Ну, теперь она по крайней мере не напоминает спецэффекты из ужастика, но даже так шрамы на пальцах, ладони и запястье производят на непривычного человека не самое благоприятное впечатление.

— Нет, постойте, — пискнула Эвелин. Пятясь, она отползла на пятой точке к стене, прижалась к ней спиной и вскинула руки, прикрываясь. — Не надо!

— Вы помогли своему клиенту совершить покушение на убийство, Эвелин, — ровным голосом произнес я. — Скажите мне, кто это.

Глаза ее округлились еще сильнее.

— Что? Нет. Нет, я не слышала, чтобы кто-нибудь пострадал.

Я шагнул ближе.

— Говорите! — рявкнул я.

— Хорошо, хорошо! — пролепетала она. — Она... — и осеклась так внезапно, словно кто-то схватил ее за горло и начал душить.

Я немного ослабил давление.

— Скажите мне, — произнес я немного тише и мягче.

Эвелин Дерек замотала головой; страх и смятение лишили ее остатка самообладания. Ее затрясло. Несколько раз она открыла и закрыла рот, но не смогла издать ничего, кроме едва слышного неразборчивого писка. Взгляд ее заметался из стороны в сторону, как у загнанного зверя.

Что-то тут было не так. Совсем не так. Человек вроде Эвелин Дерек может удариться в панику, может зажаться, может забиться в угол — но только не лишиться дара речи.

— Ох, — произнес я скорее сам себе. — Как я ненавижу эту фигню...

Я вздохнул и, обогнув стол, подошел к ней.

— Черт, если я узнаю, что кто-то... — Я тряхнул головой и оборвал фразу, не договорив. Она меня и не слушала, зато начала плакать.

Типичный случай реакции человека, свободная воля которого подчиняется постороннему психическому воздействию. Я поставил ее в такие условия, при которых рациональная, логическая часть ее рассудка желала сказать мне, кто ее нанял. Да и эмоции тоже не спорили с этим.

Вот только бысь об заклад, кто-то залезал к ней в голову. Кто-то оставил у нее в голове нечто такое, что не позволяло мисс Дерек говорить о своем клиенте. Черт, она могла даже вообще не помнить осознанно, кто ее нанимал, — несмотря на тот факт, что она неизвестно почему наняла детектива шпионить за кем-то, совершенно ей незнакомым.

Все почему-то считают, что подобные логические нестыковки не дадут человеку мириться с наложенными на его рассудок запретами, что рано или поздно он освободится от них.

Беда только в том, что человеческий разум не целиком подчиняется логике. Подавляющее большинство людей, будучи поставлены перед выбором принять ужасную истину или закрыть на нее глаза, выбирают второе — так спокойнее. Это не делает их сильнее или слабее, лучше или хуже. Просто они люди и остаются людьми.

Такова уж наша природа. Всегда найдется куча поводов отвлечься от неприятной правды, если мы хотим ее избежать.

— Эвелин Дерек, — произнес я решительным, властным тоном. — Посмотрите на меня.

Она вжалась в стену и замотала головой.

Я опустился перед ней на колени, осторожно взял за подбородок и повернул лицом к себе.

— Эвелин Дерек, — повторил я мягче. — Посмотрите на меня.

Женщина подняла на меня взгляд своих темно-зеленых глаз, и я сумел удержать его на время, достаточное, чтобы заглянуть ей в душу.

Если глаза — зеркало души, окно в нее, то чародеев можно сравнить с подглядывающими в эти окна. Когда чародей заглядывает кому-то в глаза, он видит самое сокровенное, что есть у этого человека. У каждого из нас это получается чуть по-разному, но суть не меняется: взгляд в глаза другого человека открывает доступ к самой сущности его характера.

Зеленые глаза Эвелин Дерек, казалось, поглотили меня, и я оказался стоящим в комнате, почти такой же, как кабинет, в котором мы оба только что находились. Мебель отличалась минималистской изысканностью. Мисс Дерек, похоже, не относилась к числу тех, кто обременяет свою душу дорогими воспоминаниями и прочими мелочами, которые большинство людей собирают всю свою жизнь. Вместо этого она старательно приводила в порядок свои мысли и эмоции, не оставляя места личным заморочкам.

Однако, рассматривая комнату, я увидел и саму мисс Дерек. Я ожидал увидеть ее в деловом костюме — ну, или в студенческом прикиде. Вместо этого она была одета...

Скажем так, она была одета в очень дорогое, очень минималистическое черное белье. Чулки, подвязки, трусы, лифчик — все черное. Все это смотрелось на ней, гхм, очень хорошо. Она стояла на полу на коленях, раздвинув их, сцепив пальцы рук за шеей. Она стояла лицом ко мне, чуть приоткрыв рот, учащенно дыша. Я имел возможность немного перемещаться из стороны в сторону, и эти ее зеленые глаза, не отрываясь, смотрели на меня — расширенные, полные желания зрочки, и бедрами она так двигала, поддерживая равновесие...

Теперь я разглядел, что запястья ее связаны за шеей длинной лентой из белого шелка.

Краем глаза я уловил какое-то движение и, оглянувшись, успел увидеть исчезающую в коридорах памяти Эвелин Дерек стройную женскую фигуру. Даже не столько фигуру, сколько мелькнувшие вспышкой изгибы бледной кожи...

...и блеск серебряных глаз.

Вот сукина дочь!

Кто-то действительно заговорил мысли мисс Дерек, связав их с ее естественными сексуальными желаниями, чтобы те придавали заговору силу и крепость. Сама эта методика, а также то, что я успел увидеть об этом нарушителе — отрывочные воспоминания, что сохранившиеся у Эвелин в мыслях — не давали усомниться в том, кто это сделал.

Вампир Белой Коллегии.

А потом все мои внутренности свело судорогой, и я снова стоял на коленях над Эвелин Дерек. Глаза ее были широко раскрыты, и она смотрела на меня с ужасом и болью.

Ну да. Заглядывая кому-либо в душу, нужно помнить еще одно обстоятельство. Тот, с кем ты это проделываешь, тоже получает возможность заглянуть в тебя. И видит все в таких же подробностях, в каких видишь его ты. Мне еще не встречалось никого, кто бы не... не испытал потрясения, заглянув в душу ко мне.

— Кто вы? — прошептала Эвелин Дерек, не сводя с меня глаз.

— Гарри Дрезден, — хрипло сказал я.

Она несколько раз моргнула.

— Она убежала от вас. — Голос ее звучал сонно. Глаза набухли слезами. — Что со мной случилось?

Магия, вторгающаяся в мысли другого человека, почти всегда является черной — прямым нарушением Законов, за соблюдением которых следят Стражи. Однако, как и в любом своде законов, здесь имеются лазейки, этикие серые зоны, позволяющие толковать их по-разному.

Я мало чем мог помочь Эвелин. Требовалась рука точнее и опытнее моей, чтобы исцелить травмы, нанесенные ее рассудку — если они вообще поддавались исцелению. Но одно я сделать все-таки мог — немного серой магии, которую даже Белый Совет признавал полезной и даже нужной в подобных случаях.

Я как мог осторожно сосредоточился и, подняв правую руку, осторожно коснулся пальцами ее век. Потом, дождавшись, пока она закроет глаза, медленно провел ладонью от лба к подбородку, приговаривая:

— *Dorme, dormius, Эвелин. Dorme, dormius.*

Эвелин негромко, облегченно всхлипнула, и тело ее расслабленно осело на пол. Она глубоко вдохнула, выдохнула — и погрузилась в глубокий, лишенный видений сон.

Я устроил ее по возможности удобнее. Если повезет, когда она проснется, большая часть нашего с ней конфликта покажется ей просто дурным сном. Потом я повернулся и вышел из кабинета. С каждым шагом во мне разгоралась неумолимая злость. Когда я дошел до сидевшего за стойкой охранника, злость начала превращаться в ярость. Я шлепнул расписку на стойку, а потом взмахом руки и негромким заклинанием заставил жезл прыгнуть от стены ко мне в пальцы.

Охранник упал со стула, а я вышел, не оглядываясь.

Во все это оказалась замешана Белая Коллегия. Это они пытались добиться смерти Моргана — а вместе с ним и *меня*. Хуже того, они начали охотиться на людей *моего* города, калечить их психику и обращается с ними так, что при определенных условиях могло привести к помешательству. Одно дело их обычное кормление, и совсем другое — то, что они сделали с Эвелин Дерек.

Кто-то должен был за это ответить.

Глава двадцать третья

Я вернулся домой, толкнул плечом заедающую дверь и обнаружил за ней прелюбопытнейшую картину.

В очередной раз.

Морган лежал на полу футах в пяти от двери в спальню. В руке он держал мою трость, обыкновенно стоящую в старой жестянке из-под попкорна у двери — я храню в ней всякие штуки вроде традиционных изделий народного искусства озарков (см. предыдущую главу), магических жезлов, зонтиков и тому подобного. Трость у меня старая, добрая, викторианская, с секретцем. Стоит повернуть набалдашник в нужную сторону, и из нее можно выхватить тридцатидюймовый стальной клинок. Именно это Морган и сделал. Он лежал на боку, выставив руку со шпагой под углом в сорок пять градусов.

Острие шпаги упиралось Молли в яремную вену — чуть ниже левого уха.

Что касается Молли, она сидела, привалившись спиной к одной из моих книжных полок, чуть подогнув колени и широко раскинув руки, словно наугад ощупывала книги позади себя.

Слева от двери чуть пригнулся, оскалив клыки, Мыш; означенные клыки находились в непосредственной близости от горла Анастасии Люччо. Та лежала на спине, а пистолет ее валялся на застеленном коврами полу футах в двух от ее руки. Вид она имела спокойный, расслабленный, хотя лица ее с того места, где я стоял, почти не было видно.

Взгляд Мыша не сходил с Моргана. Взгляд стальных глаз Моргана не сходил с клыков Мыша.

С минуту я глазел на них. Никто не шевелился. Никто, кроме Мыша: когда я посмотрел на него, хвост его в надежде вильнул раз или два.

Я резко выдохнул, отставил в сторону посох и направился к леднику, перешагнув по дороге через ногу Анастасии. Поднял крышку, некоторое время изучал содержимое ящика и извлек холодную банку колы. Откупорил ее, сделал большой глоток. Потом взял сухое кухонное полотенце, вернулся к дивану и сел.

— Мне хотелось бы знать, что, черт возьми, здесь происходит, — произнес я, обращаясь к комнате в целом. — С учетом того, что единственный здравомыслящий свидетель говорить не умеет. — Я внимательно посмотрел на собаку. — И постарайтесь меня не огорчать.

Мыш снова нерешительно вильнул хвостом.

— О'кей, — сказал я. — Можешь ее отпустить.

Мыш сразу закрыл пасть и отодвинулся от Анастасии. Потом подошел ко мне и улегся, привалившись боком к моей ноге. При этом он, правда, продолжал переводить взгляд с Анастасии на Моргана и обратно.

— Морган, — произнес я, — убавьте своего психоза и опустите шпагу.

— Нет, — отозвался Морган перехваченным от ярости голосом. — Нет, до тех пор, пока эту маленькую ведьму не свяжут, не заткнут ей рот кляпом и не повяжут на глаза какую-нибудь черную тряпку.

— Молли сегодня уже поработала моделью с пивного календаря, — заметил я. — Так что обойдемся, пожалуй, без фотосессии с БДСМ.

Я поставил банку на столик и немного подумал. Вряд ли на Моргана можно было повлиять угрозами, от этого его решимость только окрепла бы. Вот вам побочный эффект общения с жесткими как камень

типами старой закалки.

— Морган, — повторил я уже тише. — Вы ведь гость у меня в доме.

Морган бросил на меня короткий виноватый взгляд.

— Вы пришли ко мне за помощью, и я честно стараюсь помочь. Черт, да эта девчонка сама рисковала, пытаясь защитить вас. Я делал для вас все, что сделал бы для родного мне человека — потому что вы мой гость. Я от монстров некоторых ожидаю лучшего поведения в случае, если они пользуются моим гостеприимством. Более того, они эти ожидания оправдывают.

Морган издал полный боли звук. Потом резко отвернулся от Молли и отпустил шпагу. Клинок звякнул о пол.

Пока Морган продолжал лежать безвольным мешком, Молли чуть осела, подняла руку и на мгновение прикрыла уязвимую точку на шее.

Я подождал, пока Анастасия примет сидячее положение, и бросил ей принесенное с кухни полотенце. Она невозмутимо поймала его и вытерла шею. Мыш, конечно, суперпес, но сдерживать слюноотделение для него задача почти непосильная.

— В общем, насколько я понимаю, вы снова едва избежали насильственных действий, — резюмировал я. — И Мыша в это вовлекли.

— Она просто взяла и вошла, — возмутилась Молли. — И она его увидела.

Я зажмурился, потом повернулся к ней:

— И тогда ты... что, собственно, ты сделала?

— Она меня ослепила, — спокойно ответила Анастасия. — А потом ударила. — Она еще раз подняла полотенце и приложила его к носу. Из ноздри стекала тонкая струйка крови; еще больше ее запеклось на губе. Значит, они ждали моего прихода не слишком долго. Анастасия пристально посмотрела на Молли и покачала головой: — Напала на меня как простая школьница. Ради бога, детка, тебя что, драться не научили?

— Нам еще много предстоит пройти, — буркнул я. — Ослепила? Вас?

— Так ведь не совсем, а временно, — вмешалась в разговор Молли, потирая костяшки пальцев правой руки. — Я только... ну, типа, закрыла завесой все, кроме нее самой.

— На редкость нерациональная, избыточно сложная методика, — строго заметила Анастасия.

— Для вас, может, и сложная, — обиженно буркнула Молли. — И потом, кого в конечном счете поколотили?

— Ну да, — все так же спокойно кивнула Анастасия. — Ты на сорок фунтов тяжелее меня.

— Вот стерва! — возмутилась Молли. — Так и знала, что она это скажет. — Она стиснула кулаки и сделала шаг к Люччо.

Мыш вздохнул и встал на ноги.

Молли застыла, с опаской косясь на него.

— Умница, пес, — сказал я и почесал Мыша за ухом. Он вильнул хвостом, так и не сводя взгляда с Молли.

— Надо же было мне как-то остановить ее, — сказала Молли. — Она собиралась донести на Моргана Страхам.

— И поэтому ты напала на нее физически и магически?

— А что мне еще оставалось делать?

Я повернулся к Моргану:

— А вы... Выбрались из постели, в которой вам полагалось находиться, схватили первый острый предмет, до которого дотянулись, и заставили ее отпустить Анастасию.

Морган устало смотрел на меня.

— Разумеется.

Я вздохнул и посмотрел на Анастасию:

— А вы, конечно, решили, что вам ничего не остается, кроме как разнять их, чтобы потом уже разобраться в ситуации, и Мыш вам помешал.

Анастасия тоже вздохнула.

— Там угрожали оружием, Гарри. Ситуацию нужно было взять под контроль.

Я повернулся к Мышу:

— Ну, а тебе пришлось взять Анастасию в заложники, чтобы Морган не тронул Молли?

Мыш низко опустил голову.

— Просто невероятно. Никак не думал, что придется это вам говорить, — обратился я ко всем. — Нет, вы подумайте: *мне* — и *вам*. Вы, ребята, никогда не думали, что, если у вас возникла проблема, ее

можно обсудить?

Эти слова не понравились никому, и ответом на них стали взгляды, варьировавшие от обиженных до раздраженных.

Исключением стал Мыш, который вздохнул и добавил что-то вроде «Уф-вуф».

— Извини, — обратился я к нему лично. — К четверолапым молчунам это не относилось.

— Она собиралась вызывать Стражей! — настаивала Молли. — А если это случится прежде, чем мы найдем настоящего убийцу Ла Фортъе, нам всем крышка.

— Вообще-то, — подала голос Анастасия, — это правда.

Я повернулся в ее сторону. Она встала и, чуть морщась, потянулась.

— Насколько я понимаю, — негромко произнесла она, — Морган завербовал вашу ученицу, чтобы она содействовала его побегу. И что без вас в этом деле тоже не обошлось.

Я раздраженно шмыгнул носом.

— Кой черт вы строите такие предположения?

Она посмотрела на меня, недобро прищурившись.

— В самом деле, почему Морган укрылся в доме единственного члена Совета, имеющего все основания его недолюбливать? Если не ошибаюсь, не вы ли назвали это «совершеннейшим безумием»?

Я поморщился. Черт.

— Мм-м, — пробормотал я. — Ну, я...

— Ты мне солгал, — произнесла она, не повышая тона. Подавляющее большинство людей не заметило бы в ее голосе ноток злости или боли, тем более почти неощутимых пауз между словами. Но я-то видел, как камень за камнем растет стена где-то за ее глазами, и отвел взгляд.

В комнате повисла полнейшая тишина. Первым нарушил ее Морган.

— Что? — произнес он каким-то жалким, надтреснутым голосом.

Я посмотрел на него. Его жесткое, обыкновенно кислое лицо сделалось серым, исказилось от потрясения — точь-в-точь как у младенца, впервые открывшего для себя болезненные побочные последствия закона всемирного тяготения.

— Ана, — продолжал он, с трудом выдавливая слова, — ты... ты полагаешь, что я... Как ты могла подумать, что я?..

Он отвернулся. Уж наверняка не для того, чтобы скрыть слезы. Кто угодно, только не Морган. Он бы не обронил ни слезинки, даже если бы ему пришлось казнить родную мать.

И все же на какую-то долю секунды что-то блеснуло у него на щеке.

Анастасия встала, подошла к нему, опустилась на колени и положила руку ему на лоб.

— Дональд, — мягко произнесла она. — Нас уже предавали те, кому мы доверяли. И не раз.

— То они, — неуверенно пробормотал он, не поднимая глаз, — а это я.

Она провела рукой по его волосам.

— У меня и мысли не было, Дональд, что ты совершил это по собственной воле, — тихо сказала, почти прошептала она. — Я полагала, что кто-то проник к тебе в сознание. Или взял кого-нибудь в заложники, чтобы принудить тебя к сотрудничеству. Что-то в этом роде.

— Кого они могли бы взять в заложники? — с горечью парировал Морган. — Нет таких. По этой же самой причине. И ты это прекрасно знаешь.

Она вздохнула и закрыла глаза.

— Тебе знакомы его обереги. Ты уже проходила их. Много раз. И ты восстановила их, стоило тебе войти. И у тебя ключи от его квартиры.

Она не ответила.

Его голос сделался совсем уже глухим.

— У тебя связь. С Дрезденом.

Анастасия несколько раз моргнула.

— Дональд... — начала она.

Он поднял на нее глаза — ни намек на слезы, только усталость.

— Не надо, — сказал он. — Не смей.

Она встретилась с ним взглядом. Никогда прежде мне не доводилось видеть на ее лице такой боли — мягкой, сочувственной боли.

— У тебя жар. Дональд, прошу тебя. Тебе нужно в постель.

Он устало опустил голову на ковер и закрыл глаза.

— Теперь уже все равно.

— Дональд...

— Все равно, — упрямо повторил он.

Анастасия беззвучно заплакала. Она так и осталась сидеть рядом с ним, глядя его по каштановым с проседью волосам.

Часом позже Морган снова лежал без чувств в постели. Молли спустилась в лабораторию и, закрыв за собой люк, притворялась, будто делает домашнюю работу по эликсирам. Я сидел на том же месте с пустой банкой колы.

Анастасия вышла из спальни, бесшумно закрыла за собой дверь и привалилась к ней спиной.

— Когда я его здесь увидела, — сказала она, — я решила, что он пришел, чтобы расправиться с тобой. Узнал про наши отношения и захотел с тобой расправиться.

— Ты? — спросил я. — И Морган?

Она помолчала, прежде чем ответить.

— Я не позволяла ничего такого. Это было бы несправедливо по отношению к нему.

— Но он все равно хотел этого, — предположил я.

Она кивнула.

— Блин-тарарам, — вздохнул я.

Она сложила руки на животе, не поднимая глаз.

— А разве у тебя с твоей ученицей было по-другому, Гарри?

Молли не всегда была таким Кузнечиком, как теперь. В самом начале обучения у меня она вообразила, что я научу ее всяким вещам, не имеющим никакого отношения к магии, зато требующим от нее умения быстренько раздеваться догола. И что это ей вполне подходит.

Но не мне.

— Не совсем, — признался я. — Но ведь он недолго ходил у тебя в учениках, верно?

— Я всегда считала, что романтические отношения делают меня уязвимой, чего я позволить никак не могла. Не на моем посту.

— Не всегда, — заметил я. — По крайней мере в последнее время.

Она медленно вздохнула.

— В прошлом моем теле с этим было гораздо проще справляться. Оно было старше. И меньше подвержено...

— Жизни? — предположил я.

Она пожала плечами:

— Страстям. Одиночеству. Радости. Боли.

— Жизни, — подытожил я.

— Возможно. — Она постояла немного с закрытыми глазами. — В молодые годы я купалась в любви, Гарри. В страсти. В открытиях, в новых ощущениях и в жизни. — Она ткнула пальцем себе в грудь. — Я даже не понимала, сколько этого я забыла, до тех пор пока Похититель Тел не оставил меня вот такой. — Она открыла полные боли глаза и посмотрела на меня. — Я не понимала, как мне этого не хватало, пока ты не напомнил. А к этому времени Морган уже не... Стал таким, какой была я. Отрешенным.

— Другими словами, — сказал я, — он сделал себя таким же, как ты. По твоему образу и подобию. И именно поэтому, когда ты изменилась, он не смог дать тебе того, что ты хотела.

Она кивнула.

Я покачал головой.

— Трудно нести факел сотню лет без перерыва. Должно быть, жжет как черт знает что.

— Я знаю. Я и в мыслях не держала причинить ему боль. Поверь мне.

— Тот самый случай, — вздохнул я. — Все как ты говорила. Сердце хочет того, чего хочет сердце.

— Банально, — сказала она. — Но все равно верно. — Она повернулась, опершись о дверь правым плечом и продолжая смотреть на меня. — Надо обсудить, что это значит теперь для нас.

Я покрутил в пальцах пустую жестянку из-под колы.

— Надо, — согласился я. — Но не прежде, чем мы обсудим Моргана и Ла Фортье.

Она медленно перевела дух.

— Да.

— Что ты намерена делать? — поинтересовался я.

— Его разыскивает Совет, Гарри, — мягко произнесла она. — Я не знаю, каким образом ему удалось до сих пор избежать обнаружения магическими средствами, но рано или поздно, через несколько часов или дней это все-таки произойдет. Его найдут. И когда это случится, схватят не только его, но и вас с

Молли. Вы оба погибнете вместе с ним. — Она сделала глубокий вдох. — И если я не доложу Совету о том, что мне стало известно, и я с вами.

— Угу, — согласился я.

— Ты действительно считаешь, что он невиновен? — спросила она.

— В убийстве Ла Фортъе? Да.

— У тебя есть доказательства?

— Я нарыл достаточно, чтобы полагать, что я прав. Но недостаточно, чтобы оправдать его, — пока недостаточно.

— Но если это не Морган, — тихо произнесла она, — значит, предатель до сих пор разгуливает на свободе.

— Угу.

— И ты просишь меня отказаться от преследования подозреваемого, на виновность которого указывает множество прямых улик, а вместо этого преследовать какого-то призрака, Гарри? Кого-то, кого мы не то что идентифицировать не можем — даже доказать само существование, и то не наверняка. И не только это — ты просишь меня поставить на карту твою жизнь, жизнь твоей ученицы и мою жизнь, и все ради погони за этим призраком?

— Да. Прошу.

Она покачала головой:

— Весь мой опыт Стража говорит, что Морган более чем вероятно виновен.

— Что возвращает нас к главному вопросу, — сказал я. — Что ты намерена делать.

Последовало молчание.

Она оттолкнулась от двери и села на стул лицом ко мне.

— Ладно, — сказала она. — Расскажи все.

Глава двадцать четвертая

— Так дипломатию не ведут, — сказала Анастасия, когда мы подъехали к воротам Шато-Рейт.

— Ты теперь в Америке, — возразил я. — Наше понятие дипломатии сводится к тому, чтобы вломиться с пистолетом в одной руке, сэндвичем в другой, а потом спросить, что бы ты из этого предпочел.

Анастасия улыбнулась краешком губ.

— И где твой сэндвич?

— Я что, похож на Киссинджера?

Мне приходилось уже бывать в Шато-Рейт, но как-то так получалось, что дело происходило ночью или по крайней мере в сумерки. Рейты владеют огромным поместьем примерно в часе езды от Чикаго, и в настоящее время их дворец является резиденцией правящего клана Белой Коллегии. Примерно на полмили от дворца тянется лес — старый лес, превращенный заботливым уходом в идиллический парк, какие можно увидеть в старых европейских поместьях. Парк состоит преимущественно из древних, мощных деревьев и ровной травы, хотя кое-где виднеются редкие, подозрительно симметричные купы цветущих кустов; многие из них располагаются в центре золотых столбов солнечного света, пробивающегося сквозь зеленый свод древесных крон. Сами столбы эти тоже располагаются с подозрительно правильными интервалами.

Территорию поместья окружала высокая изгородь, по верху которой тянулась колючая проволока; впрочем, снаружи ее почти не было видно. Проволока явно находилась под напряжением, а на столбах изгороди виднелись небольшие стеклянные шарики с тянувшимися от них проводами: ультрасовременные камеры наблюдения, контролировавшие каждый дюйм периметра.

Ночью поместье производило исключительно зловещее впечатление. В солнечный летний полдень оно казалось просто... просто красивым. Очень, очень богатым и очень, очень красивым. Как и сама семья Рейтов, их владения наводили ужас только в определенные моменты.

Вежливый охранник с выправкой отставного военного увидел, как мы выбираемся из такси, доложил кому-то по сотовому телефону и без промедления отворил нам калитку. Прогулявшись еще полмили по Шервудскому лесу, мы оказались у парадного подъезда Шато-Рейт.

— Что у нее за персонал? — спросила Анастасия.

— Не сомневаюсь, ты читала досье.

— Да, — кивнула она, шагнув на ступени крыльца. — Но меня интересует твое личное мнение.

— С тех пор как отбором персонала ведает лично Лара, — ответил я, — уровень заметно повысился.

Я не думаю, чтобы их контролировали, кормясь на них.

— И на чем основано это твоё предположение?

Я пожал плечами:

— На том, что было прежде, и как стало сейчас. В прошлом их наемники производили впечатление... не от мира сего, что ли? То есть они готовы были отдать жизнь по малейшему приказу, но интеллектом не отличались. Хороши собой и с пустотой в голове. С хорошей пустотой в голове. А этот парень, — я мотнул головой назад, в направлении ворот, — перекусывал, когда мы приехали. И у него там лежала газета. Прежде они просто стояли живыми манекенами. Бьюсь об заклад, нынешние — из отставных военных. Бывалых, закаленных — не зеленых салаг.

— То есть, с формальной точки зрения, — заметила она, когда мы поднялись на крыльцо, — боевого крещения они у нее не проходили.

— Или, возможно, у Лары просто хватает ума не засвечивать их без крайней нужды, — возразил я.

— С формальной точки зрения, — не сдавалась Анастасия, — это относится и к ней самой.

— Ты не видела, как она мочила супервурдалаков, вооруженная всего парой кинжалов. А я видел — тогда, при попытке дворцового переворота. — Я постучал в дверь посохом и оправил складки серого плаща. — Я понимаю, Стражи старой закалки относятся к моим словам скептически, но ты уж мне поверь. Лара Рейт — чертовски умная и опасная стервочка.

Анастасия покачала головой и едва заметно улыбнулась.

— И тем не менее ты собираешься приставить к ее голове пистолет.

— Я только надеюсь, что некоторое давление поможет нам выудить из нее что-нибудь, — вздохнул я. — И потом, выбор у меня невелик. И времени нет ни на что, кроме как на открытые действия.

— Ну, — подытожила она, — по крайней мере ты действуешь в привычной манере.

Дверь отворил мужчина лет тридцати с квадратной челюстью и короткой армейской стрижкой. Одежду его составлял легкий спортивный костюм кремового цвета, пистолет в наплечной кобуре и, возможно, кевларовый бронежилет под белой футболкой.

— Сэр, — произнес он с вежливым кивком. — Мэм. Вы не хотите отдать плащи?

— Благодарю вас, — ответила Анастасия, — но это форменная одежда. Вы бы весьма помогли нам, проводив прямиком к мисс Рейт.

Охранник еще раз кивнул.

— Прежде чем вы воспользуетесь гостеприимством этого дома, я попрошу вас дать мне слово, что вы пришли сюда, не имея недобрых намерений, и что не прибегнете под его кровом к насилию.

Анастасия открыла рот, собиралась выразить согласие, но тут вперед выступил я.

— Черт подери, нет, — произнес я.

Охранник прищурился, и расслабленности в его позе разом убавилось.

— Прошу прощения?

— Ступайте и передайте Ларе, что нам еще предстоит обсудить, разнесем мы этот дом по кирпичику или нет, — заявил я. — Передайте ей, что пролита кровь, и я полагаю, что и ее руки тоже замараны. Передайте, что, если она хочет получить шанс очистить репутацию, ей стоит поговорить со мной. И еще передайте, что, если она откажется, это само по себе послужит ответом, и вина за последствия ляжет на нее.

Несколько секунд охранник молча смотрел на меня.

— Право же, вы очень высокого мнения о себе, — произнес он наконец. — Вы понимаете, что вас окружает? Представляете, где находитесь?

— Угу, — кивнул я. — На нулевой отметке.

Последовала новая пауза, и он моргнул первым.

— Я передам ей. Будьте добры, подождите здесь.

Я кивнул, и он удалился куда-то вглубь дома.

— Нулевая отметка? — чуть слышно пробормотала Анастасия. — Тебе не кажется, что это отдает мелодрамой?

— Вообще-то я собирался ответить: «В трех футах от места, где найдут ваше тело», — отозвался я в том же духе. — Но, боюсь, он воспринял бы это слишком на свой счет. А ведь он всего лишь выполняет свою работу.

Она покачала головой:

— Разве это не могло пройти как вежливое посещение?

— Лара опаснее всего, когда вокруг нее все вежливы, — возразил я. — И она сама это прекрасно понимает. Я не хочу, чтобы она ощущала себя в своей тарелке. Из нее гораздо проще будет вытянуть

ответы на интересующие нас вопросы, если ее будет беспокоить, какой ад может здесь разразиться.

— Возможно, *нам* было бы гораздо проще задавать ей эти вопросы, если бы *мы* не беспокоились о том же, — предположила Анастасия. — Мы на ее территории, тактическое преимущество на ее стороне. Можно, например, обратить внимание на то, что штукатурка на стенах с обеих сторон от нас совсем свежая.

Я покосился по сторонам. Так оно и оказалось.

— И что?

— Только то, что, если бы я готовила это место к обороне, я могла бы замуровать в стены противопехотные мины направленного действия и прикрыть их тонким слоем штукатурки — на случай, если понадобится устранить неприятеля, слишком опасного, чтобы встретиться с ним в открытом бою.

Мне приходилось своими глазами видеть, что делает противопехотная мина с людскими телами. Попробуйте представить себе, что останется от белки, если в нее выпалить в упор картечью из крупнокалиберного дробовика. Так, кое-какие ошметки и брызги. Вот и на человека шарики диаметром в четверть дюйма, которыми начинены противопехотные мины, производят примерно такое же действие. Я снова покосился на стены.

— По крайней мере я не ошибался, — сказал я. — Нулевая отметка.

— Я имела в виду, такое просто вероятно. Существует ведь все-таки разница между смелостью и идиотизмом.

— И если Ларе покажется, что она в опасности, ей достаточно нажать на кнопку, — пробормотал я. — Превентивная самооборона.

— Гм... Вообще-то это излюбленный метод разборки с теми, кто обладает сверхъестественными способностями. Впрочем, законы гостеприимства защищают нас от нее примерно в той же степени, что и ее — от нас.

Я обдумал это и тряхнул головой.

— Если мы будем тихими и вежливыми, она не выдаст нам ничего. И убить она нас не убьет, пока не выведает то, что известно нам.

Она пожала плечами:

— Может, ты и прав. Ты с этой умной и опасной стервой общался больше, чем я.

— Полагаю, через пару минут мы все узнаем.

Через пару минут мы все еще стояли на месте. Наконец появился охранник.

— Сюда, пожалуйста, — произнес он.

Следуя за ним, мы шли по всему этому великолепию. Паркетные полы. Резное дерево. Статуи. Фонтаны. Рыцарские доспехи. Живопись, в том числе оригинал Ван Гога. Витражи. Прислуга в ливреях. Я так и ожидал увидеть в каком-нибудь очередном зале стаю павлинов или ручного гепарда в украшенном бриллиантами ошейнике.

Миновав с полсотни залов и коридоров, охранник привел нас в крыло здания, которое сравнительно недавно переоборудовали в подобие современного офиса. В отделенных друг от друга легкими перегородками ячейках работали с полдюжины деловитого вида людей. Где-то неподалеку чирикал телефонный сигнал. Жужжали копировальные машины. Из невидимых глазу динамиков неслась негромкая рок-музыка.

Мы пересекли зал, по короткому коридору прошли мимо комнаты отдыха, из которой пахло свежемолотым кофе, и уперлись в большую двустворчатую дверь. Охранник отворил и придержал для нас одну из створок, и мы вступили в приемную с секретарским столом, за которым сидела потрясающей красоты женщина.

Точнее говоря, за ним сидела Жюстина в консервативном сером костюме; седые волосы она собрала на затылке в хвост.

При виде нас она встала и одарила нас вежливой, официальной улыбкой, какие обычно бывают в сериалах.

Жюстина подошла к двери, расположенной справа от ее стола, постучала и приоткрыла ровно настолько, чтобы произнести: «Мисс Рейт? Стражи пришли». Из-за двери ей ответил негромкий женский голос. Жюстина отворила дверь и все с той же улыбкой придержала ее, пропуская нас в кабинет.

— Кофе? Или что-нибудь еще из напитков? Сэр, мэм?

— Нет, спасибо, — ответила Анастасия.

Мы вошли, и Жюстина осторожно закрыла за нами дверь.

Кабинет Лары Рейт имел мало общего с кабинетом Эвелин Дерек. Ну конечно, мебель тоже была

дорогой, хотя здесь преобладало не стекло, а дерево. Впрочем, ее отличали те же чистота форм и функциональность. На том сходство и заканчивалось. Кабинет Лары не оставлял сомнений в том, что здесь работают, и много. В углу стола лежали аккуратной стопкой письма. Практически всю поверхность стола и небольшого бюро у стены занимали папки и конверты, разложенные не абы как, но по строгому, пусть и неведомому мне принципу. На видном месте лежали ручка и набор маркеров. В общем, воля хозяйки кабинета не дала бумажной анархии захлестнуть помещение.

Лара Рейт, фактическая правительница Белой Коллегии, сидела за столом. На этот раз я увидел ее в деловом костюме из белоснежного шелка, выгодно подчеркивающим ее безупречную фигуру. Тесный покрой костюма причудливо контрастировал с ее длинными, иссиня-черными волосами, волнами ниспадавшими ей ниже лопаток. Черты ее обладали бессмертной красотой античных изваяний, таким идеальным балансом привлекательности, силы, ума и проницательности. Глаза теплого, серого оттенка обрамлялись длинными, шелковистыми ресницами, а одного взгляда на ее мягкий, чувственный рот хватило, чтобы мои губы защемило от желания припасть к нему.

— Страж Дрезден, — произнесла она негромко своим мягким, мелодичным голосом. — Страж Люччо. Прошу вас, садитесь.

Я даже не стал переглядываться с Анастасией. Оба остались на ногах, молча глядя на нее.

Лара откинулась на спинку кресла, и губы ее изогнулись в легкой, немного зловещей улыбке, не коснувшейся, однако, глаз.

— Ясно. Меня оскорбляют. Вы не скажете мне почему — или мне догадаться самой?

— Не прикидывайтесь овечкой, Лара, — ответил я. — Ваша адвокат, Эвелин Дерек, наняла частного сыщика следить за мной и докладывать о моих перемещениях — и каждый раз, когда я выбираюсь куда-нибудь, на меня нападает какое-нибудь чудовище.

Улыбка не померкла.

— Адвокат?

— Я заглянул ей в голову, — продолжал я. — И обнаружил там повсюду следы Белой Коллегии. Включая запрет открывать, на кого она работает.

— И вы считаете, это моих рук дело?

— В этих-то краях? — хмыкнул я. — Почему бы и нет?

— Я ведь не единственный член Коллегии в этом городе, Дрезден, — заметила Лара. — И хотя мне льстит столь высокое мнение о моей особе, многие мои сородичи любят меня не настолько сильно, чтобы советоваться насчет каждого своего шага.

— Однако они не вступают в борьбу с Белым Советом без вашего ведома, — вмешалась в разговор Анастасия. — Подобные действия выглядели бы как, — она улыбнулась, — вызов Белому Королю.

Взгляд серых глаз Лары переместился на Люччо и некоторое время изучал ее.

— Капитан Люччо, — произнесла она наконец. — Я видела ваш танец в Неаполе.

Анастасия нахмурилась.

— Это было... когда? Пару веков назад, плюс-минус лет десять или двадцать. — Лара улыбнулась. — Не могу не признать, талантами вы не обделены. Но, конечно, это все до вашего нынешнего... состояния.

— Мисс Рейт, — произнесла Анастасия. — Это имеет мало отношения к интересующему нас вопросу.

— Ну почему же, — нежно промурлыкала Лара. — После вашего выступления мы с вами присутствовали на одном и том же балу. Поэтому мне известны ваши пристрастия... тогдашние пристрастия. — Губы ее изогнулись в легкой голодной улыбке, а потом вдруг все, что я мог — это сдерживать дрожь в коленях, такое дикое, иррациональное желание захлестнуло меня с головой. — Вам, наверное, приятно вспоминать те времена?

И тут желание исчезло — так же внезапно, как появилось.

Анастасия медленно перевела дыхание.

— Мне слишком много лет, чтобы забавляться такими древностями, мисс Рейт, — спокойно ответила она. — Равно как и ума хватает на то, чтобы не верить, что вам неизвестно о происходящем в Чикаго.

Мне потребовалось несколько секунд на то, чтобы выдернуть мои мысли из тех мест, куда их посылала Лара, но я справился.

— Нам известно, что вы работаете с кем-то, входящим в состав Совета, — негромко сказал я. — Я хочу, чтобы вы сказали нам, кто это. И еще я хочу, чтобы вы освободили Томаса.

Только на последнем слове взгляд Лары метнулся ко мне.

— Томаса?

Я оперся на посох и пристально посмотрел ей в лицо.

— Томас успел сообщить мне о наемнике, которого навела на меня Эвелин Дерек, но исчез прежде, чем сам успел вступить в схватку. Ни один его телефон не отвечает на звонки, в салоне его не видели.

Взгляд Лары переместился на мгновение куда-то вдаль, на безукоризненно гладком лбу обозначилась складка.

— И это все, Дрезден? Слабый намек в чужом сознании на то, что кто-то из моих сородичей манипулировал этой девицей-адвокатом, и исчезновение моего братца? И из-за этого вы сюда пришли?

— Пока да, — признал я. Но, выложив дозу правды, не удержался от маленькой порции лжи: — Однако когда мы получим результаты запроса о денежных переводах, у нас не останется сомнений в вашей роли во всех этих делах. И тогда поздно будет идти на попятный.

Лара прищурилась.

— Вам ничего не найти, — твердым, ледяным тоном заявила она. — Потому что ничего такого нет.

Ага. Значит, я задел-таки ее за живое. Я надавил чуть сильнее:

— Ну же, Лара. Вам известно, и мне известно, как ваши ребята ведут дела. Обложившись алиби, не снимая перчаток. Вы же не думаете, что я поверю, будто вы не в курсе происходящего.

Зрачки у Лары как-то разом сменили цвет с темно-серого на светлый, серебристый, и она встала из-за стола.

— Честно говоря, Дрезден, мне безразлично, верите вы или нет. Я не имею ни малейшего представления о том, какие улики представляются вам убедительными, но во внутренних разборках Белого Совета я не замешана *никак*. — Она высокомерно задрала подбородок. — Что бы вы там ни считали, мир не сводится к вашему Совету. Он гораздо больше, и ваша роль в нем далека от решающей. Вы жалкое сборище заикленных на себе пережитков истории, а ваше самомнение на порядок уступает вашей реальной значимости.

Что ж. С этим я спорить не стал бы, хотя Анастасия при этих словах недобро сощурилась.

Лара облокотилась на стол и, глядя на меня в упор, заговорила медленно, чеканя каждое слово:

— Вы полагаете, вы можете просто так ворваться в мой дом и угрожать мне, помыкать мной в свое удовольствие? Мир меняется, господа Стражи. А Совет отказывается меняться вместе с ним. Рано или поздно он обрушится под собственной тяжестью — это всего лишь вопрос времени. Эта слепая самоуверенность только...

Она осеклась и, чуть склонив голову набок, повернулась к окну.

Я удивленно заморгал и покосился на Анастасию.

Спустя секунду вырубилось электричество.

Почти мгновенно включились, несмотря на светлое время суток, красные аварийные указатели. А еще через несколько секунд помещение наполнил тревожный звон, исходящий из динамиков на стене.

Я перевел взгляд с динамиков на Лару — та пристально смотрела на меня.

— Что происходит? — спросил я у нее.

Глаза ее чуть расширились.

— Вы не знаете?

— Мне-то откуда, черт подери, знать? — раздраженно буркнул я. — Это ваша дурацкая охранная сигнализация, не моя.

— Значит, это не ваших рук дело... — Она стиснула зубы. — Что за гребаная чертовщина!

Она рывком повернула голову к окну, и на этот раз я тоже услышал: высокий, отчаянный мужской вопль.

А потом я почувствовал это: тошнотворное ощущение какой-то неправильности, наводящее ужас присутствие чего-то древнего и злобного.

Шкура-Перевертыш.

— На нас напали, — бросила Лара. — Идите за мной.

Глава двадцать пятая

В дверь постучали, и в кабинет вошла Жюстина с чуть округлившимися глазами.

— Мисс Рейт?

— Статус угрозы? — неожиданно спокойным голосом спросила Лара.

— Неизвестен, — ответила Жюстина. Она дышала учащенно. — Сработал сигнал тревоги, я вызвала мистера Джонса, но рация не работает.

— От вашей электроники сейчас никакого толка, — сообщил я. — Черная магия гробит ее в хлам. Это Шкура-Перевертыш.

Лара повернулась и пристально посмотрела на меня:

— Вы уверены?

Анастасия кивнула и потянула из ножен меч.

— Я это тоже ощущаю.

— На что он способен? — поинтересовалась Лара.

— На все, на что способен я, только круче, — ответил я. — И он меняет облик. Очень быстр, очень силен.

— Его можно убить?

— Угу, — кивнул я. — Но возможно, разумнее было бы бежать.

Лара сощурилась.

— Эта тварь вторглась ко мне в дом, калечит моих людей. Черта с два. — Она повернулась и с размаху ударила кулаком по деревянной панели на стене. Та разлетелась в щепки, открыв взгляду нишу, в которой висели пояс с двумя мечами и автоматический пистолет — вроде «Узи», только поменьше. Она стряхнула с ног дорогие туфли на шпильках, сбросила шелковый пиджак и принялась застегивать на себе амуницию. — Жюстина, кто из семьи сейчас здесь?

— Считая вас четверо, — без запинки отозвалась Жюстина. — Ваши сестры, Элиза и Наталья, а еще кузина Мэдлин.

Она кивнула.

— Господа Стражи, — произнесла она. — Если вы не против, давайте перенесем нашу беседу на более поздний срок. Я почла бы это за личное одолжение.

— К черту, — буркнул я. — Эта тварь убила одного из моих друзей.

Лара посмотрела на нас:

— Предлагаю временный альянс против этого налетчика.

— Принимается, — резко бросила Анастасия.

— Не вижу особого выбора, — добавил я.

Где-то в доме ударили выстрелы — несколько автоматных очередей сразу.

За ними последовали новые вопли.

— Жюстина, — я протянул руку, — станьте мне за спину.

Девушка торопливо повиновалась; лицо ее казалось напряженным, но в целом она хорошо владела собой.

Анастасия заняла позицию справа от меня, а Лара встала слева. От нее пахло изысканными духами, да и вообще от нее исходило столько похоти, что хотелось впиться в нее зубами, как в сочный фрукт.

— Он стремителен и живуч, — сказал я. — И умен. Но не неуязвим. Надо бить его с нескольких сторон одновременно — может, так заставим его бежать.

Гроыхнул дробовик — на порядок ближе, чем автоматы несколько секунд назад. Эхом выстрелу послышались удары, будто чем-то тяжелым с размаху шмякнули несколько раз о стены и пол.

Психический, если можно так выразиться, запах Шкуры-Перевертыша резко сгустился, и я повернулся к двери.

— Вот он!

Когда я произносил «он», Перевертыш уже врывался из коридора в приемную, причем перемещался он заметно быстрее щепок, летевших от разнесенной им двери. Он не забыл прикрыться завесой и виделся нам всего лишь мерцающим в воздухе маревом.

Я прикрылся силовым щитом, выставив его перед нами так, чтобы невидимая энергия перегородила дверь в Ларин кабинет. Перевертыш врезался в него со всей дури, на полной скорости. Щит выстоял — едва-едва, но выстоял, — но столько энергии выделилось при столкновении, что из-под браслета потянулась струйка дыма, а уж как он жег мне запястье... Ну, и сам я, разумеется, отъехал назад вместе с ковром почти на фут.

Завеса, которой прикрывался Перевертыш, столкнувшись с моим щитом, дрогнула, и на мгновение мы увидели высокую, костлявую, покрытую клочковатой желтой шерстью тварь, отдаленно напоминавшую человеческую фигуру, с длинными как у гиббона руками, заканчивавшимися почти изящными когтями.

Стоило моему щиту исчезнуть, как Анастасия наставила на тварь палец, прошипела слово заклинания, и с конца его сорвался ослепительно яркий, тонкий как волос луч. Я тоже практикую огненную магию, но эта была на порядок сильнее, точнее и эффективнее. Луч скользнул по левой руке

Перевертыша, и там, где он коснулся его шкуры, шерсть загорелась, а плоть мгновенно потемнела и вспухла волдырями.

Перевертыш метнулся в сторону от двери и исчез, оставив за собой дымящуюся, иззубренную дырку в дорогой деревянной отделке.

Я нацелил посох на пустой дверной проем; Лара навела туда пистолет.

Секунд десять ничего не происходило.

— Где он? — прошипела Лара.

— Ушел? — предположила Жюстина. — Может, испугался, когда Страж Лючко его ранила.

— Нет, не ушел, — сказал я. — Он хитер. Вот как раз сейчас он ищет лучший способ добраться до нас.

Я огляделся по сторонам, пытаюсь мыслить, как мыслил бы враг.

— Дайте подумать, — пробормотал я. — Если бы я был меняющей облик машиной убийства, как бы я пробрался сюда?

Возможностей не так много — дверь перед нами и окно у нас за спиной. Не прекращая оглядываться, я повернулся к окну. В кабинете висела тишина, только шелестел кондиционированный воздух в решетках...

В *вентиляционных* решетках.

Я повернулся, вскинул жезл, нацелив его на воздуховод из витой стальной трубы, и сосредоточился.

— Fulminos! — выкрикнул я.

Бело-голубая молния с треском соединила на мгновение конец моего жезла с воздуховодом. Разряд ушел в металл, и, я не сомневался, дошел до любого, кто мог находиться в трубе.

Послышался дикий, чирикающий какой-то вопль, и вслед за слетевшей с раструба воздуховода решеткой, из него вывалилась бьющаяся, длинная как удав лента марева. Еще не коснувшись пола, она развернулась в нашу сторону и превратилась во что-то приземистое, мощное, вроде барсука или росомахи.

Оно врезалось Анастасии в грудь и вместе с ней покатилося по полу.

И в этом безумном клубке я успел разглядеть пару золотых глаз, сиявших садистским наслаждением.

Я повернулся, чтобы отшвырнуть тварь от Анастасии, но меня опередила Лара. Она изо всех сил ткнула в бок твари ствол пистолета и нажала на спуск.

Кабинет наполнился огнем и грохотом; Перевертыш отпрянул в сторону, оттолкнулся от пола, изогнулся в прыжке и полоснул клешней Жюстине по животу. Ловко приземлившись на ноги, он устремился к окну за Лариным столом и исчез.

Жюстина пошатнулась и вскрикнула от боли.

Секунду-другую Лара расширенными глазами смотрела в выбитое окно, потом перевела дух.

— Голод мне в глотку, — пробормотала она.

Я повернулся к Анастасии, но она, морщась от боли, махнула рукой. Крови на ней я не видел. Тогда я переключился на Жюстину и попытался оценить, насколько серьезно она ранена. В нижней части ее живота набухали кровью шесть параллельных горизонтальных полосок — аккуратных, словно прочерченных скальпелем. Кровоточили они довольно сильно, но ни брюшной полости, ни крупных сосудов Перевертыш, похоже, не задел.

Я схватил валявшийся на полу шелковый пиджак Лары, кое-как сложил его и приложил Жюстине к животу.

— Прижимайте крепче, — скомандовал я. — Вам нужно остановить кровь. Держите и не отнимайте.

Она стиснула зубы от боли, но кивнула и обеими руками прижала импровизированный тампон к животу, пока я помогал ей подняться.

Лара покосилась на Жюстину и снова повернулась к окну.

— Голод мне в глотку, — повторила она. — В жизни не видела такой скорости.

С учетом того, что я своими глазами видел, как она бегала со скоростью пятьдесят миль в час, полагаю, она знала, что говорит. У нас не было ни единого шанса удержать эту тварь на время, достаточное, чтобы замочить.

Я подошел к окну поискать Перевертыша взглядом и на мгновение оцепенел. Прямо на меня неслась огненная комета алого цвета — предположительно, дело рук Перевертыша. Я инстинктивно отпрянул, выставив перед собой руку с браслетом-оберегом. Комета ударила в мой щит, и последовавший взрыв опрокинул меня навзничь.

Снова послышался жуткий, нечеловеческий вопль, на этот раз издевательский и полный злобы, а потом что-то ударило в стену под нами, и дом содрогнулся.

— Он снова в доме, — сообщил я и подал руку Анастасии, чтобы помочь ей встать. Она приняла ее, но стоило мне потянуть, как она заскрежетала зубами, сдерживая стон, и я тут же опустил ее обратно на пол.

— Не могу, — с усилием выдохнула она. — Ключица.

Я чертыхнулся. Из всех простых травм сломанная ключица причиняет едва ли не больше всего боли. Боевых подвигов от Анастасии сегодня больше можно не ждать. Черт, да она и стоять-то не могла.

Пол у меня под ногами вдруг взорвался. Что-то вроде стального троса обвило меня за лодыжку, дернуло, и я полетел вниз, задыхаясь от чудовищной вони. Я врезался во что-то, замедлившее, но не остановившее мое падение, и продолжал падать. Грохот в ушах стоял ужасный. А потом падение резко прекратилось, хотя я плохо понимал, где верх, а где низ. В меня разом врезалась сотня разнообразных предметов, вышибив из меня дух.

Несколько секунд я лежал, оглушенно пытаюсь вспомнить, что нужно делать, чтобы вздохнуть. Перекрытие. Перевертыш пробился ко мне сквозь перекрытие. Он сдернул меня вниз — только пол, на котором он стоял, должно быть, не выдержал веса нас обоих вместе с обломками.

Я провалился через два перекрытия и ухитрился остаться при этом в живых. Считайте меня счастливымчиком.

И тут подо мной что-то пошевелилось.

Груда обломков осыпалась, и из-под нее послышался негромкий, но мощный, басовитый такой рык. Я ударился в панику и попытался заставить свое тело убраться оттуда, но прежде чем я успел вспомнить, как это делается, из-под груды обломков вынырнула длинная, поросшая желтой шерстью рука. Быстрее, чем вы успели бы произнести «бедняга Гарри Дрезден», ее длинные, похожие на клешню пальцы с жуткой силой сдавили мне горло и начали душить.

Глава двадцать шестая

На случай, если кто не знает: даже когда вас душат в бессознательном состоянии, это чертовски больно.

Во-первых, это жуткая, сокрушительная боль в шее, и она сопровождается чудовищным давлением в черепной коробке, словно голова вот-вот взорвется, разлетевшись на крошечные кусочки. Это дает о себе знать кровь, оказавшаяся в мозгу взаперти. Боль накатывает волнами в ритме сердцебиения, хоть насчет сердца вы уже не знаете, работает оно еще или нет.

При этом совершенно безразлично, хрупкая ли вы супермодель или накачанный стероидами амбал, поскольку от силы мышц или воли здесь ничего не зависит — все сводится к простой физиологии. Если вы живой человек, которому необходимо дышать, вы лишаетесь сознания. Грамотный душитель доведет вас до такого состояния за четыре-пять секунд.

Но, конечно, если душителю хочется, чтобы его жертва помучилась как можно больше, процесс можно и растянуть.

Догадайтесь сами, какой вариант выбрал Перевертыш.

Я бился, но с таким же успехом мог бы сэкономить силы. Ослабить хватку на шее у меня не получалось. Груда обломков развалилась наконец, и из-под нее с легкостью полярного волка, выбирающегося из своего снежного логова, вынырнул Перевертыш. Неестественно длинные руки его свисали ниже колен, так что когда он встал и двинулся куда-то по коридору, таща меня за шею, мне удавалось время от времени отталкиваться от пола ногами и даже руками, не давая шее оборваться под моей же собственной тяжестью.

Где-то рядом загрохотали по паркету башмаки. Перевертыш издал негромкий звук — то ли зарычал, то ли усмехнулся — и небрежно двинул меня башкой о стену. На некоторое время все мои ощущения свелись к болевым и зрительным, если считать, конечно, звезды в глазах. Потом я почувствовал, что лечу, кувыркаясь, в воздухе и приземляюсь, запутавшись в собственных руках и ногах, которые каким-то странным образом еще оставались на своих местах.

Мне удалось сфокусировать взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть выходящего из-за угла охранника — того самого, из вестибюля. Миниатюрный автомат он вскинул к плечу и прижимался щекой к затворной коробке. Увидев не прикрытого завесой Перевертыша, он застыл на месте. Надо отдать ему должное, он не колебался и доли секунды, прежде чем открыть огонь.

Пули хлестали вдоль коридора — на расстоянии вытянутой руки от меня. Перевертыш размазанным желто-рыжим пятном бросился вбок, оттолкнулся от стены и, на лету меняя форму, устремился на стрелка. Где-то на половине расстояния он подпрыгнул еще раз, преобразился окончательно, и паук

размером с микролитражку понесся по потолку дальше, к охраннику.

Тот удивил меня еще раз. Он повернулся и бросился бежать обратно за угол; Перевертыш преследовал его по пятам.

— Давай! — крикнул кто-то, и, стоило Перевертышу дойти до пересечения двух коридоров, как воздух наполнился грохотом. Пули летели откуда-то из-за угла, разнося в щепки паркет и панели облицовки.

Перевертыш издал оглушительный вопль, полный боли и бесконечной ярости. Стрельба усилилась, достигнув какого-то совершенно уже безумного крещендо.

Потом послышались вопли.

Я попытался подняться, но кто-то включил коридор на отжим, и я снова упал. Я повторил попытку. Кто бы ни сделал из коридора стиральную машину, он явно перестарался. Впрочем, опираясь на стену, мне все же удалось встать на колени.

За моей спиной послышался шорох. Я осторожно, чтобы не упасть, повернул голову и увидел, как из отверстия, проделанного в потолке Перевертышем, спрыгивают три сияющие металлическим блеском фигуры. Первой приземлилась Лара Рейт. Юбка ее была разодрана почти до пояса; в одной руке она держала меч, в другой — пистолет, и двигалась с угрожающей грацией пантеры.

Две другие тоже оказались вампирами — светлая кожа блестела серебром, глаза сияли как начищенные монеты — я решил, что это Ларины сестры, о которых говорила Жюстина. Судя по их виду, стояла уже глубокая ночь, самое вампирское время, и вся эта заваруха вытащила кое-кого из постели. Одежду первой составляли исключительно оружие и серебряные пирсинговые побрякушки на брови, в ноздре, на нижней губе и сосках. Темные волосы ее были острижены совсем коротко за исключением одной падавшей на глаза пряди; в руках она держала по мечу вроде Лариного.

Вторая отличалась от сестер ростом и сложением, подобающими скорее мужчине. Да и рубаха, которую она накинула на себя, застегнув на одну пуговицу, казалась мужской. Длинные волосы так и остались спутанными со сна; в руках она держала боевой топор со странной, вогнутой кромкой.

Не сговариваясь, они двинулись в сторону воплей — крадучись, бесшумно как кошки. Проходя мимо меня, Лара задержалась, и взгляд ее холодных серебряных глаз скользнул по моим травмам.

— Не вставайте, — прошипела она.

С удовольствием, тупо подумал я. Так проще.

Вопли стихли одновременно с выстрелами. Из-за угла, шатаясь, вышел все тот же охранник. Волосы его слиплись от крови, да и лицо было наполовину в крови. На левом боку в пиджаке зияла длинная прореха. Левая рука свисала плетью, но правой он продолжал сжимать автомат. При виде сестер-вампиров он пошатнулся и упал на колено.

Лара сделала знак рукой, и ее сестры разошлись в стороны. Сама она остановилась рядом с раненым охранником.

— Что случилось?

— Мы его изрешетили, — произнес он заплетающимся языком. — Мы стреляли в него из всего, что у нас было. Это его даже не замедлило. Они мертвы. Все до единого мертвы.

— Ты истекаешь кровью, — спокойно констатировала Лара. — Держись за мной. Или нет, охраняй чародея.

Он неуверенно кивнул.

— Угу. Понял.

Ларин охранник наверняка был отличным бойцом или невероятным везунчиком, если ему удалось выжить в ближнем, практически рукопашном бою с Перевертышем. Секунду я тупо смотрел на него, и только потом в моем оглушенном мозгу зазвенел тревожный звонок. Так не везет никому.

— *Лара!* — выдохнул я.

Охранник стремительным движением замахнулся автоматом как палицей, целя Ларе в голову, но она мгновенно отреагировала на мое предостережение, и автомат промахнулся на какую-то долю дюйма — иначе он наверняка бы снес ей голову с плеч. Она отпрянула в сторону и покатила по полу — охранник выбросил вперед другую руку, которая на глазах удлинилась и покрылась рыжей шерстью. Удар вышел скользкий, но длинные когти Перевертыша все-таки оставили на прекрасном бедре Лары три пореза, мгновенно наполнившихся кровью, слишком бледной по сравнению с человеческой.

Перевертыш последовал за ней; тело его на глазах становилось мощнее, раздаваясь вширь до тех пор, пока он не превратился в некое подобие медведя с непропорционально большими челюстями и клыками, сделавшими бы честь саблезубому тигру. Он навалился на Лару всей своей тяжелой тушей, полосуюя ее когтями, щелкая чудовищными зубами. Я услышал хруст ломающейся кости, услышал

полный ярости крик Лары, а потом Перевертыш вмазался в потолок с такой силой, что пробил его насквозь, высунувшись по плечи из пола этажом выше.

Лара сумела-таки перевернуться на спину и оттолкнула от себя эту тварь ногами. Ноги у Лары длинные, мускулистые, чертовски возбуждающие. Она опустила их и легко вскочила, прижимая к боку сломанную руку. Кожа ее сияла холодным, неземным светом; глаза сделались совершенно белые. Несколько секунд она молча смотрела в потолок, поднимая и опуская травмированную руку.

Она получила открытый перелом запястья. Я собственными глазами видел, как белеет прорвавшая кожу кость. Однако не прошло и нескольких секунд, как по Лариному телу пробежала рябь, и она сделалась текучей. Кость исчезла, скрывшись под сомкнувшейся кожей, и уже через десять секунд от ранений не осталось и следа.

Взгляд ее пустых, белых глаз обратился на меня и некоторое время внимательно изучал, словно оценивал на предмет утоления голода. Какую-то секунду мое тело, даже в его оглушенном состоянии, порывалось откликнуться на ее взгляд, но я тут же забыл обо всем из-за накатившего на меня приступа тошноты. Я отвернулся, и меня стошнило прямо на дорогой паркет. Голову и шею сводило от боли.

Когда я снова поднял взгляд, Лара на меня уже не смотрела. Она подняла выбитый из ее руки пистолет — но удар клешни Перевертыша изогнул ствол, превратив его в подобие запятой. Она отшвырнула его, подняла с пола меч и потянула из ножен на поясе второй такой же. Дыхание ее участилось — не от усилия, но от возбуждения; перепачканная блузка натянулась на груди, сквозь ткань просвечивали соски. Она медленно облизнула губы.

— Порой, — произнесла она, явно в расчете на меня, — я могу понять точку зрения Мэдлин.

Где-то совсем рядом послышался женский визг, а сразу за ним — львиный рык, от которого содрогнулся коридор. Сестра с короткой стрижкой пролетела почти весь коридор, врезалась в стену и тряпичной куклой повалилась на пол. За поворотом коридора послышался шорох стремительного движения, потом кто-то охнул — и наступила тишина.

В следующее мгновение из-за угла вымахало неясное, размазанное пятно в воздухе, волочившее за волосы вторую сестру — ту, что держала топор. Приблизившись к нам, Перевертыш убрал завесу и предстал перед нами в своем зверином, почти человеческом облики. Он остановился, не доходя до нас каких-то десяти футов. Потом небрежно, как бы невзначай поднял руку лишившегося сознания вампира и, не сводя взгляда с Лары, откусил палец и медленно прожевал.

Лара прищурилась, и рот ее приоткрылся в голодной ухмылке.

— Не хочешь прерваться, прежде чем мы продолжим?

— Прерваться? — Голос Перевертыша звучал как-то странно, словно одновременно пыталось говорить несколько разных существ.

Не дожидаясь ответа, он невозмутимо откусил левую руку девушки чуть выше локтя.

Блин-тарарам.

— Я тебя убью, — спокойно сообщила Лара.

Перевертыш рассмеялся. Жутковатый это вышел звук.

— Маленький фаг. Даже здесь, в цитадели твоей власти, ты не в состоянии меня остановить. Твои воины убиты. Твои подруги-фаги повержены. Даже гостящие у тебя бездари, полагающие, что обладают силой, не могут мне помешать.

К этому времени я достаточно пришел в себя, чтобы подняться на ноги. Лара не оглядывалась в мою сторону, но я кожей ощущал ее внимание. Собрать волю в кулак для магического удара я не мог — Перевертыш ощутил бы это задолго до того, как я изготавился бы к атаке.

К счастью, я готов к подобной ситуации.

Восемь колец, по одному на все пальцы, кроме больших, служат у меня двум целям. Сами по себе эти серебряные штуковины достаточно тяжелые, так что в случае, когда мне понадобится двинуть кого-нибудь в зубы, они не уступят по эффективности хорошему медному кастету. Однако главное их назначение состоит в том, чтобы с каждым движением моих рук накапливать и сохранять кинетическую энергию. Конечно, требуется некоторое время, чтобы набрать серьезный заряд, зато потом я могу расходовать эту энергию по своему усмотрению с весьма неплохой точностью. Разряд из одной серебряной ленты может сбить с ног здорового мужика. В каждом кольце по три таких ленты — значит, на каждой руке в моем распоряжении в дюжину раз больше энергии.

Я не стал предупреждать Лару. Я просто поднял правую руку и разрядил в Перевертыша энергию всех четырех колец. Лара все поняла и мгновенно бросилась вперед, готовая изрубить Перевертыша мечами, как только моя атака собьет его с ног или хотя бы лишит равновесия.

Однако Перевертыш поднял левую руку, сложив пальцы в хорошо знакомый мне охранительный

жест, и волна энергии, которой полагалось опрокинуть его, отразилась от его руки как от зеркала, ударив вместо него в Лару.

Лара охнула, когда шквал с силой разгоняющейся машины врезался в нее, сбил с ног и швырнул на кучу обломков, заполнявшую коридор за моей спиной.

Губы Перевертыша скривились в издевательской ухмылке.

— Отдохни, маленький фаг, — промурлыкал он нечеловеческим голосом. — Отдохни.

Лара еще раз охнула и с усилием поднялась, оттолкнувшись от обломков. Белые глаза ее буравили Перевертыша взглядом, губы раздвинулись в дерзком оскале.

Я тоже стоял, глядя на Перевертыша. Это было нелегко, и мне приходилось опираться о стену, чтобы не упасть. Но я все-таки сделал глубокий вдох и отошел от стены. Осторожно, мелкими шажками я вышел на середину коридора и остановился между Перевертышем и Ларой.

— Ладно, — сказал я. — Давай.

— Что давать, притворщик? — прорычал Перевертыш.

— Ты здесь не затем, чтобы убивать нас. Ты бы мог это сделать уже давно.

— Надо же, какая пронизательность, — промурлыкал он, жмурясь от садистского удовольствия.

— А вот издеваться не обязательно, — пробормотал я себе под нос и снова поднял взгляд на Перевертыша: — Ты, должно быть, хочешь поговорить. Так почему бы тебе не сказать то, с чем ты пришел?

Перевертыш смотрел на меня, не переставая жевать палец не приходившей в сознание Лариной сестры. Жевал он с омерзительными хрустом и чавканием. Наконец он проглотил.

— Ты обменяешься со мной.

Я нахмурился.

— Обменяюсь?

Перевертыш снова ухмыльнулся и когтем сдернул что-то, висевшее у него на шее. Он бросил мне этот предмет, и я поймал его. Это оказалась серебряная пентаграмма, почти такая же, как у меня, только заметно менее потертая и исцарапанная.

Пентаграмма Томаса.

Внутри у меня все похолодело.

— Обмен, — произнес Перевертыш. — Томас из рода Рейтов. На обреченного воина.

Я внимательно смотрел на зверя. Значит, он тоже хотел Моргана.

— Допустим, я пошлю тебя куда подальше.

— Я не всегда в игривом настроении, — промурлыкал он. — Я приду за тобой. Я убью тебя. Я убью твою родню, твоих друзей, твоих помощников. Я убью все цветы в твоём доме и все деревья в твоём саду. Я посею в твоём окружении такие смерть и разрушение, что имя твоё если и будут вспоминать, так только для того, чтобы проклясть.

Я ему верил.

С губ моих не сорвалось больше ни одной ехидной реплики. С учетом тех его способностей, что мне удалось увидеть, по части смерти и разрушений он вполне тянул на пятизвездочную категорию.

— И ещё — в качестве поощрения... — Взгляд его переместился на Лару. — Если чародей не повинует, я и тебя уничтожу. И сделаю это так же легко, как делал все нынче. Это доставит мне огромное удовольствие.

Лара смотрела на Перевертыша своими белыми глазами; на лице ее не читалось ничего, кроме ненависти.

— Ты понял меня, маленький фаг? Ты и тот мешок тухлой плоти, к которому ты прикреплен?

— Я поняла, — огрызнулась Лара.

Улыбка Перевертыша мгновенно сделалась шире.

— Если обреченного воина не доставят ко мне до завтрашнего заката, я начну охоту.

— Это может потребовать больше времени, — заметил я.

— В твоих интересах, притворщик, молиться, чтобы этого не произошло. — Он отшвырнул бесчувственное тело вампира, и та бесформенной грудой упала на свою сестру. — Связаться со мной ты можешь по его устройствам для разговора.

Он легко прыгнул в зиявшее в потолке отверстие и исчез.

Я привалился к стене; ноги почти не держали меня.

— Томас, — прошептал я.

Эта тварь захватила моего брата.

Глава двадцать седьмая

Лара наскоро оценила потери. С дюжину охранников погибло, еще дюжина отделалась увечьями. Стены в том месте коридора, где пытались устроить засаду, так забрызгало кровью, что они казались просто выкрашенными в красный цвет. Еще человек десять — пятнадцать не успели к месту событий, и это кстати — так по крайней мере нашлось кому помогать раненым и убирать тела.

Заклятие Перевертыша вывело из строя все до единой рации и мобильники, но старые проводные телефоны все-таки работали. Ларе удалось собрать небольшую армию других охранников и врачей — судя по всему, в резерве у Рейтов немало народа.

Пока она занималась всем этим, я сидел, привалившись спиной к стене и отрешенно наблюдая за происходящим. Это представлялось мне наиболее верным. Голова раскалывалась. Почесав зудевшее место, я заметил, что левое ухо и шея под ним покрыты слоем запекшейся крови. Должно быть, порвал кожу — ссадины на голове всегда кровоточат как черт знает что.

Некоторое время меня просто мутило, так что мне было не до наблюдений. Потом я поднял взгляд и увидел, что Лара распоряжается эвакуацией своих раненых сестер. Кровь — собственная, розовая — заливала их с головы до пят, и обе так и не приходили пока в сознание. Когда их уложили на носилки и унесли, врачи занялись ранеными охранниками, а Лара подошла ко мне.

Она опустилась передо мной на колени; взгляд ее светло-серых глаз оставался совершенно непроницаемым.

— Ты можешь стоять, чародей?

— Могу, — буркнул я. — Но не хочу.

Она чуть вздернула подбородок и посмотрела на меня сверху вниз, уперев руку в бедро.

— Во что это ты втянул моего младшего братца?

— Самому интересно, — пробормотал я. — До сих пор пытаюсь понять, откуда вообще летят пули.

Она скрестила руки на груди.

— Обреченный воин. Насколько я понимаю, Перевертыш имел в виду беглого Стража?

— Можно понять и так.

Лара внимательно посмотрела на меня и вдруг улыбнулась, блеснув ослепительно-белыми зубами.

— Он у вас. Он пришел к вам за помощью.

— Какого черта вы так решили? — удивился я.

— Потому что люди, оказавшиеся в безвыходной ситуации, как правило, обращаются за помощью к вам. А вы им помогаете. Так всегда случается. — Она задумчиво побарабанила пальцами по подбородку. — Надо бы теперь решить, что выгоднее. Выполнить требования Перевертыша. Или списать Томас как боевую потерю, отобрать у вас Стража и превратить его в ценный товар для тех, кто на него охотится. Своего рода политический капитал. В конце концов, за его голову — живым или мертвым — назначено солидное вознаграждение.

Я продолжал тупо смотреть на нее.

— Вы не выйдете из игры, — наконец сказал я. — Вы надеетесь, что сможете покобенишься немного и выбить из меня какие-нибудь обещания в обмен на ваше сотрудничество, но сотрудничать все равно будете.

— И с чего бы я должна на это пойти? — поинтересовалась Лара.

— Хотя бы потому, что после попытки переворота в Провале Томас — герой Коллегии. И если вы позволите какому-нибудь страшиле волосатому просто так явиться и убить его после фактической победы над вами на вашей же территории, в вашем же доме, это будет выглядеть как проявление слабости. Мы оба понимаем, что этого вы себе позволить не можете.

— А уступив его требованиям, я слабости не выкажу? — не без скепсиса спросила она. — Нет, Дрезден.

— Черта с два, еще как да, — возразил я. — Вы продолжите игру, вы подстроите Страшиле Волосатому ловушку и уберете его в лучших предательских традициях Белой Коллегии. Вы вернете Томаса. Вы уложите на лопатки тяжеловеса. Вы укрепите свой статус среди соплеменников.

Она прищурилась; ее лицо по-прежнему не выдавало ничего из того, о чем она думала.

— А после того, как я все это проделаю, — произнесла она наконец, — что, если я возьму Стража и сама сдам его Белому Совету? Это стало бы неплохой картой для дальнейших взаимоотношений с вашими.

— Еще бы. Только вы этого не сделаете.

— Не сделаю? — удивилась Лара. — И что же мне помешает?

— Я.

— Всегда любила общаться с мужчинами, обладающими высоким самомнением.

Теперь настал уже мой черед оскалить зубы в ухмылке.

— Простое махалово не в вашем стиле, Лара. Если вы разыграете партию как надо, это улучшит вашу репутацию и влияние. Зачем рисковать всем этим, ссорясь со мной?

— Гм... — пробормотала она, скользя глазами по моему телу. Она как бы невзначай провела рукой по подолу юбки, и взгляд мой мгновенно приковался к полоске белой кожи, видневшейся сквозь порванную ткань. Даже потеки запекшейся крови смотрелись на ее коже возбуждающе. — Я изредка задумываюсь, как оно было бы, если бы я завалилась с вами, Дрезден. Прямо на пол, на ковер какой-нибудь. Интересно, что бы из этого вышло.

Я облизнул пересохшие губы и с усилием отвел взгляд от ее бедра. Голосовые связки меня не слушались.

— Вам известно, как захватить полную власть над кем-то, Гарри? — поинтересовалась она тихим, вкрадчивым голосом.

Мне пришлось откашляться.

— Как? — прохрипел я.

Ее светло-серые глаза сделались совсем уже большими, бездонными.

— Дать им то, чего они хотят. То, что им необходимо. То, что не в состоянии дать им никто другой. И если вам удастся сделать это, они будут возвращаться к вам снова и снова. — Она наклонилась ко мне и почти прижалась губами к моему уху. — Я знаю, что я могу вам дать, Гарри. Вам сказать?

Я поперхнулся и кивнул, не осмеливаясь поднять на нее глаза.

— Покой, — выдохнула она мне на ухо. — Я могу сделать так, чародей, чтобы боль ушла. Совсем ушла из твоего тела. Или мыслей. Из сердца. Хоть ненадолго, но я могу дать тебе то, чего не может дать никто другой — свободу от бремени ответственности и совести. — Она придвинулась еще ближе, так близко, что я ощущал свежесть воздуха у ее губ. — Милый Дрезден. Я могу подарить тебе мир. Представь себе, как ты закрываешь глаза, а тебя не беспокоит ничего — ни боль, ни страх, ни горечь, ни голод, ни вина. Только покой, и темнота, и мое тело, прижимающееся к твоему...

Я поежился. Я ничего не мог с собой поделать.

— Я могу подарить тебе все это, — с улыбкой продолжала Лара. — Ты укрываешься своей болью как доспехами. Но настанет день, когда ты не в силах будешь нести эту тяжесть дальше. И ты вспомнишь эту минуту. И будешь знать, кто может дать тебе то, чего тебе не хватает. — Она издала негромкий, чувственный такой вздох. — Пищи мне достаточно, Дрезден. У меня ее в избытке. А вот партнера... Вдвоем мы способны сделать гораздо больше, чем поодиночке.

— Звучит соблазнительно, — прохрипел я, с трудом складывая слова. — Может, начнем с того, что вернем Томаса?

Она распрямилась, отодвинувшись от меня. На прекрасном лице ее отчетливо читались голод и желание. Она зажмурилась и чуть потянулась, как это умеют делать кошки. От такой выставленной напоказ женственности вскипели бы любые мужские мозги. Она медленно кивнула, потом встала, и взгляд ее снова сделался холодным, отрешенным.

— Ты, конечно, прав. Первым делом бизнес. Ты хочешь, чтобы я тебе помогла.

— Я хочу, чтобы вы помогли себе, — уточнил я. — У нас обоих схожие проблемы.

— Какие именно? — удивилась она.

— Предатели в собственных рядах, — ответил я. — Стремящиеся посеять конфликт и нарушить баланс сил.

Она выразительно изогнула черную бровь.

— Страж невиновен?

— Только если мне удастся отыскать типа, который его подставил.

— Ты считаешь, существует связь между предателем и Шкурой-Перевертышем?

— И еще одна связь — та, что привела меня сюда, — добавил я. — Кто-то из ваших заплатил адвокату и порылся у нее в голове.

Лара безразлично скривила губы:

— Если это правда, кто-то до ужаса неуклюж. Не в наших привычках оставлять за собой столь очевидную блокировку — тем более, снимая только один слой памяти. Слишком уж такие вещи привлекают внимание.

— Значит, — заметил я, — у нас есть один вампир Белой Коллегии, неуклюжий, громкий, нетерпеливый. Да, и еще — не потрудившийся защищать своих, когда в дом вломился Перевертыш. Та

самая, которую публично унижил Томас.

— Мэдлин, — пробормотала Лара.

— Мэдлин, — кивнул я. — Мне кажется, тот, кто дергает за ниточки во всей этой истории, использует ее. И мне кажется, нам нужно отыскать ее и, если повезет, выйти по этим ниточкам на кукловода.

— Как?

Я порылся в кармане плаща и достал пару мятых листов бумаги с предполагаемым номером счета Моргана и ксерокопией перевода.

— Найдите, кто перевел эти деньги. И откуда. — Я протянул ей бумаги. — А после этого посмотрите, не удастся ли вам определить местонахождение Томасова мобильного.

— Его мобильного?

— Страшила Волосатый сказал, мы можем связаться с ним по мобильному номеру Томаса. Разве нет способа выяснять, где находится аппарат?

— Это зависит от ряда факторов.

— Готов поспорить, подписки на «Популярную механику» у Перевертыша нет. От поисковых заклятий у него, вполне возможно, защита имеется, а вот насчет того, что телефон можно выследить обычными, физическими методами, он может и не догадываться.

— Посмотрю, удастся ли чего выяснить — сказала она. К нам подошел и остановился на почтительном расстоянии один из медиков. Лара повернулась к нему: — Ну?

Он показал блокнот.

— Список пострадавших, как вы просили.

Она протянула руку. Медик передал ей список с таким видом, как будто боялся подходить к ней слишком близко. Лара пробежала глазами первую страницу.

— У Хеннеси и Кэлли сломан позвоночник?

— Утверждать наверняка можно будет только после рентгена, — ответил медик; он заметно нервничал. — Из того, что мне рассказали, следует, что... гм... нападавший сломал им спины об колено и отшвырнул в сторону. Оба парализованы. Возможно, навсегда.

— А Уилсон остался без глаз, — пробормотала Лара.

— Да, мэм, — подтвердил медик, старательно избегая смотреть ей в лицо.

— Ладно, — кивнула Лара. — Отнесите Хеннеси в покои Наталии. Кэлли — к Элизе.

— Слушаюсь, мэм. Уилсона отправить в больницу?

Лара глянула на него — на ее прекрасном лице не читалось абсолютно ничего.

— Нет, Эндрю. Я сама подойду сейчас к нему. — Она сунула блокнот в руку медику, и тот поспешно удалился.

Некоторое время я молча смотрел на Лару.

— Вы собираетесь убить этих людей, — произнес я наконец. — Когда Элиза и Наталия очнутся...

— Они покорятся, и жизни их окажутся вне опасности. Жаль, конечно — я столько вложила в этих людей. Впрочем, на рынке вооруженной охраны спрос не поспевает за предложением. Что же касается членов семьи, их с такой легкостью не заменить. И моя обязанность как предводителя обеспечить при необходимости должный уход и удовлетворение их потребностей — особенно когда речь идет о лояльности подданных.

— Но это ведь ваши люди, — напомнил я.

— Были моими — до тех пор, пока не потеряли ценность для клана, — возразила она. — И им известно слишком много о наших внутренних делах, чтобы я могла спокойно отпустить их на пенсию. Их жизнями придется пожертвовать, если я хочу, чтобы мои сестры оправились от ран. Уж лучше их, чем тех, кто еще может оказаться нам полезен. Можно сказать, сослужив нам последнюю службу, они помогут сберечь другие жизни.

— Угу. Вы прямо образец гуманности. Натуральная мать Тереза.

Она снова обратила на меня свой ровный, пустой взгляд.

— Когда это вы, Дрезден, успели забыть, что я вампир? Монстр. Обычно симпатичный, вежливый, воспитанный и чертовски ловкий монстр. — Взгляд ее скользнул в коридор, где как раз помогали сесть мускулистому молодому мужчине; врач накладывал повязку на верхнюю часть его лица. Лара, не отрываясь, смотрела в его сторону, и цвет ее глаз снова сменился с серого на серебряный, а губы чуть раздвинулись. — Я такая, какая есть.

Меня чуть не стошнило. Я с усилием поднялся на ноги.

— Я тоже.

Она равнодушно покосилась на меня.

— Это угроза, Дрезден?

Я мотнул головой и тут же пожалел об этом.

— Просто констатация факта. Рано или поздно я уберу вас.

Взгляд ее вернулся к раненому; губы скривились в усмешке.

— Рано или поздно, — пробормотала она. — Но не сегодня.

— Нет. Не сегодня.

— Могу ли я сделать для тебя еще что-нибудь, мой чародей?

— Угу, — сказал я.

Она покосилась на меня, вопросительно приподняв бровь.

— Мне нужна машина.

Глава двадцать восьмая

Я с трудом доплелся по лестнице на следующий этаж в крыло замка, где оборудовали импровизированный госпиталь. Меня сопровождал охранник, изо всех сил старавшийся не припадать на раненую ногу. Перевертыш двинул меня тыквой об стену, явно что-то там повредив. В голове — насчет стены не знаю. У меня сложилась твердая уверенность в том, что если я подпрыгну, мотнув при этом головой, мозги в черепе взболтаются и пойдут пеной изо всех щелей.

Правда, делать ничего такого я не собирался. Мне и простая ходьба давалась нелегко.

В палате молодая женщина в белом халате хлопотала над ранеными. Двигалась она с уверенностью профессионального медика; когда я вошел, она как раз заканчивала с Жюстиной. Та лежала на кровати с перебинтованным торсом, и глаза ее смотрели куда-то в пространство с блаженным выражением человека, напичканного болеутоляющими.

Рядом с ней сидела, напряженно выпрямив спину, Анастасия. Правая рука ее была плотно прибинтована к телу черной повязкой. Стоило мне войти, как она поднялась. Вид она при этом имела несколько бледный, но все же стояла она, не опираясь на свой посох.

— Мы уезжаем?

— Угу, — кивнул я и подошел взять ее под левую руку. — Ты как, идти сможешь?

Она остановила меня посохом, хотя и с улыбкой.

— Уж отсюда, черт подери, я запросто выйду, — произнесла она с нарочитым, противным шотландским акцентом.

Я потрясенно уставился на нее:

— Ты же говорила, что проспала всего «Горца»!

Темные глаза ее весело заискрились.

— А что я еще могла сказать, оказавшись на древнем фильме, сидя в машине с мужчиной на двести лет моложе меня?

— Но ведь не потому же, что ты боялась уязвить мои чувства, высказывая профессиональное мнение о постановке фехтовальных трюков на экране?

— Молодые мужчины бывают такие чувствительные, — заметила она, и ямочки на ее щеках на мгновение сделались рельефнее.

— Тебя нужно отвезти в больницу, — сказал я, покосившись на ее повязку.

Она мотнула головой.

— Кость уже зафиксирована. Теперь все, что можно делать — это не снимать перевязи и ждать, пока боль хоть вполовину уймется.

Я поморщился.

— У меня есть дома кое-какие лекарства.

Она снова улыбнулась, но на этот раз я видел, с каким усилием это ей дается.

— Это будет очень кстати.

— Гарри, — негромко окликнули меня.

Я повернулся к Жюстине, смотревшей на меня затуманенным взглядом, и улыбнулся ей:

— Как дела?

— Мы слышали, что сказала эта тварь, — с трудом ворочая языком, произнесла она. — Мы слышали, как она говорила с вами и Ларой.

Я покосился на Анастасию, и та едва заметно кивнула.

— Угу, — сказал я Жюстине. Мне ужасно не хотелось, чтобы она сказала что-нибудь такое, чего ей

не стоило бы говорить. — Я позабочусь об этом.

Жюстина улыбнулась мне, хотя глаза ее уже окончательно слипались.

— Я знаю, что вы так и сделаете. Он вас любит, вы же знаете.

Я старался не коситься в сторону Анастасии.

— Э... Угу.

Жюстина взяла меня за руку и попыталась открыть глаза.

— Он всегда переживал, что не сможет поговорить с вами. Что мир, откуда он родом, так отличается от вашего. Что он слишком мало знает людей, чтобы вписаться в ваш мир. Что он не умеет быть хорошим бр...

— Бредовой занозой в заднице, — перебил я. — Он это прекрасно знает. — На нее я тоже старался не смотреть. Меньше всего мне нужно было сейчас заглядывать кому-либо в душу. — Жюстина, вам необходим покой. Я его из-под земли достану. Не переживайте.

Она снова улыбнулась, и веки ее окончательно сомкнулись.

— Вы мне как родной, Гарри. Вы всегда хорошо ко мне относились.

Я коротко, немного раздосадованно кивнул, положил руку Жюстины обратно на край кровати и накрыл ее одеялом.

Анастасия задумчиво следила за моими действиями.

Мы вернулись во входной вестибюль с его свежей штукатуркой, под которой могли прятаться, а могли и не прятаться смертельные ловушки, вышли на крыльцо размером с теннисный корт и по ступеням спустились к подъездной аллее, на которой ждала меня одолженная Ларой машина.

Я остановился так резко, что Анастасия едва не врезалась в меня сзади. Зашипев от боли, она с трудом удержала равновесие, потом заглянула поверх моего плеча и тоже затаила дыхание.

— Ох, мамочки.

На дороге стояло почти две тонны лучших британских стали и хрома. Негромко урчащий мотор напоминал по звуку швейную машинку. Белый «ройс» старой модели, казалось, попал сюда из старого приключенческого фильма и находился в идеальном состоянии. Отполированные боковины без единого пятнышка сияли в закатном солнце, а уж блеск хромированного радиатора просто слепил глаза.

Я подошел и заглянул внутрь машины. Пассажирский диван в задней части салона был больше всей моей чертовой квартиры. Ну, или мне так показалось. В интерьере преобладали серебристые и серые тона, белая кожа и светлое дерево, отполированное почти до свечения и отделанное серебром. Ковер на полу «ройса» толщиной и ухоженностью не уступал хорошему газону.

— Ух ты, — тихо пробормотал я.

— Произведение искусства, черт подери, — выдохнула остановившаяся рядом со мной Анастасия.

— Ух ты, — повторил я.

— Ты только на отделку посмотри.

Я кивнул.

— Ух ты.

Анастасия как-то странно покосилась на меня.

— И сзади салон у него чертовски просторен.

Я заморгал и поглядел на нее.

Она смотрела на меня с самым невинным видом.

— Я всего-то хочу сказать, что у тебя в квартире сейчас тесновато.

— Анастасия... — пробормотал я и почувствовал, что лицо у меня начинает гореть.

На щеках у нее снова обозначились ямочки. Разумеется, она просто меня поддразнивала. При ее состоянии требовалось как минимум несколько дней, прежде чем она смогла бы снова заниматься чем-то подобным.

— Что это за модель? — спросила она.

— Э-э... — сказал я. — Ну, это «роллс-ройс». Модель... думаю, довоенная еще.

— «Роллс-Ройс Сильвер Рейт», разумеется, — послышался голос Лары у меня за спиной. — А какой еще модели он мог быть в этом доме?

Я оглянулся и увидел Лару Рейт, стоящую в тени крыльца у двери.

— Потребности у вас, несомненно, специфические, — продолжала она. — Поэтому я и предоставила вам соответствующий продукт. Старой работы. Тридцать девятого года. — Она скрестила руки на груди (на мой взгляд, слишком уж самодовольно). — Верните его с полным баком.

Я мотнул головой так, чтобы это не слишком уж смахивало на согласие, и отворил дверцу со стороны пассажирского кресла.

— Агенту по прокату, — пробормотал я под нос, — стоило бы сначала справиться о состоянии моего банковского счета. Сколько жрет этот зверь, пару галлонов на милю?

Анастасия скользнула в салон, негромко охнув от боли. Я поморщился и вытянул руки на случай, если она вдруг потеряет сознание и упадет, но ей удалось сесть, не потревожив ключицу еще раз. Я захлопнул дверцу и краем глаза видел, как Лара вдруг подалась вперед.

На мгновение она пристально посмотрела на Анастасию — а потом на меня.

Ларины глаза разом посветлели на несколько оттенков, полные губы раздвинулись — она вдруг поняла. На лице ее заиграла очень, очень легкая улыбка. Она не спускала с меня глаз.

Я отвернулся (немного торопливо), забрался в «ройс» и тронул его с места. И не оглядывался до тех пор, пока поместье вампиров не осталось в пяти милях позади.

Анастасия не дергала меня до тех пор, пока мы не оказались в ближних пригородах, и только тогда повернулась ко мне:

— Гарри?

— Мм-м? — откликнулся я. С точки зрения вождения «ройс» мало отличался от танка. Инерция его находилась в прямой зависимости от массы, усилители руля и тормозов отсутствовали как класс. Эта машина требовала уважения к законам физики, а еще надо было просчитывать все свои действия на несколько шагов вперед.

— Ты мне ничего не хочешь сказать? — поинтересовалась она.

— Черт, — пробормотал я.

Она смотрела на меня глазами, которые показались мне в несколько раз старше ее лица.

— Ты надеялся, я не услышу то, что говорила Жюстина.

— Угу.

— Но я слышала.

Минуту или две я вел машину молча.

— Ты уверена? — спросил я наконец.

Она тоже подумала, прежде чем ответить.

— А ты уверен, — произнесла она уже мягче, — что ничего не хочешь мне сказать?

— Капитану Люччо — ничего, — буркнул я. Это вышло жестче, чем мне хотелось бы.

Она протянула левую руку и положила на мою правую, которой я держался за рычаг переключения передач.

— А Анастасии? — спросила она.

Я невольно стиснул зубы. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы взять себя в руки.

— У тебя есть родные?

— Да, — кивнула она. — Формально есть.

— Формально?

— Те мужчины и женщины, с которыми я росла, которых знала? Они уже несколько поколений как умерли. Их потомки и сейчас живут по всей Италии, в Греции, даже в Алжире несколько человек — но не думаю, чтобы они горели желанием приглашать свою прапрапрапрапрабабку в гости на Рождество. Они мне чужие.

Я нахмурился, обдумывая это, потом посмотрел на нее.

— Чужие.

Она кивнула.

— Большинство людей, Гарри, не готовы смириться с тем фактом, что люди могут жить так долго, как мы. Есть отдельные семьи — Марта Либерти, например, живет вместе с одной из своих прапра-не-знаю-сколько-раз-правнучек и ее детьми. Но гораздо чаще попытки чародеев поддерживать близкие отношения с родней плохо кончаются. — Она склонила голову, проверяя, хорошо ли держится перевязь. — Раз в пять или шесть лет я навещаю своих — смотрю издали так, чтобы они не заметили. Проверяю, не появился ли на свет кто-нибудь, обладающий нашими способностями.

— Но когда-то у тебя была ведь настоящая семья.

Она вздохнула и отвернулась к окну.

— Ну да. Только очень давно.

— Я помню отца. Немного. А так рос сиротой.

Она поморщилась.

— *Dio*, Гарри! — Ее пальцы сжали мне локоть. — У тебя что, вообще никого не было?

— И уж если я нашел кого-то, — продолжал я перехваченным — так сдавило горло — голосом, — я пойду на все, чтобы защитить его. На все.

Так и продолжая глядеть в окно, Анастасия вдруг зашипела — похоже, от злости.

— Маргарет. Чертова эгоистичная сучка.

Я удивленно покосился на нее. Это едва не стоило нам жизни, потому что обгонявшая машина подрезала нас, и я еле успел затормозить.

— Ты... ты была знакома с моей матерью?

— Все Стражи знали ее, — негромко ответила Анастасия.

— Она что, тоже работала Стражем?

Анастасия, помедлив, покачала головой.

— Она считалась угрозой Законам Магии.

— Что это значит?

— Это значит, она сознательно балансировала на грани нарушения Законов — так близко, как только могла. При каждом удобном случае. Всего через год после того, как ее приняли в Совет, она развернула агитацию за внесение изменений в Законы.

На некоторое время я сосредоточился на дороге. До сих пор никто из Совета не говорил мне столько о той загадочной женщине, что подарила мне жизнь. Руки как-то разом вспотели, сердце колотилось быстрее, чем полагалось бы.

— Каких изменений?

— Ее бесило то, что в Законах нет ни слова о добре и зле. Она возмущалась тем, как чародеи используют свои способности, чтобы выманивать у людей деньги, унижать смертных и манипулировать ими. И больше всего тем, что основная цель Законов, по ее словам, — не мешать таким чародеям и не запрещать другим следовать их примеру. Она хотела дополнить Законы понятием справедливости, одновременно ограничив отдельные сферы применения магии.

Я нахмурился:

— Надо же, монстр какой.

Она медленно выдохнула.

— Только представь себе, что получилось бы, если бы она добилась своего.

— Я не подвергался бы на протяжении долгих лет незаслуженным преследованиям Стражей?

Губы ее сжались в жесткую линию.

— Стоило бы такому понятию как «справедливость» найти отображение в своде наших Законов, как Совет неминуемо оказался бы втянутым в события, происходящие во внешнем мире.

— Ужас какой, — хмыкнул я. — Горстка чародеев, пытающихся насаждать в мире добро... что может быть страшнее?

— Смотря какое добро, Гарри, — вполголоса заметила Анастасия. — Нет таких, чтобы считали себя законченными мерзавцами, а свои действия преступными. Многие из самых жестоких тиранов в истории руководствовались благими намерениями или предпринимали действия, которые сами считали «жесткими, но оправданными». Каждый из нас сам себе представляется героем.

— Угу. Трудно, например, определить, кто был доброй, а кто злой стороной во Второй мировой.

Она закатила глаза.

— Ты, Гарри, учился по истории, написанной победителями. Я-то сама пережила это, так что могу сказать тебе: в те дни все было далеко не так однозначно. Да, говорят о зверствах в нацистской Германии. Однако на каждый реальный случай приходится пять или шесть выдуманных. И как, скажи, распознать, где правда, где пропаганда, а где голый вымысел и мифы тех, на кого напала Германия?

— Но, может, задача стала бы проще, найдись там два или три чародея, чтобы помочь? — предположил я.

Она искоса посмотрела на меня.

— Тогда, следуя твоей логике, Совету стоило бы уничтожить и Соединенные Штаты.

— Чего?

— У твоего правительства тоже руки в крови, — невозмутимо пояснила она. — Если ты, конечно, не считаешь индейцев, у которых отняли эти земли, злодеями, заслужившими такое обхождение.

Я нахмурился:

— Что-то мы далеко ушли от обсуждения моей матери.

— Да. И нет. То, что она предлагала, неминуемо вовлекло бы Совет в конфликты смертных. И, следовательно, в политику смертных. Признайся честно: если бы Совет прямо вот сейчас объявил войну Америке за ее былые преступления и нынешний идиотизм, ты бы подчинился приказу нападать?

— Блин, нет, конечно, — возмутился я. — Штаты, разумеется, далеки от идеала, но все же лучше того, чем довольствуется большинство людей. Ну, и здесь у меня гнездо, как-никак.

Она устало улыбнулась.

— Вот именно. И поскольку в Совет входят члены со всего мира, *как бы и где бы* мы ни действовали, почти наверняка найдутся обиженные тем, как обошлись с их родиной. — Она пожала плечами и тут же поморщилась от боли. — Я бы, например, возражала, если бы Совет выступил против любой из стран, где живут мои родственники. Пусть они меня, возможно, и не помнят, но поступить иначе было бы неправильно.

Некоторое время я обдумывал ее слова.

— Ты хочешь сказать, что Совету пришлось бы воевать с кем-то из своих?

— И сколько таких ситуаций потребовалось бы, прежде чем от Совета ничего не останется? — спросила она. — Войны и распри могут тянуться не одно поколение даже *без* участия кучки чародеев. А уж урегулирование этих конфликтов еще сильнее впутает нас в дела смертных.

— Ты имеешь в виду власть, — тихо произнес я. — Совет попытался бы заполучить политическую власть.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Одна из причин, по которым я уважаю тебя больше, чем других твоих сверстников, — это твое пристрастие к истории. Именно так. И нет лучше способа обрести власть над другими, чем черная магия.

— Что полностью подпадает под Законы Магии.

Она кивнула.

— Поэтому Совет сам себя ограничивает. Любой чародей волен использовать свои способности так, как ему заблагорассудится — при условии, что он не нарушит при этом ни одного из Законов. Лишенный возможностей черной магии, даже самый злонамеренный тип может нанести обществу смертных лишь ограниченный ущерб. Сколько бы они ни причинили тебе неприятностей, Гарри, Законы Магии не имеют никакого отношения к справедливости. И Белый Совет тоже. Единственная их цель — ограничить возможность использования силы. — Она снова едва заметно улыбнулась. — Ну, и еще Совету удастся иногда творить добро, защищая человечество от сверхъестественных опасностей.

— И тебе этого достаточно? — спросил я.

— Это далеко от идеала, — согласилась она. — И все же лучше того, что могло бы быть. И то, строительству чего я посвятила всю свою жизнь, тоже там.

— Туше, — вздохнул я.

— Спасибо.

Я погладил ее пальцы.

— Значит, ты считаешь мою мать недалёковидной.

— Она была непростая женщина, — сказала Анастасия. — Гениальная, непредсказуемая, страстная, увлекающаяся, идеалистка, обаятельная, отвратительная, жесткая, беспечная, заносчивая — и да, недалёковидная. Не говоря о множестве других качеств. Очень ее интересовала область серой магии, как она ее называла; она постоянно оспаривала запреты на опыты в этой области. — Она пожала плечами и снова скривилась. — Совет Старейшин поручил Стражам присматривать за ней. Что на проверку, черт подери, оказалось почти невозможным.

— Почему?

— Она завязала кучу контактов с фэйре. Ее за это и называли Маргарет Лефей. Она знала больше проходов через Небывальщину, чем любой другой из всех, кого я когда-либо знала. Она могла завтракать в Пекине, обедать в Риме, а к ужину оказаться уже в Сиэтле, заглянув по дороге на кофе в Сидней и Кейптаун. — Она вздохнула. — Как-то раз Маргарет исчезла года на четыре или пять. Все решили, что она нарвалась наконец на какую-нибудь неприятность у фей. Она никогда не пыталась сдерживать язык — даже если знала, что это ей может дорого обойтись.

— Могу себе представить.

Анастасия улыбнулась мне, но улыбка вышла довольно бледная.

— Но она ведь не все это время провела в Небывальщине, нет?

Я покосился в зеркало заднего вида. Шато-Рейт давно уже остался позади.

— И Томас сын самого Белого Короля.

Я не ответил.

Она тяжело вздохнула.

— Ты на него совсем не похож. Ну, может, формой подбородка. И разрезом глаз.

Всю оставшуюся дорогу до дома я молчал. «Ройс» с громкостью петард прохрустел шинами по гравию. Я выключил зажигание и послушал немного, как мотор пощелкивает, остывая. Солнце за это

время успело спрятаться за горизонт, и кое-где начали уже загораться уличные фонари.

— Ты собираешься рассказать кому-нибудь об этом? — тихо спросил я.

Она молча смотрела в окно, обдумывая ответ.

— Нет — до тех пор, пока не сочту это необходимым, — ответила она наконец.

Я повернулся и посмотрел на нее:

— Ты ведь понимаешь, что будет, если об этом узнают. Его сделают заложником.

Она смотрела куда-то вдаль, поверх капота.

— Понимаю.

— Только, — произнес я, стараясь вложить в каждое слово максимум веса. — Через. Мой. Труп.

Анастасия зажмурилась на мгновение, потом открыла глаза. Лицо ее не дрогнуло. Она медленно, словно неохотно сняла руку с моей и положила на свое колено.

— Видит Бог, я надеюсь, до этого не дойдет, — прошептала она.

Мы так и сидели в машине, не глядя друг на друга. Салон почему-то показался еще больше и холоднее, тишина — еще глубже.

Наконец Лючко вздернула подбородок и посмотрела на меня:

— Что ты собираешься делать?

— А как ты думаешь? — Я стиснул кулаки так, что суставы хрустнули, покрутил головой, снимая усталость с шейных мышц, и распахнул дверь. — Собираюсь отыскать брата.

Глава двадцать девятая

Спустя пару часов и с полдюжины неудачных попыток применить различные поисковые заклятия я с рычанием смахнул со своего лабораторного стола стопку исписанных бумажек. Они шмякнулись о стену как раз под полкой, на которой проживает Боб-Череп, и рассыпались по полу.

— Этого можно было ожидать, — осторожно заметил Боб. Оранжевые огни — точь-в-точь отсветы далеких костров — мерцали в глазницах выцветшего человеческого черепа, лежавшего на полке у меня в лаборатории в окружении множества прогоревших свечей и полудюжины бульварных романов в мягких обложках. — Кровная связь между родителем и ребенком куда прочнее, чем между сводными братьями.

Я злобно покосился на череп, но тоже понизил голос.

— Для тебя день потерян, если ты хоть раз не сказал мне что-нибудь в этом роде.

— А что еще я могу сказать, если ты игнорируешь мои советы, сахиб? Я всего лишь жалкий слуга.

Наличие посторонних в комнате над моей головой не позволяло мне наорать на него, поэтому я ограничился тем, что схватил подвернувшийся под руку карандаш и запулил в него. Карандаш угодил черепу между глаз круглым ластиком.

— Зависть, имя тебе — Дрезден, — произнес Боб с благочестивым вздохом.

Я шагал взад и вперед по лаборатории, кипя от досады. Не мог сказать, чтобы идти мне приходилось далеко. Пять шагов, поворот, пять шагов, поворот. Моя лаборатория представляет собой маленькую бетонную коробку. Вдоль трех стен тянутся рабочие столы, над которыми я повесил дешевые проволочные стеллажи. Столы и полки сплошь заставлены всякой всячиной — книгами, реактивами, инструментами, разнообразными алхимическими причиндалами, а также блокнотами и тетрадями всех калибров.

Длинный стол посередине комнаты последние годы закрыт брезентом, а в бетонный пол в дальнем конце лаборатории заделано идеально ровное медное кольцо. Пол вокруг кольца был усеян остатками неудачных попыток сложить поисковое заклятие; тот хлам, что находился внутри круга, остался от самой последней попытки.

— Уж хоть одно заклятие да могло бы хоть что-то дать, — пожаловался я Бобу. — Ну, может, не точное местонахождение Томаса, но хотя бы *толчок* в нужном направлении...

— Если только он не мертв, — заметил Боб. — В таком случае ты просто зря стараешься.

— Он не мертв, — тихо возразил я. — Страшила Волосатый хочет торговаться.

— Ну-ну, — хмыкнул Боб. — Всем известно, насколько нааглоши отличаются честностью.

— Он жив, — тихо повторил я. — По крайней мере я буду исходить из этого.

Боб каким-то образом ухитрился принять озадаченный вид.

— Почему?

Потому что тебе нужно, чтобы с твоим братом все было хорошо, прошептал чуть слышный голос у меня в голове.

— Потому что все остальные предположения мало способствуют разрешению этой ситуации, — ответил я вслух. — Кто бы ни прятался за кулисами, он манипулирует Перевертышем и, возможно, Мэдлин Рейт. Поэтому, отыскав Томаса, я выйду на Страшилу Волосатого и Мэдлин, а тогда смогу проследить ведущие к ним нити до тех пор, пока не распутаю всю эту историю.

— Угу, — процедил Боб. — Как думаешь, сколько времени займет это распутывание? Потому как нааглоши наверняка надеется проделать то же самое с твоими кишками.

Я негромко, чтобы не слышали наверху, зарычал.

— Да. Похоже, у меня есть его номер.

— Правда?

— Я пытался сам начистить ему ряшку, — сказал я. — Но у него чертовски прочная защита. И скорость у него просто адская.

— Он бессмертное полубожество, — напомнил Боб. — Еще бы ему не быть крутым.

Я отмахнулся.

— Я зря сам старался отколошматить его. Встречусь с ним в следующий раз — закидаю его чарами, — чтобы запутать его, замедлить. Так, чтобы тот, кто будет со мной, получил возможность выстрелить наверняка.

— Может, и сработает... — признал Боб.

— Спасибо.

— ...если он настолько туп, что умеет защищаться только от физических атак, — продолжал Боб, словно не слышал меня. — Вероятность чего ненамного больше того, что одно из этих твоих поисковых заклятий вдруг сработает. Он умеет защищаться от заклятий, Гарри.

Я вздохнул.

— У меня проблемы полового характера.

Боб зажмурился.

— Э... Ну... Мне хотелось бы сказать что-нибудь такое, чтобы это стало для тебя еще огорчительнее, босс, но не знаю чего.

— Тьфу, да *не у меня* же. — Я швырнул еще один карандаш. Тот промахнулся мимо Боба и отлетел от стены. — У Перевертыша. Он правда самец? Я могу называть его «он»?

Боб закатил огоньки-глаза.

— Он бессмертный полубог, Гарри. Он не воспроизводится. У него нет нужды делиться своим генетическим кодом. Такие штуки беспокоят только вас, мешков с мясом.

— Тогда кой черт ты при любом удобном случае палишься на голых девок, — заметил я, — но не на голых мужиков?

— Это исключительно эстетические предпочтения, — безмятежно отозвался Боб. — В том, что касается внешних художественных достоинств, женщины на порядок круче мужчин.

— А еще у них есть сиськи, — добавил я.

— А еще у них есть *сиськи!* — радостно подтвердил Боб.

Я вздохнул и, зажмурившись, устало потер виски.

— Так ты говоришь, Перевертыши — полубоги?

— Ты пользуешься английским словом, которое не совсем точно описывает эти существа. Большинство Перевертышей — просто люди. Могущественные, опасные, часто съехавшие с катушек, но люди. Они наследники традиций и обычаев, которым алчных смертных обучили настоящие нааглоши.

— Настоящие? Вроде Страшилы Волосатого?

— Он-то не подделка, ага, — согласился Боб, и голос его разом посерьезнел. — Если верить отдельным преданиям навахо, нааглоши начинали как посланники Священного Народа, когда тот учил смертных Благословенному Пути.

— Посланники? — переспросил я. — Вроде ангелов?

— Или вроде тех типов в Нью-Йорке на мотоциклах, — поправил меня Боб. — Не все курьеры созданы одинаковыми, мистер Дающий-Заурядные-Определения. Так или иначе, настоящим посыльным, нааглоши, полагалось уйти вместе со Священным Народом, когда те покидали мир смертных. Однако некоторые не ушли. Они остались здесь, а их эгоизм и бахвальство извратили ту силу, что дали им Священные. И вот вам Страшила.

Я хмыкнул. Выданная Бобом информация смахивала на анекдот, из чего следовало, что время и поколения рассказчиков запросто могли исказить ее. Не исключено, что узнать объективную истину об этом вообще уже невозможно — впрочем, неожиданно большой процент подобных преданий дошел до

нас почти нетронутым; во всяком случае, у народов с давними традициями устного рассказа — вроде индейцев юго-запада Америки — дело обстоит именно так.

— Когда это произошло?

— Трудно сказать, — признался Боб. — Навахо относятся ко времени не так, как большинство смертных, что делает их, пожалуй, умнее остального вашего обезьяньего племени. Но скорее всего в доисторические времена. Несколько тысячелетий назад.

Блин.

Несколько тысяч лет жизни означают несколько тысяч лет накопленного опыта. Из этого следовало, что Страшила хитер и умеет приспосабливаться. Старина Перевертыш просто сгинул бы, не обладай он этими качествами. В моем воображаемом рейтинге он сразу поднялся с «очень крутого» до «невероятно, чертовски крутого».

Однако брат мой оставался пока у него, а значит, это ничего не меняло.

— Как думаешь, нет никакой серебряной пули, которой мы бы могли одолеть его? — поинтересовался я.

— Нет, босс, — тихо ответил Боб. — Мне очень жаль.

Я поморщился, убрал следы моих позорных поисковых заклятий и начал подниматься по лестнице. Уже почти у самого люка, я задержался.

— Эй, Боб.

— Ну?

— У тебя никаких соображений насчет того, почему, когда кто-то из чародеев убивал Ла Фортье, никто из них не воспользовался магией?

— Потому что люди тупицы?

— Чертовски странно все это, — буркнул я.

— Иррациональность естественна, — возразил Боб. — Начнем с того, что чародеи вообще неуравновешенны.

С учетом того, как обстояла в последние годы моя жизнь, я не очень-то мог с ним спорить.

— Из этого кое-что следует, — сказал я.

— Правда? — удивился Боб. — И что же?

Я устало тряхнул головой.

— Скажу, как сам пойму.

Я вернулся в гостиную — точнее, поднялся в нее через люк. Люк у меня хороший, массивный, так что звуки из лаборатории наверх почти не проникают. Люччо наглоталась болеутоляющих и спала у меня на диване — она так и вырубилась, лежа на спине, без подушки. Я прикрыл ее легким одеялом. Рот у нее чуть приоткрылся, и от этого она казалась совсем хрупкой, еще моложе, чем ее нынешняя внешность. Молли сидела в кресле, рядом с которым горело несколько свечей. Она читала роман в бумажной обложке, не открывая его до конца, чтобы не хрустнула склейка. Умница.

Я прошел на кухню и соорудил себе сандвич. При этом я вдруг сообразил, что сандвичи мне изрядно надоели. Надо, надо, наверное, научиться готовить или еще чего.

Пока я стоял и жевал, ко мне подошла Молли.

— Эй, — окликнула она меня шепотом. — Вы как?

Сразу по моем возвращении из Шато-Рейт она помогла мне перевязать ссадину на башке, так что теперь я щеголял в подобии кособокого тюрбана. Я ощущал себя флейтистом из классического «Духа 76 года» Уилларда.

— Пока цел, — отозвался я. — А как они?

— Спят обдолбанные, — сказала она. — У Моргана температура поднялась на полградуса. Последняя упаковка антибиотиков почти закончилась.

Я стиснул зубы. Если я не доставлю Моргана в больницу, и быстро, он умрет так же верно, как если бы до него добрались Совет или Страшила.

— Может, ему компресс со льдом сделать? — тревожно спросила Молли.

— Не надо пока. Только если температура подскочит до ста четырех¹ и будет держаться, — ответил я. — Вот тогда жар станет для него опасен. А пока организм делает то, что ему полагается делать — борется с инфекцией. — Я проглотил последний кусок сандвича. — Кто-нибудь звонил?

Она достала страничку из блокнота.

— Джорджия. Вот больница, в которой лежит Энди. Они пока там, с ней.

¹ По Фаренгейту. 40 градусов Цельсия.

Я поморщился и взял листок. Если бы я сто лет назад не пустил Моргана на свой порог, его бы уже не было в Чикаго, Страшила не преследовал бы меня в надежде выйти на него, Энди осталась бы цела, а Кирби — жив. А я даже не позвонил, не узнал, как она.

— Как она?

— Они до сих пор не знают, — сказала Молли.

Я кивнул:

— Ясно.

— Вы нашли Томаса?

Я покачал головой.

— Полный облом.

К нам подошел Мыш. Сел и сочувственно посмотрел на меня.

Молли закусила губу.

— Что вы собираетесь делать?

— Я... — Голос мой дрогнул, и я вздохнул. — Представления не имею.

Мыш ткнул мою ногу лапой и поднял взгляд. Я наклонился почесать его за ушами и тут же пожалел об этом, такой болью сдавило виски. Я поспешно выпрямился, поморщился и несколько секунд тешил себя мечтами лечь на пол и поспать неделю-другую.

Молли встревоженно смотрела на меня.

*Ну да, Гарри. Ты ведь продолжаешь ее учить. Покажи ей, как **должен** держаться чародей — не как тебе хотелось бы.*

Я посмотрел на листок.

— Ответ пока не ясен, из чего следует, что мне нужно еще подумать над этим. А пока съезжу-ка я проведаю Энди.

Молли кивнула.

— А мне что делать?

— Держать крепость. Попробуй связаться со мной в больнице, если кто-нибудь позвонит или если Моргану станет хуже.

Молли серьезно кивнула.

— Ладно, сделаю.

Я кивнул в ответ и взял свое снаряжение и ключи от «ройса». Молли подошла к двери, чтобы запереть ее за мной. Я взялся за дверную ручку — и задержался.

— Эй, — повернулся я к своей ученице.

— А?

— Спасибо.

Она удивленно уставилась на меня:

— Э... а чего я такого сделала?

— Больше, чем я тебя просил. Больше, чем от тебя можно было бы требовать. — Я нагнулся и коснулся губами ее щеки. — Спасибо, Молли.

Она чуть задрала подбородок и улыбнулась.

— Ну, — сказала она. — Вы такой бедненький. Как я могла вас бросить?

Я невольно усмехнулся, пусть только на секунду, и ее улыбка расцвела еще ярче.

— Как себя вести, ты знаешь.

Она кивнула:

— Смотреть в оба, держать ухо вострее вострого, не рисковать.

Я подмигнул ей.

— Умнеешь, Кузнечик.

Молли начала говорить что-то, замолчала, секунду-другую моргала, потом крепко обняла меня.

— Вы это... осторожнее, ладно?

Я обнял ее в ответ и легонько чмокнул в макушку.

— Выше нос, девочка. Мы со всем разберемся.

— Ладно, — согласилась она. — Обязательно.

А потом я вышел в чикагскую ночь, думая, как это сделать. И возможно ли это вообще.

Глава тридцатая

Терпеть не могу больниц — впрочем, а кто их любит? Терпеть не могу чистых, аккуратных

коридоров. Терпеть не могу ярких люминесцентных светильников. Терпеть не могу негромких, приглушенных телефонных звонков. И пастельного цвета больничных халатов и комбинезонов тоже терпеть не могу. И лифтов, и успокаивающей окраски стен, и уж совсем терпеть не могу осторожных, негромких голосов.

Но больше всего я не люблю воспоминаний, связанных с этими местами.

Энди до сих пор лежала в реанимации. Войти к ней в палату я не мог — да и Билли с Джорджией тоже не смогли бы, если бы только они несколько лет назад не выправили соответствующие юридические документы. Час был поздний, обычное время посещений давно уже миновало, но для тех, чьи близкие лежат в реанимации, обычно делают исключение. Возможно, мир и изменился за несколько последних столетий, но к дежурству у постели умирающего до сих пор относятся с почтением.

Билли спустился ко мне в вестибюль, чтобы оформить мне доверенность на случай, если он попадет в больницу, а Джорджии в городе не окажется. Мы оба промолчали, хотя понимали, зачем он это делает. Единственной причиной, по которой Джорджии могло бы не оказаться в городе, могла бы стать ее смерть — а если бы Билли оказался неспособен принимать решения на свой счет, он вряд ли хотел бы очнуться и выяснить, какой станет его жизнь без нее. Он хотел, чтобы кто-нибудь, кому он доверяет, понимал это.

Билли с Джорджией — ребята обстоятельные.

В свое время я провел черт-те сколько часов в комнате для посетителей при реанимации в больнице Строгера, и со времени моего последнего помещения она совсем не изменилась. За исключением Джорджии, комната была пуста. Джорджия спала на банкетке, даже не сняв очки. На животе у нее покоилась книга — не иначе, учебник по психологии. Вид у Джорджии был изрядно вымотанный.

Я миновал комнату для посетителей и подошел к столу дежурной сестры. Усталая женщина лет за тридцать подняла на меня взгляд и нахмурилась.

— Сэр, — произнесла она. — Уже поздно, мы не принимаем посетителей.

— Я знаю, — кивнул я, достал из кармана свой блокнот и наскоро накорябал записку. — Я возвращаюсь в комнату для посетителей. Когда вам случится проходить мимо палаты мисс Маклин, будьте так добры, передайте это джентльмену, который сидит с ней.

Сестра немного оттаяла и одарила меня усталой улыбкой.

— Разумеется. Ну, только через несколько минут, ничего?

— Спасибо.

Я вернулся в комнату для посетителей и устроился в кресле. Потом закрыл глаза, прислонился затылком к стене и подремал немного до тех пор, пока не услышал шаги по кафельному полу.

Вошел Билли со свернутым в рулон одеялом под мышкой. Кивнув мне, он направился прямо к Джорджии. Он осторожно снял у нее с носа очки и забрал книгу. Джорджия даже не пошевелилась. Книгу он положил на край столика; очки — на книгу. Потом развернул одеяло и укрыл им Джорджию. Она сонно пробормотала что-то, но Билли произнес «Ш-шшш...» как маленькой, погладил ее волосы, и она со вздохом свернулась под одеялом калачиком.

Я поднял руку и щелкнул выключателем на стене. Комната погрузилась в полумрак, почти темноту.

Билли благодарно улыбнулся и кивнул в сторону двери. Я встал, и мы вдвоем вышли в коридор.

— Мне стоило бы тебе раньше позвонить, — сказал я. — Извини.

Он покачал головой.

— Я же все понимаю, чувак. Ничего.

— Ладно, — не стал спорить я. — Как она?

— Неважно, — прямо ответил он. — Было сильное внутреннее кровотечение. Ее пришлось оперировать два часа только для того, чтобы это остановить. — Билли сунул руки в карманы джинсов. — Нам сказали, если ей удастся дожить до утра, худшее будет позади.

— Вы-то сами как держитесь?

Он снова покачал головой.

— Не знаю, чувак. Я звонил старикам Кирби. Он же был моим другом. Значит, пришлось. Полиция к тому времени с ними уже связывалась, но ты же понимаешь, это совсем другое дело.

— Да. Другое.

— Им сейчас хреновее некуда. Кирби у них был единственный.

Я вздохнул.

— Мне очень жаль.

Он пожал плечами.

— Кирби знал, что это рискованно. Он предпочел бы умереть, чем стоять, сложа руки.

— Что Джорджия?

— Без нее я бы не сдюжил. Надежная опора, оплот спокойствия и силы. — Билли оглянулся на дверь комнаты для посетителей, и в уголках глаз его обозначилось что-то вроде улыбки. — Она мастер откладывать дела до тех пор, пока не наступает пора с ними разделаться. А вот когда все улажено, она разом скисает, и уже моя очередь ее поддерживать на плаву.

Я же говорил. Они обстоятельные.

— Тварь, что убила Кирби, захватила Томаса Рейта, — сообщил я.

— Вампира, с которым ты иногда работаешь?

— Угу. Как только я смогу ее найти, я ее убью. Не исключено, что мне помогут вампиры — но мне, возможно, потребуется поддержка и тех, кому я могу доверять.

Глаза у Билли разом вспыхнули голодным, яростным огнем.

— Правда?

Я кивнул.

— Это часть другой, более сложной игры. Я не могу тебе всего рассказать. И я понимаю, ты нужен здесь, рядом с Энди. Я пойму, если ты не...

Взгляд Билли, все такой же испепеляющий, обратился на меня.

— Гарри, я больше не собираюсь действовать вслепую.

— О чем это ты?

— О том, что я уже не один год с радостью помогаю тебе, хоть ты почти никогда не рассказываешь, что происходит. Я знаю, ты сам выкладываешься без остатка. Я понимаю, у тебя есть основания поступать так. — Он остановился и снова посмотрел на меня, уже спокойно. — Кирби мертв. И Энди, возможно, тоже.

Совесть не позволила мне встретиться с ним взглядом. Даже на долю секунды.

— Я понимаю.

Он кивнул.

— Так вот. Если бы я поговорил с тобой об этом раньше, может, они остались бы живы. Может, если бы мы лучше представляли себе, что на самом деле творится в мире, мы бы и действовали по-другому. Они шли, куда вел их я, Гарри. Я был обязан сделать все, что в моих силах, чтобы не подвергать их ненужной опасности.

— Да, — сказал я. — Я тебя понимаю.

— Раз так, если тебе нужна моя помощь, все должно измениться. Я не буду действовать вслепую. Никогда.

— Билли, — тихо произнес я. — Я не хочу тебя разубеждать. До сих пор вас отгораживали от худшего из того, что происходит, потому что вы... Не обижайся, Билли, но вы — всего лишь компания любителей, не представляющая реальной угрозы почти ни для кого.

Глаза его потемнели.

— Отгораживали от худшего? — спросил он тихо, но угрожающе. — Скажи это Кирби. Скажи это Энди.

Я отошел на несколько шагов и подумал немного, зажмурившись и массируя переносицу. Конечно, в рассуждениях Билли имелась логика. Я очень тщательно фильтровал информацию, которую получали от меня он и остальные из «Альфы», с единственной целью: защитить их. И ведь это работало... ну, некоторое время. Довольно долго.

Но теперь все изменилось. Смерть Кирби изменила положение дел.

— Ты уверен, что не хочешь выйти из игры? — спросил я. — Стоит тебе выступить на сцене, и пути назад уже не будет. — Я стиснул зубы на мгновение. — И хочешь верь, Билли, хочешь нет, от худшего вас отгораживали. Правда.

— От этого дела, Гарри, я не откажусь. Не могу. — Краем глаза я увидел, как он скрестил руки на груди. — И потом, это ты хочешь, чтобы мы помогли.

Я наставил на него указательный палец.

— Я не *хочу*. Не *хочу* впутывать вас в то, что происходит. *Не хочу*, чтобы вы подвергались еще большей опасности, чтобы кого-то ранило или убило. — Я вздохнул. — Но... слишком высоки ставки, и мне кажется, ваша помощь мне будет *нужна*.

— Что ж, хорошо, — кивнул Билли. — Ты знаешь, какова цена.

Он стоял, твердо глядя мне в глаза, и до меня вдруг дошло то, о чем я раньше даже не задумывался: он больше не мальчик. Не потому, что закончил университет, и даже не потому, что умел теперь гораздо больше, чем во времена нашего знакомства. Он видел худшее, что могло произойти, — смерть,

безжалостную и отвратительную, превращавшую в прах все, до чего смогла дотянуться. Он знал теперь, сердцем прочувствовал то, что она может явиться и за ним — с той же легкостью, с какой она забрала Кирби.

И он принял решение стоять на своем.

Билли Борден, юный оборотень, исчез.

А со мной остался — осознанно остался — Уилл.

Я больше не мог обращаться с ним как с младшим. Уилл ничего не знал о сверхъестественном мире, не считая тех мелких жутиков, что попадались ему в окрестностях чикагского университета. Десять лет назад он и другие оборотни были обычными подростками, обучившимися одному-единственному, но приятному и полезному магическому трюку. Я мало чего им рассказывал — в нашем паранормальном сообществе вообще с опаской делятся информацией с чужаками. Поэтому он имел весьма отдаленное представление о состоянии дел в потустороннем мире, а о том, как опасно находиться рядом со мной сейчас, — и вовсе практически никакого.

Уилл решил не отступать. Я не мог оставить его в неведении, продолжая убеждать себя, что это ради его же блага.

Я мотнул головой в сторону нескольких стульев у стены.

— Пойдем сядем. У меня мало времени, а рассказать надо много. При случае расскажу подробнее, пока обойдемся краткой сводкой.

К тому времени, когда я закончил излагать Уиллу свою версию краткого путеводителя по сверхъестественному миру, никакого плана дальнейших действий у меня так и не сложилось. Поэтому, исходя из теории, согласно которой на выпечку хороших мыслей требуется время — пусть попекутся еще в дороге, я вернулся к своей даденной напрокат машине и отправился в другое место, которое мне давно уже стоило бы навестить.

Раньше Мёрфи возглавляла отдел специальных расследований чикагской полиции. Потом она пожертвовала своим постом, прикрывая меня во время одной малоприятной заварушки. Она могла вообще лишиться работы, не будь она потомственным чикагским копом в третьем поколении. В результате Мёрфи удалось сохранить полицейский жетон, но ее понизили в звании до сержанта. Конец карьере.

Теперь в ее бывшем кабинете сидел Джон Столлинз, а Мёрфи переместилась в общий зал сотрудников ОСР. Стол ей выделили не из новых. Одна ножка опиралась на стопку третьих копий служебных отчетов. Впрочем, здесь такое в порядке вещей: ОСР — что-то вроде мусорного контейнера, куда спускают копов, ухитрившихся навлечь на себя гнев начальства или, что еще хуже, по наивности оступиться в беспощадном мире чикагской городской политики. Столы в ОСР шаткие и вытертые все до одного, стены и пол обшарпаны. В помещение напихано по меньшей мере вдвое больше рабочих мест, чем задумывалось при строительстве.

В этот поздний час здесь царила тишина, да и народа за столами почти не осталось. Те, кому полагалось сидеть на дежурстве, наверное, выехали на какой-нибудь вызов. Из трех находившихся в помещении копов я знал только одного — нынешнего напарника Мёрфи, коренастого, располневшего мужчину лет пятидесяти пяти, седая шевелюра которого казалась еще светлее на фоне цвета кожи крепкого кофе.

— Привет, Роулинз, — сказал я.

Он повернулся ко мне и вежливо кивнул:

— Вечер добрый.

— Чего это вы тут делаете так поздно?

— Вооружаю свою супругу на случай, если она раскачается дотащить мою задницу в суд разводиться, — ухмыльнулся он. — Славно, что заглянули.

— Мёрф здесь? — поинтересовался я.

Он фыркнул.

— В комнате для допросов номер два. С этим извращенцем из Британии. Вон туда по коридору.

— Спасибо, старина.

Я прошел по коридору и свернул за угол. Слева от меня была стальная дверь, ведущая к камерам предварительного заключения; справа — короткий тупик, в который открывалось четыре двери — две из туалетов и еще две из комнат для допросов. Я подошел к двери с цифрой «2» на табличке и постучал.

Отворившая мне Мёрфи до сих пор оставалась в той же одежде, что во время нашего приключения на складе. Вид у нее был усталый и раздраженный. Она фыркнула почти так же, как только что Роулинз

(и как это у нее вышло при явном отсутствии Y-хромосом, ума не приложу), вышла ко мне в коридор и захлопнула за собой дверь.

Секунду-другую она скептически рассматривала мою голову.

— Что за черт, Гарри?

— Удостоился визита Страшилы-Перевертыша, когда заходил побеседовать к Ларе Рейт. Что, неприятности с Вязальщиком?

Она покачала головой.

— Думаю, ему непросто делать то, к чему он привык, если он не может встать со стула или пользоваться руками. Ну, и на случай, если он все-таки попробует выкинуть что-нибудь, я с ним сижу.

Я уважительно повел бровью. Я не успел посвятить ее в правила безопасного обращения с Вязальщиком, но она догадалась сама.

— Что ж, надежная методика, — заметил я. — Кстати, за что он задержан официально?

— Официальных обвинений я ему пока не предъявляла, — призналась Мёрфи. — Если мне потребуется припаять ему что-нибудь, я могу выбрать нарушение границ владения, нанесение ущерба имуществу и нападение на полицейского при исполнении. — Она вздохнула и покачала головой. — Но мы же не можем следить за ним до бесконечности. Стоит мне выдвинуть обвинения, и он очень скоро окажется в куда как более мягких условиях. И мне даже думать не хочется, что произойдет, если он выпустит этих своих тварей в следственном изоляторе или в тюрьме.

— Угу, — понимающе кивнул я. — Выходит, долго держать его вы не сможете.

Она горько скривила губы.

— Ненавижу, когда приходится отпускать засранцев вроде этого.

— А что, такое часто случается?

— Да все время. Прорехи в законодательстве, процессуальные ошибки, оспариваемые улики... Куча уроков, виновных, как черт знает что, выходят на свободу, даже не получив хорошей выволочки. — Она вздохнула и передернула плечами. — Ну ладно. Весь мир достаточно дерьмовый. Чего ты хотел?

— Обменяемся урожаем?

— Еще бы, — оживилась она. — Что у тебя?

Я изложил ей краткую сводку событий, имевших место со времени нашей последней встречи.

Когда я закончил, она фыркнула еще раз.

— Разве это типа не опасно? Подключать вампиров?

— Угу, — подтвердил я. — Но это ведь Томас. Мне кажется, Лара вполне искренне желает отбить его. И потом, стоит ли бояться курить в постели, когда весь дом в огне?

— Логично, — согласилась она. — Я получила фото. Ничего нового из них не узнала. Пыталась пробить номера счетов, которые ты мне дал. Глухо.

— Черт.

— В любом случае шансов было мало, — утешила она меня.

— Может, Вязальщик что-нибудь выложил?

Она скривила губы так, словно собралась сплюнуть какую-то совсем уж омерзительную гадость.

— Нет. Крепкий орешек. Профессиональный преступник. И его уже поджаривали в прошлом.

— Угу, — кивнул я. — Понимает, что ты ничего не можешь сделать, только подержать некоторое время в сидячем положении. Если он выдаст нам хоть что-нибудь о своем заказчике, конец доверию клиентов — если, конечно, он останется жив.

Она прислонилась спиной к стене.

— Ты сказал, у этого твоего Страшилки мобильный телефон Томаса?

— Угу. Как думаешь, его можно запеленговать?

— Как часть этого расследования? — спросила она. — Свобода действий у меня не та, что прежде. Если мне потребуется содействие радиотехнических служб, придется получить разрешение суда, а я не знаю ни одного судьи, который сочтет похищение меняющим облик демоном племени навахо вампира, приходящегося братом чародею, достаточным обоснованием для такого поиска.

— Об этом я как-то и не подумал, — признался я.

Она пожала плечами:

— Если честно, я подозреваю, у Лары больше связей и возможностей, чем у меня. Особенно с учетом ограниченного времени.

Я не удержался от возгласа досады.

— Если она сможет что-нибудь узнать. И если она честно поделится тем, что узнает.

Мёрфи сдвинула брови и почесала нос.

— Где захватили Томаса?

— Не знаю точно, но думаю, где-то рядом с той складской зоной. Фургон, который он взял напрокат, стоял там, и он успел сказать что-то насчет того, что не сможет сдержать их всех в одиночку.

— «Их»? Серых Костюмов?

Я кивнул.

— Скорее всего. Однако поскольку в потасовке Томас участия так и не принял, думаю, Страшила подстерегал его в засаде и сцапал, пока внимание его отвлекали Вязальщик со своим зверинцем.

— И отыскать его с помощью своей магии ты не можешь.

— Нет, — процедил я сквозь зубы. — Страшילה каким-то образом удастся блокировать мои заклятия.

— Разве такое возможно?

Я помолчал немного, размышляя.

— Поисковые заклятия основаны на общих принципах тауматургии. Ты создаешь некоторую линию, канал, связывающий тебя с целью, а потом наполняешь этот канал энергией. В случае поискового заклятия энергия рассредоточена — тебе остается выделить и отследить ту, что попала в этот канал и ведет к цели. Это как наливать воду на внешне горизонтальную поверхность, чтобы увидеть, в какую сторону уклон.

— Ладно, — кивнула она. — Это я поняла... ну, почти.

— Можно заблокировать это заклятие, не позволив этому каналу даже сформироваться. А если его нет, воду можно лить сколько угодно — течь в сторону она все равно не будет. А не дать сформироваться каналу можно, оградив цель от твоих попыток установить связь.

— Ну, например?

— Хочешь пример? Допустим, если у меня имеется твой волос и я хочу использовать его как часть поискового заклятия, ты можешь заблокировать его, побрившись наголо. Если используемый в заклятии волос не соотносится с чем-либо у тебя на голове, никакой связи не установится. Поэтому, если только имеющийся у меня волос не вырван с корнем — корни-то никуда не делись, — тебе ничего не грозит.

— И это единственный способ отразить поисковое заклятие?

— Да нет, — покачал головой я. — Сильное энергетическое поле тоже может заслонить тебя — если у тебя хватит времени и денег на серьезную защиту. В чистой теории ты можешь еще укрыться в Небывальщине. Заклятия, сотворенные в материальном мире, плохо проникают в потусторонний — да, кстати, опережая твой вопрос: там я тоже искал. Попытка номер три, тоже неудачная.

Мёрфи нахмурилась.

— А что Жюстина? — спросила она. — Жюстине ведь удалось найти его как-то раз.

Я поморщился.

— Она смогла дать нам примерное направление — и это случилось через несколько часов после того, как Томас из нее почти всю жизнь высосал. Сейчас все по-другому.

— Почему?

— Потому что она больше не ощущает Томаса как недостающую часть своих жизненных сил. Подобной близости между ними уже несколько лет не было. Томас давно, скажем так, переварил всю эту энергию.

Мёрфи вздохнула.

— Я видела, Гарри, как ты очень хитрые штуки проделывал. Но, наверное, даже магия не может решить всех проблем.

— Сама по себе магия *ничего* не решает, — буркнул я, устало массируя глаза. — Для этого существуют те, кто ею занимается.

— Кстати, — она тряхнула головой, — есть какие-нибудь соображения насчет того, почему те чародеи так и не прибегли к магии?

— Пока нет, — признался я.

— А насчет личности нашего неизвестного противника?

— Есть пара мыслей. В игру вовлечены три не связанных друг с другом исполнителя: Страшила Волосатый, Вязальщик, Мэдлин Рейт. Похоже, речь идет об очень больших деньгах. И если мы не отыщем этого таракана и не вытащим его за ушко на солнышко, плохо придется всем. Не знаю, правда, что это может нам о нем сказать.

— Что он чертовски хитер, — заметила Мёрфи. — Или что положение у него отчаянное.

Я выгнул бровь.

— Почему ты так решила?

— Если он сверхгениален, возможно, мы даже малой толики его плана не видели. Вся эта кутерьма может быть всего-навсего дымовой завесой, чтобы мы не догадались, откуда будет нанесен главный удар.

— Что-то не очень похоже, чтобы ты сама считала это основной версией.

Она устало улыбнулась.

— Как правило, преступники не отличаются особой гениальностью. И не забывай: пусть мы отчаянно мечемся в поисках ответов на вопросы, наш противник находится в том же положении. Он ведь не знает точно, где мы, что нам известно, или что мы предпримем дальше.

— Дымовая завеса, — задумчиво пробормотал я.

Она пожала плечами.

— Мне кажется, есть какое-то более простое объяснение происходящему. Вряд ли наш умник — сверхгениальный злодей из Бондианы, постепенно раскрывающий свои зловещие планы. Для этого в действиях нашего противника слишком много суесть.

— Например?

— Пару ночей назад тебя преследовал Страшилка, так?

— Ну?

— Ну, и тот частный детектив, о котором ты мне рассказывал, тоже. Зачем цеплять к тебе два хвоста? Может, потому что левая рука не знала, что делает правая?

— Гм, — одобрительно хмыкнул я.

— Судя по тому, что ты сказал, Страшилка не слишком напоминает мальчика на побегушках?

— Никаким местом.

— Но он явно координирует свои действия с неизвестным нам пока боссом, исполняя его приказы. Ему вовсе не обязательно было лично доводить до тебя свои требования. На мой взгляд, совершенно очевидно, что в Шато-Рейт он вломился, чтобы отвлечь ваше внимание, пока Мэдлин Рейт уносит ноги.

Я даже зажмурился. Действительно, я ведь предупредил Лару о возможном предательстве Мэдлин, так что та наверняка бы поспешила задержать сестру. Мэдлин не могла не понимать этого. Я попытался вспомнить, много ли времени прошло с момента нашего с Люччо появления до нападения нааглоши. Уж наверняка достаточно, чтобы узнать о нашем приезде, сообразить, что дело пахнет керосином, и сделать один телефонный звонок.

Почему бы и нет?

Мёрфи серьезно смотрела на меня:

— Я хочу сказать, это ведь очевидно, да?

— Меня по голове двинули, не забывай.

Она ухмыльнулась.

— Блин-тарарам, — пробормотал я. — Конечно, это очевидно. Но не обязательно глупо.

— Не глупо, согласна. Но мне кажется, это вполне можно охарактеризовать как отчаянный ход. Мне кажется, Страшила служит нашему противнику чем-то вроде козырной карты. Думаю, когда Морган сбежал, преступник сообразил, куда тот направился, и пошел с козырей в первый раз. Только вышло так, что, когда Страшила тебя нашел, ты был не с Морганом. Вы с оборотнями едва не одолели его, и он удрал.

— Тогда преступник использовал другое свое орудие, — продолжал я, кивнув. — Мэдлин. Приказал ей найти меня и заставить говорить любыми средствами. А вместо этого ее измолотил до потери сознания Томас.

— Логично, — согласилась Мёрфи.

— Не факт, что все так и было.

— Так или иначе, но *было*, — возразила Мёрфи. — По крайней мере направление мысли у нас верное. Какие выводы мы можем из этого сделать?

— Не слишком много, — вздохнул я. — В городе орудуют несколько очень опасных типов. Крутых. Парень, которого нам удалось захватить, не скажет нам ни черта. Единственное, что мы знаем наверняка — это что мы ничего не знаем.

Я собирался продолжать, но тут мне в голову пришла мысль, и я замолчал.

Я дал ей вызреть несколько секунд и улыбнулся.

Мёрфи склонила голову набок, глядя на меня:

— Ничего, говоришь?

Я перевел взгляд с Мёрфи на дверь комнаты для допросов.

— Забудь, — посоветовала мне Мёрфи. — Он нам ничего не выдаст.
— Ну... — протянул я. — Не знаю, не знаю...

Глава тридцать первая

Мёрфи вернулась в комнату для допросов. Выждав минут двадцать, я вошел следом за ней и закрыл за собой дверь. Помещение было маленьким и не отличалось замысловатостью обстановки. Посередине стояли стол и два кресла лицом друг к другу. Традиционное, прозрачное с одной стороны зеркало отсутствовало. Вместо него под потолком в углу торчала на кронштейне маленькая камера видеонаблюдения.

Вязальщик сидел за столом лицом к двери. На лице его багровела пара синяков, дополнявшихся мелкими царапинами — по гравию он проехался физиономией основательно. Глаза необычного серого цвета буквально излучали раздражение. На столе перед ним лежал длинный, аппетитного вида сандвич с соблазнительно отвернутым краем обертки. Он запросто мог бы дотянуться до него — если бы мог, конечно, пошевелить руками, однако руки были прикованы к подлокотникам кресла. Ключ от наручников лежал на столе перед Мёрфи.

Я с трудом сдержал улыбку.

— Чертовски бестолково, — заявил Вязальщик Мёрфи, когда я вошел. — Теперь вы еще этого рукоблуда притащили. Это пытка, учиненная сотрудниками полиции. Мой адвокат съест вас живьем и выплюнет косточки.

Мёрфи села за стол напротив Вязальщика, сложила руки перед собой и, так ни слова и не говоря, смерила его предельно неодобительным взглядом.

Вязальщик ухмыльнулся ей, потом мне — на случай, если я не испытываю желания выйти.

— А! Я понял, — радостно сообщил он. — Добрый коп, злой коп, верно? — Он с надеждой посмотрел на меня. — Бесчувственная как камень сучка пыталась размягнуть меня, заставив сидеть вот так черт-те сколько часов. И тут приходите вы, вежливый, симпатичный — чуть-чуть обходительности, и я ломаюсь, ага? — Он устроился поудобнее в кресле, чтобы оскорбление казалось еще обиднее. — Ладно, Дрезден, — снова ухмыльнулся он. — Валяйте. Добрый коп.

Секунду я молча смотрел на него.

Потом сжал кулак и врезал по его самодовольной физиономии с такой силой, что он опрокинулся на спину вместе с креслом.

Минуту он лежал, моргая, чтобы вытрясти из глаз слезы. Из одной ноздри сочилась кровь. Падая, он потерял ботинок. Я стоял над ним, разглядывая руку. Бить людей по лицу больно. Не так больно, конечно, как получать по лицу, но все равно более чем чувствительно. Должно быть, я попал ему по зубам — кожа на костяшках оказалась ободрана.

— Не вешай мне на уши лапшу насчет адвоката, Вязальщик, — сказал я. — Мы оба понимаем, что копы не могут держать тебя до бесконечности. Но мы оба понимаем еще и то, что ты не в состоянии играть против нас законными методами. Ты не относишься к уважаемым членам общества. Ты всего лишь наемник, разыскиваемый полицией нескольких стран.

Он злобно буравил меня взглядом.

— Крутого разыгрываешь, да?

Я покосился на Мёрфи.

— Как ты думаешь, ответить или просто врезать по яйцам?

— Как тебе нравится, — отозвалась Мёрфи.

— Вот и хорошо. — Я повернулся к Вязальщику и занес ногу.

— Чтоб вас! — взвыл Вязальщик. — Вон, чертова камера сымает все, что вы тут делаете. Думаете, вам это сойдет с рук?

На стене рядом с камерой зажужжал динамик.

— Он дело говорит, — послышался голос Роулинза. — Мне отсюда плохо видно. Подвиньте его на пару футов влево и дайте мне полминуты, прежде чем возьметесь за его подвески. У меня попкорн еще не готов.

— Легко, — откликнулся я, отсалютовав камере. Скорее всего, задержись я в помещении надолго, камера вышла бы из строя, но мы разыгрывали все как можно реальнее.

Я присел на край стола примерно в футе от Вязальщика, демонстративно взял сандвич, откусил кусок и некоторое время задумчиво жевал.

— Мм-м, — пробормотал я и покосился на Мёрфи. — Что это за сыр?

— Гауда.

— Говядина тоже ничего.

— С соусом терияки, — заметила Мёрфи, не сводя глаз с Вязальщика.

— Черт, и проголодался же я, — сообщил я ей с предельным энтузиазмом. — Маковой росинки во рту не было с... черт, с самого утра. Чертовски вкусно.

Вязальщик злобно бормотал что-то себе под нос; я сумел разобрать только «...проклятый мелкий ублюдок...».

Я съел половину сэндвича и положил его обратно на стол. Потом облизнул испачканный в соусе палец и посмотрел сверху вниз на Вязальщика.

— Ладно, крепкий орешек, — сказал я. — Копы тебя держать не могут. Посему эта милая дама может выбрать только одно из двух. Или тебя отпускают...

Мёрфи негромко зарычала. Это впечатляло не меньше, чем ее фыркание.

— Видишь, как ей не нравится эта идея. — Я сполз со стола и подошел к Вязальщику. — Или, — продолжал я, — мы поступим по-другому.

Он прищурился:

— Вы меня грохнете — я правильно понял?

— И никто по тебе не будет скучать, — подтвердил я.

— Вы блефуете, — буркнул Вязальщик. — Она же, мать ее, коп.

— Угу, — согласился я. — Сам подумай. Неужели ты считаешь, что детектив, профессионал не знает способа избавиться от тебя так, чтобы никто и никогда тебя не нашел?

Взгляд его перебегал с меня на Мёрфи и обратно; безразличное выражение лица его почти не изменилось.

— Что вам нужно?

— Твоего босса, — сказал я. — Сдай его нам и иди на все четыре стороны.

С полминуты он молча смотрел на меня.

— Поднимите кресло, — сказал он наконец.

Я закатил глаза, но кресло поднял. С усилием — худым бы я его никак не назвал.

— Блин-тарарам, Вязальщик. Вот сейчас получил бы грыжу — и кранты сделке.

Он посмотрел на Мёрфи и подергал запястьями.

Мёрфи зевнула.

— Черт подери, — буркнул он. — Хоть одну. Я не ел со вчерашнего дня.

— Сдается мне, — фыкнул я, — немедленная смерть от истощения тебе не угрожает.

— Хотите моего содействия, — огрызнулся он, — так и сами хоть немного пойдите навстречу. Дайте же мне этот чертов сэндвич.

Мёрфи протянула руку, взяла со стола ключ от наручников и бросила мне. Я отомкнул один, освободив ему левую руку. Вязальщик схватил сэндвич и жадно впился в него зубами.

— Ладно, — сказал я, подождав немного. — Говори.

— Чего? — произнес он набитым ртом. — А минералки?

Я нахмурился и отобрал у него остаток сэндвича.

Вязальщик смотрел на меня, как ни в чем ни бывало. Он облизнул пальцы, выковырял из зубов кусочек зеленого лука и тоже слизнул его.

— Что ж, ладно — так ладно, — произнес он. — Хотите правды?

— Ну? — отозвался я.

Он слегка наклонился в мою сторону и уставил в меня палец.

— А правда, грозный вы мой, в том, что никого вы не убьете. Ни вы, ни ваша птичка-блондинка. А попробуете меня дальше держать — так я тут таких ужасов понаведу. — Он откинулся на спинку кресла; лицо его снова сияло самодовольной ухмылкой. — Так что лучше вам не тратить больше моего времени драгоценного, а отпустить. Такая вот правда.

Я повернулся к Мёрфи и нахмурился.

Она встала, обошла стол и ухватила Вязальщика за коротко стриженную голову. За волосы, конечно, хватать было бы удобнее, но и так она без особого труда сунула его физиономией в стол. Потом забрала у меня ключ, отомкнула вторую пару наручников и освободила его.

— Пошел вон, — негромко произнесла она.

Вязальщик медленно поднялся и оправил одежду. Потом повернулся к Мёрфи и с ухмылкой подмигнул ей.

— Я профессионал. Так что, лапочка, ничего лишнего. Может, в следующий раз отложим дела и

развлечемся, а?

— Может, в следующий раз вы свернете шею при сопротивлении аресту, — отозвалась Мёрфи. — Вон, я сказала!

Вязальщик ухмыльнулся Мёрфи, потом мне и вразвалочку вышел.

— Ну? — спросил я.

Она повернулась и протянула мне руку ладонью вверх. К пальцам ее прилипли короткие волосы — несколько темных и несколько седых.

— Есть.

Я улыбнулся ей, осторожно взял волосы и положил в белый конверт, который взял со стола у Роулинза.

— Елы-палы, — сообщил Роулинз по интеркому. — Нравится мне этот канал.

— Классный способ преследовать мерзавца, — заметила Мёрфи спустя полчаса. — Сидишь себе на месте, и суетиться не надо. — Она выразительно посмотрела на меня.

Я сидел на стуле рядом с ее рабочим столом; на вытянутой руке перед собой я держал узкий кожаный шнурок, на котором висел прозрачный кристалл в оплетке из медной проволоки. Рука начинала уставать, и мне пришлось подпереть ее другой. Кристалл вел себя не так, как положено нормальному грузу на веревочке: он отклонялся чуть вбок, словно его удерживал ровный, бесшумный ветер.

— Не спеши, — сказал я. — Возможно, Вязальщик и не светоч разума, но своим делом занимается уже пару десятков лет. Он знает, зачем ты хватала его за волосы. Он наверняка умеет справляться с фокусами вроде этого.

Мёрфи без особого энтузиазма покосилась на меня, потом на сидевшего за своим столом Роулинза. Столы стояли вплотную, так что они с Мёрфи сидели лицом друг к другу.

— Не смотри на меня так, — заявил тот, не отрываясь от журнала с sudoku. — Ноги у меня не те, что прежде. Мне бы давно научиться преследовать всякую сволочь вот так.

Кристалл вдруг нырнул вниз и закачался на шнурке туда-сюда.

— Ага! — хмыкнул я. — Вот, видите? — Я подержал кристалл еще пару секунд, дав им полюбоваться, потом опустил руку. С полминуты я молчал, массируя уставшие мышцы. — Что я вам говорил? Он стряхнул заклятие.

— Вот здорово, — нахмурилась Мёрфи. — Теперь мы не имеем представления о том, где он.

Я сунул кристалл в карман и снял трубку рабочего телефона Мёрфи.

— Не спеши, — повторил я, набрал номер и только тогда сообразил, что на выход в городскую сеть надо набирать девятку. Я набрал номер заново, начав с девятки, и в трубке послышались гудки.

— Грейвер, — отозвался Винс.

— Это Дрезден, — сказал я. — Скажите, чем он занимался только что... скажем, полминуты назад.

— Не спешите, — сказал Винс и отключился.

Я тупо уставился на трубку.

Мёрфи смотрела на меня секунду-другую, потом улыбнулась.

— Нравится мне, когда часть общего плана мне неизвестна, а тот, кто ее осуществляет, весь из себя такой загадочный, — сообщила она. — А тебе?

Я испепелил ее взглядом и положил трубку.

— Он позвонит.

— Кто «он»?

— Частный детектив, который висит на хвосте у Вязальщика, — объяснил я. — Парень по имени Винс Грейвер.

Брови у Мёрфи потрясенно взмыли на лоб.

— Ты шутишь.

Роулинз, так и не отрываясь от своей головоломки, начал похрюкивать.

— А что? — удивился я, переводя взгляд с одного на другую и обратно.

— Пару лет назад он занимал неплохой пост в полиции в Джолиет, — сказала Мёрфи. — Узнал, что кто-то избивает тамошних девушек по вызову. Начал разбираться. Ему советовали не лезть в это дело, но он распутал-таки его и вышел на члена городского совета Чикаго, который любил мутузить своих женщин вместо предварительных ласк. Как там его звали?

— Дорнан, — подал голос Роулинз.

— Точно, Рикардо Дорнан, — кивнула Мёрфи.

— Ну, — сказал я. — Это говорит о некоторой храбрости.
— Еще бы, — согласился Роулинз. — И некоторой глупости.
— Верное замечание, — сказала Мёрфи. — В общем, он разозлил кое-кого наверху и опомниться не успел, как ему предложили написать заявление о переводе в чикагскую полицию.
— Угадайте, в какой отдел, — добавил Роулинз.
— Ну, он и уволился, — продолжала Мёрфи.
— Угу, — кивнул Роулинз. — Так мы с ним и не познакомились.
— Теперь он занялся частным сыском, — завершила рассказ Мёрфи. — Наверное, жить не может без неприятностей.

Роулинз ухмыльнулся.

— Он ездит на «мерседесе», — возразил я. — И живет в собственном доме.

Роулинз положил ручку на стол, и оба посмотрели на меня.

Я пожал плечами:

— Я просто хочу сказать, он не бедствует.

— Р-рр. — Роулинз, взял карандаш и вернулся к головоломке. — Нет в мире справедливости.

Мёрфи снова фыркнула — надо сказать, это получалось у нее здорово, почти по-мужски.

Минуты через две телефон зазвонил, и Мёрфи сняла трубку. Послушав немного, она протянула трубку мне.

— Ваш парень — стреляный воробей, — сообщил Винс.

— Знаю, — сказал я. — Что он делает?

— Взял такси и поехал в мотель на северном выезде из города, — ответил Винс. — По пути останавливался у магазина бытовых товаров. Зашел к себе в номер, побрился наголо, вышел в плавках, поплавал в чертовой реке. Вернулся в номер, принял душ...

— Откуда вы все это знаете?

— Проник к нему в номер, пока он все это проделывал, — буркнул Винс. — Вы можете подождать с вопросами до конца доклада?

— Не могу понять, как вы не ладили с копами, — заметил я.

Винс не обратил на эту реплику никакого внимания.

— Принял душ и вызвал другое такси.

— Надеюсь, вы последовали и за ним, — сказал я.

— Надеюсь, ваш чек обеспечен.

— Я свои обязательства выполняю.

— Ага. Так вот, как раз сейчас я еду за этим такси, — продолжал Винс. — Но это не обязательно. Он направляется в гостиницу «Сакс».

— Вы что, Дэвид Копперфилд?

— Слушал переговоры таксиста, — объяснил он. — УКВ, восемнадцать минут.

— Восемнадцать? Минут? — тупо переспросил я.

— Как правило, ловится между семнадцатью и девятнадцатью. Не могу обещать, что смогу удержаться у него на хвосте в гостинице, тем более он следит за обстановкой. Слишком много выходов.

— Дальше уже мои проблемы. Не подходите к нему слишком близко, дружище. Как только почувствуете, что он смотрит в вашу сторону, смывайтесь к чертовой матери. Этот тип опасен.

— Угу, — хмыкнул Винс. — Черт, да мне повезло, что я еще не наделал в штаны.

— Я не шучу.

— Я знаю. Все верно. Семнадцать минут.

— Я буду там.

— С чеком для меня. И минимальный платеж за два дня. Вы ведь не забыли, нет?

— Нет-нет, — заверил я его. — Я там буду.

— Ну, и что мы имеем? — поинтересовалась Мёрфи, когда я положил трубку.

— Вязальщик полагает, что от меня отделался, — ответил я. — Едет на встречу в гостиницу «Сакс».

Она встала из-за стола и взяла ключи от машины.

— Откуда ты знаешь, что у него там встреча?

— Потому что он на поводке. Если бы он оставался здесь один, он бы давно уже уехал. — Я кивнул. — Он бежит к тому, кто его нанял.

— А кто это? — спросила Мёрфи.

— Вот мы сейчас и узнаем.

Глава тридцать вторая

Гостиница «Сакс» может служить неплохим примером подобных заведений в самом центре Чикаго. Она расположена в Дирборне, прямо напротив Дома Блюза, и если вам, стоя прямо перед входом, вдруг захочется поднять взгляд вверх, вид будет такой, словно кто-то превратил небо в линзу от широкоугольного объектива. Дома растут вверх, к самому небу под совершенно невозможными с точки зрения геометрии углами.

Многие, подобные этому, районы Чикаго могут похвастать улицами шире, чем в большинстве мегаполисов, поэтому и ощущения клаустрофобии там меньше. Однако улица напротив «Сакса» всего трехполосная. Когда мы с Мёрфи подошли к гостинице, задрав голову, я ощутил себя муравьем, идущим по дну трещины в асфальте.

— Тебе это действует на нервы, да? — поинтересовалась Мёрфи.

Мы проходили мимо фонаря, и тени наши почти сравнялись по длине.

— Чего?

— Эти здоровенные громадины над головой.

— Да нет, я бы не сказал, чтобы они меня раздражали. Так... просто обращают на себя внимание.

Она с серьезным видом смотрела себе под ноги.

— Добро пожаловать в мой мир.

Я покосился на нее и негромко фыркнул.

Мы вступили в гостиничный вестибюль, отличавшийся обилием стекла и белого цвета с отдельными вкраплениями красного. С учетом позднего часа я не удивился тому, что в просторном помещении виднелся лишь один сотрудник гостиницы — девушка за стеклом стойки администратора. В кресле недалеко от стойки сидел, читая журнал, единственный посетитель; только со второго взгляда я узнал в нем Винса.

Винс отложил журнал, встал и подошел к нам. Взгляд его непримечательных карих глаз внимательно сканировал Мёрфи. Он вежливо кивнул ей и протянул мне руку.

Правой я ответил на рукопожатие, а левой достал из кармана чек. Винс взял, скользнул по нему равнодушным взглядом и сунул к себе в карман.

— Он поднялся на лифте на двенадцатый этаж. Находится в двести тридцать третьем номере.

Я уставился на него:

— Как, черт подери, вы это узнали? Поднимались с ним на лифте, что ли?

— Обижаете. Я оставался здесь. — Он пожал плечами. — Вы же сами сказали, что он опасен.

— Опасен. Так как вам это удалось?

Он невозмутимо посмотрел на меня.

— Умею. Хотите знать, на каком стуле он сидит?

— Нет. Хватит и номера, — заверил его я.

Винс снова посмотрел на Мёрфи, нахмурился, перевел взгляд на меня и нахмурился еще пуще.

— Боже правый, — заметил он. — Вид у вас обоих серьезней некуда.

— Угу, — кивнул я. — Я же сказал, мы имеем дело с опасным типом. Он там один?

— Вдвоем. Полагаю, с женщиной.

Мёрфи вдруг улыбнулась.

— А это вы, черт подери, откуда знаете? — не выдержал я.

— От горничной, — предположила она.

Винс одобрительно улыбнулся и кивнул.

— Конечно, шампанское и два бокала на двенадцатый этаж мог заказать и кто-нибудь другой. Но так поздно ночью, да еще всего через две минуты после того, как он вышел из лифта... не думаю, не думаю. — Винс посмотрел на меня. — Я так понимаю, сумма, которую я сунул коридорному, оплачивается как дополнительные расходы.

— Принимается, — кивнул я.

Он пожал плечами:

— Тогда все?

— Угу. Спасибо, Винс.

— Всегда пожалуйста, — хмыкнул он, — пока ваши чеки принимаются к обналачке. — Он кивнул мне, Мёрфи и вышел на улицу.

Едва за ним закрылась дверь, как Мёрфи с улыбкой покосилась на меня:

— Великий Гарри Дрезден. Раздает субподряды на детективную работу.

— От меня ожидают волшебства и всего такого, — объяснил я. — И я не обманываю ожиданий. А вот кого-то вроде Винса Вязальщик вряд ли ожидает.

— Ты просто злишься, потому что тебя подловили, — заявила Мёрфи. — И жаждешь мести.

Я презрительно фыркнул.

— Я предпочитаю думать об этом как о восстановлении равновесия.

— Так оно, конечно, благороднее, — согласилась она. — Но мы ведь не можем просто подняться и вытащить их оттуда для допроса. Каков план?

— Раздобыть еще информации. Собираюсь подслушивать. Узнать, о чем они там болтают.

Мёрфи кивнула и огляделась по сторонам.

— Службе гостиничной безопасности вряд ли понравится, если ты будешь шататься по коридорам. Пойду переговорю с ними.

— Ладно, я буду на двенадцатом.

— Не вламывайся ни к кому в дверь, если у тебя не прикрыты тылы, — посоветовала она.

— Я вообще не собираюсь ни к кому вламываться, — заявил я. — До тех пор, пока не разузнаю достаточно, чтобы вломить по полной.

Я поднялся на двенадцатый этаж, вышел из лифта и достал из кармана плаща пузырек Волшебной Тянушки. Вглядываясь в номера на дверях в поисках двести тридцать третьего, я встряхивал его до тех пор, пока не оказался перед нужной дверью. Тогда я бесцеремонно плеснул на нее из флакона. Комок желеобразной тянушки весело описал в воздухе дугу и размазался по двери.

А потом я повернулся и пошел по коридору обратно, пока не обнаружил дверь, открывавшуюся в крошечную комнатку с морозилкой для льда и парой кофейных автоматов. Там я уселся, очертил вокруг себя смывающимся маркером круг и принялся за работу.

Усилием воли я замкнул круг, невидимой стеной отгородивший меня от остального мира. Не серьезное, капитальное магическое сооружение, конечно, но и такого наспех выстроенного круга более чем хватило на то, чтобы изолировать меня от всех внешних энергий и использовать свою собственную без помех. Я снова взял пузырек тянушки и вытряхнул немного липучего вещества себе на ладонь — как обычно выдавливают крем для бритья. Потом поставил пузырек на пол, вытянул руку с липучкой перед собой, закрыл глаза и сосредоточился.

Все магическое ремесло сводится к установлению связей. Часом раньше я, например, использовал волосы Вязальщика, чтобы установить связь с их обладателем. Я только отслеживал его местонахождение, а мог бы использовать эту связь для самых разных вещей, в том числе весьма неприятных и даже опасных для здоровья. В прошлом мне не раз приходилось видеть подобные штуки; правда, нацелены они были, как правило, на меня.

На этот раз я установил связь между тянушкой у меня на ладони и той, что прилипла к двери номера. Обе порции вышли из одного пузырька, да и в пузырек их разливали из одного большого сосуда. Это означало, что я могу использовать их идентичность для создания достаточно устойчивой связи между ними.

Я сосредоточил все свои мысли на желаемом результате, напряг волю и, прошептав «*Finiculus sonitus*», высвободил ее. Потом протянул руку и стер часть нарисованного маркером круга. Круг разорвался, и я мгновенно ощутил ладонью левой руки мелкую вибрацию, словно на ней жужжало какое-то насекомое.

Я наклонил голову направо и плюхнул в левое ухо тянушку с ладони.

— А вот не путайтесь с нашим братом, — пробормотал я. — Я профессионал, а не просто так.

Первое, что я услышал — лихорадочную, избыточно бодрящую музыку. Вокалист немзыкально визжал что-то, ударные грохотали вовсю, а еще кто-то пилил на электрогитарах, а может, медленно топил в кипящем масле страдающих ларингитом кошек. При этом ни один из музыкантов даже не пытался обращать внимания на то, чем занимаются остальные члены группы.

— Господи, — произнес с сильным британским акцентом голос Вязальщика. — Под такое дерьмо даже вы танцевать не сможете.

В ответ послышался бархатный женский смешок.

— Смысл этой музыки не в мастерстве или качестве исполнения. Она полна голодной страсти. Я бы станцевала под эту музыку так, что у тебя глаза бы на лоб вылезли — от восхищения, мой пупсик.

— Я вам не пупсик, — огрызнулся Вязальщик. — Я вам вообще никто, только разовый исполнитель.

— Не уверена, что стала бы подчеркивать слово «исполнитель», будь я на твоём месте, — заметила Мэдлин. — В этом качестве ты оказался сокрушительно несостоятельным.

— Я с самого начала говорил, что, если покажется кто-нибудь из Белого Совета, я ни за что не

ручаюсь, — раздраженно парировал он. — И надо же, как все обернулось! Является этот чертов псих Гарри Дрезден, да еще не один, а с местной полицией в лице этой штучки.

— Меня от этого просто тошнит, — заявила Мэдлин. — Один-единственный человек.

— Один, зато чертов член чертова Белого Совета, — возразил Вязальщик. — Зарубите себе на носу: люди навряд ли могут делать все, что я, и еще много другого. А ведь *этого* опасаются и многие в ихнем чертовом Совете.

— Так вот, меня от него тошнит, — заявила Мэдлин. — Ты нашел, где он прячет Моргана?

— Может, вы не расслышали? Я весь день провел, прикованный к креслу наручниками, да меня еще по морде били.

Мэдлин рассмеялась, и звучал этот смех изрядно издевательски.

— Есть места, где за такое специально платят.

— За такое, черт подери, вряд ли.

— Так ты *нашел* Моргана?

— Некоторое время Дрезден прятал его в складе, но забрал оттуда прежде, чем нагрянули копы. Возможно, в Небывальщину. Теперь они могут быть где угодно.

— Нет, пока Дрезден в Чикаго, — возразила Мэдлин. — Он не позволит себе находиться слишком далеко от Моргана.

— Так проверьте его чертову квартиру, — предложил Вязальщик.

— Не будь таким дураком, — сказала Мэдлин. — Это первое место, с которого любой начал бы поиски. Он все-таки не полный тупица.

Да. Не полный. Гхм...

— У вас же денег куры не клюют, Рейт. Вам такого не понять.

Голос у Мэдлин зазвенел как осиное жужжание.

— На что вы намекаете?

— На то, что не у каждого есть чертова уйма особняков по всему миру, или несколько машин, на половине которых даже не ездят вообще, или бабла в кармане на то, чтобы не задумываясь отвалить пару сотен за одну бутылку чертова шампанского с доставкой в чертов номер.

— И что?

— А то, что Дрезден по меркам ихнего гребаного Совета все равно что дитя малое. Живет в этой крошечной дыре. Платит за аренду офиса. Ну нету у него за плечами пары сотен лет, чтобы поднакопить денег, так? И что у него в качестве убежища? Дорогой особняк в другом городе? Нет, он арендует занюханную складскую ячейку и держит в ней древний походный хлам.

— Ладно, — отозвалась Мэдлин с нетерпением в голосе. — Допустим, ты прав. Допустим, он держит Моргана у себя дома. Но не оставит же он его без охраны.

— Натурально, не оставит, — согласился Вязальщик. — У него там все равно что чертово минное поле, оберег на обереге. Может, даже сторожа заговоренные.

— Мог бы ты через них прорваться?

— Дайте мне время и моих ребят в достатке, так почему бы и нет? — ответил он. — Только это дело не быстрое, не тихое, да и грязное. Есть средство попроще.

— Какое?

— Поджечь этот его чертов дом на хрен, — безмятежно отозвался Вязальщик. — Выходу него всего один. Если Моргана выберется, мы его спаваем. Если нет, соберем косточки, когда зола остынет. Опознаем по зубам или чему такому — и награда наша.

У меня неприятно похолодело в желудке. Предприимчивость Вязальщика действовала мне на нервы. Особым умом этот тип, возможно, и не отличался, но хитрости ему явно не занимать. Предложенный им план имел все шансы на успех — во всяком случае, лучшего способа напасть на мой дом, минуя выстроенную мной защиту, я бы не придумал. Более того, я не сомневался в том, что он вполне на такое способен. Конечно, это означало бы почти верную смерть моих пожилых соседей, да и остальных жильцов, но таких, как Вязальщик, подобные мелочи не остановили бы и на долю секунды.

— Нет, — произнесла Мэдлин, выдержав мучительно долгую паузу. — Мне даны совершенно четкие инструкции. Если мы не можем взять его сами, нам нужно хотя бы проследить, чтобы его нашли Стражи.

— Стражи его *уже* нашли, — возразил Вязальщик. — *Дрезден*, черт его подери, сам Страж. Раз так, ваш босс мог бы и заплатить.

Последовало долгое, полное смертельного напряжения молчание.

— Твои услуги в прошлом были не лишены пользы, — промурлыкала Мэдлин. — Только не думай,

Вязальщик, что ты останешься жив, если начнешь советовать ему, что ему делать, а что нет. Как только ты из полезного превратишься в раздражающую помеху, считай себя покойником.

— Нет греха в том, чтобы хотеть денег, — упрямо буркнул Вязальщик. — Я свое дело сделал, пусть платит.

— Нет, — сказала Мэдлин. — Ты уступил бойскауту-переростку и смертной девице ростом с наперсток, ты позволил арестовать себя — и кому, *полиции!* — и упустил шанс заработать награду. — Послышался шорох, шум мягких шагов по ковру. Щелкнула зажигалка — Мэдлин закурила.

Вязальщик снова заговорил и, судя по голосу, он явно решил сменить тему.

— Так вы хотите сворачивать это дело?

— Именно поэтому я пригласила тебя сюда, — сказала Мэдлин и помолчала немного, затягиваясь сигаретой. — Сворачивать. Жаль, ты не пришел на пять минут раньше.

— А то что?

— Я бы, возможно, помедлила с одним звонком.

Я невольно подался вперед и затаил дыхание.

— Каким таким звонком? — удивился Вязальщик.

— Стражам, разумеется, — ответила Мэдлин. — Я сказала им, что Морган здесь, в Чикаго, и что его укрывает Дрезден. Не пройдет и часа, как они будут здесь.

У меня невольно открылся рот, а желудок словно завязался в тугой узел и принялся подпрыгивать.

Ох, блин.

Глава тридцать третья

— Ты шутишь, — сказала Мёрфи, увидев «ройс». В «Сакс» мы добирались порознь, и она еще не видела, на чем я езжу. Мне удалось припарковаться ближе к гостинице, поэтому теперь мы поехали вместе в «Сильвер-Рейте».

— Дали напрокат, — буркнул я. — Давай садись.

— Я девушка не слишком прагматичная, — пробормотала она, погладив сияющую хромом решетку радиатора. — Но... черт.

— Может, все-таки сосредоточимся на деле? — предложил я. — Конец света вот-вот наступит.

Мёрфи тряхнула головой и села в машину.

— Ну... Что ж, по крайней мере ты уходишь красиво.

Я тронул «ройс» с места. Даже в этот поздний час на него оглядывались, да и водители отодвигались в сторону, освобождая нам простор для маневра, словно архаичная красота «Рейта» их подавляла.

— Если честно, — сказал я, — этот «ройс» для меня типа слишком шикарен.

Мёрфи покосилась на меня.

— Это почему?

— Я ведь знаю, как умру, понимаешь? Рано или поздно, скорее рано, даже очень скоро, я вдруг пойму, что ситуация мне не по зубам. — Я судорожно сглотнул. — То есть я никак не могу удержаться от того, чтобы совать нос туда, куда этого не хотелось бы другим. И я всегда считал, что мой билет прокомпостирует кто-нибудь из Совета, кто бы и что обо мне ни думал. Потому что там собралась компания изрядных задниц, и я не могу позволить им воротить все, что им взбредит, притворяясь, что это им по штату положено.

Мёрфи посерьезнела. Она слушала меня молча.

— Короче, Совет вот-вот прибудет сюда. И у них есть хороший повод убрать меня. Ну, или так им представляется, что в общем-то одно и то же. — Я снова сглотнул. Во рту как-то совсем пересохло. — Но... мне почему-то кажется, что, если мне кранты, вот это, — я мотнул головой на все окружающее меня великолепие «ройса», — совсем не в моем стиле. Не та машина, за рулем которой мне хотелось бы сидеть на пути к моей смерти. Понимаешь?

Уголки губ Мёрфи чуть изогнулись, хотя улыбнулись больше ее глаза. Она взяла меня за руку обеими руками и подержала немного. Ее руки были очень теплыми, а может, это мои так похолодели.

— Ты, разумеется, прав, Гарри.

— Ты так считаешь?

— Абсолютно. Эта машина совершенно не для тебя. Ты умрешь в какой-то облезлой, наскоро собранной из разных кусков железяке, которая и движется-то вопреки законам физики, требующим немедленно сдать ее в металлолом.

— Ух ты, — хмыкнул я. — А я-то думал, я единственный так считаю.

Пальцы ее на мгновение сжали мои, и я пожал их в ответ.

Совет прибывал в Чикаго.

И одолеть их у меня не было никакой возможности.

Ну конечно, я мог врезать кому-нибудь по носу и удрать. Однако рано или поздно меня все равно поймают. Их много, а я один, и любой из них не слабее меня. Напротив, сильнее и опаснее. На это может уйти день, а может, неделя или две, но не могу же я совсем не спать. Меня просто возьмут измором.

И это меня бесило. Полная моя беспомощность в этой дурацкой заварухе совершенно сводила меня с ума.

И ведь не то чтобы у меня совсем не было выхода... Предложение Мэб оставалось, например, в силе. Да и Лара Рейт, вполне возможно, могла бы укрыть меня — или предложить сделку на лучших условиях, чем Совет. При одной мысли о том, как *несправедливо* все оборачивалось, мне отчаянно хотелось цепляться за любую, пусть даже самую тонкую соломинку в надежде на то, что когда-нибудь потом удастся разгрести все последствия.

Посмотреть на все с этой стороны, так оно представлялось почти разумным. Даже, можно сказать, благородным.

В конце концов, я помогал бы невинным жертвам Совета — наверняка такие еще будут, и не одна. И потом, подобная сделка ведь не пошла бы вразрез со всем, во что я верил, нет?

На самом-то деле я знал правду. Вот только правда эта нисколько не уменьшала соблазн.

И что, скажите на милость, мне теперь делать? У меня имелось на такой случай убежище, но оно уже показало свою несостоятельность, да и местоположение его раскрыто. Не осталось больше мест, куда я мог бы отвезти Моргана, только мой дом, а там его наверняка найдут Стражи. И главное, я до сих пор не имел ни малейшего представления о том, кто же дергает за ниточки во всей этой истории.

Может, пора признать очевидное?

Это дело мне не по зубам. И было не по зубам с самого начала.

— Мёрф, — тихо произнес я. — Я не знаю, как мне вылезти из всего этого.

В салоне роскошного старого авто повисло молчание.

— Ты когда в последний раз спал? — спросила вдруг Мёрфи.

Мне пришлось отнять у нее руку, чтобы переключить передачу. Потом я ткнул пальцем в свою забинтованную голову.

— Я и какой сегодня день недели плохо представляю. Кажется, пару часов сегодня утром, или нет?

Она понимающе кивнула.

— Знаешь, в чем твоя проблема?

Я уставился на нее и расхохотался. Ну, по крайней мере начал издавать похожие звуки. Я ничего не мог с собой поделать.

— Проблема... в единственном числе, — смог наконец выговорить я. — Нет, а что?

— Ты хотел бы выступать в роли непредсказуемого фактора в любой ситуации, но в конце концов жалуешься на то, что все сложилось именно так, как ты этого хотел.

— Ты лабораторию мою видела?

— Опять ты с не относящимися к делу репликами, — ответила Мёрфи. — Я серьезно, Гарри.

— Я знаю таких, кто с тобой не согласится. Например, этот, как там его, Пибоди.

— Он из Совета?

— Угу. Говорит, мне нет места в его цитадели порядка.

Она ухмыльнулась.

— Проблема в том, что сосуществовать с *твоей* цитаделью порядка, скажем так, довольно трудно.

— У меня нет цитаделей. У меня и стены-то так себе.

— Ха! — хмыкнула Мёрфи. — Ты предпочитаешь одну-единственную машину, один-единственный дом, один-единственный ресторан. Ты не любишь отчитываться ни перед кем, ты поступаешь так, как диктует тебе твоя совесть, не заботясь о том, что это может повлечь. Ты держишься своего образа жизни, тебе плевать на материальное благополучие, ты следуешь своим инстинктам, и к черту всех, кто говорит тебе делать по-другому. Это и есть твой порядок.

Я внимательно посмотрел на нее.

— А что, должно быть по-другому?

Она закатила глаза.

— Я просто излагаю факты.

— И почему это проблема?

— Ты никогда не изменишь своего порядка ради кого-то другого, потому ты и бесишь Стражей. У них формальности, правила, отчетность — а ты игнорируешь это, если только тебе руки не выкручивают, чтобы ты этим занимался. Я права?

— Все равно не вижу пока, в чем проблема.

Она опустила стекло со своей стороны и выставила наружу локоть.

— Это проблема, потому что ты до сих пор не научился приспосабливаться к чужим порядкам, — ответила она. — А научился бы — давно уже понял бы, какая неопиcуемая сила работает на твоей стороне.

— Команда супергероев?

— Бюрократия, — сказала Мёрфи.

— Я бы предпочел команду супергероев.

— Слушай и учись, двоечник, — хмыкнула Мёрфи. — Стражи — это ведь организация, так?

— Ну?

— Многочисленная?

— Около трехсот человек, и набирает новых, — кивнул я.

— И в нее входят чародеи с различными обязанностями, живущие в разных частях света, говорящие на разных языках, которым тем не менее приходится каким-то образом общаться друг с другом и работать вместе?

— Угу.

— А теперь смотри, — объявила Мёрфи. — Бюрократия. Организация, призванная бороться с энтропией, которая естественным путем поглощает совместную деятельность подобного рода.

— Ты дашь подсказку позже или...

Она отмахнулась от меня.

— Все бюрократы страдают одними недостатками — и мне кажется, у тебя больше времени для действий, чем ты полагаешь. Если бы ты не устал, если бы тебе не было больно, и если бы ты не шарахался от любого порядка, кроме своего собственного, ты бы и сам это понял.

Я нахмурился:

— Это как?

— Уж не думаешь ли ты, что Мэдлин Рейт позвонила в Белый Совет со своего домашнего номера, представилась и мило сообщила им, что ты помогаешь Моргану? — Мёрфи покачала головой. — «Алё, я ваш враг, позвольте мне ни с того, ни с сего помочь вам...»

Я задумчиво пожевал губу.

— Стражи скорее всего решили бы, что она пытается отвлечь их силы в критической ситуации, когда у них и так ограничены ресурсы.

Мёрфи кивнула.

— Конечно, они проверят информацию, но всерьез доверять ей не станут и уж наверняка поместят в самом конце списка неотложных дел.

— Значит, она позвонила им анонимно. И что?

— Как по-твоему, сколько таких доносов получили уже Стражи? — спросила Мёрфи. — У нашего брата, у полиции тоже так. Стоит случиться какому-нибудь громкому преступлению, и мы немедленно получаем звонки от дюжины психов, уверенных в том, что его совершил их сосед, еще дюжины уродов, нарочно старающихся напакостить этому своему соседу, и от втрое большего количества благонамеренных граждан, которые вообще плохо знают, в чем дело, но искренне верят в то, что так они помогают правосудию.

Некоторое время я переваривал услышанное. Вряд ли Мёрфи сильно погрешила против истины. В мире полно людей и организаций, которым хотелось бы поддержать Стражей в их борьбе за правое дело, или которым хотелось бы произвести на них впечатление, или которым просто хотелось получить повод связаться с ними. Нет, Мёрфи скорее всего права. Наверняка они получают сейчас кучу доносов со всего света.

— Они проверят это сообщение, — сказала Мёрфи. — Но готова поспорить на хорошую сумму, что при ваших нынешних проблемах пройдет не меньше нескольких часов, прежде чем оно попадет в руки людей, принимающих решения, и что реакция на него — с учетом сложностей, имеющих место у членов Совета при работе с техникой и средствами связи — тоже займет в лучшем случае столько же времени.

Я обдумал и это.

— И к чему ты клонишь?

Она снова положила руку мне на запястье и легонько сжала.
— К тому, что тебе рано сдаваться. Есть еще немного времени.
Я повернул голову и пару секунд смотрел на профиль Мёрфи.
— Правда? — негромко спросил я.
Она кивнула:
— Угу.
И почему это слово «угу» подобно слову «ура!» так непропорционально коротко? Оно вполне заслуживает большей длины.
Я крепче взялся за руль «ройса».
— Мёрф?
— А?
— Ты чертовски потрясающая женщина.
— Гнусная шовинистическая свинья, — сказала она. В ветровом стекле я видел ее отражение — она улыбалась. — Не вынуждай меня врезать тебе по носу.
— Угу, — сказал я. — Это было бы чертовски не женственно.
Мы уже подъезжали к моему дому. Она тряхнула головой.
— Хочешь, — сказала она, — отвези его ко мне. И сам можешь там укрыться.
Я сдержал улыбку, но испытал некоторый соблазн так и поступить.
— Не сейчас. Не забывай: Стражам известно, где ты живешь. Стоит им начать меня искать...
— ...как они и мой дом проверят, — договорила Мёрфи. — Но ты же не можешь и дальше держать его у себя.
— Я знаю. А еще знаю, что не имею права впутывать еще кого-то во всю эту заваруху.
— Но должно же быть место, — возразила она. — Тихое. И не слишком известное. Подальше от людей. — Она помолчала. — Где ты мог бы укрыть его от поисковой магии. И где у тебя было бы преимущество, если дойдет до боя.
Я промолчал.
— Ладно, — вздохнула Мёрфи. — Наверное, таких в наших краях нет.
Я вдруг вскинул голову.
— Блин-тарарам! — выдохнул я, и губы мои сами собой растянулись в ухмылке. — Кажется, я знаю одно!

Глава тридцать четвертая

Я вошел в свою дверь, окинул взглядом залитую свечным светом комнату и застыл.
— Блин-тарарам! — рывкнул я. — Что это опять с вами, ребята?!!
Морган сидел, привалившись спиной к стене у камина; на бинтах его алели свежие кровавые пятна. Он с трудом держал глаза открытыми. Рука его бессильно лежала на полу рядом с маленьким полуавтоматическим пистолетом. Пистолет был не мой. Представления не имею, где он его прятал.
Молли лежала на полу у дивана; Мыш в буквальном смысле слова сидел у нее на спине. Она дышала с трудом, и мой здоровенный пес чуть приподнимался и опускался с каждым ее вдохом-выдохом.
Люччо лежала там, где мы ее оставили — на спине, с закрытыми глазами. Она явно не просыпалась. Одна из лапиц Мыша покоилась у нее на солнечном сплетении. С учетом характера ее травмы, я не сомневался, что ему достаточно будет приложить минимум усилий к тому, чтобы лишить ее возможности двигаться, если она проснется.
В воздухе стоял резкий запах бездымного пороха. Шерсть на груди у Мыша потемнела от крови.
Увидев это, я в ярости бросился на Моргана, и не удержав меня Мёрфи, наверняка двинул бы Моргана башкой о стену. Я ограничился тем, что отшвырнул ногой в угол его пистолет. Если при этом я задел пару его пальцев, это меня в тот момент мало тревожило.
Морган смотрел на меня притупившимся, почти бессознательным взглядом.
— Клянусь, — прорывал я. — Богом клянусь, Морган, если вы сейчас все не объясните, я лично, собственными руками задушу вас, а труп сволоку за яйца в Эдинбург.
— Гарри! — крикнула Мёрфи, и до меня дошло, что она стоит между мной и Морганом, упираясь в меня всем телом, как солдат, водружающий флаг.
Морган оскалился — скорее, от боли, чем в улыбке.
— Твоя чернокнижница, — произнес он сухим как старая кожа голосом, — пыталась проникнуть в сознание капитана Люччо против ее воли.

Я дернулся вперед, и Мёрфи снова оттолкнула меня. Я вешу вдвое больше ее, но она правильно рассчитала угол, да и упор у нее был лучше.

— И поэтому вы застрелили мою собаку? — рявкнул я.

— Он заслонил ее. — Морган закашлялся и закрыл глаза. Лицо его побледнело еще больше. — Я не хотел... в него...

— Господом Богом клянусь, — взорвался я. — Это слишком. Поняли, слишком! Мы с Молли ходим ради вас на волосок от смерти, а вы вот чем за это платите? Сейчас же выставлю вашу параноидальную задницу за дверь, оставлю валяться там и буду принимать ставки, кто доберется до вас первым — Черный Совет, Стражи или чертовы доброхоты.

— Г-Гарри, — чуть слышно пролепетала Молли. Судя по голосу, ее тошнило, а еще... неужели ей было стыдно?

Весь мой гнев как-то разом улетучился, сменившись сомнениями и медленно накатывавшей волной ужаса. Я повернулся и посмотрел на нее.

— Он говорит правду, — прохрипела она, не глядя на меня. Говорить под весом Мыша ей было явно нелегко. В голосе явственно слышались слезы, а спустя секунду они полились из глаз. — Мне очень жаль, Гарри. Очень жаль. Он сказал правду.

Я привалился к стене и встретился взглядом с Мышом — тот глядел на меня печальными, полными боли глазами, но не двигался с места, одновременно заслоняя собой Молли и не давая двинуться с места ей.

Мы уложили Моргана обратно в постель, и я вернулся к Мышу.

— Ладно, — сказал я. — Пусти ее.

Только тогда Мыш слез с Моллиной спины и, сильно припадая на одну лапу, отошел в сторону. Я опустился рядом с ним на колени и ощупал лапу. Пес прижал уши и сделал попытку отодвинуться.

— Ну-ка прекрати, — строго сказал я ему. — Стой и не дергайся.

Мыш вздохнул и с жалобным видом позволил мне поковыряться в его лапе. Я обнаружил рану — высоко, у самого плеча. Рядом, под кожей, прощупывался твердый предмет.

— Вставай, — скомандовал я Молли спокойным, беспрекословным тоном. — Ступай в лабораторию. Возьми из-под стола аптечку. Потом принесишь из шкафчика в ванной маленькие ножницы и нераспечатанное лезвие.

Она медленно поднялась на ноги.

— Пошевеливайся, — все тем же ровным голосом продолжал я.

Мышцы ее явно не отошли еще после долгого лежания на полу, однако она задвигалась быстрее и, подняв люк, исчезла в лаборатории.

Мёрфи опустилась на колени рядом со мной и потрепала Мыша за уши. Он жалобно посмотрел на нее.

Она подняла пистолет Моргана.

— Двадцать пятый калибр, — сказала она. — Такого громилу из него, даже если стараться, трудно убить. — Она покачала головой. — И Молли, кстати, тоже.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что Морган, возможно, не имел в мыслях никого убивать. Возможно, именно поэтому он использовал такой маленький калибр.

— Он использовал такой маленький калибр потому, что у него другого не было, — с горечью возразил я. — Будь у него возможность, он бы Молли убил.

Мёрфи помолчала несколько секунд.

— Это покушение на убийство, — произнесла она наконец.

Я внимательно посмотрел на нее:

— Ты хочешь его арестовать.

— Не важно, чего я хочу или не хочу, — возразила она. — Я должна защищать закон.

Я обдумал это как следует.

— Возможно — *возможно!* — Совет отнесется к этому с уважением, — вполголоса произнес я. — Да нет, я даже уверен, что так и будет. Решающий голос тут за Мерлином, а ему ничего так не хочется, как побольше времени на то, чтобы вытащить Моргана из этой передраги.

— Но остальные ждать не будут, — заметила она.

— Мэдлин и Страшила не будут наверняка, — кивнул я. — И пока Морган в тюрьме, у меня не будет возможности выманить Страшилу на бой, где у меня была бы хоть какая-то возможность отбить

Томаса. — Я осмотрел рану Мыша. — Или обменять.

— Ты бы смог пойти на такое? — спросила Мёрфи.

— Моргана? На Томаса? — Я покачал головой. — Блин-тарарам, ну и катавасия бы началась. Совет совсем бы с ума сошел. Но...

Но Томас — мой брат. Я не произнес этого вслух. Да оно и не требовалось. Мёрфи кивнула.

Вернулась Молли с тем, за чем я ее посылал, а также с тазиком, чашкой и пинцетом. Умница. Она налила спирт из бутылки в чашку и принялась стерилизовать иглу с ниткой, скальпель и пинцет. Руки ее двигались словно сами собой, без участия головы. Впрочем, это не должно было бы меня удивлять: уж старшая-то дочь Майкла и Черити Карпентеров могла бы обучиться обрабатывать раны едва ли не с пеленок.

— Мыш, — сказал я. — У тебя внутри сидит пуля. Знаешь, что это такое? Это такая штука, которой стреляют из пистолета, чтобы сделать больно.

Мыш неуверенно покосился на меня. Он дрожал.

Я положил руку ему на голову.

— Надо вынуть ее из тебя, пока она тебя не убила, — уверенно сообщил я ему. — Будет больно, очень больно. Но обещаю, что это будет недолго и что с тобой все будет хорошо. Я все сделаю как надо. Идет?

Мыш издал очень тихий звук, который только невежда мог бы назвать скулежом. Дрожа, он прижался головой к моей ноге и лизнул руку.

Я ободряюще улыбнулся ему и на мгновение прижался своим лбом к его.

— Все будет хорошо, малыш. Лежать.

Мыш повиновался и осторожно вытянулся на боку, раненым плечом вверх.

— Вот, Гарри, — тихо произнесла Молли, махнув рукой в сторону инструментов.

Я повернулся к ней и нахмурился.

— Вот ты это и сделаешь.

Она изумленно заморгала.

— Что? Но как я... я же не...

— «Я»? Что — «я»? Мыш принял пулю, предназначавшуюся вам, мисс Карпентер, — строго произнес я. — Он не думал о себе, когда это делал. Он рисковал жизнью, защищая тебя. Хочешь остаться моей ученицей — так постарайся обходиться без предложений, начинающихся на «я» и отплати ему за храбрость, уняв его боль.

Она побледнела.

— Гарри...

Я отвернулся, обошел Мыша кругом, опустился на колени у его головы и осторожно придержал его, поглаживая.

Молли неуверенно переводила взгляд с меня на Мёрфи и обратно. Сержант Мёрфи смотрела на нее невозмутимым полицейским взглядом, и Молли поспешно опустила глаза. Потом посмотрела на свои руки, на Мыша и заплакала.

Потом встала, подошла к кухонной раковине, налила воды в кастрюлю и поставила на плиту кипятиться. Очень старательно вымыла руки по самые локти. Дождавшись, когда вода вскипит, она вернулась с кастрюлей к нам, сделала глубокий вдох, устроилась рядом с раненым псом и взялась за дело.

Для начала она выстригла шерсть в месте, куда попала пуля, и начисто выбрила остатки. Мыш несколько раз дернулся. Я видел, как болезненно морщится она при каждом движении Мыша; руки ее, правда, продолжали уверенно делать свое дело. Ей пришлось расширить ранку скальпелем. Мыш взвыл от боли, когда лезвие полоснуло его, и Молли крепко зажмурилась на две или три секунды, прежде чем продолжила операцию. Сунув в рану пинцет, она достала пулю. Та оказалась совсем крошечной, меньше ногтя у меня на мизинце — покореженный цилиндр из блестящего металла. Когда Молли выдернула ее, Мыш застонал.

Она еще раз промыла и продезинфицировала ранку. Мыш дергался и кричал — таких полных боли звуков я от него еще не слышал.

— Прости, — пробормотала Молли, смахивая слезы. — Прости.

Разрез оказался длинным — ей пришлось сделать три стежка. Молли сделала их как могла быстрее, чтобы не мучить Мыша. Потом еще раз продезинфицировала шов и накрыла его тампоном, который приклеила к выбритой коже медицинским пластырем.

— Все, — тихо произнесла она, наклонилась и зарылась лицом в густую шерсть на шее у Мыша. —

Все. Теперь все будет хорошо.

Мыш очень осторожно повернул голову, ткнулся носом ей в руку и несколько раз стукнул хвостом по полу.

— Мёрф, — сказал я. — Оставишь нас на минуту?

— Конечно, — тихо отозвалась она. — Я все равно собиралась выйти позвонить. — Она кивнула мне и вышла на улицу, не забыв по дороге прикрыть дверь из гостиной в мою маленькую спальню, где лежал Морган.

Я сидел рядом с Мышом, глядя его по тяжелой башке.

— Ладно, — сказал я Молли. — Что случилось?

Она выпрямилась и посмотрела на меня. Вид у нее был такой, словно ее вот-вот стошнит. Из носа текло.

— Я... я вдруг подумала, Гарри, что... ну, если предатель действительно хотел, чтобы все в Совете друг другу глотки перегрызли, лучший способ добиться этого — заставить одного из них совершить что-нибудь такое... непростительное. Ну, например, заставить Моргана убить Чародея Ла Фортье.

— Ба, — сказал я. — И как это мне ни разу в голову не приходило, хоть я тебя и старше, и занимаюсь этим со времен, когда ты под стол пешком ходила, а ты в этом бизнесе меньше четырех лет.

Она покраснела.

— Да. Так. Только потом я подумала, что лучший способ использовать такое влияние — это попробовать его не на Моргане, — продолжала она. — А на людях, которые должны на него охотиться.

Я повел бровью.

— Ладно, — кивнул я. — В этом месте мне полагалось бы спросить тебя, понимаешь ли ты, насколько трудно манипулировать волей и разумом любого мало-мальски зрелого человека. Большинство чародеев, достигнув восьмидесяти- или столетнего возраста, считаются более или менее имунными к такого рода фокусам.

— Я этого не знала, — покорно сказала Молли. — Но... то, о чем я говорю, не требует серьезных изменений психики. Это не должно быть заметным. Не обязательно ведь превращать человека в законченного психа и убийцу. Ну, то есть я хочу сказать, это было бы слишком очевидно, да? Вместо этого вы бы постарались просто... чуть-чуть изменить людей, преследующих Моргана, чтобы они были немножко больше похожими на то, какими вы бы их хотели видеть.

Я прищурился. Интересный ход мысли.

— Например?

— Ну... — пробормотала она. — Если кто-то изначально вспыльчив и готов лезть в драку, вы бы усиливали эту сторону его характера. Придали бы этому больше значимости, чем это было бы без постороннего вмешательства. Если кто-то предпочитает политические маневры, чтобы добиться преимущества в той или иной ситуации, вы выставляете на первый план именно это свойство. Если кто-то чем-то недоволен, обижен, вы делаете акцент на этих мыслях, эмоциях, чтобы он действовал, исходя из них.

С минуту я обдумывал ее слова.

— Так, во всяком случае, сделала бы я, — добавила Молли, потупившись.

Я внимательно посмотрел на девушку, которую обучал своему ремеслу. Обычно при взгляде на Молли я видел ее улыбку, ее чувство юмора, юность, веселье. Она дочь моего близкого друга. Я хорошо знаю ее семью и часто бываю у них. Я видел ее старание в учебе, ее огорчения, ее радости.

Но никогда до той минуты я не видел в ней того, кто в один прекрасный день может превратиться в довольно жуткую личность.

Я вдруг понял, что улыбаюсь — с некоторой горечью, но улыбаюсь.

И кто я такой, чтобы кидать камень?

— Возможно, — произнес я наконец. — Только доказать такое было бы чертовски трудно.

Она кивнула.

— И если такое использовали, есть только один человек, способный быть идеальной целью. — Я покосился на Люччо. Она спала, чуть приоткрыв рот. Она даже пускала пузыри — так, совсем капельку. Это было необычно и трогательно.

— Угу, — снова кивнула Молли. — Но она ни за что не дала бы мне заглянуть. Вы же знаете, что не дала бы.

— И правильно бы сделала, — заметил я.

Молли на мгновение стиснула зубы.

— Я знаю.

— И ты решила, что заглянешь, пока все спят или без сознания, — сказал я. — Чтобы тебя не схватили за руку.

Она пожала плечами.

— Убедила себя в том, что поступаешь правильно, — продолжал я. — Только заглянешь чуть-чуть — и назад.

Она зажмурилась.

— Я... Гарри, а что, если она с вами не до конца честна? Что, если все это время она держалась ближе к вам, потому что не доверяет вам? Что, если она как Морган — только умеет лучше это скрывать?

— Ты не понимаешь, что говоришь, — сказал я.

— Нет? — Она встретилась со мной взглядом. — Чьим он был учеником, Гарри? Кто *научил* его быть вот таким? Кого он сделал своим идеалом — настолько, что постарался стать ее подобием?

Я промолчал.

— Вы что, — продолжала настаивать Молли, — взаправду думаете, что она *совсем* не знала, как с вами обращался Морган?

Я сделал глубокий вдох.

— Да, — ответил я. — Я так считаю.

Она тряхнула головой.

— Вам лучше знать.

— Нет, — сказал я. — Не верю.

— А *надо* бы, — упрямо выпалила она. — Я не могла допустить даже малой возможности того, что она позволит вам погибнуть вместе с Морганом. Мне надо было знать точно.

С минуту я молча смотрел на нее. Потом покачал головой.

— Я всегда знаю, когда испытываю искушение сделать что-то очень, очень неправильное, — сказал я наконец. — Стоит мне начать предложение со слов вроде «я никогда, ни за что не сделаю этого, если...» Или «я понимаю, что это нехорошо, но...» Вот эти «но» или «если» и настораживает.

— Гарри... — начала Молли.

— Ты, Молли, нарушила один из Законов Магии. Сознательно. Даже понимая, что это может стоить тебе жизни. Даже понимая, что это может стоить жизни и мне. — Я тряхнул головой и отвернулся от нее. — Блин-тарарам, детка. Я доверяю Анастасии Люччо потому, что у людей так *принято*. Даже не зная наверняка, что кто-то о тебе думает. Как относится к тебе в глубине души.

— Но я могла бы...

— Нет, — мягко произнес я. — Даже проникновение в психику не даст тебе всего. Нам не дано знать, что там творится. Об этом я и говорю. На то и существует доверие.

— Гарри, мне очень жа...

Я поднял руку.

— Не извиняйся. Может, это я подвел тебя. Может, я должен был получше тебя учить. — Я потрепал Мыша по загривку, так и не глядя на нее. — Сейчас это ничего не значит. Из-за того, что я пытаюсь спасти жизнь Моргану, уже погибли люди. Может еще погибнуть Томас. А теперь, если нам удастся спасти Моргану его старую мозолистую задницу, он донесет, что ты нарушила Закон. Совет убьет тебя. И меня.

Она беспомощно смотрела на меня.

— Я не думала, что...

— Что тебя поймают, — тихо произнес я. — Господи, детка. Я же тебе верил.

Она ревела теперь уже вовсю. Лицо у нее совсем размазалось. Она низко опустила голову.

— Если Морган погибнет из-за того, чего не совершал, — продолжал я, — начнется такое, чего ты себе даже представить не можешь. И погибнет еще много людей. — Я медленно встал. — Так вот. Я намерен сделать все, что в моих силах, чтобы его спасти.

Она кивнула, не поднимая головы.

— Поэтому тебе, Кузнечик, предстоит сделать выбор. Ты можешь и дальше помогать мне — зная, какую цену мы заплатим, если добьемся успеха. Или можешь уйти.

— Уйти? — прошептала она.

— Уйти, — повторил я. — Прямо сейчас. Бежать как можно дальше. Блин, все равно я скорее всего сверну себе на этом деле шею — так или иначе. Да и Морган, возможно, тоже. В таком случае все провалится в тартарары, воцарится настоящий ад, но Стражам хватит хлопот и без того, чтобы преследовать тебя. Ты сможешь не думать о том, правильно ли то, что ты делаешь... вообще делать то,

что тебе захочется — до тех пор, пока тебя не поймают.

Она прижала руки к животу. Судя по звукам, которые она издавала сквозь всхлипы, она с трудом сдерживала тошноту.

Я положил руку ей на голову.

— Ну, или ты можешь пойти со мной. Сделать что-то правильное. Что-то, имеющее смысл.

Она подняла на меня взгляд; ее хорошенькое личико побледнело от страха.

— Все умирают, детка, — очень мягко произнес я. — Все до единого. Тут нет никаких «если». Вопрос только «когда». — Я дал ей время подумать. — И когда ты будешь умирать, захочется ли тебе испытывать стыд за то, что сделала со своей жизнью? За то, что в ней успела сделать?

С минуту она смотрела мне в глаза в полной тишине, если не считать, конечно, ее сдавленного всхлипывания. Потом голова ее дернулась в едва заметном кивке.

— Обещаю тебе, что буду рядом с тобой, — сказал я. — Я не могу тебе обещать больше ничего. Только то, что буду с тобой так долго, как смогу.

— Хорошо, — прошептала она и прижалась ко мне лбом.

С минуту я поглаживал ее по волосам. Потом осторожно отстранился.

— Времени у нас в обрез, — мягко произнес я. — Стражи узнают о том, что Морган в Чикаго, самое позднее через несколько часов. Возможно, они уже в пути.

— Хорошо, — повторила она. — Ч-что нам делать?

Я набрал в грудь воздуха.

— Помимо всего прочего, я собираюсь установить священную связь, — ответил я.

Глаза ее расширились.

— Но... вы же сами говорили, такие штуки жуть как опасны. Типа, что рисковать может только идиот.

— Я согласился помочь Дональду так-его-мать Моргану, когда он явился ко мне, — вздохнул я. — Так что я гожусь.

Она вытерла рукой глаза и нос.

— Что делать мне?

— Достань мою коробку с принадлежностями для ритуалов. И отнеси в машину, в которой сидит Мёрфи.

— Хорошо, — кивнула Молли. Она повернулась и сделала несколько шагов, но задержалась и оглянулась на меня через плечо: — Гарри?

— Ну?

— Я знаю, что это нехорошо, но...

Я строго нахмурился.

Она тряхнула головой и подняла руки вверх.

— Выслушайте меня все-таки. Я знаю, что это нехорошо, и я почти ничего не успела увидеть, но... Я правду говорю, Гарри. Мне кажется, кто-то залезал в голову капитану Люччо. Готова поспорить на свою жизнь.

Я решил не обращать внимания на холодок, пробежавший у меня по спине.

— Вполне может выйти, что ты ее проспоришь, — тихо произнес я. — И мою заодно. Иди принеси коробку.

Молли поспешила в лабораторию.

Я дождался, пока голова ее скрылась в люке, и повернулся посмотреть на Мыша. Пес с печальным видом сел. Раненого плеча он, казалось, не замечал, и от болезненной осторожности в его движениях не осталось и следа.

Пару лет назад Мыша уже сбил микроавтобусом один поганец. Мыш поднялся, догнал его и вернул долг с лихвой. Собаки фу вообще выносливы. Думаю, он выздоровел бы и без операции, хотя, конечно, это потребовало бы больше времени. Но я не догадывался, что на деле рана оказалась не такой серьезной, как с виду.

Другими словами, мой чертов пес надул разом и меня, и Молли.

— Так ты все это *изображал*? — спросил я. — Чтобы Молли как следует осознала вину?

Мыш гордо вильнул хвостом.

— Черт, — с уважением пробормотал я. — Может, стоило назвать тебя Дензелом?

Он оскалил зубы в собачьей ухмылке.

— Сегодня вечером, — сказал я, — когда я пытался придумать, как мне найти Томаса, ты мне помешал. Я не задумывался особенно над этим, но ведь это ты помог ему найти меня, когда Мадригал

Рейт продавал меня с интернет-аукциона.

Хвост вильнул сильнее.

— Можешь найти Томаса?

— Гав! — отозвался он, и его передние лапы оторвались на пару дюймов от пола.

Я кивнул и задумался. Потом поднял голову.

— У меня для тебя другое задание. Возможно, более важное. Ты не против?

Он встряхнулся, распушив шерсть, и пошел к двери. У самого порога он остановился и вопросительно оглянулся на меня.

— О'кей, — сказал я, подходя к нему. — Слушай. Дело начинает пахнуть керосином...

Глава тридцать пятая

Я оглянулся на неподвижную фигуру Люччо. Стресс от руководства поисками Моргана на протяжении черт знает скольких дней вкупе с болью от травмы и действием лекарств, которыми я ее напичкал, не могли не сказаться: за все это время она ни разу не пошевелилась. Ни когда Морган стрелял из пистолета, ни когда мы разговаривали, ни когда мы вдвоем тащили Моргана вверх по лестнице, чтобы усадить в серебристый «ройс».

Я поправил укрывавшее ее одеяло. Стоило мне сделать это, как Мистер спрыгнул со своего наблюдательного поста на верху одной из моих книжных полок и, благостно мурлыча, улегся ей на ноги.

Я почесал кота за ухом.

— Побудь с ней, — сказал я. Он ответил на это непроницаемым взглядом, из чего следовало, что, может, побудет, а может, и нет. Мистер — кот, а кошки вообще считают основной обязанностью мироздания обеспечивать им кров, пищу и развлечения по мере необходимости. Мне кажется, Мистер полагает ниже своего достоинства задумываться о будущем.

Я взял ручку, лист бумаги и написал:

Анастасия,

времени у меня почти не осталось, а гости уже на подходе. Я собираюсь туда, где смогу спокойно обдумать новые решения проблемы. Очень скоро ты сама все поймешь.

Прости, что не беру тебя с собой. В твоем нынешнем состоянии ты вряд ли сможешь мне сильно помочь. Я знаю, тебе это вряд ли понравится, но ты наверняка понимаешь, что я прав.

Будь здесь как дома, ни в чем себе не отказывай. Надеюсь, мы сможем с тобой скоро поговорить.

Гарри.

Я сложил записку и положил ее на журнальный столик так, чтобы она увидела сразу, как проснется. Наклонился, поцеловал ее в волосы и вышел, оставив Анастасию в относительной безопасности моего дома.

Я остановил «ройс» на стоянке рядом с пристанью. У нас имелся еще неплохой шанс, поспешив, успеть в нужное место до полуночи — лучшего времени для того, чтобы призывать кого-либо из потустороннего мира. Ну, конечно, пытаться осуществить это, будучи израненным и усталым как собака, само по себе занятие почти безнадежное, тут и полночь не факт, что поможет, но времени у меня оставалось в обрез, так что я был не в том положении, чтобы капризничать.

— Позволь мне заметить, — подала голос Мёрфи, — что все это почему-то представляется мне неважной затеей.

— Замечание принимается к сведению, — кивнул я. — Но ты это сделаешь?

Она посмотрела сквозь плоское ветровое стекло «ройса» на гладь озера Мичиган — точнее, на непроглядную черноту, начинавшуюся там, где обрывались огни Чикаго.

— Да, — произнесла она.

— Если бы я мог просить тебя о чем-нибудь еще, — сказал я, — я бы попросил. Правда.

— Знаю, — кивнула она. — Просто меня бесит, что я больше ничем не могу помочь.

— Ладно. Могу добавить — если это тебя утешит, конечно, — что опасность будет грозить и тебе. Кто-нибудь может решить заглянуть и попытаться использовать тебя против меня. А если до Совета дойдет, как много тебе известно, они запросто могут попытаться убрать свидетеля.

Она чуть улыбнулась.

— Ну, спасибо. По крайней мере, зная, что кому-то может захотеться убить меня, я ощущаю себя не

совсем лишней. — Она двинула плечом, поправляя наплечную кобуру с пистолетом. — Я понимаю предел своих возможностей. Не то чтобы это мне *нравилось*... — Она снова посмотрела на меня. — Как ты собираешься связаться с остальными?

— Я... Давай, я не буду говорить? Чем меньше ты знаешь...

— Тем меньше мне грозит?

— Если честно, не совсем так, — хмыкнул я. — Чем меньше ты знаешь, тем меньше грозит мне. Не забывай: мы имеем дело с людьми, которые способны вынуть информацию у тебя из головы, не спрашивая, хочешь ты этого или нет.

Мёрфи скрестила руки на груди и поёжилась.

— Терпеть не могу чувствовать себя беспомощной.

— Угу, — согласился я. — Я тоже. Как он там, Молли?

— Все еще спит, — доложила Молли с заднего сиденья. — Температура, правда, вроде бы не повысилась. — Она протянула руку и потрогала лоб Моргана тыльной стороной ладони.

Рука Моргана словно сама собой поднялась и резким шлепком по запястью отшвырнула ее; при этом ни дыхание его, ни черты лица ни на мгновение не дрогнули. Вот черт. Чисто рефлекторное движение. Я тряхнул головой.

— Давайте-ка пошевеливаться, ребята, — сказал я.

Мы с Молли водрузили Моргана в инвалидное кресло. Он даже чуть привстал, чтобы помочь нам, и снова провалился в сон, как только его усадили. Молли перекинула через плечо ремень моей сумки с ритуальными принадлежностями и принялась толкать кресло с Морганом через стоянку к причалу. Я захватил пару больших, тяжелых нейлоновых мешков.

— Что это у нас там? — поинтересовалась Мёрфи.

— Развлечения для вечеринки, — ответил я.

— Ты устраиваешь вечеринку?

Я повернулся на восток и вгляделся вдаль. Острова не видно из Чикаго даже в ясный день, но я знал, что он там — зловещий, неприветливый клочок земли.

— Угу, — негромко сказал я. — Еще какую вечеринку... Практически все, кто в последнее время мечтал меня укокошить, не откажут себе в удовольствии на нее заглянуть.

Мёрфи покачала головой:

— И все из-за одного человека.

— Из-за героя, — вполголоса возразил я. — Из-за того, кого из всех Стражей боятся больше всего. Морган едва не одолел самого короля Красных — вампира, прожившего едва ли не четыре тысячи лет, окруженного до омерзения могущественными вассалами. И когда бы тот не бежал с поля боя, Морган бы его убил.

— Ты о нем почти добро отзываешься, — заметила Мёрфи.

— Не добро, — возразил я. — Но я не могу не признать его качеств. За долгие годы Морган спас не сосчитать сколько жизней. И невинных тоже убивал. Это я точно знаю. Последние двадцать или тридцать лет он исполнял в Совете обязанности палача. Он придирчив и бестактен, он беззастенчив и предвзят. Если он ненавидит, то ненавидит со всей своей страстью. Он большой, уродливый, свирепый бойцовый пес.

Мёрфи невесело улыбнулась.

— Но он ваш бойцовый пес.

— Но он наш бойцовый пес, — подтвердил я. — И он не колеблясь отдал бы свою жизнь, если бы считал, что так надо.

Мёрфи посмотрела вслед Молли, толкавшей коляску с Морганом вдоль причала.

— Бог ты мой, — сказала она. — Должно быть жутко знать, что ты способен так ни во что не ставить человеческую жизнь. Чужую, свою собственную — не важно чью. Знать, что ты в любой момент способен отнять у живого человека абсолютно все. Это не могло его не глотать.

— За столько лет, наверное, можно и привыкнуть, — возразил я. — Знаешь, мне кажется, ты права насчет того, что убийца действует отчаянно. Ситуация сделалась слишком запутанной и сложной, чтобы смахивать на запланированную. Прямо какое-то... безумное скопление всевозможных цыплят, слетевшихся, чтобы их пожарили.

— Может, так ее будет проще разрешить?

— Примером подобной путаницы может служить Первая мировая, — покачал головой я. — Только тогда было типа сложно ткнуть пальцем в кого-то одного и сказать: «Вот из-за этого парня все так и вышло». С этой точки зрения со Второй мировой проще.

— Ты с самого начала действуешь, исходя из предположения, что тебе есть кого обвинить, — сказала Мёрфи.

— Только если я смогу его поймать, — покачал головой я. — Если не смогу... ну, понятно, что тогда.

Мёрфи повернулась ко мне. Она подняла обе руки, взяла меня за голову, чуть пригнула и поцеловала в лоб и в губы — ни слишком быстро, ни слишком страстно. Потом отпустила и подняла на меня взгляд, спокойный и грустный.

— Ты знаешь, что я люблю тебя, Гарри. Ты хороший человек. И хороший друг.

Я криво улыбнулся.

— Ты только не стань из-за меня размазней, Мёрф.

Она мотнула головой.

— Я серьезно. Не дай себя убить. Надери любую задницу, какую считаешь нужной, чтобы этого не случилось. — Она опустила глаза. — Мир будет поганым без тебя.

Секунду-другую я покусывал губу, ощущая себя очень неловко. Потом прокашлялся.

— Из всех людей на свете я предпочел бы, чтобы спину мне прикрывала именно ты, Кэррин. — Я снова кашлянул. — Ты, наверное, лучший друг из всех, какие у меня были.

Она несколько раз моргнула и тряхнула головой.

— Ладно. Что-то очень рискованный становится у нас разговор.

— Может, продолжим его с того места, где было про «любую задницу»? — предложил я.

Она кивнула.

— Найди его. Надери ему задницу.

— Именно таков план, — подтвердил я. Потом наклонился, поцеловал ее в лоб и губы и на секунду прижался лбом к ее лбу.

— Я тебя тоже люблю, — прошептал я.

— Вот извращенец, — произнесла она сдавленным голосом. — Удачи.

— Тебе тоже. Ключи в замке зажигания.

А потом выпрямился, подхватил свои мешки и зашагал следом за Молли. Я не смотрел на Мёрфи, когда уходил, и так и не оглянулся.

Только так мы оба могли делать вид, что я не видел, как она плачет.

В свое время мой брат купил древний, побитый временем и стихиями рыболовецкий катер. Он говорил мне, что это траулер. Или сейнер. Что-то одно из двух... Или еще что-то. Закаленные мореходы жутко кипятятся насчет точных определений, к какой именно категории относится судно — но поскольку я никак не закаленный мореход, я не лишусь сна из-за неточного определения.

В общем, катер имеет в длину сорок два фута и мог бы послужить дублером катеру Квинта из «Челюстей». Ему отчаянно не хватает свежей покраски, поскольку белый корпус давным-давно стал серым, а местами и черным. Единственное свежеекрашенное место на нем — это надпись на носу, гласящая:

ЖУЧОК-ПЛАВУНЕЦ

Погрузка Моргана на борт «Жучка» оказалась делом болезненным — в буквальном смысле слова. Мы уложили его на койку в маленьком кубрике и перетасили на борт все наше снаряжение. После этого я забрался на мостик, завел движки своим комплектом ключей — и тут же обнаружил, что забыл отдать швартовы. Пришлось спустаться на палубу и отвязывать тросы.

Я же сказал — я не закаленный мореход.

Выйти из гавани оказалось делом несложным. Томас швартовал катер совсем рядом с выходом на открытую воду. Я едва не забыл включить ходовые огни, но спохватился еще до выхода из порта. Потом сверился с компасом, расположенным рядом с ру... со штурвалом, повернул курс на градус западнее и дал газ.

Мы двигались по непроглядной черноте озера, дизели негромко бормотали своё «луб-луб-дуб-луб». Изначально катер строился для работы в открытом море, поэтому мощности у него хватало. Вода в этот вечер была спокойная, так что нас не трясло, даже когда мы набрали ход.

Не могу сказать, что это наше плавание не напрягало меня. За последний год мы с Томасом несколько раз сплавали на остров, чтобы обследовать его получше. Заодно Томас обучал меня искусству судовождения, но в одиночку я вел катер впервые.

Через несколько минут на палубе показалась Молли; она поднялась на половину лестницы, ведущей

на мостик, и остановилась.

— Мне надо просить разрешения подняться на мостик или чего такого?

— Это зачем? — удивился я.

Она подумала.

— Но ведь так делают в «Стартреке»?

— Тоже верно, — кивнул я. — Подняться разрешаю, матрос.

— Есть! — Она козырнула и поднялась ко мне. На востоке, куда целил нос нашего катера, чернела тьма; Молли нахмурилась и украдкой оглянулась на быстро меркнувшие городские огни. — А! Значит, мы плывем на дикий остров, через который проходит мощная магическая жила?

— Угу, — буркнул я, всматриваясь в компас.

— Там, где папу...

Я не люблю вспоминать, что случилось с Майклом Карпентером, когда он попал туда со мной.

— ...искалечило, — договорил я. — Угу.

Она нахмурилась.

— Я слышала, как он рассказывал маме про этот остров. Но когда я попыталась его найти, на картах ничего такого не оказалось. Даже в библиотеках.

— Угу, — повторил я. — Насколько я слышал, со всеми, кто туда попадал, приключались всякие гадости. Когда-то там был маленький порт для рыболовецких и торговых судов, а при нем маленький городок, но его забросили. Где-то в середине девятнадцатого века про него перестали вспоминать.

— Почему?

— Наверное, не хотели, чтобы люди туда попадали, — ответил я. — Если бы это просто запретили, наверняка нашлись бы идиоты, которые из чистого противоречия отправились бы туда. Поэтому просто сделали вид, будто этого места нет.

— И что, за век с лишним сюда никто не попадал?

— Магическая жила проецирует сильный поток энергии, — объяснил я. — Это действует людям на нервы. Не сводит их с ума или чего такого, но подсознательно заставляет их избегать этого места — если, конечно, не направляются сюда намеренно. Ну, и еще большая часть берега недоступна из-за рифов, так что остров избегают и по этой причине.

Она нахмурилась еще сильнее.

— А у нас из-за этого не может быть проблем?

— Я совершенно точно знаю, как пройти к берегу.

— Совершенно точно?

— Совершенно.

Может, она побледнела чуть сильнее, а может, мне это и показалось.

— А, — кивнула она. — А нам зачем туда?

— Призывать духа, — ответил я. — У острова имеется типа дух.

— *Genius loci* — гений места, — догадалась она.

Я одобительно кивнул:

— Он самый. И поскольку он кормится из магической жилы, то он большой и сильный. Не питающий почтения к посетителям. Довольно многих убил.

Молли зажмурилась.

— И вы хотите призвать? *Ego*?

— Ох, черт, да нет же, — буркнул я. Не хочу. Но нужно же мне какое-то подкрепление к завтрашнему дню, а то выйдет одно рыдание.

Она медленно покачала головой и молчала до тех пор, пока мы не подошли к острову, что случилось довольно скоро. Стояла уже глубокая ночь, но мне хватило света луны и звезд, чтобы найти буй, который мы с Томасом поставили у прохода через полосу рифов. Я провел «Жучка» сквозь проход и медленно двинулся вдоль берега, пока не нашел второй буй прямо перед небольшим причалом, который нам с Томасом удалось соорудить. Я даже ухитрился подвести к нему свое судно, ничего не поломав, и перепрыгнул на него, держа в руках кана... конец, чтобы ошвартовать катер.

Покончив с этим, я поднял взгляд и увидел, что Молли стоит на палубе, держа наготове мою сумку с принадлежностями для ритуала. Она протянула ее мне, и я кивнул.

— Оставайся с Морганом. Если не вернусь до рассвета, отвяжи катер, заводи мотор и плыви обратно в порт. Это мало отличается от управления машиной, так что справишься.

Она прикусила губу, но кивнула.

— А что потом?

— Ступай к отцу. Скажешь ему, что я просил передать, что тебе нужно исчезнуть. Он знает, что делать.

— А вы? Что вы тогда будете делать?

Я закинул лямку сумки на плечо, взял посох и повернулся, чтобы подняться на берег.

— Ничего особенного, — бросил я через плечо. — Буду уже покойником.

Глава тридцать шестая

В сказках братьев Гримм, собрании наиболее известных жутковатых преданий Западной Европы, действие почти всегда происходит в лесу. Ну да, там обитают самые жуткие и злобные твари. Стоит герою той или иной истории выйти из дома — и он оказывается в лесу, цитадели тьмы, а там за приключениями дело не станет.

Разгуливать по лесу ночью бывает до тошноты жутко. Мало того, это действительно опасно.

Во-первых, вы почти ничего не видите. Зато вокруг вас полным-полно звуков, от шелеста ветра в кронах и до хруста ветки под лапой какого-то зверя. До вас постоянно — и каждый раз неожиданно — что-то дотрагивается: древесные сучья, паутина, листья, кусты. Земля как живая то уходит из-под ног, то вырастает горбом, так что каждый шаг вам приходится делать с опаской. Камни сами собой подворачиваются под ноги. То же самое делают стелющиеся по земле ползучие стебли, как правило, все в колючках, просто ветки и корни. Темнота укрывает от взгляда ямы, ручьи и обрывы, в которые можно провалиться на шесть дюймов, а можно и на шесть футов.

В сказках герои ухитряются перемещаться по ночному лесу бегом. Не верьте, это полнейшая лажа. Нет, такое, конечно, возможно в настоящих старых сосновых лесах, почти лишенных подлеска, или в тех дубравах, где так любят снимать фильмы про Робин Гуда и экранизации шекспировских пьес. Но если вы попали в нормальный густой американский лес, мой вам совет: лучше возьмите сук потяжелее и раздробите себе коленку сами, чем бежать сквозь него вслепую.

Я очень осторожно двинулся вверх, мимо полуразвалившихся хибар, составлявших некогда городок у причалов. С тех пор как люди ушли отсюда, его захватили деревья, проросшие сквозь полы и выбитые окна.

На острове водятся олени, хотя одному Богу известно, как они сюда попали. Впрочем, он достаточно велик, чтобы здесь жили крупные животные. Я находил следы лис, енотов, скунсов и рысей — ну и, разумеется, обычных для этих мест кроликов, белок и сурков. Еще здесь встречаются одичавшие козы — возможно, потомки тех, что завезли сюда бывшие обитатели городка.

Чье-то враждебное присутствие я начал ощущать, стоило мне пройти шагов двадцать. Началось это с неясной, беспочвенной тревоги, едва различимой на фоне обычной, вполне рациональной настороженности. Однако по мере того как я поднимался вверх по склону, тревога усиливалась, превращаясь в настоящую панику, от которой учащается сердцебиение и становится сухо во рту.

Я заставил себя не поддаваться психическому давлению и продолжал подниматься все тем же ровным, спокойным шагом. Стоило мне уступить, удариться в панику, и я вполне мог пасть жертвой обычных угроз, которые таит в себе ночной лес. Собственно, именно этого и добивался, так сказать, дух острова.

Стиснув зубы, я продолжал свой путь; глаза тем временем привыкали к темноте, и я начал различать очертания деревьев и камней. Передвигаться стало чуть легче.

Подъем на верхнюю точку острова недолог. Зато ближе к вершине склон становится круче, и подниматься можно только по старым ступеням, вырубленным в скале. С самого первого раза, когда я поднимался по ним, они показались мне до странного знакомыми и удобными, да и в последующие посещения это ощущение не изменилось. Даже сейчас я мог бы подняться с закрытыми глазами; ноги сами приспосабливаются к неровностям и сбиту ритму лестницы.

Одолев последние ступени, я оказался на голой плоской вершине. Посередине площадки стоит башня — старый каменный маяк. Вернее, две трети башни: часть ее обрушилась, а камни использовали для строительства маленького домика у ее основания.

Дух острова ощущался здесь сильнее — гнетущий, опасный, безжалостный к чужакам.

Я окинул взглядом залитую лунным светом площадку, кивнул сам себе, вышел на ровное место перед домиком и опустил сумку на землю.

То, что я собирался проделать, восходит корнями к древнему шаманскому ремеслу. В те времена шаман, или заклинатель, или как его там ни называли, уходил в глушь и искал место, отмеченное присутствием магических сил — вроде вот этого. В зависимости от особенностей местной культуры он

тем или иным способом призывал духа этого места и привлекал к себе его внимание. То, что следовало далее, не сводилось ни к знакомству, ни к поединку, ни к претензиям на обладание этой землею, ни к состязанию на сообразительность, хотя элементы всего перечисленного и присутствовали. Если ритуал венчался успехом, между шаманом и духом устанавливалось пусть не партнерство, но по крайней мере некоторое взаимопонимание.

Ну, а если не венчался... Я бы не завидовал тому, кто обратил на себя внимание опасного духа, тем более такого, который в состоянии полностью контролировать окружение. Этот, например, дух, питающийся темной энергией из пролежавшей аккуратно под руинами маяка жилы, запросто мог свести меня с ума или скормить своим зверям и деревьям.

— И все-таки я собираюсь щелкнуть тебя по носу, — пробормотал я. — В конце концов, наглец я, или где?

Я уткнул конец посоха в землю, нагнулся и расстегнул сумку.

Первым делом круг. Маленьким веничком я наскоро смел пыль и грязь с клочка земли примерно трех футов в диаметре. Потом деревянным циркулем с мелком на конце, какой используют обычно на уроках геометрии в школе, очертил на каменной поверхности правильную окружность. Мелок у меня не простой, а флюоресцентный, поэтому окружность слегка светилась в темноте. Вообще-то для сносного функционирования кругу не обязательно быть абсолютно ровным, но работа мне предстояла серьезная, здесь даже мелочь может оказаться подспорьем.

Затем я достал из сумки пять белых свечей и сверился с компасом, чтобы расставить их правильно. Стрелка компаса бестолково моталась из стороны в сторону. Должно быть, ее сбивало поле магической жилы. Я убрал бесполезный компас и сориентировался по звездам. Расставленные по окружности свечи составили пентаграмму, острие которой целилось строго на север.

Покончив с этим, я достал старый добрый нож из арсенала морской пехоты, простую серебряную чашу-потир и серебряный же колокольчик с черной деревянной ручкой, некогда принадлежавший Армии Спасения.

Потом на всякий случай проверил-перепроверил круг и принадлежности, отошел на несколько шагов и разделся догола, оставшись без колец, браслета и прочей магической амуниции за исключением висевшего на шее серебряного амулета-пентаграммы. Опять-таки, правила не требуют проделывать ритуал в чем мать родила, но я хотел снизить до минимума опасность того, что наложенные на мою амуницию заклятия каким-либо образом повлияют на сложный процесс.

Все это время психологическое давление местного духа продолжало нарастать. Разболелась голова, что в сочетании с недавно набитыми шишками гарантировало кучу ощущений. Волосы на шее стали дыбом. Вокруг меня начинали звенеть комары, и я поежился при мысли о том, в какие места меня успеют укусить, пока я занимаюсь своим делом.

Я ступил в круг, проверил все еще раз, достал из сумки коробок спичек и опустился на колени. Ну да, я мог бы зажечь свечи и с помощью нехитрого заклятия, но это оставило бы на них след магической энергии, также способный повлиять на исход ритуала. Поэтому я проделал все старым добрым способом. Стоило мне чиркнуть первой спичкой и наклониться, чтобы зажечь северную свечу, совсем рядом послышался дикий, наводящий ужас крик совы — от неожиданности я подпрыгнул, едва не потеряв равновесия и не опрокинув свечу.

— Дешевый прием, — пробормотал я, зажег новую спичку и начал все сначала. Когда все пять свечей загорелись ровным, устойчивым пламенем, я повернулся лицом к северу и осторожно коснулся рукой мелового круга. Лёгкое усилие воли замкнуло его, и давление на психику, которое я испытывал последние полчаса, разом исчезло.

Я закрыл глаза и начал, размеренно дыша, расслаблять одну за другой все мышцы, одновременно сосредоточивая мысли на предстоящей мне работе. Где-то рядом, но за пределами круга снова прокричала сова. Потом подала голос рысь. Визгливо затаивали в кустах лисы.

Я не обращал на них внимания, пока не почувствовал, что собрал в кулак все имевшиеся у меня силы. Тогда я открыл глаза и взял с земли колокольчик. Я встряхнул его раз, коротко прозвонив, а потом возвысил голос, сообщив ему всю возможную властность.

— Я не какой-нибудь случайный смертный, которого ты можешь отпугнуть своими штучками, — заявил я, обращаясь к вершине холма. — Я маг, один из Мудрых, и я заслуживаю твоего уважения.

С озера налетел порыв ветра. Деревья вздыхали и бормотали что-то, раскачиваясь под его порывами; звук напоминал сердитый морской прибой, только громче.

Я снова позвонил.

— Слушай меня! — воззвал я. — Я маг, один из Мудрых, и я знаю природу твою и твою силу.

Ветер продолжал усиливаться, играя пламенем свечей. Усилием воли я заставил их гореть ровнее, и почувствовал, как температура моего тела сразу отреагировала на это, опустившись на пару градусов.

Я положил на землю колокольчик, взял нож и провел острием вдоль запястья левой руки, прочертив по коже тонкую красную линию. Надрез сразу же набух кровью. Я положил нож, взял потир и накапал в него немного крови.

И, делая это, использовал еще одну штуку... собственно, благодаря ей я надеялся — *только надеялся* — на то, что все мое предприятие может все-таки выгореть.

Огонь Души.

Чуть больше года назад один архангел решил сделать инвестиции в мое будущее. Уриил возместил мне ту силу, которой я лишился, отринув искушения одной из Падших. Адский огонь демонов обладал в буквальном смысле слова адской разрушительной силой. Огонь Души, судя по всему, представлял собой ангельский эквивалент этой энергии, оборотную сторону той же монеты — силу, служащую не разрушению, а созиданию. Я почти не экспериментировал с ним. В качестве источника энергии огонь Души использовал мои же собственные жизненные силы. Стоило мне накачать в него больше этих сил, и это могло бы меня убить.

Наблюдая за капавшей в потир кровью, я нашел в моем сознании то место, где хранился дар архангела, и добавил толику его в кровь. Из пореза на кисти в потир посыпались бело-серебряные искры, наполняя его сверхъестественной энергией.

Правой рукой я поднял вверх потир, левой — колокольчик. Капли крови и искры огня души коснулись серебра, и когда я встряхнул его еще раз, тот прозвенел так пронзительно, так чисто, что этот звук мог бы раздробить стекло.

— Слушай меня! — вскричал я, и голос мой прозвучал так же мощно и звонко. С разбитой стены маяка посыпались мелкие камушки. — Я маг, один из Мудрых! Я приношу эту свою кровь в дар тебе, в знак уважения к твоей силе! Явись! — Я положил колокольчик на землю и приготовился взломать круг, высвобождая заклятие. — Явись! — взревел я еще громче. — ЯВИСЬ!

И, разрушив ногой меловой круг, плеснул кровь и серебряный огонь на камни.

Лес вокруг меня взорвался звериными воплями и воем. Птицы, проснувшись, взмыли в небо и закружились надо мной. С полдюжины сучьев разом сломались под напором ветра, и треск этот послышался мне ружейным залпом.

Мгновение спустя абсолютно чистое, безоблачное небо вдруг прорезала ослепительная молния, ударившая в землю прямо посередине разрушенных стен маяка.

Внутри старой каменной скорлупы вряд ли нашлось достаточно горючих материалов, но все же там росли какие-то кусты. По стенам заплясали багровые отсветы огня — а потом на их фоне вдруг обрисовался массивный силуэт.

Я медленно перевел дух и поднялся с колен лицом к маяку. Подобные духи редко принимают материальную форму, и я настолько не учитывал такую возможность, что это оказалось для меня полной неожиданностью.

Лес вокруг меня наполнился шорохами и треском, и я лихорадочно стрелял взглядом направо-налево, не поворачивая головы.

На вершину холма вышли звери. Олени выделялись размерами; рога в лунном свете казались еще больше и грознее. Я увидел и лис с енотами, и кроликов с белками, и всех прочих лесных тварей, и хищных, и травоядных. Все смотрели на меня глазами, слишком разумными для нормального лесного зверья, и все стояли неестественно неподвижно.

Я постарался не думать о том, что будет, если все они разом навалятся на меня со своими копытами, рогами и зубами. Я снова устремил взгляд на маяк и принялся ждать.

Темный силуэт, почти неразличимый в тени, пошевелился и двинулся в мою сторону. Теперь я мог разглядеть его чуть лучше — фигуру, похожую... и все-таки не совсем похожую на человека. Слишком широкими были его плечи, слишком сутулой спина, и шел он медленно, подволакивая одну ногу — шварк-топп, шварк-топп. Одежду его составляло что-то вроде просторного темного балахона... ну да, и еще роста он имел футов одиннадцать или двенадцать.

Ого...

Из-под темного капюшона горели глаза — того же неестественно-зеленого цвета, что и недавняя молния. Нашарив меня, глаза разгорелись ярче, и внезапный порыв ветра едва не сбил меня с ног.

Я стиснул зубы, прищурился, чтобы пыль не попала в глаза, и спустя мгновение ветер улегся.

Я снова посмотрел на темную фигуру и кивнул.

— Что ж, — произнес я. — Попался. — Я снова собрал волю в кулак, сдобрил ее хорошей порцией

огня Души и выбросил правую руку вперед. — *Veritas servitas!*

Вихрь, пронизанный лентами серебряного света, сорвался с моей вытянутой руки и врезался в темную фигуру. Фигура не шелохнулась — дух оказался для этого слишком массивен, — но ветер поймал его серый плащ и резко рванул назад. Так трепещет на сильном ветру флаг. Ткань затрещала.

Заклятие угасло, и плащ снова окутал духа. Глаза его еще раз вспыхнули, и земля под моими ногами словно взорвалась. Мелкие осколки скалы полетели во все стороны; ноги и спину обожгло десятком мелких порезов.

— Уфф, — пробормотал я. — Надеюсь, не в слишком чувствительные места. — Я снова сосредоточился, нацелившись на этот раз на землю под ногами у духа. — *Veritas servitas!* — выкрикнул я, и скала со скрежетом поддалась, образовав глубокую трещину.

Дух даже не пошевелился. Он продолжал стоять на месте — точнее, висеть в воздухе, словно ничего и не произошло.

Глаза его снова вспыхнули, но на этот раз я уже успел подготовиться. Ко мне устремился язык огня, оставлявший за собой на земле белый след льда и изморози. Однако мои магические силы устремились в глубь земли и нащарили там подземный ручей, из которого питался маленький колодец рядом с маяком. Спасибо духу, раздробившему скалу у меня под ногами — так мне оказалось гораздо легче выплеснуть эту воду на поверхность.

— *Aquilevitas!* — скомандовал я, и передо мной выросла водяная завеса. Огонь ударил в нее и исчез в облаке пара.

Я поднял руку, не забыв про новую порцию огня Души.

— *Fuego!* — выкрикнул я, послав в духа сноп серебряно-голубого пламени. Разряд угодил ему точно в центр тяжести.

Он поддался назад от удара. Не сильно. На какие-то полдюйма, хотя такими разрядами я и кирпичные стены сносил. И все же я подвинул его на полдюйма. Точно подвинул.

Тело мое медленно наливалось усталостью, а дух уже снова поднимал на меня взгляд. Я заставил себя выпрямиться и не моргая смотреть на него. Главное — не подавать вида...

— Хочешь продолжать? — спросил я. — Я могу заниматься этим хоть до утра.

Дух смотрел на меня. Потом шагнул ближе. *Шварк-топп. Шварк-топп.*

Я не боялся. Ни капельки. И во рту у меня пересохло единственно потому, что вокруг полыхало столько огня.

Он остановился, не доходя до меня футов пять, возвышаясь надо мной темной громадой.

И тут до меня дошло, что он ждет.

Он ждал, что я сделаю дальше.

Сердце мое забилося чаще, когда я почтительно склонил голову. Я не знаю даже, почему я сказал то, что сказал — знаю только, что все мои инстинкты буквально в голос кричали, что так надо, а голос мой словно сам произнес эти слова.

— Меня зовут Гарри Дрезден, и я даю тебе имя, почтенный дух. Отныне и до скончания веков имя тебе будет Духоприют.

Глаза его вспыхнули еще ярче, и язычки зеленого пламени окутали его голову светящимся нимбом.

А потом Духоприют повторил мой жест, склонив голову в ответном поклоне. Распрямившись, он резко повернул голову к домику. Снова налетел ветер, и вершину холма окутала тьма.

Когда она рассеялась, я стоял один. Дух и животные исчезли, словно их и не было. Я дрожал от холода.

Шатаясь, добрал я до своей одежды и подобрал ее. Меня трясло так сильно, что я едва стоял на ногах. Распрямившись со своим инвентарем в руках, я увидел, что в домике мерцает свет.

Я нахмурился и похромал к двери. Дверь и окна давным-давно прогнили и вывалились, да и от крыши осталось одно воспоминание, но одна вещь все еще действовала.

Камин.

Аккуратно выложенные колодцем сучья горели в камине, и от него исходило уютное тепло. Огонь горел ровным, золотым, чуть зеленоватым по краям светом.

С полминуты я, не веря своим глазам, смотрел на это, потом доплелся до камина и уселся в блаженном тепле. Чуть придя в себя, я поискал присутствие духа. Он обнаружился немедленно — такой же чужой, такой же опасный, хотя гнать меня прочь он больше не собирался.

Я собрался с силами, чтобы голос мой не дрожал.

— Спасибо, — просто сказал я.

Легкий ветерок, прошелестевший в кронах Духоприюта, возможно, был мне ответом.

А может, и нет.

Глава тридцать седьмая

Вниз к причалу я возвращался другим путем. Есть один путь короче и проще, хотя на первый взгляд скала в этом месте кажется почти отвесной. На самом деле в ней есть узкая древняя расселина, вход в которую почти полностью скрыт кустами. Дно расселины выстелено тонким слоем лесного мусора, не дающего растительности заполнить узкое пространство, и идти по ней ненамного сложнее, чем по городскому тротуару. Поэтому на спуск я потратил вдвое меньше времени, чем на подъем.

Я даже не задумывался над тем, откуда знаю эту дорогу, до тех пор пока не вышел из-под деревьев и не увидел причал. Раньше я так не ходил. Я даже не догадывался о существовании этой тропы. И все же принял решение спускаться так и ориентировался с такой легкостью, будто прожил здесь не один год.

Я остановился и огляделся по сторонам. Я знал, что идти к пристани по прямой не стоит: в земле, в корнях упавшего дерева таится большое гнездо шершней, и мне не хотелось злить их неосторожным движением. Еще я знал, что ярдах в тридцати с другой стороны от меня возвращается в свое логово ворчливый старый скунс, который с радостью обработает меня своей жижой, стоит оказаться чуть ближе к нему.

Я оглянулся через плечо назад, на башню, включив на мгновение свое сверхъестественное чутье. Дух острова никуда не делся. Я подумал, не вернуться ли мне, на этот раз по старой лестнице — просто так, чтобы посмотреть, что случится, и тут же сообразил, что в большой трещине на двадцать шестой ступеньке поселился щитомордник. Стоило бы мне отложить свою прогулку до утра, и змея наверняка выползла бы на ступени погреться на солнце.

Приближался рассвет; небо из черного понемногу становилось темно-синим. Я видел башню, одинокую, искаленную, но не сломленную — черный силуэт на фоне неба. Духоприют начинал пробуждаться с пением ранних птиц.

Я задумчиво спустился к пристани и подошел к месту, где стоял ошвартованный «Жучок».

— Молли, — окликнул я.

По палубе застучали шаги, и из рубки вырвалась Молли. Она прыгнула на причал и с таким энтузиазмом обняла меня, что едва не сбросила в воду. Молли, дочь двух закаленных бойцов, никто бы не сравнил больше с хрупким цветочком. У меня аж ребра затрещали.

— Вы вернулись, — выдохнула она. — Я так боялась... Вы вернулись!

— Ну-ну, детка, ребра мне еще пригодятся, — прохрипел я, но все же обнял ее в ответ, прежде чем выпрямиться.

— Что, получилось? — спросила она.

— Не знаю точно. Господи, мне ужасно хочется пить. — Мы забрались на борт «Жучка», я спустился и достал из рундука банку колы. Она согрелась, но все же оставалась жидкой, и — что важнее всего — это была все-таки кола. Я опрокинул ее в рот и выкинул в мусорную корзину.

— Как Морган? — поинтересовался я.

— Очнулся, — пробасил Морган. — Где мы?

— У Духоприюта. Это остров на озере Мичиган.

— Лючко говорила мне о нем, — буркнул Морган, не делая ударения на имени.

— А, — кивнул я. — Что ж, хорошо.

— Мисс Карпентер говорила, вы попытались установить священную связь.

— Угу.

Морган хмыкнул:

— Вы здесь. Значит, получилось.

— Надеюсь, так, — сказал я. — Точно не знаю.

— Почему?

Я тряхнул головой.

— Мне казалось, когда ты получаешь связь с принадлежащей этому духу землей, это дает доступ к ее потенциальной энергии.

— Да.

Из чего следовало, что моя магия должна подпитываться островом, пока я здесь. Почти халява, так сказать.

— Мне казалось, этим все и ограничивается.

— Как правило, так, — подтвердил Морган. Я увидел в полумраке каюты, как он повернул ко мне

голову. — А что? Что еще произошло?

Я набрал в грудь воздуха и рассказал ему про тайную тропу, шершней и скунса.

Когда я закончил свой рассказ, Морган уже сидел. Он подался вперед.

— Вы уверены, что не ошибаетесь? Общение с духом места может иметь необычные побочные эффекты.

— Подождите, — попросил я.

Я вернулся туда, где, как я знал, обитают шершни, и почти сразу же нашел их гнездо. Я ретировался, не потревожив их, и вернулся на катер.

— Угу, — сказал я. — Уверен.

Морган, словно сдувшись, опустился на койку.

— Боже милосердный, — пробормотал он. — Интеллектус.

Я почувствовал, как брови мои сами собой лезут на лоб.

— Вы шутите.

Молли пробормотала заклинание, и пара свечей загорелись, позволяя нам лучше видеть друг друга.

— Интел... чего?

— Интеллектус, — сказал я. — Ну... Это вроде как особое свойство очень редких и могущественных сверхъестественных существ. Например, им обладают ангелы. Бьюсь об заклад, у старых Матери-Зимы и Матери-Лета оно тоже есть. Для обладающих интеллектусом существ все сущее представляется одновременно, так, что они способны видеть его целиком. Они не ищут знаний, не собирают их. Они просто *знают*. Видят всю картину.

— Не уверена, что я поняла, — призналась Молли.

— Существо с интеллектусом, — подал голос Морган, — не понимает, например, как произвести сложное вычисление — потому что знать процесс ему не нужно. Если вы изложите ему задачу, оно сразу даст вам ответ, потому что знает его и так.

— Оно что, всеведущее? — потрясенно спросила Молли.

Морган покачал головой:

— Не совсем. Существу с интеллектусом необходимо сосредоточиться на чем-либо, чтобы знать его суть, тогда как всеведущее существо знает все и всегда.

— Разве это не одно и то же? — удивилась Молли.

— Интеллектус не спасет тебя от пули убийцы, если ты не знаешь о том, что кто-то хочет тебя убить, — объяснил я. — Чтобы знать об этой пуле, тебе необходимо сначала обдумать, прячется ли убийца в темной подворотне или на колокольне.

Морган согласно хмыкнул:

— И поскольку обладающие интеллектусом существа редко озадачиваются концепцией причины-следствия, они вряд ли поймут, что то или иное событие способно стать предвестником грядущего покушения. — Он повернулся ко мне: — Впрочем, сравнение неудачное, Дрезден. Большинство таких существ бессмертны. Вряд ли они будут обращать внимание на такие мелочи, как пули, тем более, бояться их.

— То есть, — кивнула Молли, — оно способно знать все, что захочет, — но для этого ему нужно задавать правильные вопросы. Что всегда труднее, чем кажется.

— Угу, — подтвердил я. — Именно так.

— И теперь у вас есть этот интеллектус?

Я покачал головой:

— Не у меня. У Духоприюта. Все прекратилось, стоило мне шагнуть на борт катера. — Я выразительно постучал пальцем по лбу. — В настоящий момент здесь ничего нет.

Тут до меня дошло, что я сказал, и я покосился на Моргана.

Тот лежал на койке, закрыв глаза. Губы его скривились в подобии улыбки:

— Слишком просто.

Молли изо всех сил сдерживала ухмылку.

Морган задумчиво прикусил губу.

— Может ли дух скормить вам, Дрезден, какую-нибудь другую информацию? Например, кто именно стоит за убийством Ла Фортье?

Я едва не стукнул себя с размаху кулаком по лбу. Никто не мешал мне самому подумать об этом.

— Сейчас скажу, — бросил я и вернулся на берег.

Духоприют ощутил меня сразу же, стоило мне ступить на его землю, и его психическое прикосновение было как приветственный взмах руки. Я сосредоточенно сдвинул брови и огляделся по

сторонам, стараясь думать об убийце Ла Фортъе.

Никакого ответа мне в голову не приходило. Я перепробовал с полдюжины других тем. Кто выиграет кубок следующего сезона? Могу ли я уже забрать Голубого Жучка со штрафной стоянки? Сколько книг сшибет с полки Мистер за время моего отсутствия?

Пшик.

Тогда я подумал о гнездах шершней и мгновенно исполнился уверенности в том, что всего их здесь тридцать две штуки, но больше всего в яблонево́й рощице у северной оконечности острова.

Я вернулся на катер и сообщил результат.

— Значит, он существует только здесь, на острове, — констатировал Морган. — Как и положено настоящему *genius loci*. Должно быть, ему чертовски много столетий, если он обрел интеллектус, пусть и ограниченный пределами острова.

— Это тоже может пригодиться, — заметил я.

Морган так и не открыл глаз, но оскалил зубы в волчьей ухмылке.

— Наверняка. Если вашим врагам вдруг захочется тащиться в такую глушь.

— Может пригодиться, — уверенно повторил я.

Морган выгнул бровь и внимательно посмотрел на меня.

— Идем, Кузнечик, — повернулся я к Молли. — Отдать швартовы. Сейчас будешь учиться судовождению.

Когда мы вернулись в порт, солнце уже встало. Хоть я и сам не то, чтобы капитан Ахав, но заставил Молли последовательно выполнить все этапы швартовки «Жучка-плавунца» к причалу. Нам удалось проделать все это, не сокрушив и не потопив никого и ничего, и это главное. Я привязал катер и сошел на причал. Молли, нахмурившись, смотрела мне вслед с борта.

— Ничего сложного, Кузнечик. Веди катер десять минут в любую сторону. Потом глуши мотор и жди. Я дам сигнал, когда меня забрать.

— Вы уверены, что мне не стоит идти с вами? — не успокаивалась она.

— Поисковые закли́тия на воде практически бессильны, — утешил я ее. — И ты увидишь любого, кто к тебе направляется, еще за милю. В буквальном смысле слова. Держи Морган в каюте, и тебе ничего не будет угрожать.

Она насупилась.

— А если Моргану станет хуже?

— Работай головой, детка. Делай то, что считаешь нужным, чтобы вы оба остались в живых. — Я принялся отвязывать швартовый трос. — Меня вряд ли не будет больше двух часов. Если не вернусь, действуй точно так же, как я говорил, когда собирался к маяку. Исчезни.

Она сглотнула.

— А Морган?

— Устрой его насколько возможно удобнее и оставь так.

Несколько секунд она молча смотрела на меня.

— Правда так?

— Если меня одолеют, — сказал я как можно более невозмутимо, — не думаю, чтобы тебе удалось его защитить. Или поймать настоящего злодея. Поэтому беги со всех ног, а он пусть заботится о себе сам.

Она хорошенько обдумала мои слова и улыбнулась.

— Его бы здорово унизило, если бы он оказался под защитой девчонки. Ученицы. И — до кучи — потенциальной чернокнижницы.

— Тоже верно, — кивнул я.

Молли задумчиво закусила губу.

— Ради такого стоит остаться.

— Детка, — сказал я. — Если дело запахнет керосином, самым умным с твоей стороны будет бежать без оглядки.

— Умным, — пробормотала она. — Но неправильным.

Я серьезно посмотрел на нее:

— Ты уверена? Потому что потом будет очень больно.

Она чуть побледнела, но кивнула:

— Попробую.

И она не шутила. Я это по ее глазам видел. Она очень хорошо понимала, чем это может для нее

обернуться, и явно боялась. И все равно собиралась попытаться.

— Тогда, если меня уберут из игры, найди Мёрфи, — посоветовал я. — Ей известно по этому делу все, что и мне. Слушайся ее. Она умна, и ей можно доверять.

— Идет, — сказала она.

Я забросил трос на палубу катера.

— Давай двигай.

Я уже отошел на десяток шагов, когда Молли окликнула меня еще раз:

— Гарри? А какой сигнал вы мне дадите?

— Сама поймешь, — отозвался я.

И сошел с причала в поисках орудия, способного разрубить всю эту паутину подозрений, лжи и убийств.

Я нашел его на стоянке у порта.

Телефон-автомат.

Лара сняла трубку после второго гудка.

— Рейт, — сказала она.

— Это Дрезден. Что вы можете мне предложить?

— Вот бы все было так просто, — отозвалась она сухим тоном. — С чего это вы думаете, что у меня есть, что вам предложить?

— Потому что мне есть, что предложить вам в обмен.

— Мужчины вообще, как правило, склонны думать точно так же. Большинство их сильно переоценивает предлагаемый ими товар.

— Мисс Гормональный Шторм, — произнес я. — Не могли бы мы посвятить остаток этого разговора тематике выше талии?

Она издала свой фирменный гортанный смешок, на который с готовностью отозвались все мои соответствующие гормоны. Я не стал обращать на них внимания. Дурацкие гормоны.

— Что ж, — сказала она. — Возможно, вам будет интересно узнать, что деньги на счет Стража Моргана переведены фиктивной корпорацией под названием «Ветровик».

— Фиктивной? — переспросил я. — И кто ею владеет?

— Я, — как ни в чем не бывало ответила она.

Я даже зажмурился.

— Поскольку вы делитесь со мной этой информацией, я так понимаю, это произошло без вашего ведома.

— Вы совершенно правы, — согласилась она. — Управляющим компанией является мистер Кевин Арамис. Помимо меня, он один обладает полномочиями распоряжаться подобной суммой денег.

Я лихорадочно думал. Тот, кто ухлопал Ла Фортье, не просто хотел взорвать Совет изнутри. Он — или они — приложили максимум усилий к тому, чтобы разжечь вражду еще и к Белой Коллегии.

Блин-тарарам.

Воображение услужливо рисовало мне кошмары. Морган, тщетно пытающийся отбиться от несправедливого приговора. Разрастающиеся конфликты между различными фракциями чародеев. Следователи Совета, которым удастся наконец проследить денежные счета — и след этот приводит к Ларе. А ведь это идеальный способ объединить враждующие фракции — указать им на общего врага. Вражда к вампирам распространится и на Белых. Красная Коллегия, выждав, пока плохо организованный Совет погрязнет в войне с Белой Коллегией, нанесет решающий удар. А потом — только отдельные всплески героического сопротивления. И конец.

Еще какой, блин, тарарам!

— Нас натравливают друг на друга, — сказал я.

— Я тоже пришла к подобному заключению.

Еще пара кусков мозаики с щелчком встали на свои места.

— Мэдлин, — произнес я. — Она добралась до этого вашего Арамиса, или как там его, и совратила, заставив предать вас.

— Да, — прошипела Лара. Ее ровный, хорошо контролируемый голос переполнился едва сдерживаемым нечеловеческим гневом. — Когда я наконец доберусь до нее, я своими руками у нее все потроха вырву.

Слава богу, эти слова разом решили все мои проблемы с гормонами. Я поежился.

Я видел, какова Лара в деле. Я так и не решил, что это: один из самых прекрасных ужасов, которые мне приходилось видеть, или же одна из самых ужасных прекрасных вещей.

— Можете попробовать поискать в гостинице «Сакс», номер двести тридцать три, — предложил я. — Если не ошибаюсь, тело мистера Арамиса вы найдете именно там. Мэдлин работает на кого-то, на мужчину. Правда, не говорит ничего такого, что могло бы помочь идентифицировать его. Вам стоит знать еще, что она пользовалась наемными услугами типа по прозвищу Вязальщик. Не ученый-ракетчик, конечно, но достаточно хитер, чтобы представлять собой опасность.

Секунду Лара молчала.

— Как вы это узнали? — спросила она наконец.

— Как это ни удивительно, с помощью магии.

Я услышал, как она разговаривает с кем-то, находившимся в помещении. Потом она вернулась к телефону.

— Если Арамис мертв, Мэдлин ликвидировала еще одно слабое звено своего плана. Невозможно будет представить убедительные доказательства того, что это не я платила за убийство Ла Фортье.

— Угу. Потому она это и сделала.

Лара издала звук, полный неодобрения, но даже он получился у нее совершенно женственным.

— И что мы с этим намереваемся делать, Гарри?

— У вас есть парадное платье?

— Пардон?

До меня дошло, что я ухмыляюсь как идиот.

— Я устраиваю вечеринку.

Мне пришлось ждать пятого гудка, прежде чем телефон Томаса ответил. Последовала секундная тишина. Потом послышался голос Томаса, хриплый, усталый.

— Гарри?

При звуках его голоса сердце у меня в груди едва не застыло.

— Томас? Как дела?

— Ох, — прохрипел он. — Так, ничего особенного.

Мне приходилось видеть Томаса, когда ему больно. Голос у него тогда был точь-в-точь как сейчас.

Из трубки слышались какие-то случайные звуки, потом мяукающий голос Перевертыша.

— Он здесь. Он жив. Пока жив. Отдай мне обреченного воина.

— Идет, — сказал я.

В трубке замолчали — Перевертыш явно обдумывал мою реплику.

— Привези его мне, — произнес он.

— Нет. Этому не бывать.

— Что?

— Придешь ко мне сам.

— Ты желаешь, чтобы я оборвал его жизнь немедленно?

— Говоря честно, Волосатик, мне плевать, — сообщил я, стараясь напустить в голос как можно больше скуки. — Было бы даже приятно вернуть одному из вампиров все, что причитается, по крайней мере было бы о чем вспоминать. Но мне-то этого не нужно. — Я помолчал секунду. — А вот тебе Томас нужен живым, если ты надеешься обменять его на Моргана. Поэтому я скажу тебе, как все это произойдет. На закате с тобой свяжутся по этому номеру. Тебе скажут, где мы с тобой встретимся. Когда ты туда прибудешь, ты продемонстрируешь мне вампира, живого и невредимого, и когда его вернут мне, ты получишь Моргана. Без проблем.

— Я не какой-нибудь смертный ублюдок, чтобы ты мог мною командовать, мелкий чародеишко! — возмутился Страшила.

— Нет. Ты ублюдок бессмертный.

— Ах ты слепой, питающийся падалью червяк! — взорвался Страшила. — Кто ты такой, чтобы так со мной разговаривать?

— Червяк, у которого на руках то, что тебе нужно, — хмыкнул я. — На закате. Держи телефон под рукой.

И повесил трубку.

Сердце билось в груди как безумное; я весь покрылся испариной. Меня трясло от страха за Томаса, от усталости, от реакции на разговор со Страшилой. Я прижался раскалывающейся от боли головой к холодной телефонной трубке и надеялся только, что не подписал только что Томасу смертный приговор.

Еще один, последний звонок.

Белый Совет пользуется телефонной связью, как и любая другая организация. Правда, в основном, для служебных, не самых важных звонков. Я набрал номер штаба в Эдинбурге, назвал пароль, и меня соединили с одним из дежурных, молодой женщиной, судя по голосу, еще не закончившей обучение.

— Мне нужно передать сообщение всем членам Совета Старейшин, — сказал я ей.

— Очень хорошо, сэр, — согласилась она. — Какое именно?

— Запишите с моих слов, ладно?

— Да, сэр.

Я набрал воздуха в легкие.

— Сообщаю вам, что на протяжении последних двух дней я укрывал Стража Дональда Моргана от розыска и пленения. От информатора мне известны подробности того, как Страж Морган был ложно обвинен в убийстве члена Совета Старейшин, чародея Ла Фортые. Страж Морган невиновен; более того, я могу это доказать.

Я желаю встретиться с вами сегодня вечером, на закате, на ненанесенном на карты острове посередине озера Мичиган, восточнее Чикаго. Там же будет присутствовать мой информатор, который представит доказательства невиновности Стража Моргана и опознает истинного исполнителя преступления.

Позвольте мне выразиться с предельной ясностью. Я не выдам Стажа Моргана правосудию Совета. Приходите с миром, и мы все уладим. Однако если вы явитесь в поисках драки, уверяю вас, я в долгу не останусь.

Дежурная уже после первого продиктованного мной предложения начала издавать сдавленные, не очень внятные звуки.

— Да, и подпишите: «Гарри Дрезден», — добавил я.

— Э-э... Х-хорошо, сэр. Х-хотите, чтобы я н-на всякий случай п-перечитала текст?

— Будьте так добры.

Она перечитала. Я слышал звуки какого-то движения у нее в комнате, но когда она начала читать, все стихло. Когда она закончила, голос у нее сделался сдавленный, писклявый.

— Я все правильно записала, сэр?

Из трубки снова послышались приглушенные, но возбужденные голоса.

— Да, — заверил я ее. — Все абсолютно верно.

Глава тридцать восьмая

По моим прикидкам выходило, что до момента, когда покажется кто-нибудь из Эдинбурга, у меня оставалось около часа. Достаточно, чтобы поймать такси и съездить в больницу.

На этот раз Уилл спал в комнате для посетителей реанимационного отделения, а у Энди дежурила Джорджия. Там же находилась семейная пара среднего возраста; судя по виду, за последние сутки они почти не смыкали глаз. Я постучал в стеклянную дверь. Джорджия сказала что-то супругам, встала и вышла ко мне в коридор. Вид у нее был уставший, но вполне дееспособный; длинные волосы она собрала в пучок на затылке.

— Привет, Гарри, — произнесла она и обняла меня.

Я осторожно обнял ее в ответ.

— Как она?

Джорджия внимательно посмотрела на меня, прежде чем ответить.

— Неважно. Доктора не решаются сказать, вытянет она или нет.

— Лучше уж так, — сказал я, — чем если бы они сказали, что все будет хорошо, а она...

Джорджия покосилась на супружескую пару у лежащей Энди — те сидели, держа друг друга за руку.

— Я знаю. Жестоко давать несбыточную надежду, но...

— Но ты все равно невольно злишься на врачей, которые ее до сих пор не спасли. Ты все понимаешь, и все равно это бесит.

Она кивнула.

— Да. И иррациональность этого выводит меня из себя.

— Это не иррациональность, — возразил я. — Это человечность.

Она устало улыбнулась.

— Мы с Уиллом поговорили. И ты спешишь.

Я кивнул.

— Вы оба мне нужны. Прямо сейчас.

— Пойду приведу его, — сказала Джорджия.

В порт мы ехали на джипе Джорджии и добрались туда за десять минут до назначенного мною срока. К моменту, когда начнут прибывать члены Совета, я хотел выйти на открытую воду. Вода — не самое идеальное средство защиты от магии, но так меня будет гораздо труднее взять на прицел, а это черт знает во сколько раз лучше, чем ничего.

— Ладно, — сказал я. — Подождите-ка, ребята, минутку здесь.

— Зачем? — нахмурился Уилл.

— Мне нужно переговорить кое с кем, кто немного стесняется незнакомцев. Всего минуту. — Я выбрался из джипа и пошел вдоль ряда машин до тех пор, пока не нашел два стоявших рядом микроавтобуса. Я забрался между ними, приложил пальцы к губам и резко свистнул.

Послышался негромкий шелест, и сверху на меня спикировал Тук-Тук. Он вытянулся в воздухе передо мной по стойке «смирно» и отсалютовал своим крошечным мечом.

— Слушаю, повелитель!

— Тук, у меня для тебя два задания.

— Будет сделано немедленно, господин!

— Нет, мне нужно, чтобы ты выполнил их по очереди.

Тук опустил меч, и на крошечном личике обозначилось некоторое замешательство.

— О...

— Во-первых, я хочу, чтобы ты нашел на озере катер, на котором сейчас моя ученица. Он не дальше, чем в миле или двух от берега. — Я снял с шеи серебряный амулет-пентаграмму, обмотал его цепочкой и протянул Туку. — Положишь его куда-нибудь, где она его сразу заметит.

Тук с серьезным видом взял амулет и зажал его под мышкой.

— Будет сделано.

— Спасибо.

Тук гордо выпятил грудь и словно сделался чуть выше.

— Во-вторых, — продолжал я. — Мне необходимо знать, много ли Маленького Народца ты можешь завербовать под знамена своей гвардии на одну ночь.

Он нахмурился и неуверенно помолчал.

— Не знаю, лорд Гарри. Того количества пиццы, что мы получаем, и так едва хватает.

Я отмахнулся.

— Гвардейское жалованье не изменится. Служба новых членов будет оплачена дополнительно. Назовем их милицией Ца-Лорда. Мы будем прибегать к их услугам только время от времени. Как думаешь, многие откликнутся на такое предложение?

Тук возбужденно описал круг в воздухе.

— Ради тебя? Да любой эльф, любая маленькая фея на сотню миль отсюда знают, что ты спас наших из плена Госпожи Ледяных Глаз! Не найдется ни одного такого, чья родня не страдала бы в этом плену, когда бы не ты!

Я даже зажмурился.

— О, — произнес я. — Что ж. Скажи им, что это может оказаться очень опасным. Скажи, что, если они хотят вступить в милицию, им придется подчиняться на время службы приказам. И я буду платить им по одной большой пицце на каждые восемь десятков волонтеров.

— Это меньше, чем ты платишь гвардейцам, — самодовольно заметил Тук.

— Ну, они же любители, не закаленные ветераны вроде тебя и твоих людей, так ведь?

— Так точно, мой господин!

Я серьезно посмотрел на него.

— Если ты сможешь нанять в милицию достаточно народу и если они будут действовать так, как им прикажут, тебя ждет повышение, Тук.

Глаза его расширились.

— Это та, что с хрустящей сырной корочкой и разными начинками?

— Это не пицца, — остудил я его. — Это повышение. Выполни эту работу, и с той минуты ты станешь зваться... — Я сделал драматическую паузу. — Генерал-майор Тук-Тук Минимус, командующий Элитой Войска Ца-Лорда.

Тельце Тука буквально содрогнулось от возбуждения. Появись над его головой висящий в воздухе огромный восклицательный знак, я и то не слишком бы удивился.

— Генерал-майор?

Я не смог устоять.

— Да, да, — с серьезным видом произнес я. — Генерал-майор.

Он издал торжествующий вопль и исполнил в воздухе между машинами сумасшедший зигзаг.

— Что ты от нас хочешь, когда я их соберу, мой господин?

— Я хочу, чтобы ты разыграл все как надо, — сказал я. — Вот что мы сделаем...

Я вернулся к Уиллу и Джорджии, а спустя десять минут «Жучок-плавунец» с пыхтением вошел в гавань. Кузнечик ухитрилась подвести катер к причалу, врезавшись в последний лишь с умеренной силой, я быстро привязал... принайтовил, так, кажется? — трос, и Уилл с Джорджией прыгнули на борт. Стоило ногам Уилла коснуться палубы, как я отвязал трос и следом за ними перебрался на катер. Молли же, не дожидаясь моей команды, сразу дала полный назад.

— Что дальше? — спросила она меня через крышу рубки.

— Правь по компасу рядом со штурвалом. На один-два градуса южнее востока, и оклики меня, как только увидишь остров.

— Есть окликнуть!

Уилл, сощурившись, покосился на Молли, потом на меня:

— «Есть»? «Окликнуть»?

Я презрительно тряхнул головой.

— Сухопутные крысы. Пойду, ухо придавлю, или как там это называется. Черт знает сколько не спал.

— Ступай, Гарри, — сказала Джорджия. — Мы тебя разбудим, если что.

Я кивнул, спустился в каюту, повалился на свободную койку и сразу же вырубился.

Спустя две секунды кто-то тряхнул меня за плечо.

— Пшли вон, — сказал я.

— Извини, Гарри, — произнес Уилл. — Мы на месте.

Я произнес несколько необдуманных грубостей, потом немного включился и открыл глаза, что, как известно, в процессе просыпания самое сложное. Потом сел, и Уилл, покосившись на лежавшего в отключке Моргана, поднялся из каюты обратно на палубу. Я посидел немного, пока во рту царил такой вкус, словно в него вылили пару ложек политуры. Мне потребовалось несколько секунд на то, чтобы опознать звук, которого прежде не было.

Дождь.

Стук дождевых капель по настилу палубы и крыше рубки.

Я выбрался на палубу, не опасаясь, что дождь испортит мой кожаный плащ. Одним из положительных последствий до боли сложного и утомительного ритуала, с помощью которого я заговаривал свой плащ, стало то, что он у меня теперь не только пуленепробиваемый, но и непромокаемый, да и не пачкается почти. И при этом дышит. Посмотрел бы я, как Берман или Уилсон добились бы такого результата.

Клянусь задницей, технологии у меня чертовски продвинутые.

Я вскарабкался на мостик, поглядывая при этом вверх. Низкие серые тучи обложили весь небосклон, и дождь шел не проливной, но ровный, какие случаются надолго. В чикагское лето таких почти не бывает — обычно они налетают грозами и уносятся дальше. Жара почти не спала, в результате чего воздух, казалось, сгустился до такой степени, что в нем почти можно было плавать.

Я отобрал у Молли штурвал, сориентировался по компасу и по острову, до которого оставалось несколько минут хода, и громко зевнул.

— Что ж. Так, конечно, будет неприятнее.

— Что, дождь? — спросила Молли, возвращая мне пентаграмму.

Я нацепил ее на шею и кивнул.

— Я собирался подождать с высадкой почти до темноты.

— Зачем?

— По большей части затем, что только что вызвал Совет Старейшин на драку. Здесь, на закате.

Молли поперхнулась жевательной резинкой.

Я не обратил на нее внимания.

— Я не хочу облегчать им задачу. Да, и еще я договорился со Страшилой обменять Томаса на Моргана. Правда, пока ему еще не сообщили, где это должно произойти. Иначе, боюсь, он шоменничал бы и заявился сюда до срока. Он производит впечатление ненадежного типа.

Молли не заметила камешка в свой огород, а может, ей хватило ума не показывать вида.

— Вы сменяете Моргана на Томаса?

— Нет. Я просто хочу выманить Страшилу сюда, и чтобы Томас был при нем целый и невредимый — тогда Белая Коллегия сможет его отбить.

Молли потрясенно уставилась на меня.

— И Белая Коллегия тоже?

Я самодовольно кивнул:

— В конце концов, они в этом тоже заинтересованы.

— Э... — пробормотала она. — А почему вы думаете, что Совет Старейшин откликнется на ваш вызов?

— Потому что я сказал им, что представлю им информатора, который даст показания насчет того, кто же на самом деле убил Ла Фортье.

— У вас кто-то такой есть?

Я улыбнулся ей:

— Нет.

Несколько секунд она задумчиво смотрела на меня.

— Но убийца этого не знает, — произнесла она наконец.

Улыбка моя сделалась шире.

— Конечно, нет, мисс Карпентер. Он не знает. Я сделал так, что о моем вызове Совету Старейшин известно почти всем в Эдинбурге. Если существует хоть малейший шанс того, что такой информатор у меня имеется, у него нет иного выбора, кроме как показаться здесь. Что, кстати, станет еще и серьезным доказательством существования Черного Совета.

Она сдвинула золотые брови.

— А что, если шанса на существование такого информатора нет?

— Детка, — фыркнул я. — Шайки подобных типов — ну, тех, кто подставляет, предает и убивает, — они делают то, что делают, потому что любят власть. А когда люди, которые любят власть, собраны вместе, они все до единого протягивают одной рукой дары, а в другой сжимают за спиной кинжал. Они воспринимают незащищенную спину как приглашение воткнуть этот кинжал в нее, да поглубже. Шансы на то, что в этой группе не найдется ни одного, кто не усомнится и не попытается поторговаться с Советом ради личной выгоды, не то что равны нулю — они еще меньше.

Молли озабоченно покусала губу.

— Получается... он... или она позовет на помощь весь свой Черный Совет?

Я мотнул головой.

— Мне кажется, все это происходит потому, что убийца где-то остушился, случайно открывшись Ла Фортье. Ему пришлось убрать свидетеля, но при всех принятых в Эдинбурге мерах безопасности у него имелся большой шанс напортачить и в этом. Все, что он предпринимал позже, так или иначе пошло наперекосяк, поскольку делалось от отчаяния. Мне кажется, если Черный Совет узнает, что их крот так облажался, они сами первыми убьют его, чтобы он не вывел на них. — Я покосился на мрачную громаду Духоприюта. — Так что его единственный шанс — обрубить все нити, что могли бы вести к нему. Он будет здесь сегодня, Молли. И ему *необходимо* победить. Терять ему нечего.

— Но вы согнали *всех* до единого в ограниченном пространстве, — заметила Молли. — Это какая же мясорубка получится.

— Сковарка, падаван, — кивнул я. — Приготовление пищи под давлением. Наш преступник уже в достаточно отчаянном положении, чтобы действовать второпях и допускать ошибки. Особенно ту, когда он слишком увлекся и обвинил в смерти Ла Фортье еще и Белую Коллегию.

Молли задумчиво заглянула за борт, на плещущую воду.

— Значит, вы свели его в ограниченном пространстве с двумя могущественными группами, желающими его убить. Но... это же самый страшный кошмар для него — если в результате его действий союз Белой Коллегии с чародеями станет еще крепче. Уж против обоих ему не выстоять?

Я улыбнулся:

— Ага! Нет ничего поганее ощущения собственного бессилия. Особенно чародею, который к такому не привык. Ну, по крайней мере мы обычно в состоянии убедить себя в том, что это не так.

— Вы думаете, он сломается?

— Я думаю, он туда явится. Я думаю, что при достаточном давлении, что-нибудь да сломается. Я думаю, он совершит какую-нибудь глупость. Может, какое-нибудь превентивное заклятие, что-то такое, что убрало бы всех прежде, чем те поймут, что драка началась.

— Нападение исподтишка, — пробормотала Молли. — Которое не получится «исподтишка», если вы

будете знать, где он и что делает. Интеллектус!

Я постучал по лбу пальцем.

— Работа мысли, Кузнечик.

Где-то вдалеке гроыхнул гром.

Я вздохнул.

— Томас мог бы провести катер и в плохую погоду, но мне по этой части до него далеко. Погода может смешать наши планы, и довольно скоро. Придется подходить к причалу сейчас — там посмотрим, как все обернется.

Я лавировал. Нет, вы меня только послушайте: «лавировал»! В моем распоряжении имелись руль... то есть штурвал, а еще рычаг газа. Управлять катером было не сложнее, чем сталкивающимся автомобильчиком в парке аттракционов. Ну, «просто» не совсем то же самое, что «легко», но тем не менее. Реальный процесс нацеливания носом катера в нужную сторону не настолько сложен, чтобы заслуживать термина «лавирование».

Я провел «Жучка-плавунца» по безопасному проходу сквозь рифы и поставил у причала — на этот раз почти безупречно. Уилл уже был наготове; стоило борту катера коснуться причала, как он перепрыгнул на дощатый настил, а Джорджия бросила ему швартовые тросы.

— Не сходите на землю, пока на нее не ступлю я, — предупредил я остальных. — Я хочу типа вас представить.

Билли подозрительно покосился на меня:

— Гм. Как скажешь, Гарри.

Я спустился с мостика и собирался уже спрыгнуть на причал, когда у самого его начала возникла, сбросив завесу, высокая, стройная фигура в черном плаще и черной накидке с капюшоном. Она подняла старый, испещренный рунами посох, пробормотала слово заклинания и стукнула его концом по доскам.

Дерево ударило о дерево, и из этой точки устремился в нашу сторону диск ослепительно-голубого света. Я едва успел перекрестить запястья, прижать их к груди и накачать побольше энергии в браслет-оберег.

Разбегавшийся круг света коснулся Молли, Уилла и Джорджии. Вокруг всех троих зазмеились похожие на комки дыма сполохи голубого, малинового и зеленого, они повалились — кто на причал, кто на палубу — и остались лежать безжизненными фигурами. В глазах у меня потемнело, и на какое-то мгновение на меня навалилась нечеловеческая усталость, но я в отчаянии добавил в защитное поле еще энергии, и это ощущение прошло.

Несколько секунд фигура в капюшоне молча смотрела на меня.

— Опусти посох, Дрезден, — произнесла она неожиданно зычным голосом. Переливающееся тошнотворными, как в наркотическом сне, красками облачко сгустилось вокруг его посоха, и он нацелил его на меня как ружье. — Все кончено.

Глава тридцать девятая

Дождь продолжал ровно моросить. Я рискнул оглянуться на остальных. Они лежали, не шевелясь, но дышали. Голова и руки Молли свесились за борт; ее выкрашенные изумрудным цветом волосы потемнели от дождя. С каждым качком катера руки ее бессильно болтались. Черт, да она могла сползти в воду.

Я повернулся обратно к фигуре в капюшоне и присмотрелся внимательнее. Просторные плащи, рясы, мантии и все такое, конечно, производят драматический эффект, особенно если смотреть на них на ветру — но под дождем они выглядят просто мокрыми тряпками. Все эти драпировки липли к фигуре и вид имели скорее жалкий.

Помимо этого, дождь делал одежду темнее, чем она была на самом деле. Приглядевшись, я разглядел некоторый намек на цвет. Он оказался не черный, а темно-лиловый.

— Чародей Рашид? — спросил я.

Посох в руке Привратника не дрогнул, продолжая целиться в меня. Однако он поднял свободную руку и откинул капюшон. Лицо у Привратника вытянутое, с резкими чертами, обветренное, как старая кожаная одежда. Бороду, в которой начинает проступать седина, он стрижет коротко, равно как и совершенно седые уже волосы. Один глаз у него темный, второй перечеркнут парой жутких серебряных шрамов, спускающихся со лба ко рту. От настоящего глаза, разумеется, ничего не осталось, и его заменяло нечто, похожее на стальной шар от подшипника.

— Разумеется, — спокойно отозвался он.

— Я мог бы и раньше догадаться. Не так много чародеев выше меня ростом.

— Брось посох, чародей Дрезден. Пока никто не пострадал.

— Я не могу этого сделать, — заявил я.

— А я не могу допустить, чтобы ты открыто вызывал Белый Совет на бой.

— Нет? — удивился я, упрямо выдвинув подбородок. — И почему?

В его гулком, низком голосе послышалось беспокойство.

— Твой час еще не пробил.

Я почувствовал, как брови мои ползут на лоб.

— *Еще* не пробил?..

Он покачал головой:

— Всеу свое время. Ни время, ни место еще не те. То, что ты задумал, будет стоять жизней — включая Твою собственную. Я не желаю тебе вреда, молодой чародей. Но если ты не сдашься, у меня не будет выбора.

Я сощурился:

— А если я этого не сделаю, погибнет невинный человек. Я не ищу драки с вами. Но я не собираюсь стоять и смотреть сложа руки на то, как Черный Совет убьет Моргана и будет отплясывать за кулисами в намерении проверить этот фокус еще и еще.

Он чуть склонил голову набок:

— Черный Совет?

— Называйте их как хотите, — сказал я. — Люди, на которых работает предатель. Те, кто пытается посеять рознь между могущественными фракциями. Те, кто хочет изменить мировой порядок.

Выражение лица у Привратника оставалось непроницаемым.

— Как изменить?

— Но мы же видим дикие вещи. Таинственные личности передают агентам ФБР волчьи пояса. Вампиры из Красной Коллегии вовлекают в бой Иных. Королевы фэйре вдруг ударяются в идеализм и пытаются перевернуть весь заведенный у династий распорядок. И при этом еще не обращают внимания на неслыханное унижение со стороны вампиров, свободно шастающих по их территории. Нападение на Арктис-Тор. Я могу перечислить еще с полдюжины подобных прецедентов, и это только те, в которых так или иначе пришлось участвовать мне лично. — Я махнул рукой за спину, в направлении Чикаго. — Мир становится все мрачнее и опаснее, а мы так заняты внутренними разборками, что даже не замечаем этого. Кто-то ведь за всем этим стоит.

Долгое мгновение он молча смотрел на меня.

— Да, — произнес он наконец.

Я хмуро уставился на него, и тут до меня дошло — даже разинул рот от неожиданности.

— Вы считаете, что я с ними.

Он помедлил, прежде чем ответить... впрочем, он почти всегда не спешил отвечать.

— Возможно, на то есть основания. Добавь к своему списку дестабилизирующих событий такие, как причина войны между Советом и Красной Коллегией. Корону фэйре, перешедшую от одной юной Королевы к другой не по воле Титании, но в результате кровавого переворота. Стражи, на регулярной основе общающиеся с Белой Коллегией. Студенты колледжа, получившие познания в магии, достаточные для превращения в оборотней. Обыкновенно неуправляемый Маленький Народец, дикие фэйре, организуются в хорошо вымуштрованные отряды. Самые знаменитые и могущественные Церковные реликвии исчезают — и, по некоторым признакам, хранятся у чародея, скептически относящегося к вере вообще, не говоря уже о религии.

Я нахмурился.

— Ну... да. Если смотреть под таким углом...

Он едва заметно улыбнулся.

Я поднял руку ладонью вверх.

— Клянусь своей магией, что я никак не связан с этими психами, если не считать попыток погасить огни, ими разжигаемые. И если меня окружают сомнительные существа и события, то лишь потому, что такое случается, когда ты сражаешься в меньшинстве, как мне обыкновенно приходится. Я вынужден избирать не рекомендуемые, а доступные и эффективные решения.

Привратник задумчиво на меня смотрел.

— Послушайте, можем, мы договориться о коротком перемирии, чтобы все это обговорить? — предложил я. — И чтобы я мог спасти свою ученицу от угрозы захлебнуться?

Взгляд его скользнул на Молли. Он нахмурился и опустил посох.

— Пять минут, — кивнул он.

— Спасибо, — сказал я, повернулся и отволол Молли подальше от борта. Она даже не пошевелилась. Оставив ее сопеть в безопасном месте, я вернулся на причал и остановился перед Привратником. Тот спокойно смотрел на меня, опираясь на свой посох.

— Ладно, — выдохнул я. — Где остальные из Совета Старейшин?

— В пути, полагаю, — ответил он. — Им нужно найти транспорт, чтобы попасть на остров.

— Но не вам. Вы прошли через Небывальщину?

Он кивнул, так и не сводя с меня глаз.

— Я знаю тропу. Я бывал здесь прежде.

— Правда? — Я покачал головой. — Я и сам подумывал насчет того, чтобы найти тропу сюда, но не захотел рисковать. Это ведь не идиллический городок из сериала. Не думаю, чтобы в Небывальщине ему соответствовало особо приятное место.

Привратник пробормотал себе под нос что-то на незнакомом мне языке и тряхнул головой.

— Никак не пойму, — признался он. — Либо ты самый потрясающий лжец, которого мне приходилось встречать в жизни, либо ты и впрямь так невежествен, как кажешься.

С минуту я смотрел на него. Потом сунул большой палец под свою дурацкую повязку на голове:

— Дурачок!

Он расхохотался. Глубиной и гулкостью смех его не уступал голосу, но... слышалось в нем что-то еще. Не знаю точно, как это описать. Какие-то тепло и чистота, от которых вибрировал воздух, словно над колодцем сгущенного, ничем не сдерживаемого веселья.

Наверное, прошло немало времени с тех пор, как Рашид смеялся в последний раз.

— Ты, — пробормотал он, с трудом выговаривая слова сквозь смех. — Там, на дереве. С головы до ног в грязи...

Я вдруг понял, что ухмыляюсь ему в ответ.

— Ага, помню.

Он снова тряхнул головой и в буквальном смысле слова вытер слезы, катившиеся из здорового глаза. Еще секунда или две у него ушли на то, чтобы взять себя в руки, но и когда он снова заговорил, здоровый глаз искрился весельем.

— Ты пережил больше, чем большинство твоих сверстников, — произнес он. — Но и моментов торжества тоже пережил больше. Это очень отрадный факт — то, что ты все еще способен смеяться над собой.

— Ну, право же, — хмыкнул я. — Я такой невежда, что и не знаю, что еще делать.

Он внимательно посмотрел на меня:

— Ты не знаешь, что это за место.

— Сюда не попадут случайные люди, так что невинных жертв не будет, — сказал я. — И мне остров известен лучше, чем большинству из тех, кто сюда направляется.

Он хмуро кивнул:

— Пожалуй, логично.

— И что?

— А?

Я вздохнул. Ох уж мне эти чародеи.

— Так что это за место?

Он снова подумал, прежде чем ответить.

— А ты как думаешь, помимо очевидных физических и тактических характеристик?

— Ну, — сказал я. — Я знаю, что здесь пролегает энергетическая жила. Что энергия в ней очень темная и опасная. Я знаю, что у острова имеется *genius loci*, и что он очень силен и не слишком дружелюбен. Я знаю, что здесь пытались построить городок — место с точки зрения озерного судоходства неплохое, — но идея скисла. Духоприют их прогнал. Или свел с ума.

— Духоприют? — переспросил Привратник.

— Я искал, как его зовут, в книгах, но не нашел, — признался я. — Вот и придумал ему имя сам.

— Духоприют, — задумчиво повторил Привратник. — Что ж, подходит.

— Ну?

Он чуть натянуто улыбнулся.

— Тебе мало поможет, если я открою тебе что-либо еще — за исключением вот чего: одно из твоих предположений неточно. Жила, о которой ты говоришь, не проходит через остров. Она тянется *от него*. Остров служит ее источником.

— Ага, — заинтересовался я. — А откуда она исходит?

— На мой взгляд, это очень полезный вопрос.

Я прищурился:

— И вы не намерены открывать мне больше ничего.

Он пожал плечами:

— У нас есть что обсудить и помимо этого.

Я оглянулся на моих лежащих без сознания друзей.

— Угу. Есть.

— Я готов согласиться с тем, что твои намерения благородны, — сказал он. — Однако действия твои могут привести к цепочке событий с катастрофическими последствиями.

Теперь пожал плечами уже я.

— Это мне пока неизвестно. Я знаю только, что нельзя убивать человека за преступление, которого он не совершал. И когда это пытаются сделать кто-то другой, ему нужно помешать.

— И ты полагаешь, это их остановит? — спросил Привратник.

— Я полагаю, это лучшее, что я могу сделать.

— У тебя ничего не получится, — вздохнул он. — Если ты будешь настаивать на своем, это закончится насилием. Погибнут люди, и ты в их числе.

— Вы ведь даже не знаете, что я задумал, — возразил я.

— Ты расставляешь западню на предателя, — сказал он. — Ты пытаешься заставить его действовать и открыть себя.

Кто-то пожиже меня мог бы ощутить себя глупее, чем казался себе минуту назад.

— О...

— И если об этом догадался я, — продолжал Привратник, — об этом может догадаться и предатель.

— Ну, — не сдавался я, — он так или иначе покажется. Он не может себе позволить иное поведение.

— И явится сюда наготове. В удобный для себя момент.

— Пусть его. У меня имеются и другие ходы.

И тут он повел себя очень странно. Медленно выдохнул и закрыл здоровый глаз. Блестящий стальной глаз поворачивался так и этак, словно высматривая что-то, хотя подозреваю, он делал это просто в такт движениям другого зрачка. Спустя секунду Привратник открыл глаз.

— Шансы на то, что ты останешься в живых, минимальны, — сообщил он.

— Правда? — удивился я. Я обошел его и прыгнул с причала на каменистый берег, мгновенно ощутив связь с Духоприютом. Потом повернулся лицом к Привратнику: — А теперь?

Он нахмурился и проделал свой причудливый ритуал еще раз.

И почти сразу же поперхнулся.

— Кровь Пророка, — выдохнул он, уставившись на меня. — Ты... ты установил священную связь с ним?

— Ага.

— Как?

— Щелкнул его по носу. Теперь мы друзья.

Привратник медленно покачал головой.

— Гарри, — устало произнес он. — Гарри, ты даже не представляешь себе, что ты натворил.

— Я дал себе шанс на победу.

— Да. На сегодня, — вздохнул он. — Но за знание всегда приходится платить. Всегда.

Его левый зрачок дернулся при этих словах, от чего шрамы на лице задвигались.

— Но ведь это я буду платить, — сказал я. — Я, не кто-то другой.

— Да, — тихо согласился он.

Некоторое время мы оба молчали, стоя под дождем.

— Пять минут давно прошло, — произнес я наконец. — Как вы решили?

Привратник снова покачал головой.

— Могу я дать тебе два совета?

Я кивнул.

— Во-первых, не черпай энергию из источника на этом острове. Тебе еще много лет не совладать с такой штукой без того, чтобы она тебя не изменила.

— Я не намеревался касаться ее, — заверил я.

— Во-вторых, — продолжал он, — ты должен понимать, что вне зависимости от исхода сегодняшнего противостояния, кто-нибудь погибнет. Я предпочел бы, чтобы это был предатель — но

если он погибнет, а не попадет в плен живым, никто не примет во внимание твою трактовку событий, какой бы точной она ни была. Моргана казнят. И более чем вероятно, тебя тоже.

— Я, черт подери, не для себя стараюсь.

Он кивнул.

— Я не надеюсь на то, что вам вдруг захочется помочь?

— Я не могу ступить на этот остров, — сказал он.

— Почему?

— Потому, что это место хранит на меня обиду.

Я вдруг вспомнил «шварк-топ» островного духа.

Черт.

Он повернулся лицом к озеру и взмахнул рукой в воздухе. Мгновенно перед ним без единого звука, без единой вспышки отворился идеально круглый портал в Небывальщину. Привратник кивнул мне:

— Твои друзья сейчас очнутся. Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь тебе.

— Спасибо, — сказал я.

Он покачал головой:

— Не благодари. Милосерднее всего, возможно, было бы убить тебя прямо сейчас.

Он шагнул в портал и исчез. Круглое отверстие в воздухе исчезло секунду спустя. Я стоял под дождем и смотрел, как начинают шевелиться мои друзья. Потом очнулся, вздохнул и вернулся к ним — помочь подняться и объяснить, что происходит.

Пора было пошевеливаться. День неумолимо клонился к закату, а до вечера еще предстояло сделать уйму дел.

Глава сороковая

Мы работали три часа, а потом я начал ронять предметы, оступаться на ровном месте и сталкиваться с другими, потому что забывал глядеть по сторонам.

— Хорош, Гарри, — решительно заявила Джорджия. — Твой спальный мешок в домике.

— Я в норме, — буркнул я.

— Гарри, если с тобой что-нибудь случится, нас некому будет защитить. Мы же здесь никого больше не знаем. Ты должен быть в состоянии сосредоточиться. Иди спать.

Это звучало ужасно привлекательно, но мой рот открылся сам собой.

— Нам еще надо уложить...

За моей спиной совершенно бесшумно возник Уилл. Он заломил мне руку за спину и осторожно повернул. Было не больно, пока он не подался ближе, и мне пришлось шагнуть вперед, чтобы ослабить давление.

— Слышал, что сказала дама? — спросил он. — Закончить мы и сами сумеем. Если что случится, разбудим.

Я фыркнул, извернулся, толкнул Уилла бедром, лишив равновесия, и вырвал руку. Уилл мог бы сломать ее, или просто удержать, но вместо этого просто отпустил.

— Ладно, ладно, — буркнул я. — Иду.

Я доплелся до домика и рухнул на постеленный поверх пенки спальный мешок.

Спустя четыре часа, когда Уилл растряс меня, я пребывал в той же позе. Вечернее солнце просачивалось в полуразрушенный дом с запада. Морган лежал на своей лежанке, сооруженной из содранного с койки «Жучка-плавунца» поролонового матраса. Он лежал с закрытыми глазами, но дышал ровно. Должно быть, это Уилл перетащил его с катера.

— Ладно, — пробормотал я. — Встаю. Встаю.

— Джорджия наблюдала за морем, — сообщил Уилл. — Она говорит, приближается катер.

Пульс у меня участился, желудок предательски сжался. Я сглотнул, закрыл на мгновение глаза и попытался успокоить мысли, представив себе мирный тропический пляж. Однако на пляж тут же полезли со все сторон меняющие облик вампиры-зомби с оскаленными пастями на ладонях.

— Черт, не помогает, — сонно, но с отвращением пробормотал я. Потом встал и собрал свои вещи. — Откуда они подходят?

— С запада.

— Им тогда еще остров обходить, чтобы миновать рифы, — я зевнул. — Где Джорджия?

По утрамбованной земле застучали когти, и в дверном проеме появилась большая, серая с рыжим волчица. Она уселась и посмотрела на меня, наострив уши.

— Чисто сработано, — похвалил я ее. — Молли?

— Я здесь, Гарри, — отозвалась она, вихрем врываясь в дом. В руках она держала кристалл чистого кварца толщиной в пару дюймов и длиной едва ли не в фут.

— Давай за работу, Кузнечик. И не стесняйся пользоваться кристаллом, если дело запахнет керосином. Удачи тебе.

Она с серьезным видом кивнула, подошла к Моргану, взяла его за руку, нахмурилась, сосредоточиваясь, и оба исчезли. Чего-чего, а по части завес она гений.

— Бог в помощь, Гарри, — послышался ее голос ниоткуда.

— Уилл, — произнес я. — Меняй форму на игровую. — Я повернулся, но там, где только что стоял юноша, сидел массивный волк с темным мехом, а рядом на полулежала кучка одежды. — О... — кивнул я. — Неплохо.

Я проверил свое снаряжение, карманы, шнурки на башмаках, и сообразил, что не столько беспокоюсь, все ли у меня готово, сколько пытаюсь оттянуть неизбежное. Я выпрямился, кивнул и шагнул к двери.

— Пошли, ребята. Вечеринка начинается.

Небо над бескрайней водной гладью темнело. Сумерки вдаль от городских огней воспринимаются совсем по-другому. Современная цивилизация заливают нас в темное время потоками света — ярко освещенными рекламными щитами, огнями уличных фонарей, фар автомобилей и самолетов, неоновыми вывесками, светом из окон. Они настолько вошли в нашу жизнь, что ночная темнота уже не воспринимается нами как что-то реально существующее. Ну, конечно, мы подначиваем друг друга насчет страха темноты, но промышленность прикладывает все старания к тому, чтобы освещение вокруг нас стало ярче, экономичнее и долговечнее.

Ночь обладает собственной силой. В темноте таится ужас. Чему бы мы ни научились за всю нашу историю, какой бы опыт ни накопили, мы помним. Мы помним времена, когда были слишком маленькими, чтобы дотянуться до выключателя на стене и когда одной темноты хватало, чтобы довести нас до слез от страха.

Стоит вам оторваться от цивилизации — ну, допустим, отплыть на несколько миль от берега, — и темнота тут как тут, ждет нас. Сумерки — это не просто время, когда пора звать детей домой с улицы. Меркнувший свет означает не просто окончание еще одного дня. Ночь — это время, когда пробуждаются от сна всякие кошмары, жаждущие крови и свежего мяса. Ночь — это время, когда в наш мир заглядывают невидимые твари, которым наплевать, что мы там понастроили себе на защиту, и помыслы у этих тварей самые что ни на есть темные.

И иногда — всего лишь иногда — они переходят к действиям.

Я спускался по древнему склону Духоприюта и очень остро ощущал едва ли не всей кожей: ночь еще не сгустилась, но уже точила когти.

На причал я поднялся один. Билли с Джорджией остались на берегу, в лесу. Вы и не поверите, как ловко и незаметно умеет спрятаться волк, пока не увидите его в деле. А уж волки, обладающие человеческим разумом — и, если на то пошло, разумом незаурядным — останутся невидимыми ровно столько, сколько им нужно.

Катер огибал буй, обозначавший проход в рифах. Обычный белый катер, какие возят туристов в наших краях, с какими-то железными приспособлениями для буксировки воднолыжников на корме. Ветер усиливался, задувая с юго-запада, и катер слегка раскачивало и подбрасывало на волнах.

Я стоял и смотрел, как он одолевает последнюю сотню ярдов до причала, пока не разглядел, кто находится на борту. Катер производил впечатление абсолютно нового, но мотор издавал странные, лязгающие звуки, что само по себе многое говорило о тех, кто на нем приплыл. Белый Совет, похоже, не опоздал к намеченному сроку.

За штурвалом стоял Эбинизер Маккой собственной персоной, лысина его блестела под дождем. На пассажирском сиденье рядом с ним закутался в водонепроницаемое пончо Слушающий Ветер; одной рукой он держался за борт, другой — за приборную доску. Его обветренное лицо было угрюмо.

Посередине заднего дивана виднелась крошечная фигурка, закутанная в белый, расшитый алыми цветами шелк. Старая Мэй была китайкой и хрупкостью, казалось, не уступала фарфоровой чашечке. Свои длинные белоснежные волосы она заколола нефритовыми гребешками. При том, что возраст она имела почтенный даже по меркам Белого Совета, Мэй до сих пор сохранила изрядную толику неземной красоты, которой отличалась в молодости. Лицо ее оставалось серьезным, а пронзительный взгляд не обещал ничего хорошего.

Я ее боялся.

По обе стороны от Мэй сидели двое Стражей-ветеранов в серых плащах, еще трое устроились на палубе. Все пятеро — явно закаленные в боях, из резерва, который держали на случай экстренных ситуаций в Эдинбурге. Все — вооруженные до зубов и явно готовые к бою. Мэй пугала их не меньше, чем меня; один из них держал над ней зонт.

Я ждал на самом конце причала, дав знак Эбинизеру ставить катер со стороны, противоположной ошвартованному уже «Жучку-плавунцу». Он подвел катер к настилу гораздо мягче, чем я, заглушил лязгающий и чихающий мотор и встал, чтобы бросить мне трос. Я поймал и привязал катер к причалу, не спуская глаз с сидевших в нем людей. Никто не произнес ни слова. Мотор затих, и единственными звуками остались шум дождя и ветра.

— Добрый вечер, — кивнул я Эбинизеру.

Он пристально смотрел на меня и хмурился. Потом взгляд его скользнул по берегу и снова вернулся ко мне.

— Привет, Хосс. — Он перешагнул через борт и ступил на причал. Один из Стражей бросил ему второй трос, и он привязал корму. Потом распрямился, подошел ко мне и протянул руку. Я пожал ее.

— Рашид? — шепнул он так тихо, что я едва расслышал его сквозь шум дождя.

— С нами, — ответил я так же тихо, стараясь не шевелить губами.

Он едва заметно кивнул и повернулся, чтобы махнуть остальным. Стражи и старейшины начали выбираться из катера. Я шел по причалу к берегу рядом с Эбинизером, косясь через плечо на Стражей. Они принадлежали к той породе людей, у которых не осталось иллюзий касательно насилия, будь оно магическим или каким угодно другим. Если бы они решили, что лучший способ справиться со мной — это выстрелить мне в спину, они бы не колебались и доли секунды.

Я первым сошел с досок на камни и сразу же ощутил присутствие Духоприюта. В это мгновение единственными людьми на острове были те, кого привез сюда я.

Эбинизер ступил следом за мной, и я знал это, стоило его ноге коснуться камня. Никто не шептал мне что-то на ухо и не подсказывал любым другим способом. Я просто *знал* это, ощущал, как вы ощущаете муравья, ползущего у вас по руке. Он сделал еще шаг и остановился, а я прошел дальше, пока не оказался от него на расстоянии десяти футов. Остановившись там, я повернулся лицом к остальным, спускавшимся с причала. Я внимательно следил за ними чувствами острова, чтобы не бояться каких-нибудь спрятавшихся за завесами Стражей.

Эбинизер, Старая Мэй и Слушающий Ветер, слегка позеленевший от качки, стояли в ряд лицом ко мне. Стражи возвышались у них за спиной; взгляды их шарили в поисках угрозы повсюду, включая озеро.

— Ну, Страж Дрезден, — произнес Эбинизер, опершись на посох. — Мы получили твое послание.

— Я так и понял, — кивнул я. — Вы дочитали до того места, где я говорил, что, если вы хотите драки, вы ее получите?

Стражи не то чтобы оскалились и зарычали, но были близки к этому.

— Ну да, да, — сказал Эбинизер. — Мне кажется, больше толку выйдет, если мы прежде обсудим положение вещей.

— Разумеется, — согласилась Старая Мэй. Голос ее звучал слишком гладко и уверенно для крошечной старушечьей фигурки. — Убить тебя мы можем и позже.

Надеюсь, я не вспотел как мышь, но это далось мне нелегко.

— Так или иначе, непочтительность, которую ты выказал по отношению к Совету, заслуживает кары, — продолжала она. — И не льсти себе мыслью, что мы прибыли сюда только потому, что у нас не было иного выхода.

Эбинизер покосился на Мэй.

— В то же время, — сказал он, — твоя репутация как следователя оценивается Советом весьма высоко. Это, да еще характер твоих взаимоотношений с обвиняемым в убийстве является достаточным поводом, чтобы выслушать тебя.

— Чародей Дрезден, — подал голос Слушающий Ветер. — Ты сказал, у тебя имеются доказательства невиновности Моргана. Ты сказал, у тебя имеется свидетель.

— И не только это, — отозвался я.

— И где они?

— Надо подождать немного, — сказал я. — Пока подтянутся остальные.

Старая Мэй сощурилась. Стражи напряглись еще сильнее и разошлись чуть в стороны, положив руки на оружие.

— Что еще за остальные, Хосс? — спросил Эбинизер.

— Все, пострадавшие в этой истории, — ответил я. — Страж Морган не единственный, кого подставили. Когда вам удастся проследить деньги, переведенные на счет Моргана, вы узнаете, что исходили они из корпорации, владельцем которой является Белая Коллегия.

Слушающий Ветер нахмурился.

— Откуда тебе это известно?

— Я провел расследование, — хмыкнул я. — А продолжив его, пришел к выводу, что деньги, возможно, переводились без ведома руководства Белой Коллегии. Организатор заговора не только желал смерти Ла Фортье и казни обвиненного в ней Стража Моргана, он хотел также вовлечь Совет в новый конфликт Коллегиями вампиров.

При этих словах Стражи переглянулись. Темнело, и я плохо видел их лица. Зато Слушающий Ветер определенно призадумался.

— И этому тоже имеются доказательства? — поинтересовался он.

— Полагаю, они существуют, — ответил я. — Но на то, чтобы их найти, потребуется время — во всяком случае, больше, чем уйдет на незаслуженный суд и незаслуженную казнь Моргана.

Старая Мэй вдруг улыбнулась, хотя веселья в этой улыбке было не больше, чем если бы улыбалась фарфоровая чашка.

— Другими словами, — произнесла она, — какие бы меры ни принимались, чтобы скрыть Моргана от наших поисковых заклятий, действие их вот-вот иссякнет, что и заставило тебя искать этой встречи.

Мне пришлось сильно постараться, чтобы не поежиться: хуже страшного может быть только *умное* и страшное.

Мэй повернулась к Эбинизеру:

— Представляется очевидным, что Дрезден тоже в той или иной степени вовлечен в заговор, а раз Дрезден здесь, Морган тоже где-то поблизости. Арестуйте Дрездена и немедленно возобновите попытки отыскать Моргана. А все деловые вопросы и формальности мы можем уладить и после, в Эдинбурге.

Эбинизер посмотрел на Мэй, потом на Слушающего Ветер.

Старый знахарь некоторое время изучающее смотрел на меня, потом поднял руку и перепачканным в чернилах пальцем отбросил с глаз прядь редких мокрых волос. Он оперся на посох и долгую секунду с отрешенным видом осматривал остров.

— Это внутреннее дело Совета, — произнес он наконец. — Присутствие на этой... гм... встрече представителей Белой Коллегии может иметь такие же катастрофические последствия, как та война, которой ты, чародей Дрезден, по твоим же словам, пытаешься избежать.

Эбинизер на мгновение стиснул зубы.

— Эти слова не обязательно означают, что его необходимо арестовать.

Слушающий Ветер невозмутимо посмотрел на Эбинизера.

— Если то, о чем он говорит, обстоит именно так, истина обязательно всплывет. Мы можем начинать суд — а если доказательства существуют, их найдут.

— Тебе не хуже моего известно, — заметил Эбинизер, — что на исход суда истина не повлияет.

Голос Слушающего Ветер вдруг окреп и огрубел, наполнившись такой жгучей злостью, какой я еще никогда не слышал от старикана.

— Есть мир, каким он должен быть, — прорычал он, — и тот, каким он есть на деле. Мы живем во втором.

— И должны создавать первый, — возразил Эбинизер. — Если хотим, чтобы он стал таким.

Слушающий Ветер опустил взгляд и покачал головой. Вид у него сразу сделался очень старым и усталым.

— У нас нет добрых путей, чтобы выбирать из них, дружище, — тихо произнес он. — Все, из чего мы можем выбирать, — это смерть многих или всего нескольких. — Он посмотрел на меня; лицо его было жестким как камень. — Мне очень жаль, Хосс Дрезден. Но я вынужден согласиться. Арестуйте его.

Глава сорок первая

Духоприют позволил мне ощутить приближение Билли с Джорджией, а также исходящее от них немного неуверенное возбуждение, смесь напряжения, страха и злости. Эмоции Стражей он улавливал гораздо слабее, но и этого хватало, чтобы понять: развязывать драку со мной им хотелось не слишком.

От этого меня вдруг одолел смех. Нет, правда. Один на один я, возможно, и выстоял бы против любого из них. Но здесь же присутствовали еще трое членов Совета Старейшин, каждый из которых без труда свил бы из меня веревки. И даже без этого их было впятеро больше.

А потом до меня вдруг дошло. Они имели дело с кем-то, на порядок опаснее меня, Гарри Дрездена, чей израненный старый «фольксваген» стоял сейчас на штрафной стоянке. Они имели дело с потенциальным повелителем темных сил, кошмарным чернокнижником, которого они старательно боялись с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать. Они имели дело с чародеем, который бился с наследниками Кеммлера верхом на динозавре-зомби и вышел победителем, тогда как Морган и капитан Лючо выбыли из боя в самом начале. Они имели дело с человеком, который бросил вызов всему Совету Старейшин, и кто действительно вышел на этот поединок, судя по всему, всерьез готовясь драться — на берегу до ужаса зловещего острова посреди пресноводного озера.

То есть, конечно, я и был тем самым человеком, только они и представления не имели о том, насколько те или иные их опасения соответствуют действительности. Они не знали ни мелких деталей, ни капризов судьбы, ни незаслуженной поддержки со стороны других... — всего того, что позволило мне выбраться из всего этого безумия более или менее целым.

Они знали только, что вот он я, стою перед ними — и это наводило на них здоровый, вполне рациональный страх. Более того, они боялись того, что они не знали реальных моих возможностей. И уж никто из них не знал, что я с удовольствием бы предпочел сидеть сейчас у себя дома, читать какую-нибудь хорошую книгу и потягивать холодное пиво.

Я не двигался, пока Слушающий Ветер оглашал свой вердикт. Я просто стоял на месте, словно все это не слишком меня интересовало. Совет, очевидно, послал трех старейшин в качестве своего рода кворума, и мне полагалось бы считать, что двух голосов против одного достаточно, чтобы определить курс действий — однако старший из Стражей, здоровенный мужчина с густой черной бородой по имени Беорг, или Йорг, или Бьорн — в общем, скандинав — вопросительно повернулся к Эбинизеру.

Чародей из Озарка стоял, глядя на меня, и на лице его играла легкая улыбка. Очень хорошо знакомая мне улыбка. Когда я только-только поселился у него после убийства моего приемного отца, мы с ним каждую неделю ездили в город за покупками. Тамошняя шайка подростков отреагировала на появление незнакомого мальчишки с обычным для этого возраста безрассудством. Один из них попытался спровоцировать меня на драку.

Тогда, помнится, это не вызвало у меня ничего, кроме легкого раздражения. В конце концов я только что уничтожил могущественного демона и бывшего Стража, так что местная шпана вряд ли стоила моего внимания. Так, детки со своими детскими забавами, а мне к тому времени пришлось рано повзрослеть. Я мог бы без особого труда убить их всех, но сама мысль об этом представлялась мне смешной. Это было бы все равно, что смахивать паутину в доме с помощью огнемёта.

Поэтому я просто стоял, глядя на них, пока они пытались раздражить меня, выманить на драку. Я так и стоял молча, пока это мое молчание не начало давить на них. В конце концов оно оттеснило их назад, и я все так же молча прошел мимо них.

Вот и теперь я повторял этот фокус: пусть мое молчание заставит их колебаться еще сильнее.

Я встретился взглядом с Эбинизером, и мы оба чуть улыбнулись при воспоминании о тех днях.

— Что ж, джентльмены, — произнес Эбинизер, поворачиваясь к Стражам. — Вы слышали волю Совета. Однако же должен предупредить вас, что, поскольку вы собираетесь поступать глупо, пусть и по распоряжению других, принявших глупое решение, я вам помогать не намерен.

Мэй резко повернулась к Эбинизеру.

— Маккой!

Эбинизер склонил голову.

— Чародей Мэй, я бы не советовал вам искать ссоры с этим молодым человеком. Он умеет драться.

Старая китаянка надменно вздернула подбородок.

— Он не может считаться твоим полноценным учеником. Ты опекал его не более двух лет.

— И неплохо с ним познакомился, — кивнул Эбинизер. Он повернулся к Слушающему Ветер. — Что там думал о нем тогда твой маленький енотик? Ты ведь всегда любишь говорить о том, как хорошо распознают характер твои зверята. Из тех ли он людей, кто способен на участие в подобном заговоре? Ты ведь знаешь ответ.

Слушающий Ветер устало покачал головой:

— Дело не в этом, и тебе это прекрасно известно.

— Если вы, чародей Маккой, не окажете нам содействия в его усмирении, — произнесла Мэй чуть надтреснутым от напряжения голосом, — это будет расценено как измена.

— Я оказываю вам содействие, — возразил Эбинизер. — Советами избегать конфликта. — Он помолчал секунду-другую. — Но вы могли бы попробовать его уговорить.

— Прошу прощения? — удивилась Мэй.

— Уговорить, — повторил Эбинизер. Он сунул большой палец под лямку своего комбинезона. — Вежливо попросить его проследовать с вами в Эдинбург. Возможно, он согласится.

— Не тратьте времени зря, сэр, — вмешался я. — Не соглашусь.

— Госпожа Мэй, — пророкотал Бьорк, или как там его. — Если вы соизволите вернуться на катер, мы с этим разберемся.

Я продолжал стоять, не двигаясь с места, и надеялся только на то, что остальные появятся, и очень скоро. Я не хотел заводить танцевальной музыки до тех пор, пока все не выйдут на площадку, но если Стражи начнут меня подпирать, мне, возможно, придется ускорить события.

— Госпожа Мэй, — повторил Йорг, — не хотите ли вы, чтобы мы...

Не успел он договорить, как послышался оглушительный рев, и из-за вершины холма показался вертолет, летевший дюймах этак в полутора над верхушками деревьев. Он пронесся над нами, заложил вираж над озером и завис на высоте в тридцать футов над берегом примерно в сотне ярдов от нас.

В кино парни из спецназа соскальзывают на землю по длинным тросам. Я даже сам раз спускался так, хотя напоминал при этом скорее куль с мукой, а не какого-нибудь «котика». Однако если с вертолета на землю десантируются вампиры, им не нужно длинных тросов.

Точнее, тросы им не нужны вообще.

Три фигуры в белом выпрыгнули из вертолетного люка, сделали в воздухе изящный кульбит и мягко, по-кошачьи приземлились на камни. Потом разом встали — по красоте, чистоте и слаженности исполнения они не уступали акробатам из цирка дю Солей.

Лара и две ее сестры подошли к нам. Нельзя не признаться, впечатление они производили сильное. Одежду Лары составлял белый сарафан, выгодно подчеркивавший все изгибы ее тела, и два черных кожаных ремня крест-накрест на бедрах. На одном ремне висела кобура с пистолетом, на другом — ножны с рапирой, судя по потертой рукояти не раз бывавшей в деле. Свою пышную черную шевелюру она убрала под сетку, поверх которой повязала белую косынку, что придавало ей этакий цыганский вид. На шее ее виднелось платиновое ожерелье, больше напоминавшее ошейник, с единственным кроваво-красным рубином.

Невозможно было не любоваться ее походкой, тем, как покачивались при ходьбе ее бедра, и даже смертоносное оружие на поясе не уменьшало ее женской привлекательности. Ну, и дождь, насквозь промочивший ее белое платье, тоже не позволял не заметить кое-какие другие подробности — например, то, что, помимо оружия и туфель, это единственное, что на ней надето.

Я сосредоточился на том, чтобы не дать своему языку вывалиться до пояса, и с усилием отвел от нее глаза.

Сестры ее оделись совсем по-другому. При том, что обе тоже щеголяли в белом, одежда их напоминала мотоциклетные доспехи — не те, что носят классические американские байкеры, а те, что можно увидеть на мотогонщиках-профессионалах. Они производили впечатление ультрасовременных и, судя по всему, пуленепробиваемых. Стандартные гоночные комбинезоны, подбитые плотным пластиком, чтобы защитить гонщика при падении. Готов биться об заклад, сестры Рейт заменили пластик на что-нибудь более крепкое.

Оружие у обеих также сочетало традиционное с ультрасовременным. Волосы они собрали в пучок на затылке; подобно Ларе, кожа у обеих была почти белоснежной, глаза — большие, серые, губы — темные, манящие.

Я смотрел на приближавшихся к нам сестер Рейт и думал только о том, что если бы во Вселенной существовала справедливость, я бы смог увидеть это и в замедленном повторе.

Увы.

Краем глаза я увидел, как Мэй жестом приказывает Стражу Берсеркеру стоять на месте. Это меня не удивило. У Старой Мэй очень жесткие понятия о достойном поведении и о том, как им следовать. Она ни за что не позволила бы выказать перед посторонними даже намек на разногласия между членами Совета.

Лара остановилась, не доходя до нас двадцати футов; сестры застыли у нее за спиной. Взгляды их были прикованы к Стражам, настороженно смотревшим на них в ответ.

— Гарри, — произнесла Лара таким тоном, будто мы с ней случайно столкнулись на званом ужине. — Гадкий, гадкий мальчик. Ну почему вы не сказали, что мне придется делить вас нынче вечером с другими?

— Ну что тут скажешь? — произнес я с улыбкой и склонил голову, не спуская с нее глаз. Надо признаться, смотреть на нее было куда приятнее, чем на Стражей, хотя и не менее страшно. — Я привык быть доверчивой, простой душой, однако жестокий мир сделал из меня циника и перестраховщика.

Лара перевела оценивающий взгляд со Стражей на меня. Потом улыбнулась им — такая улыбка могла бы расплавить бронеплиту — и двинулась ко мне, каким-то образом ухитряясь сохранять на этих камнях идеально женственную походку. При этом она протянула ко мне обе руки.

Я улыбнулся в ответ, хотя боюсь, моя улыбка вышла жестче и искусственнее.

— Вы шутите, — процедил я сквозь зубы.

Она скромно потупила взор и убавила интенсивность улыбки.

— Будь со мной любезен, мой чародей, и я расплачусь сполна.

Сомневаюсь, чтобы я долго колебался — как-то так само собой вышло, что я тоже протянул руки ей навстречу. Пальцы наши сомкнулись. Ее руки оказались гладкими как шелк и очень холодными. Она ослепительно улыбнулась и медленно, грациозно склонила голову в почти официальном поклоне.

А потом быстро — я и моргнуть не успел, тем более, пошевелиться — врезала мне по губам.

Она не сжимала руку в кулак, поэтому удар вышел не смертельный. Но даже так ощущение было как от удара дубинкой. Я отлетел на несколько шагов назад, вращаясь в каком-то безумном штопоре, и приземлился на пятую точку в десяти футах от нее.

— Ты в очередной раз *солгал* нам, — прорычала Лара. — *Манипулировал* нами. Я веду учет твоим подставам, чародей.

Я сидел, тупо разинув рот, опасаясь, что моя лишенная костей челюсть начнет раскачиваться тряпкой на ветру.

Ярость окутывала ее ледяным шаром, и все ее тело до последней клетки, казалось, жаждет насилия. Она стояла ко мне лицом; слева смотрели на все это старейшины и Стражи, справа темнел лес. Я изготовил свой браслет-оберег, не сомневаясь в том, что она запросто может выхватить пистолет и изрешетить меня.

— Если мой брат не вернется ко мне нынче же вечером целым и невредимым, — продолжала она спокойным, убийственно-ледяным тоном, — это будет означать кровную месть между нами, и честь моя не успокоится до тех пор, пока один из нас не будет лежать мертвым у барьера.

А потом она подмигнула мне правым глазом.

— Ты понял? — спросила она.

— Ы-ы... — произнес я, пытаюсь пошевелить челюстью. Похоже, она осталась более-менее цела. — Угу. Послание принято.

— Дерзкий мальчишка! — Она сплюнула на землю у моих ног, повернулась и решительно двинулась в направлении Старейшин, остановившись в десяти футах от Старой Мэй — за мгновение до того, как Стражи начали хвататься за оружие. Лара застыла, вытянувшись, потом отвесила Мэй низкий поклон.

Лицо Мэй оставалось бесстрастным. Она поклонилась в ответ, хотя не так низко.

— Для меня большая радость познакомиться с вами во плоти, — произнесла Лара. — Вы, должно быть, Старая Мэй.

— Лара Рейт, — отозвалась Мэй. — Я не ожидала вашего присутствия на этой встрече.

— Как и я вашего. — Лара бросила на меня брезгливый взгляд. — Галантность, похоже, не котируется больше в этом мире. — Она поклонилась еще — Эбинизеру и Слушающему Ветер, обратившись к каждому по имени. — Ваша слава, джентльмены, летит впереди вас.

Индеец Джо молча поклонился в ответ.

— Леди Рейт, — негромко произнес Эбинизер. — Дотроньтесь до этого юноши еще раз, и все, что останется похоронить вашей родне, — это ваши туфли за полтыщи баксов.

— *Ai ya*, — все тем же ровным тоном произнесла Мэй.

Лара помедлила с ответом. Не то, чтобы заявление Эбинизера устрало ее, нет, но она внимательно посмотрела на него и склонила голову.

— Леди, джентльмены, не подлежит сомнению то, что у всех нас имеются более неотложные проблемы, требующие разрешения. Точно также очевидно, что никто из нас не ожидал присутствия второй стороны, а разрушительный конфликт не выгоден никому. От имени Белой Коллегии я предлагаю договориться о ненападении на время этой встречи.

Старая Мэй пристально посмотрела на Эбинизера, потом задрала подбородок еще выше и отвернулась, словно официально отстранила его от реальности.

— Принимается, — произнесла она. — От имени Совета я принимаю ваше предложение.

К этому времени я сумел кое-как привести себя в вертикальное положение. Раненая голова болела так, словно Лара расколола ее надвое, на щеке горел отпечаток ее ладони, но я не собирался сидеть и хныкать, что меня отлупила девчонка. Конечно, девчонке этой исполнилось несколько сотен лет, и она запросто могла бы поменять шины на грузовике без помощи домкрата, но тут дело в принципе. Так вот, я поднялся на ноги и осторожно проковылял к Эбинизеру, где и остановился лицом к вампирам. Кто-то из Стражей даже подвинулся немного, освобождая мне место, настолько все внимание их было приковано к Ларе и ее сестрам.

Ха. Теперь, когда у меня появился враг, на которого я мог нацелиться, они боялись меня значительно меньше. Я попытался определиться с ситуацией с помощью Духоприюта. Я не увидел ничего дальше нашей группы. Пришлось полагаться на мои расчеты, согласно которым убийца собирался показаться на следующем этапе, так что до его выхода на сцену мне оставалось только удерживать Лару и Совет вместе.

Наилучшим способом добиться этого в описываемый момент было помалкивать и не мешать им разговаривать.

— Полагаю, первое, что нам стоит сделать, это обменяться тем, что нам известно, — предложила Лара Старой Мэй. — Хотите, чтобы я сделала это первой?

Мэй обдумала это предложение и кивнула в знак согласия.

— Мой брат Томас Рейт, — начала Лара без лишних предисловий, — захвачен Шкурой-Перевертышем, одним из древних нааглоши. Перевертыш предложил обмен. Моего брата на Стража Дональда Моргана.

Мэй склонила голову набок.

— Каким образом вовлечен во все это Дрезден?

— Он утверждает, что пытается доказать невиновность Стража Моргана, не выводя это дело за рамки Совета. В качестве жеста доброй воли по отношению к Совету, а также с целью поддержания мира и спокойствия в Чикаго я дала брату распоряжения оказать разумные, не связанные с излишним риском помощь и содействие Дрездену. — Она покосилась на меня. — В прошлом он неоднократно злоупотреблял моими добрыми намерениями. На этот раз он каким-то образом вовлек моего брата в свое расследование, в результате чего Томас попал в плен к Шкуре-Перевертышу.

— И это все?

Лара снова испепелила меня взглядом и с видимым усилием удержалась от немедленной реплики.

— Он утверждает, — ответила она, подумав, — что в затруднительном положении, в котором оказался Дональд Морган, виновна какая-то третья партия, пытающаяся также стравить Коллегию с Советом. К моему удивлению, мое собственное расследование не опровергло его утверждений. Представляется вероятным, что одного из моих менеджеров каким-то образом совратили, заставив растратить значительную сумму денег. Дрезден утверждает, что эти деньги переведены на счет, предположительно принадлежащий Стражу Моргану.

Мэй кивнула.

— Это так?

Лара пожала плечами; даже этот жест вышел у нее чертовски грациозно.

— Это возможно. Мои люди заняты поиском улик, которые помогут точнее установить, что же именно произошло.

Мэй снова кивнула и немного помолчала.

— Несмотря на то, что вы старательно обходите это стороной, — сказала она наконец, — вам прекрасно известно, зачем мы здесь.

Лара едва заметно улыбнулась.

— Сказка, которой потчует нас Дрезден, не внушает доверия по причине избыточной сложности, — продолжала Мэй. — Несмотря на то, как искусно вы избегаете прямых слов, создается впечатление, что вы хотите, чтобы мы поверили в непричастность Белой Коллегии к смерти Ла Фортъе. При этом ваш рассказ также не вызывает доверия по той же самой причине.

— Мой опыт говорит, что подобные дела редко бывают простыми, — отозвалась Лара.

Мэй сделала рукой жест, который можно было бы расценить если не как согласие с этим утверждением, то по крайней мере как что-то близкое.

— И все же, возвращаясь к интересующему нас делу, действия известного нам врага представляются гораздо более вероятной причиной убийства Ла Фортъе, нежели происки некоторой безымянной, безликой третьей партии.

— Разумеется. В конце концов, вы чародеи, — не без легкой, но вполне заметной иронии заметила

Лара. — Вы хранители великих тайн. Если бы такая партия существовала, вы бы о ней наверняка знали.
— Возможно, это я незаслуженно оскорбляю ваших людей, обвиняя их в организации убийства Ла Фортъе, — парировала Мэй все тем же совершенно спокойным тоном. — В конце концов вы вампиры, славящиеся искренностью и мягкостью натуры.

Лара с легкой улыбкой качнула головой.

— И тем не менее мы оказались здесь.

— Не вижу противоречия.

— Я желаю благополучно вернуть брата.

Мэй решительно мотнула головой.

— Белый Совет не обменивает своих.

— Возможно, я ошибаюсь, — заметила Лара, — но мне кажется, Страж Морган находится не в вашем обществе.

— Только временно, — возразила Мэй. На меня она не смотрела, но я не сомневался, сталь в ее голосе предназначалась именно мне.

— Тогда, возможно, мы могли бы объединить усилия, — предложила Лара. — Нам нельзя допустить, чтобы Перевертыш получил Стража.

— Те, кто заключает союзы с Белой Коллегией, впоследствии жалеют об этом, — ответила Мэй. — Совет не обязан помогать вам или вашему брату.

— Несмотря на услуги, оказанные вам моим королем и его Коллегией? — спросила Лара.

Мэй, не моргая, смотрела ей в лицо, но промолчала.

— Мы с ним одной крови, — тихо произнесла Лара. — Я добьюсь его возвращения.

— Я с уважением отношусь к вашей преданности, — заявила Мэй тоном, позволявшим усомниться в искренности этих слов. — Тем не менее проблема Перевертыша, настаивающего на обмене, вряд ли имеет отношение к нашему настоящему положению.

— Вообще-то, — подал голос я, — типа имеет, уважаемая Мэй. Я просил передать Страши... Перевертышу, где я буду ждать его сегодня вечером. В зависимости от способа, каким он собирается сюда попасть, мы можем ожидать его с минуты на минуту.

Эбинизер заморгал и повернулся ко мне; на лице его явственно читался вопрос, не сбрендил ли я.

— Уайл И. Койот, — с серьезным видом сказал я ему. — Сууууупергений.

Он подумал немного, и я увидел по его лицу: до него дошло, что я задумал. Я это точно знаю, поскольку такое лицо у него бывает только тогда, когда он знает наверняка, что дело принимает впечатляюще поганый оборот, и он хочет быть к этому готов. Он отпустил посох, придерживая его под мышкой, и порылся в кармане, шаря взглядом по нависающему над нами лесу.

Не знаю, о чем думала Мэй и поняла ли она вообще суть происходящего. У меня сложилось впечатление, что не поняла. Поскольку все ее умозаключения исходили из неверных предположений, она и выводы вряд ли сделала верные.

— Все это означает, — сказала она мне, — что разумнее всего завершить наши дела здесь и покинуть это место.

— К сожалению, я тоже прихожу к такому выводу, — произнесла Лара. — Возможно, настало время отложить эту встречу.

Одна из ее сестер сделала едва заметное движение рукой.

Над головой полыхнула молния, и последовавший почти немедленно удар грома заглушил все возможные реплики. Ветер снова усилился, и Слушающий Ветер вдруг запрокинул голову. Взгляд его устремился на север, он прищурился.

Мгновение спустя я ощутил присутствие на острове новых людей. Они объявились на дальнем от нас склоне холма. Их было двенадцать, и они начали двигаться к вершине холма с нечеловеческой скоростью. Должно быть, вампиры Белой Коллегии.

Еще через несколько секунд пара человекообразных типов просто *возникла* в лесу ярдах в четырехстах от нас. И, как будто этого было недостаточно, еще двое появились на северо-западном берегу острова.

Мэй мгновенно заметила выражение лица Индейца Джо и в упор посмотрела на Лару.

— Что вы сделали? — спросила она.

— Дала сигнал моей родне, — невозмутимо ответила Лара. — Я здесь не затем, чтобы сражаться с вами, Старая Мэй. Но я *верну* моего брата.

Я сосредоточил внимание на двух парах вновь прибывших и обнаружил, что число их растет. На пляже все новые пары ног топтали землю Духоприюта — тридцать, если не больше. В лесу рядом с

нами появилось нечто, чего на острове еще не бывало, а за ним — все больше и больше таких же.

Всему этому я знал только одно объяснение: вновь прибывшие перебрасывали подкрепления из Небывальщины. Я почти не сомневался в том, что парочка на пляже — это Мэдлин и Вязальщик, и что он принялся созывать свое серое воинство, стоило ему ступить на остров. Двое, возникшие в лесу, должно быть, попали на остров прямоком из Небывальщины. Я не исключал того, что там орудует второй спец вроде Вязальщика, однако скорее всего этого и не требовалось, если кто-то мог выпустить подкрепления просто через портал.

Мэй и Лара тем временем начали выпускать когти.

— Это угроза, вампир? — ровным голосом поинтересовалась Мэй.

— Я предпочла бы, чтобы вы расценивали это как констатацию факта, — ответила Лара, разом лишившись очарования и непринужденности, которые она поддерживала с самого начала разговора.

Стражи у меня за спиной начинали нервничать. Я ощущал это как собственными чувствами, так и через восприятие Духоприюта. До меня донеслось поскрипывание кожи — это руки начинали расстегивать кобуру и сжимали рукояти мечей.

В ответ Лара коснулась кончиками пальцев своего оружия. Сестры повторили это движение.

— Стойте! — рявкнул я. — Стойте!

Все повернулись в мою сторону. Дикое я, должно быть, представлял собой зрелище: безумец с блуждающим взглядом, оглядывающийся то в одну, то в другую сторону по мере того, как интеллектус островного духа информировал меня о быстро меняющемся ходе событий. Подкрепления Белой Коллеги миновали вершину холма и спускались к нам на помощь Ларе — что ж, уже неплохо. Значит, Ларин вертолет высадил их не для поисков Моргана. Должно быть, он заходил с севера, на бреющем, чтобы мы не услышали шум моторов за холмом.

Я переключил внимание на происходящее рядом со мной.

— Черт подери, я знал, что на него давят. Но он всерьез собрался воевать.

— Что? — не понял Слушающий Ветер. — О чем это ты?

— Не вздумайте палить друг в друга! — рявкнул я. — Лара, нам нужно действовать заодно, или мы все покойники.

Она чуть повернула голову, глядя на меня искоса.

— Почему?

— Потому что больше сотни... уже сто десять... существ возникли из ниоткуда в разных точках острова, и они здесь не для того, чтобы накрывать нам на стол. Нас только девять, плюс пятнадцать вас с вашими. Нас в пять раз меньше, чем неприятеля. Нет, уже в шесть.

Мэй потрясенно смотрела на меня.

— Что?

Воздух наполнился воем. Дождь немного заглушал звуки, но он же не давал определить направление, откуда этот вой исходит, и это пугало еще сильнее. Я сразу узнал эти милые звуки — серое воинство Вязальщика. Они надвигались с бездумной решимостью; опасности ночного леса их явно не волновали.

Вторая группа была ближе к нам. Численность их остановилась, достигнув сто двадцати пяти, и они уже двинулись на нас. Скоростью они уступали серым людям, но двигались безостановочно, разворачиваясь в огромную цепь — судя по всему, чтобы прочесать лес и окружить жертву, как только найдут ее. Сквозь деревья с той стороны начал литься красный свет, отбрасывавший зловещие черные тени и окрашивавший дождь в цвет крови.

Я заставил себя думать, задавать Духоприюту правильные вопросы. Нехитрый расчет показывал, что обе группы навалятся на нас абсолютно одновременно: они действовали сообща.

Численное превосходство противника было слишком велико. Конечно, у Стражей в распоряжении имелись кое-какие заклятия, а старейшины наверняка оставили бы после себя горы трупов — но уступая в пропорции один к шести, да еще темной ночью, когда они смогут разглядеть цели только на расстоянии нескольких шагов, им не выстоять. Большая группа ударит по нам с одной стороны, а меньшая — с другой, и они сотрут нас словно жернова.

Если только...

Если только мы не ударим первыми по одной из групп и не уничтожим ее прежде, чем вторая группа ударит по нам с другой стороны.

Вообще-то при таком соотношении сил самым разумным было бы уносить ноги, но я знал, что на это никто не пойдет. Совет до сих пор намеревался вернуть Моргана, Лара — Томаса. Никто из них не обладал тем преимуществом, которое имелось у меня. Для них опасность оставалась неясной, каким-то завыванием в темноте, и она осталась бы такой до тех пор, пока бежать не будет слишком поздно.

Что оставляло нам только один выбор.

Нападать.

Серые люди снова взвыли, на этот раз гораздо ближе.

Я бросил на Эбинизера полный отчаяния взгляд и шагнул вперед, поднимая посох.

— Они взяли нас в клещи! Единственный шанс спастись — пробить дорогу силой! Все за мной!

Лара и ее сестры смотрели на меня в замешательстве, Стражи — тоже. Однако страх в моем голосе и на моем лице был самый что ни на есть неподдельный, а когда один человек выказывает страх, это действует на других более чем заразительно. Взгляды стражей мгновенно устремились к Старой Мэй.

Я перешел на бег, махнув им рукой, и Эбинизер побежал следом за мной.

— Слышали его? — рывкнул он. — А ну шевелись!

Тут плотину наконец прорвало, и Стражи ринулись нам вдогонку.

Лара еще полсекунды смотрела на меня, потом с криком «Пошли!» бросилась вместе с сестрами за нами. Они мгновенно догнали нас и побежали рядом с такой легкостью, что казалось, будто ноги их вообще не касаются земли.

Я прибавил скорости и оглянулся через плечо. Старая Мэй стояла, спокойно глядя на истекавшее из леса на юге зловещее багровое сияние.

— Чародей Слышающий Ветер, со мной. Посмотрим, не сможем ли мы замедлить то, что приближается оттуда.

Индеец Джо подошел к ней, и они стояли, негромко переговариваясь.

Я справился у Духоприюта насчет лучшего пути для нападения, пригнул голову и бросился на демонов, явившихся, чтобы убить нас всех — Стражей, Старейшин и вампиров. И меня.

Глава сорок вторая

Странные вещи проделываете головой адреналин. Говорят, в экстремальной ситуации все замедляется. Неправда. Медленнее ничего не становится. Просто ты, похоже, каким-то образом ухищряешься втиснуть в единицу времени (да и длины, если уж на то пошло) куда больше мыслей. Нет, кому-то может показаться, что время движется медленнее, но это иллюзия.

Ну, например, мне хватало времени думать о природе адреналина, пока я несся по ночному лесу. Нет, я бежал не быстрее обычного. И руки, и ноги мои двигались в привычном для меня темпе... тогда почему я опережал всех остальных (включая вампиров!) футов на двадцать?

Я услышал, как кто-то чертыхнулся в темноте, споткнувшись о невидимый корень. Я не притормозил. Не то чтобы у меня прибавилось ловкости — просто я *знал*, куда ставить ногу. Казалось, каждый мой шаг приходится на тропу, по которой я прошел столько раз, что память о каждом ее дюйме запечатлелась не только в мозгу, но и в мышцах. Я знал, когда мне пригнуться, чтобы не въехать лбом в нависающую ветку, где вильнуть в сторону, чтобы обогнуть старый пенёк, в каком месте оттолкнуться ногой, чтобы перепрыгнуть яму. Самой Ларе Рейт с трудом удавалось не отставать от меня, хотя она все-таки сохраняла дистанцию в четыре или пять ярдов. Ее светлая кожа почти светилась в темноте.

Все это время я пытался отслеживать положение неприятеля. Это выходило непросто. У меня в голове не возникало большой карты острова, на которой тот был бы отмечен красными точками. Я просто *знал*, где они находятся, стоило мне сконцентрироваться на мысли о них, но по мере того как число их росло, следить за ними становилось все труднее.

До ближайшего из врагов оставалось примерно сорок футов, когда я прижал пальцы к губам и резко свистнул.

— Вон, прямо передо мной! — крикнул я. — Давай, Тук!

Признаюсь, это на редкость занудное и утомительное занятие — оборачивать фейерверки в пластик, защищая их от дождя, а еще противнее — крепить к каждому из бикфордовых шнуров охотничью, не боящуюся воды спичку. Когда я заставил Уилла с Молли расставлять все эти ракеты, шутихи и римские свечи по лесу — в двадцати разных местах, я заработал от обоих не один взгляд, красноречиво вопрошавший: «Не сбрендил ли он?»

В конце концов фейерверки — не серьезное оружие, наносящее ущерб живой силе или технике противника. Они просто создают много шума, и света, и вообще отвлекают внимание.

Чего, с учетом обстоятельств, я и хотел.

Тук-Тук и десяток его гвардейцев, вынырнув словно ниоткуда, крошечными кометами пронеслись между деревьями и исчезли в темноте где-то впереди, а мгновение спустя там замерцали огоньки загоревшихся спичек. Еще через секунду с той стороны донесся пронзительный свист, и дюжина

римских свечей начала выплевывать в темноту клубки огня. В их свете я разглядел в полусотне футов от нас бегущие силуэты как минимум десятка подручных Вязальщика в их дешевых серых костюмах. Моя иллюминация заставила их замереть в попытке оценить степень угрозы.

Отлично.

Я припал на колено, вскинул жезл и нацелил его на ближайшего ко мне серого типа, который с визгом уставился на неожиданную световую катавасию. Потом швырнул в деревянный стержень заряд воли и выкрикнул:

— Fuego!

Конечно, не будь дождя, я проделал бы это значительно с меньшими усилиями, но и так все вышло как надо. Огненный дротик, оставляя за собой струю белого пара, с шипением прочертил водные струи и ударил серого типа в бок. Дешевый костюм занялся с такой готовностью, будто был не вязкообразный, а смоляной.

Серый человек взвыл и отчаянно забился. Огонь быстро пожирал его, освещая все в радиусе добрых тридцати ярдов — в том числе и его спутников.

Я бросился на землю, а мгновение спустя лес за моей спиной взорвался градом свинца.

Пистолеты вели огонь длинными очередями — значит, стреляли Рейты. Лара с сестрами были вооружены полуавтоматическими пистолетами с удлиненными магазинами. С учетом сверхчеловеческой силы, чуткости и координации движений, которых вампирам не занимать, они не испытывали тех трудностей, с какими столкнулся бы смертный стрелок, несясь во весь опор по ночному лесу, да еще ведя огонь с одной левой. Пули впились в трех серых типов — по десять — двенадцать в каждого, все в шею и голову, — и те разом превратились в комки эктоплазмы.

Затем настала очередь Стражей.

Когда дело доходит до боевой магии, наш брат обыкновенно выбирает огонь. При том, что огненные заклятия требуют большого расхода сил и воли, они позволяют добиться хорошей концентрации энергии на ограниченной площади. Огонь освещает темноту, что почти всегда играет на руку чародею — а еще он причиняет боль. Каждое живое существо питает по меньшей мере разумное уважение к огню, а то и панический страх перед ним. Более того, помимо чисто физического аспекта, огонь играет и очистительную роль. При грамотном, целенаправленном использовании он, например, может поглощать черную магию.

Стражи воспользовались маленькими огненными шарами из римских свечей и устроенным мною импровизированным погребальным костром, чтобы в их свете выбрать себе по мишени — вот тут-то начался *настоящий* фейерверк.

У каждого чародея имеются собственные приемы использования магии. Поэтому и жестких стандартов применения огня в бою нет. Один из Стражей — тот, что бежал ближе ко мне — выпустил струю крошечных звездочек, трассирующими пулями прорезавших ночь, — отверстия в деревьях, скале и сером воинстве они прожигали с равной легкостью. Другой метнул мощный язык огня; тот описал в воздухе светящуюся дугу и ударил в самое скопление серых, расплескавшись и окутав тех наподобие напалма. Воздух наполнился струями алого, синего и зеленого огня, что напомнило мне сцены космических поединков из «Звездных войн». Повсюду шипел пар, трещали загоревшиеся ветки, и целый кусок леса шириной в сорок ярдов и глубиной в двадцать разом превратился в огненный ад.

Блин-тарарам. То есть мне приходилось видеть Стражей в деле и прежде, но все это была точная, методичная работа.

На этот раз передо мной разворачивалась картина беспощадного разрушения, безоглядного использования силы, и жар от этого исходил такой, что дышать становилось нечем.

На серых типов это, впрочем, особого впечатления не произвело. Либо им не хватало ума попытаться продлить свое существование, либо их это просто не беспокоило. Они рассыпались во все стороны. Некоторые, пригнувшись и прячась за кустами, упрямо двигались вперед. Другие полезли на деревья и продолжали наступление, по-обезьяньи перепрыгивая с ветки на ветку. Однако большая их часть устремилась в стороны, охватывая нас с флангов.

— Тук! — скомандовал я, перекрикивая рев огня. — Займись теми, что по сторонам!

К общей какофонии добавились звуки крошечной трубы, и Пицца-Патруль устремился в лес, таща по двое, по трое свежие римские свечи. Почти сразу же их огни вспыхнули с обеих сторон от нас, обозначая позиции серых людей.

Лара издала пронзительный боевой вопль и остановилась рядом со мной, выпуская короткую очередь из своего пистолета всякий раз, когда вспышки фейерверка высвечивали новую цель. Я ткнул пальцем вправо, потом влево.

— Они нас обходят! Надо не дать им напасть на Мэй и Индейца Джо с тыла!

Взгляд Лары метнулся из стороны в сторону, и она скомандовала сестрам что-то по-этрусски. Обе разошлись в стороны и исчезли в темноте.

Серый человек с треском вывалился из огня в паре десятков футов от меня, полыхая как факел. Огонь его, похоже, совершенно не беспокоил. Он просто бросился на меня, расставив руки. Я опустился на колени и упер конец посоха в землю, нацелив другой конец противнику в центр тяжести. Он налетел на посох, но не совсем так, как мне хотелось бы. Перекосившись от столкновения, он оттолкнулся от земли, потратил еще долю секунды, чтобы найти меня взглядом и...

И голова его взорвалась брызгами эктоплазмы, когда Лара выпустила очередь в упор.

Тем временем из темноты вынырнул новый нападающий. Я вскочил на ноги и чисто инстинктивно выпустил новый заряд энергии в темноту футах в двадцати дальше Лары и примерно в десяти футах над землей. В момент, когда я целился туда, там ничего еще не было, но огненный разряд высветил фигуру в сером — я подловил его в верхней точке впечатляющего прыжка, который должен был завершиться на загривке у Лары. Огонь сбил его с намеченной траектории; он пылающим самолетом рухнул на землю, прокатился, ломая кусты, дюжину ярдов по земле и распался, превратившись в быстро испаряющуюся слизь.

Лара не видела нападавшего, пока он не грохнулся на землю.

— О, — невозмутимо заметила она. — Очень благородно с вашей стороны, Дрезден.

— Еще я умею подвигать стулья и открывать двери дамам, — сообщил я.

— Как несовременно, — кивнула она; светлые глаза ее сияли. — И мило.

К нам подошел Эбинизер с посохом в руке. Недобро сощуренные глаза его шарили взглядом по темноте, пока Стражи продолжали жечь одну цель за другой. Из леса доносился стрекот очередей — Ларины сестры отстреливали серых людей, прорвавшихся к нам в тыл.

— Мы потеряли одну из наших, — сообщил Эбинизер.

— Каким образом?

— Эта тварь спрыгнула с дерева и оторвала ей голову.

Я заметил легкое движение в кроне соседнего дерева и ткнул пальцем в ту сторону.

— Вон там, сэр!

Эбинизер пробормотал что-то, поднял руку и сделал резкое движение, словно тянул кого-то невидимого на себя. Невидимая сила сорвала серого человека, подкрадывавшегося к нам по ветвям, с дерева и пустила лететь по дуге, которая завершалась в озере Мичиган в четверти мили от берега.

— Где вторая группа? — спросил Эбинизер.

Я сформулировал вопрос Духоприюту.

— В районе пристани, на опушке леса. Они приближаются к Мэй с Индейцем Джо. — Я покосился на Лару. — Думаю, вампиры задержали их на некоторое время.

Эбинизер выругался.

— Чертов заклинатель все еще прячется где-то здесь. Его зверьки долго не протянут на таком дожде, но мы не можем позволить ему призвать новых. Можешь его отыскать?

Я сверился с Духоприютом. На острове царили такие хаос и замешательство, что Приют с трудом отличал одного от другого, но довольно точное представление о том, где находится Вязальщик, я все-таки получил.

— Угу. — Я ощутил новое движение и ткнул пальцем за спину, где троице серых людей удалось приблизиться к двоим Стражам, стоявшим по сторонам от залитого кровью тела их коллеги. — Там!

Эбинизер оборвал фразу на полуслове, сделал еще движение рукой, пробормотал заклинание, и одного из подкрадывавшихся серых в буквальном смысле слова расплющило невидимым молотом — только брызги полетели. Разлетающаяся эктоплазма насторожила Стражей, и они быстро разобрались с оставшимися двумя.

Эбинизер повернулся ко мне.

— Заткни этого заклинателя, Хосс. Я заберу с собой Стражей — надо помочь Индейцу и Мэй. Пошли, вампир.

— Нет, — заявила Лара. — Если Вязальщик где-то рядом, то и моя милая кузина Мэдлин тоже. Я останусь с Дрезденом.

Эбинизер не стал с ней спорить. Он просто зарычал и взмахнул кулаком. Лара издала короткий, захлебнувшийся вопль и взмыла на десять футов в воздух. Руки и ноги ее вытянулись словно для прыжка в воду, и она так и повисла в такой позе.

Я положил руку ему на грудь.

— Постоите!

Он покосился на меня из-под кустистых седых бровей.

— Отпустите ее. Пусть идет со мной. — Эбинизер не знал, что я здесь не один. Джорджия с Уиллом хоронились в лесу где-то поблизости и могли при необходимости прийти мне на помощь в считанные секунды. Ну, и свой вклад в сокращение численности серого воинства они тоже внесли. Я постарался вложить в мои слова как можно больше убедительности. — Со мной все будет хорошо.

Эбинизер нахмурился, осмотрелся по сторонам и нехотя кивнул. Он повернулся к Ларе и освободил ее. Должно быть, это застало ее врасплох, и она не смогла приземлиться по обыкновению грациозно. Напротив, она распласталась по земле, что дало мне возможность лишний раз полюбоваться ее длинными, неотразимо прекрасными ногами. Старый чародей невозмутимо посмотрел на нее и покачал головой.

— Не забывайте только, что я вам сказал, мисси, — произнес он.

Она поднялась на ноги, и лицо ее снова приняло непроницаемое выражение — но я-то знал ее достаточно давно, чтобы понимать: она кипит от ярости. Мой старый наставник унизил ее — не в последнюю очередь тем, что продемонстрировал, насколько просто ему было бы выполнить свою угрозу.

— Я запомню, — ледяным тоном отозвалась она.

— Стражи! — скомандовал Эбинизер. — За мной! — Он повернулся и пустился вниз по склону классической походкой лесоруба — шаркающей, свободной, позволяющей одолевать пересеченную местность с неплохой скоростью. Четверо оставшихся Стражей пристроились за ним и поспешили на юг, в направлении причала, навстречу явившейся из Небывальщины маленькой частной армии.

Лара повернулась ко мне и коротко кивнула, давая знак идти первым. Я еще раз проверил местонахождение Вязальщика — где-то недалеко, севернее нас; возможно, он пытался обогнуть поле боя с его миньонами. Я снова двинулся через лес, стараясь бежать еще быстрее.

На этот раз Лара держалась как можно ближе ко мне. Она в точности повторяла все мои движения вплоть до длины шага — в общем, пользовалась моим инстинктивным знанием острова.

— Этот наемник меня мало интересует, — бросила она на бегу. Черт, да она даже не задыхалась. — Делайте с ним все, что хотите. Но Мэдлин моя.

— Она может что-нибудь знать, — возразил я.

— Не верю, чтобы кто-нибудь, обладающий хоть толикой мозгов, мог доверить ей мало-мальски ценную информацию.

— А я не верю, чтобы эта подлая сучка не стырила любую доступную информацию, чтобы при необходимости использовать против того, с кем работает, — буркнул я, оглядываясь.

Лара не стала спорить, только глаза ее сделались жестче; в них как в серебряных зеркалах отражались языки догорающего на месте боя огня. Правда, мы довольно скоро миновали эту часть леса и оказались на противоположном склоне.

— Мэдлин предала меня, мой клан и мою Коллегию. Она моя. Я предпочитаю иметь вас союзником, по возможности живым. Не вмешивайтесь.

Нам потребовалось примерно пять минут на то, чтобы добраться до места, где Вязальщик и его спутница высадились на остров. На песке виднелась пара наполовину вытащенных из воды гидроциклов. Вот, значит, как они это проделали. Крошечные суденышки с практически нулевой осадкой без проблем перемахнули через окружающие остров камни... правда, управлять ими на беспокойной воде, должно быть, пришлось чертовски нелегко.

Мы миновали брошенную технику и побежали дальше, вновь углубившись в лес по оленьей тропе. Я знал, что мы приближаемся к цели, а потом Лара вдруг обогнала меня, пользуясь своей сверхъестественной скоростью.

Не знаю, что привело в действие взрыватель. Возможно, натянутая поперек тропы проволоочная растяжка. Не исключено, что кто-то сделал это вручную. Вспыхнул ослепительный свет, и что-то ударило меня в грудь, опрокинув навзничь. В глазах маячила уродливая асимметричная фигура, а я лежал на спине и пытался сообразить, что случилось.

Потом мое тело как-то начало покалывать, и надо мной появилась Мэдлин Рейт. Я сообразил, что она сидит на мне верхом. Что-то горело неподалеку, освещая ее. Она была одета в черный гидрокостюм с короткими рукавами и штанинами, расстегнутый до самого пупка. В руке она держала почти пустую бутылку текилы. Широко открытые глаза переливались всеми цветами радуги, и она наклонилась, и поцеловала меня в лоб, и...

И блин, черт меня возьми, тарарам.

Удовольствие, пронизавшее меня от этого простого прикосновения губ, оказалось до боли восхитительным. Все нервные окончания моего тела вышли из-под контроля, как будто кто-то разом выкрутил реостаты моих центров наслаждения на полную мощность. Или впрыснул в их движки нитродобавку. Мое тело выгнулось дугой и содрогнулось в чисто сексуальной реакции на блаженство, по сравнению с которым простой оргазм казался так, суррогатом. Я так и оставался в выгнутом положении — наверное, потребовалось секунд десять или пятнадцать, чтобы я немного остыл.

Всего-то от *поцелуя в лоб*.

Господи... Стоит ли удивляться, что люди возвращаются к вампирам за добавкой.

Я плохо осознавал, что происходит вокруг. Поэтому и то, что Мэдлин достала откуда-то собственный пистолет — «Дезерт-Игл», еще одну модель, излюбленную обладателями нечеловеческой силы, — я увидел смутно, словно сквозь густой туман.

— Спокойной ночи, милый чародей, — мурлыкнула Мэдлин, в медленном ритме прижимая бедра к моим. Она уткнула ствол диаметром в добрых полдюйма в мою щеку, приложила к горлышку бутылки, потом переместила ствол пистолета в ту точку на моем лбу, которую только что поцеловала. Это оказалось чертовски приятно — словно кто-то нежно провел пальцем по только что выбритой коже. Я понимал, что она собирается меня убить, но не мог перестать думать о том, *как* это приятно. — И ангелы на небесах, — дыхание ее участилось, глаза светились возбуждением, — спуют тебе колыбельную.

Глава сорок третья

Я все еще пытался разобрать по полочкам все, что пораскидал у меня в голове недавний взрыв, когда из темноты вымахнул волк с темной шерстью и с силой разогнавшегося броневика врезался Мэдлин Рейт в грудь. Я услышал, как треснули от удара ее кости, и она отлетела в сторону, освободив меня.

Уилл не стал задерживаться. Он уже сбил ее с ног, и у него хватало ума не связываться в открытом бою с вампиром, пусть члены Белой Коллегии и слабее остальных сородичей в физическом отношении. Он приземлился и тут же снова исчез в темноте.

Мэдлин злобно взвизгнула от неожиданности, ее пистолет грянул несколько раз, но я бы не назвал это прицельной стрельбой. Она стояла на коленях, паля из старого, доброго «Дезерт-Игла» одной изящной девичьей рукой и держа в другой остатки разбитой бутылки из-под текилы, когда из темноты бесшумно вынырнула рыжевато-бурая волчица и полоснула ее клыками по руке, в которой та держала пистолет. Атака была проведена с почти хирургической точностью. Пистолет вывалился у Мэдлин из пальцев, она попыталась замахнуться на Джорджию битой бутылкой, но та стремилась к открытому поединку не больше, чем Уилл несколько секунд назад, и когда Мэдлин удалось повернуться в ее сторону, Джорджия уже отпрыгнула — а Уилл незаметно для вампира заходил для новой атаки.

Блеснули клыки. Брызнула бледная вампирская кровь. Двое волков налетали и отскакивали в безупречном ритме, не давая Мэдлин шанса достать одного из них. Когда до той наконец дошло, как они ее обрабатывают, она сделала попытку резко развернуться в момент, когда Джорджия начинала выход из атаки, чтобы перехватить Уилла — однако Уилл с Джорджией обучались своему ремеслу у настоящего волка, да и восемь лет боевой подготовки, на протяжении которых они защищали несколько кварталов вокруг университета от хищников — как сверхъестественных, так и смертных, — не прошли даром. Они распознали контратаку в зародыше, Джорджия резко развернулась и еще раз полоснула вампира со спины.

Мэдлин завизжала от злости и досады. Она была в бешенстве — и явно слабела. Вампиры Белой Коллегии — создания из плоти и крови. Они истекают кровью. Лиши их достаточной части крови, и они умрут.

Я с усилием заставил свой котелок варить хоть немного, одолев последствия опьяняющего поцелуя Мэдлин и шока от взрыва. Я сообразил наконец, что весь исцарапан, но серьезных травм избежал, а еще — что Вязальщик находится в какой-то паре десятков футов от меня.

— Уилл, Джорджия, — крикнул я. — Ружье!

Волки метнулись в сторону и скрылись в лесу, не потревожив ни одного листочка — за полсекунды до того, как с другой стороны из зарослей вынырнул Вязальщик с полуавтоматическим дробовиком наготове. Наемник тоже щеголял в гидрокостюме, поверх которого он нацепил бронежилет со всяческой амуницией в карманах; на ногах — солдатские боты.

Вязальщик нацелил дробовик на то место, куда скрылись Уилл с Джорджией, и принялся палить в лес — более или менее наугад.

Принято считать, что картечь разлетается из дробовика под каким-то неправдоподобным углом, так что если вы нацелите его на дверь гаража и нажмете на спуск, сквозь образовавшееся отверстие можно будет проехать на машине. Это не так, хотя разлет дробин или картечи у дробовика с коротким стволом, конечно, шире. Заряд, выпущенный из дробовика с длинным стволом, как у Вязальщика, на расстоянии в сто или сто пятьдесят ярдов дает разлет не больше моей растопыренной пятерни. Поэтому скорее всего он не зацепил никого — и с учетом своего опыта он, возможно, это понимал. Своей пальбой он просто отпугивал волков подальше.

В горячке боя трудно считать выстрелы, но я точно знал, что он стрелял восемь раз. Я знал, что на земле рядом с ним лежит восемь стреляных гильз из меди и пластика — это подсказывал мне Духоприют. Вязальщик стоял, заслоня собой Мэдлин, и как раз полез в карман, предположительно, чтобы перезарядить ружье.

Я не дал ему такой возможности. Я достал из кармана плаща свой револьвер сорок четвертого калибра, сел и попытался перестать трястись. Потом прицелился ему в ногу и нажал на спуск.

Грянул выстрел, левая нога Вязальщика вылетела из-под него, словно по ней с размаху врезали двадцатифунтовой кувалдой. Он завопил — скорее от неожиданности, чем от боли — и кулем повалился на землю. Наступила недолгая, но неожиданно полная тишина. Признаюсь, мне было почти жаль бедолагу. У него выдалась пара нелегких дней. Я услышал, как он со свистом втянул в себя воздух и стиснул зубы, чтобы не взвыть от боли.

Мэдлин резко развернулась ко мне; роскошные волосы слиплись на дожде мокрыми прядями, глаза сияли свирепым белым светом — это сидевший в ней голодный демон пожирал все большее ее сил, овладевая ею. Черный гидрокостюм порвался в нескольких местах, и на неестественно бледной для человека коже блестела неестественно бледная для человека кровь. Она двигалась не с той легкостью, что прежде, но все же уверенно, хищно пригнувшись, и направлялась она ко мне.

Башка все еще гудела как котел, и я сомневался, что смогу прикрыться заклятием — у меня просто не хватило бы времени. Зато пистолет я держал наготове — было бы глупо не воспользоваться им.

Я прицелился туда, где по моим расчетам у нее находилось сердце, выстрелил и попал в живот, что с учетом обстоятельств было не такой уж и позорный промах. Мэдлин вскрикнула и припала на колено. А потом подняла на меня пустые, горевшие безумным белым светом глаза, встала и сделала еще шаг.

Я выстрелил еще раз и промазал, потом еще раз. В отчаянии я стиснул револьвер обеими руками и стиснул зубы, отчетливо понимая, что пуль у меня осталось всего две. Следующий выстрел вырвал из ее бицепса кусок размером с теннисный мяч, заставив ее еще раз припасть с криком на колено.

Прежде, чем она двинулась дальше, я прицелился и выпустил последнюю пулю.

Она попала ей в солнечное сплетение — точно между подхваченными гидрокостюмом грудями. Мэдлин дернулась и потрясенно охнула. Потом покачнулась, и на мгновение мне показалось, что она сейчас упадет.

Но она не упала.

Пустые белые глаза вампира снова уставились на меня, губы раздвинулись в безумной ухмылке. Она наклонилась и подобрала свой оброненный пистолет — правда, ей пришлось сделать это левой рукой. Правая была вся в крови и болталась безвольной тряпкой.

Поскольку выбор оружия у меня изрядно сократился, я швырнул револьвер ей в лицо. Она без труда отбила его своим «Дезерт-Иглом».

— Ты, чародей, — произнесла Мэдлин глухим, изрядно севшим голосом, — особо вредная разновидность герпеса. Ты неуместен, неудобен, пусть и не представляешь собой реальной угрозы, и ты от меня *не уйдешь*.

— Сука, — отозвался я. Я все еще не мог собраться с мыслями. Все ведь относительно, правда?

— Не убивайте его, — прохрипел Вязальщик.

Мэдлин смерила его взглядом, от которого замерзла бы водка.

— Чего?

Вязальщик сидел на земле. Дробовик отлетел в сторону, так что дотянуться до него он не мог. Должно быть, он сам отшвырнул оружие, потому что падал, еще держа его в руках. Сообразительный тип: до него явно дошло, насколько плохо для него оборачивается эта потасовка — он фактически обездвижен и вряд ли сможет бежать, — так что сделал все от него зависящее, чтобы не производить впечатления вооруженного и очень опасного.

— Смертное проклятие, — пояснил он, тяжело дыша. — Он им остров сравнять с озером может.

Я набрал в грудь воздуха, задрал подбородок и постарался сделать так, чтобы глаза не смотрели в разные стороны.

— Бум! — с серьезным видом произнес я.

Вид у Мэдлин был так себе. Должно быть, одна из пуль разворотила артерию. Трудно сказать: разглядеть точнее мешала темнота.

— Возможно, ты и прав. Вязальщик. Стреляй он поточнее, полагаю, мне бы могло что-нибудь грозить. Но так мне что-то не слишком страшно. — Глаза ее чуть расширились, язык змеиным движением облизал губы. — И мне нужно покормиться, чтобы привести себя в порядок. — Она опустила пистолет, словно он вдруг сделался слишком тяжелым. — Да ты не бойся, Вязальщик. Когда он начнет визжать, повторяя мое имя, это будет никакое не проклятие. А если и попытается... — Она поежилась. — Бьюсь об заклад, на вкус он просто неописуемый.

Она подошла ближе, вся из себя бледная кожа и израненная плоть, и мое тело вдруг словно обезумело от желания. Дурацкое тело. Правда, в этот момент его желания весили более обычного, потому что рассудок все еще отходил от последствий взрыва.

Я замахнулся кулаком, целя Мэдлин в лицо. Она без труда перехватила мою руку и поцеловала в запястье. Сладкая серебряная молния, пронзив руку, пробежала по позвоночнику. Все, что оставалось еще от моих мозгов, исчезло к чертовой матери, и все, что я соображал — это только то, что она прижималась своей грудью к моей, своими губами к моим, и медленно, томительно медленно, сокрушала меня.

И тут из леса вывалился горелый труп.

Никакими другими словами я это описать не могу. Половина тела была чернее гамбургера, свалившегося сквозь решетку на угли. Оставшаяся покраснела, побагровела и опухла, сплошь покрывшись ссадинами, кровавыми пузырями — только кое-где виднелись редкие клочки бледной, почти белой кожи. На черепе моталось несколько клочков темных волос. Пожалуй, я мог утверждать, что формально, чисто формально труп принадлежал прежде женщине, хотя с учетом всех ожогов и травм это мало чего меняло. От горелой плоти слегка пахло текилой.

Единственной его частью, которую я узнал сразу, были холодные серебряные глаза.

Глаза Лары Рейт посветлели от безумной ярости и чудовищного Голода. Обожженной, искалеченной левой рукой она схватила Мэдлин за горло и с чудовищной силой сдавила.

Мэдлин успела еще вскрикнуть, резко дернув головой назад — а потом уже не издала ни звука. Обожженный, почерневший труп, только что бывший Ларой Рейт, уперся обгоревшим бедром в спину Мэдлин, аккуратно между лопатками, используя ее же позвоночник в качестве точки опоры.

Лара заговорила, и голос ее, казалось, исходит напрямую из Ада. Он звучал ниже, чуть более хрипло, но ничуть не менее привлекательно, чем раньше.

— Мэдлин, — промурлыкала она. — Я мечтала проделать это с тобой с тех пор, как мы были детьми.

Обожженная, чуть ли не до кости правая Ларина рука медленно, томно потянулась к напряженному животу Мэдлин. Медленно, очень медленно Лара вонзила пальцы в плоть прямо под нижнее левое ребро. Лицо Мэдлин перекосилось; она пыталась визжать, но не могла издать ни звука.

Лара повела плечами. Пальцы ее оставили в животе Мэдлин широкую, рваную рану, из которой вываливались красные и серые *штуковины*.

Ярко-розовый язык высунулся из почерневшего Лариного рта, и она коснулась им лба Мэдлин.

— Слушай меня, — прошипела она. Ее обгоревшая рука продолжала выдирать что-то из тела Мэдлин. — Слушай меня.

Жуткая сила вибрировала в этих словах. Я испытал безумное желание ползти к Ларе и отдать ей свои уши, при необходимости собственноручно оторвав их от головы.

Мэдлин трясло; силы окончательно покинули ее. Губы ее продолжали беззвучно шевелиться, но глаза ее при звуках Лариного голоса окончательно утратили осмысленность.

— Хоть раз в жизни, — продолжала Лара, целуя ее в горло обожженными, полопавшимися губами, — от тебя будет какая-то польза.

Глаза Мэдлин закатились, и тело бессильно обмякло.

С резким щелчком включился наконец мой мозг. Я откатился подальше от жуткого, тошнотворного, отвратительно-притягательного объятия Лары и Мэдлин. Вязальщик сидел, зажав уши руками и крепко-накрепко зажмурившись. Я ухватил его под руки и оттащил в сторону от кузин Рейт — ярдов на пятьдесят вниз по склону, через кусты и за упавший ствол старого орехового дерева. Мои манипуляции явно причиняли Вязальщику изрядную боль, но он помогал мне, пытаясь отталкиваться здоровой ногой.

— Сущий чертов ад, — выдохнул он, когда я отпустил его. — Сера и пламень, черт подери.

Я пошатнулся и сел, привалившись к стволу с другой стороны, пытаясь отдышаться и выкинуть из головы зрелище Лары, пожирающей Мэдлин.

— Какие уж тут шутки.

— Есть у меня знакомые, — пробормотал Вязальщик. — Кретины-кретинами. Все разглагольствуют, какие они бедные и несчастные, эти одинокие страдальцы-вампиры. Как они похожи на нас. Идиоты чертовы.

— Угу, — хрипло согласился я.

Мы помолчали немного. Сверху послышался негромкий, даже мягкий, но голодный вопль.

Мы вздрогнули и попытались сделать вид, будто ничего не слышали.

Вязальщик посмотрел на меня.

— Почему? — спросил он.

— Стоит Ларе войти во вкус, и она уже может не остановиться. Она бы сожрала и вас.

— Тоже верно, — с готовностью согласился Вязальщик. — Но я не об том. Почему?

— Должен же кто-то быть человеком.

Вязальщик посмотрел на меня так, словно я говорил на языке, в котором он не силен, и которого не слышал уже много лет. Потом резко отвернулся.

— Спасибо, приятель, — сказал он, не поднимая взгляда.

— Идите в жопу, — устало ответил я. — Сильно ранило?

— Задело кость, похоже, — сказал он. — Не навывлет. Но ничего серьезного не порвало, а то бы я уже сдох.

Он успел перетянуть ногу выше раны жгутом, да и плотно прилежавший к телу гидрокостюм, возможно, тоже помогал сдерживать кровотечение.

— На кого работала Мэдлин? — спросил я.

Он покачал головой:

— Она мне не говорила.

— Подумайте, — посоветовал я. — Хорошо подумайте.

— Все, что я знаю, — ответил он, — что это какой-то парень с уймой денег. Я с ним ни разу не общался. Когда она говорила с ним по телефону, они говорили по-английски. Только это не его родной язык. Говор у него такой... континентальный.

Я нахмурился. Благодаря телевидению большинство людей убеждены в том, что запросто угадают национальность человека по тому, как тот говорит по-английски. Однако в реальной жизни акцент может быть чертовски неясным, особенно если человек учился английскому не у англичанина. Попробуйте представить себе, например, каков будет акцент у поляка, которого обучал английскому немец, окончивший университет в Бельгии. Профессиональный лингвист, услышав такое, должно быть, рехнется.

Я внимательно посмотрел на Вязальщика.

— Сумеете выбраться отсюда самостоятельно?

Он поежился.

— Отсюда? Еще как, черт меня дер, смогу.

Я кивнул. Вообще-то Вязальщик нес ответственность за смерть Стража, но действия его не носили личной направленности. Я всегда смогу обвинить в ней труп Мэдлин Рейт.

— Попробуете вести дела у меня в городе или против Совета еще раз, и я убью вас. Ясно?

— Яснее не бывает, приятель.

Я встал и двинулся прочь. Я остался без посоха, жезла и пистолета. Все они лежали выше по склону.

Потом вернусь заберу.

— Пойдите, — окликнул меня Вязальщик. Он с усилием расстегнул и снял пояс, и я едва не лягнул его в голову, решив, что он тянется за оружием. Но нет, он просто отдавал его мне. На поясе висел ничем не примечательный черный контейнер.

— Что это? — спросил я.

— Еще две динамитные шашки.

Я сложил в уме два и два. Мозги вроде снова работали.

— Надеюсь, это не вы поджигали ту, что едва не разнесла Лару, а?

— Верно замечено, — согласился он.

Я собрался было идти, но он дотронулся до моей ноги и подался вперед, ближе ко мне.

— Там, внутри карман водонепроницаемый, а в нем телефон. Леди-босс дала мне его на время драки. Он включен. Может, леди-копу это занятым покажется.

Секунду я пристально смотрел на него, потом кивнул.

— Если это работает, — сказал я, — может, я и забуду сказать Стражам, что вы остались живы.

Он кивнул и опустил обратно на землю.

— Не горю желанием с вами встречаться, приятель. Ей-богу, не вру.

Я застегнул пряжку ремня и повесил его на плечо — так я мог при необходимости быстро сунуть руку в контейнер.

Потом занялся следующим пунктом программы — отыскать Уилла с Джорджией.

Оба лежали на земле ярдах в шестидесяти от того места, где я их видел в последний раз. Похоже, они огибали место битвы с Мэдлин, чтобы зайти с другой стороны. Я бесшумно пробирался сквозь кусты и наткнулся на них, уже в человеческом облики.

— Уилл, — тихо прошипел я.

Он поднял голову и вяло огляделся по сторонам.

— А... Что?

— Это я, Гарри, — сказал я, опускаясь рядом с ним на колени. Сняв с шеи амулет, я засветил его — не ярко, совсем чуть-чуть. — Ты ранен?

Джорджия что-то недовольно пробормотала: ее раздражал свет. Черт, да они лежали, тесно прижавшись друг к другу в довольно интимной позе. Я вдруг почувствовал себя... гм... третьим лишним и убрал свет.

— Извини, — сонно пробормотал он. — Мы собирались вернуться, но тут... так мило. Странно...

— Я заблудилась, — сообщила Джорджия. — И упала.

Зрачки у них увеличились, сделавшись размером с четвертной, и до меня вдруг дошло, что с ними: кровь Мэдлин. Полосуя суккуба своими клыками, они неизбежно нализились ее крови, а это действует не хуже иного наркотика. Я слышал всякое про кровь вампиров Белой Коллегии, но доказательств до сих пор не находил, а Томас о таком распространяться не любит.

— Блин-тарарам, — не без досады пробормотал я. Похоже, Мэдлин имела привычку причинять большую часть ущерба не умышленно, а по чистой случайности.

Я услышал короткий, отчаянно ласкающий слух крик с той стороны, где, как я знал, лежали на земле Лара с Мэдлин — а потом наступила тишина.

И Мэдлин на острове больше не было.

Я поднял руку и негромко свистнул. Послышался шелест трепещущих крыльев, и в воздухе передо мной повис крошечный человечек, стараясь при этом приглушить свет, обыкновенно окутывающий их в полете. Это был не Тук-Тук, но один из его подчиненных.

— Выставьте охрану у этих двоих, — скомандовал я, показав ему на Уилла с Джорджией. — Спрячьте их и постарайтесь увести в сторону всех, кто окажется поблизости.

Крошечный фэйре дважды мигнул голубым огоньком в знак того, что понял приказ, и унесся в темноту. Мгновение спустя две дюжины новобранцев из милиции под предводительством гвардейца заняли позиции вокруг моих друзей.

На Тука со товарищи, как правило, можно положиться — в ограниченных пределах, конечно. Это задание было для них трудноватым, но я не знал другого способа помочь Уиллу с Джорджией, а безумие на острове не стихало. Охрана Маленького Народца, возможно, не самая надежная, но другой я не нашел. Мне оставалось только надеяться на лучшее.

Я собирался связаться с Духоприютом, чтобы выяснить, как обстоят дела у Эбинизера и остальных, когда мой мозг пронзило ощущение какой-то чудовищной *неправильности*, а спина похолодела от страха и чьей-то чужой, не моей злобы. Я попытался определить источник этих ощущений и вдруг понял, что это гневится дух острова, на котором объявился кто-то, особенно ему ненавистный. Он высадился на берег со стороны, противоположной Чикаго, и теперь быстро двигался через лес, таща за собой еще одно, полуживое тело.

Моего брата.

Нааглоши высадился на Духоприют.

Я стоял в ночи, лишенный союзников, лишенный большей части оружия, и меня мутило от страха, пока Перевертыш миновал бой у причала и направлялся напрямик к маяку на вершине.

К Молли. К Дональду Моргану. Полным ходом.

Я низко опустил голову, нашел самый быстрый путь на вершину и побежал вверх, молясь, чтобы я оказался у башни первым.

Глава сорок четвертая

На бегу я пытался проследить ход боя между Белым Советом и войсками предателя, пославшего их

на остров. Каких бы врагов ни прихватил он с собой, людей они не напоминали даже отдаленно, зато их было много. Старейшины, Стражи и вампиры Белой Коллегии выстроились полукругом на берегу, так что от нападения с тыла их защищало озеро. Нападавшие держались опушки леса и время от времени устраивали короткие беспокоящие вылазки. Две человекоподобные фигуры, появившиеся на острове первыми, так и стояли в лесу, далеко от места боевых действий, и на мгновение меня охватила ужасная досада.

Если бы я только мог сообщить об этом Стражам, дать им знать, где находится предатель, им, возможно, и удалось бы атаковать его — вот только сообщить не было никакой возможности. Имейся у меня в распоряжении больше Маленького Народца, я мог бы задержаться, посвистеть им и поставить боевую задачу... и даже так они вполне могли бы спутать цели и обозначить своими фейерверками совсем других.

Ну, и потом, чародей представляет собой для Маленького Народца угрозу совсем иного порядка, нежели вампир или серый человек. Чародей, тем более настолько ловкий, что сумел много лет орудовать внутри Совета, ничем себя не выдав, может считать крошечных фэйре как насекомых, разом убив несколько десятков. Вне зависимости оттого, понимали ли они риск или нет, я не собирался посылать их на такое.

Но надо же мне было придумать хоть что-нибудь. Бой протекал для наших не слишком успешно: в самой середине их оборонительных позиций кровь мешалась под дождем с грязью.

Я стиснул в досаде зубы. Мне необходимо было сосредоточиться на своей задаче. Остановись я сейчас, попытайся помочь Совету и Лариной родне, это могло бы стоить Томасу жизни. И потом, если уж у Эбинизера, Слушающего Ветер и Мэй не получалось сдерживать нападавших, весьма сомнительно, чтобы я справился с этим лучше.

Придется им справляться без меня.

Мне не то чтобы удалось добраться до башни прежде, чем это сделал Перевертыш, но и опозданием я бы это не назвал. Должно быть, меняющему облик созданию девяти футов ростом с чутьем ночного хищника и сверхчеловеческой силой не так уж сложно и одолеть мой альянс с духом острова.

В качестве предзнаменования на оставшуюся часть вечера это вряд ли ободряло, но если бы я совершал умные поступки каждый раз, когда дело оборачивалось погано, возможно, наступил бы конец света.

Как выяснилось, передвигаться по лесу, абсолютно точно зная, куда поставить ногу, почти равнозначно абсолютно бесшумному перемещению. Я добежал до края деревьев и увидел Перевертыша, выходящего на поляну с противоположной стороны. Я застыл на месте, прячась за кустами, в тени деревьев.

Ветер все усиливался и делался холоднее, задувая с северо-востока — то есть со стороны Перевертыша. Это предупредило бы его, вздумай кто-нибудь напасть на него со спины, но и мне давало небольшое преимущество: унюхать меня Страшила не мог.

Он поднялся на вершину; жесткий рыжий мех, похоже, ни капельки не пострадал ни от долгого плавания, ни от дождя, который продолжал поливать нас время от времени. Несущиеся по небу тучи на мгновение расступились, открыв ущербную луну, и поляну с башней ненадолго залил серебристый свет.

В этом лунном свете я разглядел Томаса.

Нааглоши волочил его за лодыжку. Рубаха давным-давно слетела, и верхнюю часть тела покрывало столько порезов и царапин, что они напоминали дорожную сеть на крупномасштабной, изобилующей деталями карте. Его явно избивали. Один глаз распух настолько, что напоминал засунутый в глазницу персик. Все горло потемнело от синяков — значит, его еще и душили, возможно, неоднократно, скорее всего так, забавы ради.

Голова, плечи и спина тащились по земле, руки безвольными тряпками волочились следом. Когда нааглоши остановился, я увидел, как Томас чуть повернул голову: возможно, он пытался высмотреть путь к бегству. Намокшие волосы липли ко лбу. До меня донесся слабый, надрывный кашель.

Он был жив. Избит, истерзан, наполовину захлебнувшийся ледяной водой озера Мичиган — но *жив*.

Руки сами собой сжались в кулаки, такая жаркая, голодная ярость вспыхнула вдруг во мне. Я не планировал одолеть нааглоши в одиночку. Я рассчитывал, что при этом будут присутствовать еще и Лара со своей родней, и все до единого Старейшины. Собственно, так все и задумывалось: объединить их, показав общего врага. А потом одолеть нааглоши численным преимуществом и заставить его по меньшей мере бежать, освободив при этом Томаса. Я просто недооценил предателя — не ожидал, что он явится на острове с таким многочисленным воинством.

Биться с нааглоши в одиночку было бы идиотской ошибкой. Злость зачастую делает человека глупее. Не исключено, что я мог бы запитать ею свою магию — но злость, взятая отдельно, не добавляет человеку ни умения, ни ловкости, и неодолимой силы смертному чародею она тоже не дает.

Все, что она могла сделать, — это гарантированно меня угробоить, позволь я ей мною управлять. Поэтому я справился с гневом и заставил себя следить за нааглоши спокойным, бесстрастным взглядом. Стоит открыться мельчайшей возможности, хоть крошечной детали, способной дать мне шанс на победу, и я нанесу удар — вот, что я пообещал своему гневу. Я отвешу ему лучшую плюху за всю мою жизнь, и подспорьем мне будет могучая энергия Духоприюта.

Я сосредоточил все свое внимание на Перевертыше и принялся ждать.

Мгновение спустя до меня дошло, что сила у Перевертыша действительно чудовищная. То есть я, конечно же, знал это и раньше, но как-то не мог оценить угрозы, которую он собой представлял, помимо чисто физического аспекта. Даже глядя на него *зрением*.

(Тут это воспоминание, конечно же, с готовностью всплыло перед глазами, пытаясь лишить воли и сознания, как в прошлый раз. С трудом, но я его отогнал и больше не обращал на него внимания.)

С помощью Духоприюта я изучил противника детальнее. Перевертыш обладал собственным, чрезвычайно мощным источником энергии. Столь велика была его энергетика, что даже поток темной энергии, истекавшей из-под маяка, реагировал на нее, как реагирует масса океанской воды на положение луны. Реакция эта проявлялась на острове по-разному. Животные бежали от нааглоши как от лесного пожара. Даже деревья, казалось притихли и меньше раскачивались, несмотря на усилившийся ветер.

Страшила подошел к домику, где прятались Морган с моей ученицей, и тут произошло нечто странное.

Камни, из которых был сложен дом, начали переливаться язычками рыжего огня. Не то чтобы слишком яркого — совсем немного выделявшего их на фоне темноты. Однако стоило нааглоши сделать еще шаг, и огонь стал ярче, а языки его соткались в знаки, начертанные на камнях. Представления не имею, что это за язык — никогда не встречал прежде ничего подобного.

Нааглоши застыл как вкопанный, и еще один луч лунного света позволил мне разглядеть, что он оскалится. Он издал негромкий рык и попытался сделать еще шаг.

И тут его рыжий мех словно порывом ветра прижало к туловищу, и он так и не смог сделать ни шагу. Перевертыш стоял, поднимая ногу и ругаясь на незнакомом мне языке. Потом с рычанием отступил на несколько шагов и повернулся к башне. К ней он подступал уже осторожнее, чем к домику, и снова, стоило ему оказаться на расстоянии восьми или десяти футов от стены маяка, как та вспыхнула светящимися знаками, не подпуская нааглоши ближе.

Страшила издал полный досады звук, пробормотал что-то себе под нос и взмахнул волосатой рукой, швырнув в башню поток невидимой энергии. На мгновение знаки разгорелись ярче, словно поглотив ту магию, которой Перевертыш хотел их разрушить.

Тот снова выругался и поднял Томаса, словно хотел пробить себе путь сквозь камни с помощью его черепа. Потом покосился на моего брата, выругался еще раз и покачал головой, злобно бормоча что-то себе под нос. Отступил от башни он в несомненной досаде, не оставив никаких сомнений в том, что знаки на камнях, равно как и сила, с помощью которой они подавляли всю его магию, ему хорошо знакомы.

Дух острова редко делился своими эмоциями, но тут не удержался и он. Стоило Перевертышу отступить, как тот позволил себе мгновение самодовольного торжества.

Что, черт подери, это у него за штука такая?

Ох, ладно. Не важно. Точнее, это могло подождать. Важно было другое: правила игры только что изменились.

От меня больше не требовалось отобрать Томаса у Перевертыша и потом каким-то образом обороняться. Теперь мне нужно было только отобрать Томаса. Если бы мне удалось схватить брата и дотащить его до разбитой башни или домика, похоже, мы оказались бы в безопасности. Если сами камни сторожки отталкивают Перевертыша, все, что нам остается — это скомандовать Молли, чтобы та активировала кристалл, а потом ждать, пока нааглоши уберется. Каким бы ни стал исход ночного боя, днем Совет не может не победить — и худшее, что с нами могут сделать свои, в любом случае предпочтительнее того, что готовил для нас Перевертыш.

Разумеется, мой рациональный мозг напомнил, что существует миллион мелочей, которые могут пойти вразрез с этим планом. С другой стороны, у плана имелось заметное преимущество: по меньшей мере один пункт мог увенчаться успехом, а это на один пункт больше, чем могло бы получиться в

результате реализации моего предыдущего плана — «отобрать Томаса у Перевертыша и потом каким-то образом обороняться», — попытаюсь я осуществить все без посторонней помощи.

Нет, у меня и в самом деле появился шанс.

— Чародей! — выкрикнул Перевертыш. Он стоял лицом к дому и как раз начал медленно обходить его по кругу. — Чародей! Выходи! Отдай мне обреченного воина.

Ясное дело, я ему не ответил. Я торопливо менял позицию. Обходя дом, он в какой-то момент окажется между мной и пустым дверным проемом. Тогда, если я все рассчитаю, мне, возможно, удастся выпустить заряд кинетической энергии так, чтобы вырвать Томаса из его лап и швырнуть в дом.

Ну, конечно, если разряд не вырвет Томаса из хватки Перевертыша, он может просто-напросто сломать ему шею. Или, наоборот, вырвет, но удар окажется слишком силен и остановит ему сердце или расплющит легкие. Или, если я плохо прицелюсь, разможжит его о каменную стену. С учетом того, как паршиво он выглядел, это тоже могло запросто его убить.

И, конечно, если я ничего не предприму, Перевертыш наверняка его прикончит.

Что ж. Значит, мне просто нужно целиться точнее.

Я затаился напротив двери и нервно облизнул губы. С чистой, сырой, так сказать, кинетической энергией работать труднее, чем с любым другим видом магии. В отличие от использования огня или электрических разрядов такое заклятие питается исключительно силами самого чародея, его волей и разумом. Вызванный заклинанием огонь ведет себя так, как положено огню — если вы, конечно, не хотите чего-то особенного. То же самое с молниями. Однако энергии в чистом виде в природе не найти, значит, и визуализация ее дело непростое. Тут все зависит от силы воображения чародея.

Именно поэтому я обычно использую свой посох — ну, или другой аналогичный дивайс — они позволяют мне точнее сфокусировать поток энергии. Но посох лежал в нескольких минутах ходьбы, а мои кольца, энергии которых хватило бы для такой работы, спроектированы специально с одной целью — разрушать. И задумывал я их только для этого. Смягчить выпущенный из них разряд я не мог, а убивать Томаса не входило в мои планы.

— Чародей! — прорычал нааглоши. — Мне это надоело! Я пришел, чтобы в установленном порядке обмениваться пленниками! Не заставляй меня брать то, чего я хочу, силой!

Еще несколько шагов — и он остановится в нужном месте.

Мои ноги тряслись. Мои руки тряслись.

Секунду я потрясенно смотрел на них, потом до меня дошло, что я просто боюсь. Психическое излучение Перевертыша кулаком било по моим мыслям и расшатывало концентрацию. Я помнил, какой погром ему удалось учинить, сколько жизней это унесло, и как легко избежал он всего, чем пытались уязвить его мы.

Все, кроме безукоризненного исполнения заклатья, будет стоять моему брату жизни. Что, если Перевертыш догадается о моих планах? Что, если я неправильно рассчитаю количество энергии? Что, если я *промахнусь*? У меня даже не было подходящего инструмента, чтобы сконцентрировать энергию — а я и в лучшие-то времена не отличался особой точностью.

И что будет потом? Даже если мне удастся проделать все как надо, сам-то я останусь беззащитным в обществе взбешенного, жаждущего мести нааглоши. Что он со мной сделает? Перед моим мысленным взором тут же всплыл образ полуподжаренной Лары, вырывающей из живой еще Мэдлин внутренности. Почему-то я не сомневался, что нааглоши способен на штучки и похуже. Еще как хуже.

А потом пришла самая противная мысль: что, если все это вообще лишено смысла? Что, если предатель смылся, пока я вожусь со всякими гадами здесь, на вершине? Что, если чертова политическая логика требует, чтобы за смерть Ла Фортъе, несмотря ни на что, ответил Морган?

Господи... Как мне хотелось сейчас холодного пива и хорошей книги!

— Не облажайся, — прошептал я себе. — Не облажайся.

Перевертыш прошел перед зияющим отверстием двери.

А еще через секунду волочившееся за ним по земле тело Томаса оказалось точно между дверью и мной.

Я поднял правую руку, сосредоточился и выбросил из головы все, кроме сменявшихся у меня в мозгу друг друга цифр и формул расчета энергии.

А потом выбросил вперед руку с растопыренными пальцами и выкрикнул:

— Forzare!

Что-то размером и формой с бульдозерный отвал устремилось по земле от меня к брату, срезая верхний слой земли с камнями, кустами и травой. Невидимая сила, зарывшись на пару дюймов в землю, ударила в неподвижное тело и вырвала из руки нааглоши. Томас кувырком пролетел футов десять, с

силой ударился головой о каменный косяк и исчез внутри.

Выдержала ли его голова удар или разлетелась как глиняный горшок? Не сломал ли я брату шею?

Я взвыл от досады. Нааглоши немедленно повернулся ко мне, пригнулся и испустил яростный рык, от которого содрогнулся воздух, а с деревьев посыпалась мне за шиворот вода. Вся ярость от смертной обиды, от оскорбленного эго слышалась в этом крике, обещавшем смерть, описать которую можно, только вооружившись словарями, энциклопедией пыток и экземпляром «Анатомии» Грея.

Нааглоши из моего кристально-ясного воспоминания и тот, что стоял передо мной здесь и сейчас, разом бросились на меня, дабы ударить с двух сторон и порвать на клочки.

И мне вдруг стало наплевать, что эта тварь не уступала любому из тех кошмаров, с которыми я ни за что не осмелился бы встретиться в бою. Наплевать на то, что жить мне осталось скорее всего совсем немного.

Перед моими глазами лежало неподвижное тело Кирби. И маленькая, изуродованная фигурка Энди в больничной палате. Я увидел раны моего брата, вспомнил те муки, которые эта тварь причинила мне, когда я смотрел на нее своим зрением. Этой твари не место на земле. И если мне предстояло умереть, я не собираюсь делать это хнычущим от страха комком.

Если мне предстоит умереть — так уж с красивым, впечатляюще-кровавым спектаклем.

— А ну давай! — заорал я нааглоши высоким, хриплым от страха и злости голосом. Я занес правую руку, словно собирался бросить бейсбольный мяч, накачал в нее заряд воли, и ладонь наполнилась алым огнем. Потом выбросил вперед левую руку с браслетом-оберегом, изготовив его к обороне, и энергия земли у меня под ногами тоже добавилась к этому заряду. — Давай! Поди попробуй, импотент хренов!

Очертания нааглоши изменились с почти человеческих на другие, больше всего напоминающие гориллу: руки удлинлись, ноги сделались короче. Он с рыком ринулся вперед, одолевая разделявшее нас расстояние с устрашающей скоростью. А еще он исчез из виду, слившись с темнотой — прикрылся завесой.

Но Духоприют-то ведь знал, где Страшила. А значит, и я тоже.

Краешком сознания — тем самым, где обыкновенно отдыхает мой здравый смысл — я к ужасу своему отметил, что я и сам сорвался на бег. Не помню, когда я принял это решение, но я тоже несся навстречу Перевертышу, выкрикивая на бегу оскорбления. Я бежал, захлебываясь граничащей с безумием яростью; с каждым шагом, когда нога моя касалась земли, я накачивал в огонь у меня в руке все больше энергии, пока он не разгорелся как ацетиленовая горелка.

Нааглоши прыгнул, протягивая ко мне свои когти — жуткие горящие глаза его виднелись даже сквозь завесу.

Я как заправский бейсболист упал на правый бок и выставил щит под небольшим углом к земле. Зверь ударил в него с силой контейнера с кирпичами и отлетел вверх. Стоило ему полететь дальше — примерно в том же направлении, — как я убрал щит и с криком «Энди!» швырнул ему в живот миниатюрное солнце.

Огненный клубок ударил в Страшилу и, взорвавшись, швырнул еще на десяток футов в воздух, завертев как дым коромыслом — выражение это, признаюсь, абсолютно лишено какого-либо чертова смысла, однако до странного точно определяет характер зрелища. В нос ударил омерзительный запах паленой шерсти и горелого мяса. Нааглоши взревел от боли и бешеной ярости, рухнул на землю, прокатился по склону, пару раз подпрыгнув, и только тогда вскочил на ноги.

Конечно же, он снова устремился на меня, почти сразу скрывшись за завесой. На сей раз он превратился в кого-то еще — возможно, в кого-то из кошачьих. Не знаю, меня это не волновало. Я потянулся к дождю, к ветру и рокочущему грому, и набрал в горсть хорошую охапку молний. А потом, не дожидаясь, пока он на меня налетит, выбросил вперед левую руку и залпом разрядил смертоносную энергию всех колец.

Нааглоши проревел что-то на незнакомом языке, и мои разряды отрикошетили от его завесы, только разноцветные круги разбежались по невидимой поверхности от мест, куда я ими попал. И в то же мгновение я поднял правую руку.

— Томас! — выкрикнул я. — *Fulminas!*

Гром, одного звука которого хватило, чтобы с развалин маяка осыпалось несколько камней, грянул над холмом, а от бело-голубой вспышки стало больно глазам. Разбегавшаяся сетью иззубренных разрядов молния метнулась к нааглоши, защита которого не успела восстановиться после моей предыдущей атаки. Молния угодила ему точно в грудь, остановив на бегу. Мелкие, сорвавшиеся с основного разряды ударили в каменистую землю, оставив раскаленные докрасна лунки размером с голову.

Усталость разом навалилась на меня, перед глазами поплыли звезды. Я никогда еще не молотил никого с такой силой, и даже помощь Духоприюта ненамного смягчила потерю энергии. Я знал: стоит мне перестараться, и я просто упаду без сил — а Перевертыш все еще держался на ногах.

Но, конечно, он пошатнулся, и сквозь дрогнувшую на мгновение завесу я увидел, как широко открылись от удивления его глаза. Я буквально видел мысль, буравившую его голову: как это я ухитрюсь попадать в него с такой точностью, если он наверняка знает, что завеса непроницаема?

Малую долю секунды я видел в его глазах страх, и мое усталое тело захлестнула волна свирепого торжества.

Перевертыш снова оправился и сменил облик. Казалось, без особого напряжения он наклонился, оторвал от скалы кусок размером с бордюрный камень и швырнул в меня. Три или четыре сотни фунтов неслись ко мне со скоростью футбольного мяча.

Я уклонился в сторону — не так стремительно, как хотелось бы, из-за усталости, но достаточно, чтобы избежать попадания — и еще в движении снова собрал волю в кулак. На этот раз вокруг моей правой руки заплесали искрящиеся, серебристо-белые языки огня Души. Я лежал на земле, слишком усталый, чтобы вставать, стискивая зубы в ожидании атаки, которая так или иначе обещала стать последней.

Я слишком задышался, чтобы кричать, но рычать еще мог.

— А это, — выдохнул я, — тебе за Кирби, сукин ты сын.

Шнур свирепой энергии, усиленной искрящимся огнем Души, сорвался с моей руки и устремился в Перевертыша. Он попытался отбить заряд, но явно не ожидал, что я включу турбонаддув. Выстроенная нааглоши защита лишь чуть замедлила его, шнур трижды обмотался вокруг его шеи и с силой затянулся.

Атака Перевертыша захлебнулась. Он пошатнулся, и его завеса начала распадаться. Он отчаянно менял форму, пытаясь освободиться от сверхъестественной удавки — все напрасно. В глазах у меня темнело, но я не ослаблял усилий и затягивал ее ту же и ту же.

Перевертыш лихорадочно дергался и бился — а потом сменил тактику. Он припал к земле, выставил длинный коготь и крутанулся на месте, процарапав им по камню глубокую борозду. Потом бросил в очерченный круг заряд воли, и простейшее магическое построение разом отрезало удушающее заклятие от источника энергии — то есть от меня. Серебряный шнур вспыхнул и исчез.

Я лежал на земле, и сил у меня едва хватало на то, чтобы поднять голову. Я посмотрел на обещавший безопасное укрытие дом — от него меня отделяло всего сорок футов. С таким же успехом это могло быть и сорок миль.

Нааглоши расправил когтями мех на горле и издал довольный рык. Глаза его уставились на меня. Пасть раздвинулась в хищной ухмылке. Он вышел из круга и не спеша двинулся в мою сторону.

Кажется, я обещал красивый, впечатляюще-кровавый спектакль?

Глава сорок пятая

Нааглоши подошел ко мне и остановился, улыбаясь. Теперь он снова сделался почти похожим на человека. Возможно, ему просто легче было так говорить.

— Это было не так уж и позорно, — хмыкнул он. — Кто одарил тебя огнем Души, мелкая смертная вошь?

— Сомневаюсь, чтобы ты его знал, — ответил я. Даже речь давалась мне с трудом, но я привык производить впечатление хитрожопого типа и не собирался изменять своей привычке. — Он бы тебя в труху растолок.

Улыбка Перевертыша сделалась шире.

— Мне представляется поразительным то, что ты, способный черпать из самых огней Творения, начисто лишен веры, позволяющей их употреблять должным образом.

— Блин-тарарам, — пробормотал я. — Меня тошнит от садистских уроков вроде тебя.

Он склонил голову набок и пошваркал когтями о камень, затачивая их.

— А?

— Тебе нравится смотреть, как кто-то другой извивается на крючке, — сказал я. — Это тебя возбуждает. Но стоит мне умереть, и конец развлечению. Поэтому ты тянешь время глупыми разговорами.

— Тебе так не терпится уйти из жизни, смертный? — ухмыльнулся нааглоши.

— Если альтернатива — болтаться здесь с *тобой*, то даже сомнений, черт меня подери, нет, —

отозвался я. — Давай кончай или угребивай.

Он сделал почти незаметное, по-змеиному быстрое движение когтями, и мое лицо вдруг обожгло огнем. Больно было так, что я даже крикнуть не сумел. Я сложился пополам, прижав руки к правой щеке и скрипя зубами.

— Как хочешь, — сказал нааглоши, пригибаясь ближе. — Но позволь мне подбросить тебе одну мысль, маленький заклинатель духов. Ты думаешь, что одержал победу, вырвав фага из моих рук. Он пробыл у меня больше суток, и я ничего не оставил. У тебя слов не найдется для того, что я с ним делал. — Я услышал, как ухмылка его сделалась еще шире. — Он голодает. Обезумел от Голода. И я унюхал в этой хибаре молодую самку-заклинательницу. — Он буквально замурлыкал от удовольствия. — Я как раз думал, не бросить ли фага туда, к ней, но ты был так добр, что избавил меня от хлопот. Подумай об этом на пути в вечность.

Даже боль и страх не помешали моему желудку застыть ледяным комом.

О господи.

Молли.

Правым глазом я ничего не видел, да и чувствовать ничего не чувствовал кроме боли. Я вывернул голову как мог вправо, чтобы левый глаз сфокусировался на нааглоши — тот склонился надо мной, шевеля окровавленными когтями прямо-таки с сексуальной чувственностью.

Я не знал, бросался ли кто-либо прежде смертным проклятием, усиленным огнем Души. Я не знал, означает ли использование собственной души в качестве топлива для финального костра то, что она никогда не попадет туда, куда положено попадать душам, когда они покончат с земными делами. Я знал только одно: как бы все ни обернулось, терпеть боль мне осталось не так долго, и я очень хочу стереть эту ухмылку с физиономии Перевертыша, прежде чем все закончится.

Не знаю, насколько дерзким можно выглядеть, глядя одним глазом, но я постарался как мог, даже готовя плюху, которая наверняка вытянет из моего тела остаток жизни.

А потом что-то замерцало и пролетело над спиной нааглоши. Тот охнул от неожиданности, резко выпрямился, отвернувшись от меня в поисках источника света. На спине его, поперек плеч темнела длинная, узкая рана — такая узкая и ровная, словно ее нанесли скальпелем.

Или макетным ножом.

Тук-Тук заложил боевой разворот, как пику выставив перед собой окровавленный макетник. Он прижал к губам крошечную трубу и протрубил сигнал — точь-в-точь команду кавалерийской лаве, только на несколько тональностей выше.

— Прочь, злодей! — выкрикнул он пронзительным голосом и снова устремился на Перевертыша.

Нааглоши взревел и взмахнул рукой, но Тук увернулся и прочертил ему ниже локтя еще одну кровавую полосу длиной дюймов девять.

Страшила в ярости повернулся к крошечному фэйре. Тело его снова изменилось, приобретя кошачьи очертания, только с длинными передними конечностями. Он размахивал когтями, пытаясь зацепить Тука, но мой маленький гвардеец каждый раз на волосок опережал удар.

— Тук! — заорал я во весь голос. — Улетай отсюда!

Нааглоши произнес какое-то зловещее ругательство — Тук в очередной раз увернулся от его когтей. Он взмахнул рукой, словно разрубая пустой воздух, и прошипел несколько слов на каком-то диком языке. Из ниоткуда налетел злобный шквал, подхватил крошечное тельце Тука и швырнул его в кусты ежевики на краю поляны. Он с треском врезался в заросли, и окружавший его шар света окончательно и бесповоротно погас.

Нааглоши повернулся и швырнул в ту сторону задними лапами несколько комьев земли. Потом, злобно скалясь, направился обратно ко мне. Я смотрел, как он приближается, понимая, что сделать больше ничего не могу.

Что ж, по крайней мере я отбил у этого ублюдка Томаса.

Желтые глаза нааглоши горели ненавистью. Он приблизился и поднял когти.

— Эй, — негромко произнес новый голос. — Ты, урод.

Я повернул голову одновременно с Перевертышем.

Не знаю, как Индейцу Джо удалось прорваться сквозь кольцо нападавших и подняться на холм, но он это сделал. Он стоял на краю поляны в мокасинах, джинсах и рубаше из телячьей кожи, украшенной всякими там костяшками и бирюзой. Длинные седые волосы его были по обыкновению заплетены в косички, костяное ожерелье почти светилось под луной.

Нааглоши, не шевелясь, смотрел на старого знахаря.

Все на вершине холма стихло и замерло.

Слушающий Ветер улыбнулся. Он опустился на колени и погрузил руки в грязь и рыхлую землю, тонким слоем покрывавшую кое-где гранит. Сложив руки лодочкой, он зачерпнул землю, поднес ее к самому лицу и потянул воздух носом, приносясь. Потер ладонь о ладонь, как человек, готовящийся к тяжелой, рутинной работе, и встал.

— Мать говорит, — произнес он негромко, — что тебе не место здесь.

Нааглоши оскалил клыки. Он зарычал, и эхо этого рыка вернулось к нам, отраженное от деревьев и башни.

В небе полыхнула молния, но удара грома за ней не последовало. Мгновение Перевертыш стоял, залитый зловещим зеленоватым светом. Слушающий Ветер запрокинул лицо к небу, чуть склонив голову набок.

— Отец говорит, что ты урод, — сообщил он. Потом прищурился и расправил плечи, глядя на нааглоши в упор. Гром наконец докатился до острова, эхом вторя голосу старого знахаря. — Я дарю тебе шанс. Уходи. Сейчас же.

— Старый заклинатель, — прорычал в ответ Перевертыш. — Невезучий хранитель умерших. Я не боюсь тебя.

— А стоило бы, — заметил Слушающий Ветер. — Мальчик тебя почти одолел, а ведь он даже не знает Искусства, не говоря уже о Старых Обычаях. Изыди. Последний шанс.

Нааглоши издал залиvistый рык, и тело его изменилось, на глазах раздаваясь вширь, набирая вес и мощь.

— Ты не святой. Ты не следуешь Благословенным Путем. У тебя нет надо мной власти.

— Я не собираюсь ни связывать тебя своим законом, ни изничтожать тебя, старый дух, — сказал Индеец Джо. — Просто натяну тебе жопу на уши. — Он стиснул кулаки. — Начнем?

Перевертыш взревел и выбросил руки вперед. Две ленты непроглядной черноты сорвались с них, на лету дробясь на десятки и сотни черных змей, и все они темным облаком неслись на Слушающего Ветер. Знахарь даже не моргнул. Он поднял руки к небу, запрокинул голову и запел что-то на языке индейских племен. Дождь, который почти перестал к этому времени, снова стеной обрушился на землю — не на всю, только на небольшую часть поляны ярдов десять в поперечнике. Рой черного колдовства врезался в эту стену и словно растворился.

Индеец Джо опустил взгляд на нааглоши.

— И это все, на что ты способен?

Нааглоши прорычал еще несколько непонятных мне слов и начал швыряться энергией — обеими руками. Вслед за огненными шарами вроде того, что я уже видел в Шато-Рейт, полетели брызжащие искрами голубые шары поменьше, а потом зеленые, из какой-то желеобразной субстанции, от которых едко пахло серной кислотой. Его способности как заклинателя впечатляли. Я бы не удивился даже, если бы в Слушающего Ветер полетела вдруг, скажем, взявшаяся из ниоткуда кухонная мойка. Нааглоши словно с цепи сорвался, обрушив на маленького, пожилого, морщинистого знахаря столько энергии, что можно было бы сровнять холм с морским дном.

Я не имею ни малейшего представления о том, как Индейцу удалось это отбить — и это при том, что все происходило у меня на глазах. Он снова запел, раскачиваясь всем телом взад-вперед, и на сей раз время тоже замедлялось и ускорялось в такт его песне. Двигался он не быстро, даже слегка скованно из-за возраста, но движения эти все равно сплетались в танец. На лодыжках у Индейца Джо были повязаны ленты с бубенчиками, и еще две на запястьях, и они тоже звенели в такт песне.

И вся эта обрушивавшаяся на него энергия не могла отыскать брешь в его обороне. Огонь обтекал его раскачивавшееся в танце тело, не опалив ни волоска. Сыпавшие электрическими искрами шары просто исчезали, не долетая до него нескольких футов, и снова возникали в нескольких футах за его спиной, продолжая свой полет как ни в чем ни бывало. Шары зеленой кислоты меняли траекторию и с шипением, в клубах едкого пара разбивались о землю, не причиняя ему никакого вреда. Он защищался красиво. Вместо того чтобы отражать силу силой, он прикрывался от нее совсем другой магией, и то, каким беспомощным оказалось перед ней черное колдовство Перевертыша, казалось совершенно естественным, словно по-другому и быть не могло.

Однако нааглоши, осыпая Слушающего Ветер градом смерти и боли, постепенно подвигался вперед, пока не оказался в какой-то паре десятков футов от старого знахаря. Глаза его полыхнули жутким восторгом, и он с громким ревом прыгнул на старика.

Сердце застыло у меня в груди. Возможно, в деле Моргана Слушающий Ветер оказался и не на моей стороне, но он не раз помогал мне в прошлом, и он был одним из немногих чародеев, кого Эбинизер Маккой по-настоящему уважал. Он был достойный человек, и я не хотел, чтобы он пострадал, защищая

меня. Я попытался крикнуть, предупреждая об опасности, и даже открыл уже рот, но тут вдруг увидел его лицо и осекся.

На лице у Индейца Джо играла свирепая волчья ухмылка.

Нааглоши летел на него; рот его на лету вытягивался, превращаясь в звериную пасть; лапы тоже удлиннялись, выпуская когти, и все это хищно тянулось к старику.

Слушающий Ветер произнес всего одно слово, но так властно, что воздух завибрировал от напряжения, а потом уже *его* фигура изменила очертания — быстро, текуче, словно он весь состоял из жидкой ртути и сохранял человеческий облик только усилием воли. Его тело превратилось в нечто иное с такой легкостью, как обычный человек делает вдох.

Нааглоши описал в воздухе дугу и приземлился. Но не на морщинистого старика в мокалинах и джинсах.

Вместо этого он оказался нос к носу с бурым медведем размером с микроавтобус.

Медведь испустил рык, от которого леденела кровь в жилах, и ринулся вперед, опрокинув нааглоши напором и весом. Если вам доводилось видеть такого зверя в деле, узнаете, что описать это словами — дело почти безнадежное. Громкость рыка, движения мышц под толстой шкурой, блеск белых клыков, багровый огонь в глазах соединяются в нечто большее, чем просто сумма составляющих. И ужас это вселяет первобытный, ввевшийся в генетическую память человека с доисторических времен.

Нааглоши отчаянно завизжал и замахал когтистыми лапами. Тут, однако, у него вышла неприятность. Его длинные, острые когти, идеальные для расчленения мягкотелых людей, не в состоянии были пробить даже толстой медвежьей шкуры с густым мехом, не говоря уже о защищавшем мускулатуру слое подкожного жира. С таким же успехом он мог бы примотать к лапам пластмассовые расчески.

Медведь стиснул зубами череп Перевертыша, и на секунду мне показалось, что бою пришел конец. Однако нааглоши дернулся, там, где только что находилось обезьяноподобное существо, мелькнул ярко-желтый мех, и длинный, гибкий, похожий на огромную ласку зверь вывернулся из медвежьих лап, торжествующе взвизгнул и отпрянул в сторону.

Но Индеец Джо тоже не собирался сдаваться. Медведь подпрыгнул высоко в воздух и приземлился стройным, стремительным койотом. Едва коснувшись земли, койот оскалил зубы и бросился за лаской, которая резко развернулась и злобно оскалилась — все шире, шире, до тех пор пока навстречу койоту не распахнул пасть поросший редкими клочками желтого меха аллигатор. Койот летел прямо ему в зубы и свернуть уже не успевал.

Волчье тело дрогнуло, изменяясь, и чернокрылый ворон, пролетев сквозь частокол зубов, вылетел с другой стороны крокодильей морды. Пасть захлопнулась прямо у него за хвостом. Ворон оглянулся, издал каркающий издевательский смех и заложил вираж над поляной.

Аллигатор содрогнулся и превратился в золотого, стремительного сокола; клочки желтоватого меха торчали по бокам точь-в-точь как уши нааглоши в его человекообразной форме. Он со сверхъестественной скоростью устремился за вороном, на лету прикрываясь завесой.

Ворон, пару раз взмахнув крыльями, начал осторожно кружить над поляной, высматривая противника — и тут в спину ему впились соколиные когти. Оцепенев от ужаса, смотрел я на то, как крючковатый клюв, вынырнув из ниоткуда, стремительным движением ударил в спину схваченного ворона...

...и наткнулся на покрытый шипами, твердый как камень черепаший панцирь. Кожистая голова на длинной шее повернулась, и челюсти, которые запросто перекусили бы среднего размера силовой кабель, сомкнулись на ноге сокола-нааглоши. Тот испустил вопль боли, и оба камнем полетели на землю.

Только когда до земли оставались считанные фута, черепаха обернулась кем-то вроде белки-летяги, широко растопырила лапы и перевела полет из отвесного пике в пологое. Коснувшись земли, она покатила клубком, гася инерцию. Соколу повезло меньше, а может опыта не хватило. Он начал преображаться, но врезался в каменистую землю прежде, чем этот процесс завершился.

Белка повернулась, прыгнула и, превратившись в прыжке в горного льва, обрушилась всей массой на бесформенную, оглушенную мешанину перьев и желтого меха. Клыки и когти впились в нааглоши, тот жутко завизжал, и на землю брызнула черная кровь. Нааглоши превратился в какой-то кошмар на четырех лапах, с кожистыми перепончатыми крыльями, весь усеянный глазами и ртами. Рты визжали что-то одновременно на дюжину разных голосов. Каким-то образом он вывернулся-таки из львиных когтей и понесся, спотыкаясь и едва не падая, по поляне. Набрав скорость, он начал тяжело подпрыгивать, хлопая крыльями. Больше всего он напоминал альбатроса, которому никак не удастся

взлететь из-за отсутствия встречного ветра. И все это время горный лев гнался за ним по пятам, полосую заднюю часть тела когтями и зубами.

Нааглоши исчез в темноте, только вопли, почти плач доносились до нас, пока он спускался по склону к озеру. Духоприют реагировал на его бегство с несомненным удовольствием, и я не могу винить его за это.

Перевертыш бежал с острова. Некоторое время ночной ветер доносил еще издалека его вопли, потом стихли и они.

Горный лев смотрел вслед нааглоши еще несколько долгих секунд. Потом сел, опустив голову, встряхнулся и снова стал Индейцем Джо. Старик сидел на земле, опираясь на нее обеими руками. Он медленно, словно у него затекли ноги, встал; одна рука, похоже, была сломана чуть ниже локтя. Еще некоторое время он смотрел вслед бежавшему противнику, потом фыркнул, повернулся и не спеша направился ко мне.

— Уау, — негромко сказал я ему.

Он чуть вздернул подбородок. На мгновение глаза его осветились гордостью и могуществом, потом он устало улыбнулся мне и снова превратился в обычного, усталого на вид старика.

— Ты установил с духом священную связь? — спросил он.

Я кивнул.

— Вчера ночью.

Он смотрел на меня так, словно не мог решить, рассмеяться ли мне в лицо или хорошенько стукнуть по мозгам.

— Ты ведь никогда не вляпываешься в неприятности наполовину, а, сынок?

— Явно нет, — пробормотал я, сплевывая кровь. Ее к этому времени набралось во рту достаточно. Лицо не стало болеть меньше только оттого, что нааглоши исчез.

Индеец Джо опустился рядом со мной на колени и с профессиональной сноровкой осмотрел мои раны.

— Угрозы для жизни нет, — заверил он меня. — И нам нужна твоя помощь.

— Вы смеетесь, — прохрипел я. — Я же размолот в труху. Я даже идти не могу.

— Нам нужна только твоя голова, — успокоил меня он. — Там, внизу, у места боя растут деревья. Им сейчас тяжело. Можешь их ощутить?

Он еще не договорил, а я уже ощутил их через духа острова. Точнее говоря, речь шла о четырнадцати деревьях — старых ивах, по большей части растущих у самого берега. Ветви их склонялись к воде под чудовищной тяжестью.

— Угу, — сказал я. Голос мой доходил до меня словно со стороны и звучал неестественно спокойно.

— Остров может очень быстро избавиться от тех, кто на них сидит, — сказал Индеец Джо. — Для этого достаточно ненадолго убрать воду из земли под ними.

— И что? — спросил я. — Как, вы думаете, мне...

Я осекся, не договорив, потому что Духоприют отозвался на эту мысль. Казалось, он ухватил суть сказанного Индейцем Джо, но я сразу же сообразил, что это не совсем так. Дух понял не слова Слушающего Ветер, а мысли, посеянные этими словами у меня в голове. Связь посредством звуков представлялась духу острова столь неизящной, громоздкой и неестественной, что произнесенные слова он игнорировал. Другое дело — мысли.

Я практически собственными нервными окончаниями ощущал, как чуть подвинулась, устраиваясь по-новому, земля, когда остров вытянул воду из грунта под теми деревьями. Побочным эффектом стало именно то, на что рассчитывал Индеец Джо. Стоило почве у древесных корней пересохнуть, как она начала сосать влагу из самих деревьев — начиная с конца ветвей. Листья и ветки почти мгновенно лишились влаги...

...и утратили гибкость.

Снизу, со стороны берега, донесся громкий треск. Множество ветвей сломалось практически одновременно, словно взорвалось несколько ящиков петард. И почти тут же этот треск сменился грохотом выстрелов и раскатами грома, а низкие тучи озарились отсветами багрового огня.

Я попытался сосредоточиться на других ощущениях острова и тотчас почувствовал и их: потоки высвобожденной там, внизу, энергии, лужи какой-то странной крови под поврежденными деревьями — которую те, страдая от внезапной жажды, мгновенно высосали. Стражи наступали в направлении деревьев. Вампиры неслись перед ними с легкостью бегущих по кровавому следу хищников. А в деревьях гибли десятками сраженные пулями и разрядами магической энергии какие-то странные, непонятные мне твари.

Остров осветился — яркая серебряная звезда на несколько секунд зависла над ним сигнальной ракетой.

Увидев это, Индеец Джо словно обмяк немного и с облегчением вздохнул.

— Вот и хорошо. С ними все в порядке. — Он покачал головой и посмотрел на меня. — Ну тебе и досталось, парень. У тебя есть здесь где-нибудь аптечка?

Я сделал попытку сесть и не смог.

— Молли, — пробормотал я, с трудом ворочая языком. — Томас... вампир. — Я спохватился и повернул голову в сторону кустов, где лежал мой преданный маленький гвардеец — тот, что подарил мне несколько бесценных секунд в самом разгаре боя. — Тук... — Я начал подниматься на ноги.

— Спокойно, — произнес Служащий Ветер. — Спокойно, *спокойно*, сынок. Ты ведь не можешь...

Он говорил что-то еще, но голос его утонул в оглушительном реве, и все, все мысли и страхи разом стихли у меня в голове. Наступила просто... тишина. Восхитительная тишина. И ничего не болело.

Я успел еще подумать: *а вот это могло бы мне понравиться.*

А потом ничего.

Глава сорок шестая

Где-то рядом разговаривали. Голова раскалывалась до тошноты, и лицо, казалось, опухло до неузнаваемости. Откуда-то справа пригревало и пахло древесным дымом. Земля подо мной была жесткой, но не холодной. Я лежал на одеялах или чем-то в этом роде.

— ...нет смысла предпринимать что-либо, достаточно просто ждать, — говорил Эбинизер. — Да, они под кровом, но тот протекает. И в любом случае утро с этим разберется.

— Аi уа, — пробормотала Старая Мэй. — Я уверена, мы с этим справимся без особого труда.

— Но не без риска, — рассудительно сказал Эбинизер. — Морган никуда не денется. Что страшного, если мы подождем, пока щит упадет?

— Меня не волнует это место, — ответила Старая Мэй. — Его фэн-шуй неприятен. И если девчонка не чернокнижница, она давно бы уже убрала щит.

— Нет! — послышался голос Молли. Он доносился причудливо искаженным, словно прошел пятьдесят футов ржавых труб и вувузелу впридачу. — Я не опущу щит, пока мне не скажет это сделать Гарри. — Она помолчала немного. — Э... и потом, я не знаю точно как.

— Возможно, — произнес голос, принадлежавший, судя по всему, одному из Стражей, — мы смогли бы подкопаться под него.

Я медленно выдохнул и облизнул потрескавшиеся губы.

— Не тратьте попусту времени, — сказал я. — Это сфера.

— Ой! — обрадовалась Молли. — Ох, слава богу! Гарри!

Я медленно сел. Прежде чем я успел еще пошевелиться, Индеец Джо подхватил меня за плечо.

— Полегче, сынок, — произнес он. — Полегче. Ты потерял изрядно крови, и на голове у тебя такая шишка, что шляпа не налезет.

Башка у меня и впрямь здорово кружилась, пока он все это говорил, но я все-таки остался в сидячем положении. Он протянул мне флягу, и я напился — медленно и осторожно, по глотку. Потом открыл глаза и огляделся по сторонам.

Мы все находились в полуразрушенном доме. Я сидел на полу у камина. Эбинизер — в центре, прислонив старый деревянный посох к плечу. Старая Мэй стояла в противоположном от меня углу, а за спиной ее маячили четверо Стражей.

Морган лежал на матрасе в той же позе, в какой я его оставил, заснув или без сознания; Молли сидела рядом с ним на полу, держа обеими руками кристалл кварца. От него исходило ровное белое сияние, освещавшее помещение на порядок сильнее, чем огонь в камине, — идеально ровный светлый шар размером с небольшую палатку охватывал Моргану и мою ученицу пузырем защитной энергии.

— Привет, — сказал я Молли.

— Привет, — откликнулась она.

— Значит, сработало, а?

Она округлила глаза.

— А вы что, не уверены были?

— Разрабатывал я на совесть, — ответил я. — А вот возможности испытать в полевых условиях не представилось.

— Ох, — сказала Молли. — Э... Да, сработало.

Я хмыкнул и посмотрел на Эбинизера:

— Сэр...

— Хосс, — произнес он. — Рад, что ты с нами.

— Мы теряем время, — заявила Старая Мэй и повернулась ко мне: — Скажи своей ученице, чтобы она сейчас же убрала щит.

— Минуточку.

Она недовольно прищурилась, и стоявшие рядом с ней Стражи немного напряглись.

Я не стал обращать на нее внимания и снова повернулся к Молли:

— Где Томас?

— С семьей, — ответил спокойный голос.

Оглянувшись, я увидел Лару Рейт: она стояла в дверях, завернувшись в одно из одеял из каюты «Жучка-плавунца». Выглядела она, как всегда, очаровательно, только волосы сгорели почти до корней. Без обычного обрамления лицо ее казалось резче, угловатее, а серые глаза даже больше и яснее обычного.

— Не переживайте, Дрезден. Ваша марионетка будет жить, чтобы им манипулировали и дальше. Мои люди позаботятся о нем.

Я попытался разглядеть в ее лице что-нибудь такое, что рассказало бы мне больше о Томасе, но не нашел ничего. Она просто спокойно смотрела на меня.

— Что ж, вампир, — произнесла Старая Мэй. — Вы его видели и поговорили с ним. То, что будет дальше, — внутреннее дело Совета.

Лара холодно улыбнулась Мэй и снова повернулась ко мне.

— Еще одно дело, Гарри, пока я здесь. Вы не против, если я позаимствую у вас это одеяло?

— И что будет, если против? — поинтересовался я.

Она повела плечом, и одеяло соскользнуло.

— Разумеется, я его верну.

Образ избитого, наполовину сожженного существа, целовавшего Мэдлин Рейт, одновременно выдирая у нее внутренности, живо встал у меня перед глазами.

— Возьмите себе, — сказал я.

Лара снова улыбнулась, на этот раз блеснув зубами, и наклонила голову. Потом повернулась и ушла. Я механически смотрел ей вслед, пока она не скрылась, после чего повернулся к Эбинизеру:

— Что произошло?

Он хмыкнул.

— Кто бы ни явился сюда из Небывальщины, он отворил в лесу портал в сотню ярдов шириной. И пригнал сюда с собой примерно сотню здоровенных мохнатых пауков.

Я заморгал и нахмурился:

— Пауков?

Эбинизер кивнул.

— Не сотворенных магией. Настоящих — возможно, из Феерии. Они заставили нас изрядно попотеть. Одни начали заплетать деревья паутиной, другие не давали нам покоя, пытались загнать в эти сети.

— Больше всего старались не допустить нас до того, кто отворил портал, — добавил Слушающий Ветер.

— Скорее не дать никому увидеть, кто это, — кивнул я. — Это и был наш преступник. Подлинный убийца.

— Возможно, — вполголоса согласился Эбинизер. — Как только ветки с паутиной упали, мы начали теснить пауков. Он бежал. И стоило ему исчезнуть, пауки тоже разбежались.

— Черт, — тихо произнес я.

— А ведь ради этого все и затевалось, — заметил Эбинизер. — Не было ни информатора, ни показаний.

Я кивнул:

— Я объявил это вам, чтобы выманить настоящего убийцу. Чтобы заставить действовать. И он так и сделал. Вы видели все собственными глазами. Этого более чем достаточно, чтобы доказать невиновность Моргана.

Старая Мэй покачала головой:

— Единственное, что это доказывает — это что кто-то еще пытается предать Совет, и ему есть что скрывать. Это не значит, что Морган не мог убить Ла Фортье. В лучшем случае это позволяет

предположить, что тот действовал не один.

Эбинизер пристально посмотрел на нее:

— Значит, все-таки заговор — я правильно понял? И кто из нас говорил что-то насчет избыточной сложности?

Мэй отвернулась от него и пожала плечами:

— Должна признать, теория Дрездена представляется теперь более простым и вероятным объяснением происходящего. — Она вздохнула. — Однако в нынешней ситуации этого недостаточно.

Эбинизер нахмурился:

— Обязательно надо казнить кого-то?

Мэй снова подняла на него взгляд.

— Совершенно верно. Участие Моргана в убийстве выглядит вполне правдоподобным. Имеющиеся улики позволяют предположить, что он виновен. И Белый Совет не может выказать слабости по этому вопросу. Мы не можем допустить, чтобы смерть Ла Фортье осталась без возмездия.

— Возмездия, — заметил Эбинизер. — Не правосудия.

— Не правосудие удерживает самые различные силы от уничтожения Белого Совета, чтобы потом поступать с человечеством так, как им заблагорассудится, — ответила Старая Мэй. — Это делает страх. Это делает сила. Они должны знать, что, если позволят себе напасть на нас, последствия будут для них самыми катастрофическими. Я сознаю, насколько предосудительно было бы приговорить к смерти невиновного человека — тем более того, кто неоднократно демонстрировал свою преданность Совету. Но в целом это будет менее деструктивно и безответственно, нежели показать врагам нашу слабость.

Эбинизер оперся локтями о колени и посмотрел на свои руки. Он покачал головой и промолчал.

— А теперь, — продолжала Мэй, повернувшись ко мне, — ты прикажешь своей ученице убрать щит, иначе я порву его в клочья.

— Я бы только посоветовал прежде отойти на несколько шагов назад, — заметил я. — Если его разрушит что-либо, кроме правильной последовательности действий, он взорвется. Снесет к чертовой матери дом. И башню. И вершину холма. Девочка и Морган, правда, останутся невредимы.

Молли поперхнулась.

— Гррр, — пробормотал Эбинизер. — Ты все-таки осуществил ту задумку, да?

Я пожал плечами:

— После того, как те зомби едва не прорвались сквозь мою оборону, мне очень хотелось чего-то более надежного.

— Долго пришлось работать?

— Три месяца — по ночам и выходным. — Я вздохнул. — Здорово пришлось повозиться.

— Похоже на то, — согласился Эбинизер.

— Чародей Маккой, — резко произнесла Мэй. — Позвольте напомнить вам, что Дрезден и его ученица оказывали содействие и укрывали беглеца от правосудия.

— Мэй, — сказал Слушающий Ветер у меня из-за спины. — Довольно.

Она повернулась к нему и сурово сдвинула брови.

— Довольно, — повторил Слушающий Ветер. — Час и так достаточно черен, чтобы пытаться красить людей той же краской, какой, похоже, придется покрыть Моргана. Одна смерть — суровая необходимость. Добавить к ней еще две, причем невинных людей — бессердечно, бессмысленно и просто порочно. Совет интерпретирует действия Дрездена как нацеленные исключительно на поддержание Законов Магии. Этим все и кончится.

На лице Мэй не отобразилось ничего — абсолютно ничего. Я не мог даже отдаленно представить себе, что происходит за этой маской. Некоторое время она молча смотрела на чародеев, потом на меня.

— Мерлин будет недоволен.

— Это хорошо, — кивнул Слушающий Ветер. — Никто не должен радоваться итогам этого дня.

— Я отвезу Моргана в темницу, Мэй, — сказал Эбинизер. — Почему бы вам не переправить Стражей в город на катере? Вам будет проще без нас с Индейцем. А мы поплывем на другом катере.

— Дайте слово, — настаивала Мэй, — что вы доставите Моргана в Эдинбург.

— Обещаю, — произнес Эбинизер, — что доставлю в целости и сохранности.

Она коротко кивнула.

— Стражи.

И молча вышла из дома. Четверо Стражей последовали за ней.

Я смотрел им вслед. Они начали спускаться по лестнице, ведущей к пристани.

Я повернулся к Слушающему Ветер.

— Мне нужна ваша помощь в одном деле.

Он кивнул.

— Вон там, на краю поляны — заросли ежевики. Один из Маленького Народца пытался изобразить из себя моего ангела-хранителя. Наагло...

— Не поминай его имени, — спокойно посоветовал Слушающий Ветер. — Он черпает силы из страха и из собственной известности. Произнося его имя вслух, ты только увеличиваешь его мощь.

— Я видел, как вы обратили его в бегство, — фыркнул я. — И вы думаете, я накормлю его своим страхом?

— Не сейчас, — ответил Индеец Джо. — Однако называя его по имени, ничего хорошего не добьешься. И потом, к этому можно и привыкнуть.

Я хмыкнул, но спорить с ним не мог. Возможно, он намеренно предостерегал меня. И потом, у кого из нас лучше послушной список общения с нааглоши? Я решил не валять дурака и слушать знахаря.

— В общем, эта гадина, — сказал я, — сбила его в полете. Возможно, покалечила или убила.

Индеец Джо кивнул. Его сломанная рука уже покоилась в лубке, на перевязи. Возможно, у Стражей имелась собственная аптечка первой помощи.

— Я застал только самый конец вашей схватки. Именно поэтому я решил отплатить твари той же монетой. — Он покачал головой. — От малыша требовалась львиная отвага, чтобы совершить то, что он совершил. Я уже ходил посмотреть, что с ним.

Мне сделалось немного дурно.

— Он...

Слушающий Ветер чуть улыбнулся и покачал головой.

— Его оглушило ненадолго, а еще исцарапало шипами ежевики, хотя доспехи защитили от худшего.

Я невольно рассмеялся от облегчения; смех, правда, вышел немного похожий на лай.

— *Эти* доспехи? Да вы шутите.

Он покачал головой.

— Полагаю, больше всего пострадала его гордость. — В темных глазах блеснули искорки. — Такой паренек, выступивший против врага из совсем другой весовой категории... Было на что посмотреть.

— Угу, — хмыкнул Эбинизер. — Интересно, и где малыши этому научились.

Я почувствовал, что щеки мои начинают пылать.

— Я не собирался делать этого. Но пришлось.

— Ты неплохо дрался, — сказал Слушающий Ветер. — Не слишком умно, но неплохо. Этот старый дух настолько близок к воплощенному злу, насколько это возможно. Хороший человек не может не выступить против такого.

— Вы обратили его в бегство, — заметил я. — Вы могли его убить.

— Конечно, — кивнул Слушающий Ветер. — Пришлось бы гнаться за ним, потом еще драться. На это, возможно, ушли бы часы. Старый дух мог бы отчаяться. Мог бы прикрываться невинными как щитом. — Он пожал плечами. — А мог бы и я проиграть. А пока все это происходило бы, пауки слопали бы старого толстого деревенщину и обглодали его косточки.

— Ни за что, — фыркнул Эбинизер. — Не люблю вампиров, особенно этих хорьков из Белой Коллегии, но надо отдать им должное. Они умеют драться, когда хотят. После первой атаки эти жуки стали намного осторожнее.

— Угу, — подтвердил я. — Они не слишком храбрились, когда пытались задержать меня по дороге в Эдинбург.

Чародеи переглянулись, потом Индеец Джо снова повернулся ко мне:

— Пауки напали на тебя на тропе?

— Угу, — кивнул я. Эта мысль казалась удивительной и мне самому. Неужели все произошло так недавно? — Два дня назад, когда я направлялся в Эдинбург. Я же вам рассказывал... или нет? Убийца, должно быть, выставил какую-то охрану у чикагского входа на тропу, чтобы те успели перехватить меня. — Я устало усмехнулся.

— Что тут смешного? — не понял Эбинизер.

— Так, — хмыкнул я. — Просто оцениваю иронию и сам становлюсь циником. Мне кажется, он не хотел дать мне сообщить Совету, где находится Морган.

— Звучит убедительно, — заметил Индеец Джо и посмотрел на Эбинизера. — Значит, это кто-то из Эдинбурга. Что еще сужает круг подозреваемых.

Эбинизер согласно кивнул.

— Но не сильно. Мы немного ближе к цели. — Он вздохнул. — Только Моргану это не поможет. —

Он встал, хрустнув коленями. — Ладно, Хосс, — тихо сказал он. — Пожалуй, дальше тянуть нет смысла.

Я скрестил руки на груди и упрямо посмотрел на Эбинизера.

Лицо его потемнело.

— Хосс, мне это противно так же, как тебе. Но как бы тебя это ни возмущало, как бы это ни возмущало меня, Старая Мэй права. Настоящий убийца знает, что Морган невиновен — но наши противники не знают. Они увидят только, что мы делаем свое дело быстро и решительно, как всегда. Черт, это даже может заставить истинного убийцу переоценить свои возможности и допустить ошибку.

— Я обещал Моргану, что помогу ему, — сказал я. — И помогу.

— Сынок, — тихо произнес Индеец Джо. — Теперь ему никто уже не в состоянии помочь.

Я стиснул зубы.

— Может быть. А может, и нет. Но я вам его не выдам. И буду драться, если вы меня заставите.

Эбинизер посмотрел на меня и с печальной улыбкой покачал головой:

— Ты, парень, сейчас даже с одним из твоих маленьких крылатых друзей драться не сможешь.

Я пожал плечами.

— Попробую. Вы его не получите.

— Гарри, — послышался тихий голос, искаженный щитом.

Я поднял взгляд и увидел, что Морган лежит на своем тюфяке с открытыми глазами и смотрит на меня.

— Все в порядке, — сказал он.

Я потрясенно уставился на него.

— Что?

— Все в порядке, — тихо повторил он. — Я пойду с ними. — Взгляд его переместился на Эбинизера. — Это я убил Ла Фортъе. Я обманом убедил Дрездена в своей невинности. Считайте это официальным признанием.

— Морган, — резко произнес я. — Морган, что вы, черт вас подери, творите?

— Исполняю долг, — ответил он. Мне показалось, в голосе его звучала слабая нотка гордости, чего я не слышал с того момента, как он переступил мой порог. — Я всегда знал, что мне, возможно, придется отдать жизнь, защищая Совет. Вот оно так и вышло.

Я смотрел на раненого Стража, и внутри меня все сжималось.

— Морган...

— Вы сделали все, что могли, — все так же тихо продолжал Морган. — Несмотря на все, что было между нами в прошлом. Вы рисковали ради меня снова и снова. Игра стоила свеч. Но не случилось... в этом нет ничего постыдного. — Он снова закрыл глаза. — Вы поймете, если проживете с мое. Всех не победить.

— Черт, — вздохнул я. Я попытался закрыть лицо руками и тут же отдернул их, такой болью обожгло правую щеку. Я по-прежнему ничего не видел правым глазом. — Черт, после всего этого... Черт, черт.

Огонь в камине шипел и потрескивал. Никто не произнес ни слова.

— Ему очень больно, — произнес Слушающий Ветер, нарушив молчание. — По крайней мере я могу сделать так, что ему станет легче. И твоим лицом тоже не мешало бы заняться. — Он положил руку мне на плечо. — Опустит щит. Пожалуйста.

Я не хотел этого делать.

Но от меня это уже не зависело.

Я показал Молли, как убрать щит.

Мы уложили Моргана в каюту «Жучка-плавунца» и приготовились к отплытию. Молли волновалась и переживала за меня, но вызвалась остаться с Морганом. Слушающий Ветер предложил показать ей кое-какие из своих знахарских приемов. Пока все занимались этим, я проглотил несколько болеутоляющих таблеток и решил, что в состоянии пройти достаточно, чтобы отыскать Уилла с Джорджией.

Духоприют показал мне, где они спят, и я повел Эбинизера по лесу к тому месту.

— Откуда Индеец Джо узнал, что я установил священную связь? — поинтересовался я.

— Гонец от Рашида, — ответил Эбинизер. — Индеец лучше разбирается в том, что можно делать с помощью такой связи. Поэтому он и отправился найти тебя и попросить выбить деревья из-под этих чертовых жуков.

Я покачал головой:

— В жизни не видел, чтобы кто-то менял облик так, как это получается у него.

— Такое вообще мало кто видел, — согласился Эбинизер, и в голосе его звучала неподдельная гордость за старого друга. Он помолчал немного. — Кстати, он предложил поучить тебя немного — если ты хочешь, конечно.

— С моим-то везением? Да я превращусь в какую-нибудь утку и не смогу вернуться обратно.

Он негромко фыркнул.

— Не менять облик. Он больше любого другого на этом свете знает, как справляться с гневом на несправедливость или ложные обвинения. Пойми меня правильно. По мне, так то, что ты испытываешь эти чувства и пытаешься что-то сделать, заслуживает уважения. Но они, эти чувства, могут с человеком и черт знает что сотворить. — На мгновение лицо его сделалось отрешенным, а взгляд устремился в невидимую даль. — Черт знает что. Он-то это хорошо знает. Думаю, если ты проведешь некоторое время с ним, тебе это только на пользу.

— Не староват ли я для ученичества?

— Тяжело в учении, легко в гробу, — сказал Эбинизер тоном человека, изрекающего непреложную истину. — Учиться никогда не поздно.

— У меня тут много обязанностей.

— Знаю.

— Я подумаю.

Он кивнул. Потом помолчал, обдумывая следующие слова.

— Есть одно в нынешних событиях, чего я никак не возьму в толк, Хосс, — произнес мой старый наставник. — Ты потратил уйму сил, чтобы вытащить всех сюда. Чтобы заманить сюда убийцу. Я дал тебе идеальный повод выйти из боя так, чтобы никто не заглядывал тебе через плечо, отвлекая от дела. Но вместо того чтобы идти в лес и захватить убийцу — что закрыло бы все это дело, — ты прешься наверх и ввязываешься в драку с тем, про кого знаешь, что тебе его не одолеть.

— Угу, — сказал я. — Знаю.

Эбинизер развел руками:

— Почему?

Я прошел несколько шагов молча.

— Томас попал в беду, помогая мне, — ответил я наконец.

— Томас, — повторил за мной Эбинизер. — Вампир.

Я пожал плечами.

— Он оказался важнее для тебя, чем возможный раскол в Белом Совете.

— Тварь направлялась прямиком к дому. А там находились моя ученица и мой клиент. Ну, а Томас был с ним.

Эбинизер буркнул что-то себе под нос.

— У девчонки был кристалл — она могла себя защитить. Черт, сынок, если он реагирует так разрушительно, как ты сказал, он вполне мог и угробить эту тварь. — Он покачал головой. — Обыкновенно я привык считать, что у тебя есть голова на плечах, Хосс. Но это просто глупость.

— Возможно, — тихо сказал я.

— Никаких «возможно», — решительно возразил он.

— Он мой друг.

Эбинизер застыл как вкопанный и посмотрел на меня в упор.

— Он тебе *не друг*, Гарри. Ты можешь быть ему другом, но не он тебе. Он вампир. В конечном счете он слопаёт тебя, если как следует проголодается — вот он каков. — Эбинизер махнул рукой в сторону окружающих нас деревьев. — Блин-тарарам, парень. Мы нашли то, что осталось от кухни Рейт — после боя нашли. И я так понимаю, ты своими глазами видел, что Лара Рейт сделала со своей же родственницей.

— Угу, — подавленно кивнул я.

— А ведь это была ее родня. — Он покачал головой. — Дружба для них ничего не значит. Они так здорово умеют врать, что порой даже сами в собственную ложь верят — но в конце концов с пищей не дружат. Я ведь не первый день на свете живу, Хосс, и позволь сказать тебе — такова их природа. Рано или поздно она возьмет свое.

— Томас не такой, — буркнул я.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Ой ли? — Он покачал головой и двинулся дальше. — Почему ты не спросил тогда свою ученицу,

что заставило ее убрать завесу и использовать твой щит, а?

Я тоже пошел дальше.

Я не ответил.

Мы вернулись в Чикаго за полночь.

Старая Мэй и Стражи ждали на причале, чтобы проводить Эбинизера, Индейца Джо и Моргана в Эдинбург — «на всякий случай». Они отбыли через три минуты после того, как я ошвартовал «Жучка-плавунца».

Я смотрел им вслед, потягивая воду из бутылки с трубочкой. Слушающий Ветер продезинфицировал мои раны и сделал несколько стежков на щеке и нижней губе. Он сказал, что глаз почти не пострадал, и намазал его какой-то мазью, которая выглядела как гуано, а пахла медом. Потом задекорировал так, что я смело мог претендовать на первое место на Международном Конкурсе Раненых Идиотов: забинтовал эту половину лица и часть головы. В сочетании с той повязкой, которая все еще нужна была для шишки, что я получил от Перевертыша в прошлую с ним встречу, я выглядел стопроцентным пациентом, пережившим трепанацию черепа, только без блаженной идиотской ухмылки.

Уилл и Джорджия спали, накрытые расстегнутым спальным мешком-конвертом на надувном матрасе на корме «Жучка-плавунца». Я сошел на берег, пересек стоянку и направился к стоявшему на ней «мерседесу».

Винс опустил стекло, посмотрел на меня и нахмурился.

— Скажите, вы проklinаете всех, кто оскверняет вашу гробницу, или только англоязычных?

— Вы только что остались без чаевых, — парировал я. — Достали?

Он молча протянул мне конверт из крафт-бумаги. Потом дотянулся до ручки, otvorил правую дверцу, и Мыш, прыгнув с пассажирского кресла, радостно виляя хвостом, обежал машину, чтобы поздороваться со мной. Я опустился на колени и обнял тварюгу.

— Чумовая у вас собака, — заявил Винс.

Мыш вылизывал мне лицо.

— Угу. Что он натворил?

Винс ухмыльнулся и на долю секунды утратил свой непроницаемый вид. От таких улыбок, как у него, повышается температура в помещении. Я встал и кивнул ему:

— Вы знаете, куда присылать счет.

— А то! — хмыкнул он и уехал.

Я вернулся на катер и налил в опустевшую бутылку с трубочкой немного колы. Я пил очень осторожно, чтобы не разбередить свежие шрамы и избежать нового кровотечения. Я слишком устал, чтобы смывать кровь еще раз.

Молли повоzилась с катером, проверяя, надежно ли он привязан к причалу, потом достала из шкафчика в каюте два комплекта запасных шорт и футболок и положила их так, чтобы Джорджия и Уилл сразу нашли их, проснувшись. Покончив с этим, она уселась напротив меня.

— Щит, — негромко сказал я. — Когда ты его использовала?

Она поперхнулась.

— Перевер... эта тварь швырнула Томаса в дом, и он... — Она поежилась. — Гарри. Он изменился. Это... это был *не он*. — Она облизнула пересохшие губы. — Он сел и стал принимать словно... словно голодный волк или еще кто такой. Оглядываться в поисках меня. И тело у него... — Она покраснела. — Он был весь такой возбужденный. И сделал что-то такое, и мне вдруг захотелось сорвать всю одежду. Хотя я понимала, что это он так сделал. И что он меня убьет. Но... я все равно этого хотела. Так это было сильно...

— И ты включила щит.

Она сглотнула и кивнула.

— Я поняла, что если промедлю хоть капельку... то не смогу уже вообще думать. — Она посмотрела на меня и снова опустила глаза. — Он изменился, Гарри. Это был уже не он.

Я ничего не оставил. У тебя слов не найдется для того, что я с ним делал.

Томас...

Я отставил бутылку и сложил руки на животе.

— Ты поступила правильно, детка.

Она устало улыбнулась в ответ. В каюте воцарилась неуютная тишина. Молли искала, что сказать.

— Они... они собираются судить Моргана завтра, — тихо произнесла она. — Я слышала, как Мэй говорила.

— Угу, — кивнул я.
— Они ожидают, что мы тоже там будем.
— О, — сказал я. — Конечно, будем.
— Гарри... — сказала она. — Но мы ведь провалились. — Она сглотнула. — Невинный человек погибнет. Убийца до сих пор на свободе. Вся битва началась, кончилась, а толку никакого.

Я посмотрел на нее. Потом демонстративно поднял конверт из крафт-бумаги, который дал мне Винс, и открыл его.

— Что это? — спросила она.

— Разведывательные фотографии, — тихо ответил я. — Сняты телевиком на расстоянии в квартал.

Она уставилась на меня.

— Чего?

— Я нанял Винса, чтобы он сделал несколько снимков, — ответил я. — Ну, чисто формально его нанимала Мёрфи, потому что мой телефон могли прослушивать. Но счет пришлют мне, так что на самом деле нанимал я.

— Снимков? Каких снимков?

— Тропы из Эдинбурга в Чикаго. Того места, которое выходит в переулок за старой бойней. Я просил Винса снимать всех, кто будет входить и выходить оттуда — с момента, когда я сообщил в Эдинбург о встрече на острове.

Молли нахмурилась.

— Но... зачем?

— Чтобы не дать им времени на размышление, детка, — объяснил я. — Я точно знал, что убийца в Эдинбурге. Поэтому сделал все, чтобы он (или она) оказался в Чикаго. И чтобы у него не было времени попасть сюда другим путем.

Я достал фотографии и принялся просматривать их. Винс выполнил все здорово, с профессиональной четкостью. Черт, да эти фото могли сойти и для парадных портретов, не то что для опознания. Маккой, Слушающий Ветер, Бьорн Бьорнгуннарсон, остальные Стражи — все крупным планом, все суровые, сосредоточенные. — И я сделал так, чтобы единственный быстрый путь из Шотландии находился под контролем Винса и Мыша.

Пока я смотрел, Молли сосредоточенно решала логическую задачу.

— Но... значит, весь сценарий на острове... встреча, схватка... *все это* было лишь *приманкой*?

— Уайл И. Койот, — самодовольно произнес я. — Сууууууупергений.

Молли тряхнула головой.

— Но... вы что, вообще никому не сказали?

— Никому. Для убедительности, — кивнул я. — Я же не знал, кто предатель, поэтому не мог позволить, чтобы кто-то догадался.

— Уау, Оби-Ван, — пробормотала Кузнечик. — Я... типа в восхищении.

— Вообще-то план «месилов-на-острове» мог и сработать, — заметил я. — И мне нужно было надавать Перевертышу по мордам на дружественной территории. Но в последнее время мне все чаще кажется, что на единственный путь к победе рассчитывать нельзя. Надо устраивать так, чтобы победы можно было добиться несколькими разными способами.

На самом деле я хотел получить в свое распоряжение оружие, которое мог бы использовать против убийцы.

Пару секунд я смотрел на последнюю фотографию, потом повернул ее и показал Молли.

— И теперь, — голос мой сам собой сорвался на недоброе рычание, — я его получил.

Молли, моргая, смотрела на фотографию.

— О, — сказала она. — А кто это?

Глава сорок седьмая

Суд над Морганом состоялся на следующий день, но поскольку время в Шотландии опережает чикагское на шесть часов, мне пришлось ограничиться тремя часами сна в кресле: голова и лицо слишком болели, когда я пытался лечь как положено.

Когда мы с Молли вернулись ко мне домой, Лючо уже ушла.

Почему-то я не сомневался, что так оно и будет.

Утром я поднялся и посмотрел на себя в зеркало. Все, что не закрывалось бинтами, представляло собой большой синяк. Значит, граната была не осколочная, а просто фугас. Мне повезло. Окажись я в

момент взрыва на месте Лары, меня бы скорее всего убило взрывной волной. Еще мне повезло, что дело происходило на открытом воздухе, где ничего не мешало энергии взрыва рассеяться. Я не ощущал себя особенным везунчиком, но, пожалуй, мне все-таки повезло.

Ведь правда, взорваться могла осколочная граната, разбрасывающая вокруг облако смертоносных осколков — хотя плащ, возможно, защитил бы меня от большей их части. А вот от взрывной волны — вряд ли. Я даже начал испытывать нечто, похожее на уважение к Вязальщику и его умению выбирать арсенал.

Принять душ я не мог из опасения намочить швы, поэтому, сменив бинты, я наскоро сполоснулся в раковине. Затем надел рубашу с пуговицами до горла, поскольку надеть галстук не позволяла повязка. Еще я прихватил свою парадную черную мантию с синей накидкой и серый плащ Стража. Я как мог постарался привел в порядок волосы, хотя из-под повязки торчало не больше трети их. И побрился.

— Ого, — заметила Молли, когда я вышел из ванной. — Да вы серьезно к этому подошли. — Она сидела в кресле у камина, поглаживая спину Мистера. Молли одна из немногих, кого он считает достойным права дотронуться до него. Сегодня она тоже вырядилась в коричневый балахон ученицы, и хотя волосы у нее остались ярко-синего цвета, она хотя бы причесала их более или менее пристойно. Макияжем она вообще в последнее время не злоупотребляла, но сегодня обошлась и вовсе без этого. В общем, вполне разумно заключила, что чем меньше будет привлекать к себе внимания Совета, тем лучше для нее.

— Умгум. Такси еще не пришло?

Она покачала головой и встала, столкнув Мистера на пол. Котище не стал устраивать скандала, несмотря на некоторую бесцеремонность.

— Пошли, Мыш, — сказала она. — Надо тебе прогуляться до отъезда.

Пес с готовностью вышел за ней на улицу.

Я снял трубку и позвонил Томасу домой. Там никто не ответил.

Я набрал номер Лары, и трубку после первого же гудка сняла Жюстина.

— Резиденция мисс Рейт.

— Это Гарри Дрезден, — сказал я.

— Добрый день, мистер Дрезден, — ответила Жюстина официальным, деловым тоном. Она явно находилась в помещении не одна. — Чем могу быть вам полезной?

Теперь, когда накал охоты на человека спал, мой телефон, возможно, больше не прослушивали. Но только «возможно». Я постарался говорить тем же деловым тоном.

— Я звоню справиться о состоянии Томаса.

— Он здесь, — ответила Жюстина. — В настоящий момент он отдыхает с удобствами.

Я видел, в каком кошмарном состоянии находился Томас. Если он отдыхает в комфортных условиях, так только потому, что смог как следует насытиться.

Скорее всего мой брат кого-то убил.

— Надеюсь, он скоро поправится, — сказал я.

— Ухаживающий за ним персонал...

(Должно быть, она имела в виду себя)

— ...беспокоят сложности, связанные с его первоначальным состоянием.

Я помолчал немного.

— Все настолько плохо?

Деловой голос изменился, сделавшись неподдельно тревожным.

— Ему дали транквилизаторы. У нас не было выхода.

Я с такой силой сдавил трубку, что она едва не треснула.

Я ничего не оставил. У тебя слов не найдется для того, что я с ним делал.

— Если это возможно, я бы хотел навестить его.

Жюстина взяла себя в руки, снова превратившись в бесстрастного секретаря.

— Я посоветуюсь с мисс Рейт. Боюсь, в ближайшие дни это вряд ли получится.

— Понятно. Будьте так добры, известите меня, когда это будет возможно, ладно?

— Разумеется.

— Мой номер...

— У нас имеется эта информация, мистер Дрезден. Я свяжусь с вами в ближайшее время.

Я поблагодарил ее и повесил трубку. Я сидел, низко опустив голову, и тряся от злости. Если эта тварь причинила моему брату столько вреда, сколько выходило по тому, что я услышал, я собирался отыскать нааглоши и порвать его на мелкие клочки, даже если бы для этого потребовалось взорвать все

до единой пещеры Нью-Мексико.

В дверях показалась Молли.

— Гарри? Такси ждет.

— Ладно, — вздохнул я. — Пошли испортим кое-кому день.

Я старался не думать слишком много о том, что Уайл И. Койот, Супергений, почти в каждой серии получает изрядную трепку от своих врагов и заканчивает день обычно падением с двухмильного утеса.

Ладно, Гарри, подумал я, тебе всего-то достаточно не повторять ошибок Уайла И. Ведь если он продолжит идти по воздуху, сорвавшись с утеса, а не смотреть вниз, все будет тип-топ.

Суд состоялся в Эдинбурге.

Собственно, другого варианта не рассматривалось. С учетом сложной ситуации в Совете Старейшин, а также неожиданной интенсивности атак на берегу Духоприюта, место выбрали самое безопасное из всех возможных. Обычные дела рассматриваются в закрытом порядке, но это вышло слишком громкое, так что на суде собирались присутствовать больше пятисот чародеев — почти половина Совета. Большинство их составляли сторонники Ла Фортье, которым очень не терпелось увидеть, Как Свершится Правосудие — что, согласитесь, куда приятнее, чем Свершать Кровавое Возмездие.

Мы с Молли и Мышом воспользовались той же тропой, по которой я шел три дня назад. На этот раз у входа дежурил удвоенный наряд Стражей под командой рослого скандинава — все из Старой Гвардии. Все до единого наблюдали за моим приближением с изрядной враждебностью, которую не особенно пытались скрыть. Я не обращал на это внимания. Я к такому привык.

Мы вошли в комплекс, миновали еще несколько постов — всех с удвоенными нарядами, разумеется — и прошли в Дискуссионную. Возможно, это тоже говорит кое-что о складе ума у чародеев — то, что помещение, которое в других местах называли бы «залом собраний» называли «дискуссионной комнатой». На деле она представляла собой настоящий зал собраний, в котором каменные ряды окружали амфитеатром небольшую каменную сцену, напоминая античный театр. Однако не доходя нескольких десятков ярдов до зала, я свернул в сторону, в боковой коридор.

Мне стоило некоторого труда убедить дежурных Стражей пропустить меня, Мыша и Молли в зал отдохновения, пока один из них прошел в покои Эбинизера спросить, согласен ли тот меня принять. Молли никогда не приходилось еще видеть таких просторных помещений, и она с любопытством крутила головой во все стороны.

— Потрясающее место, — призналась она. — Как вы думаете, это еда только для шишек, или они не будут возражать, если я поем немного?

— Старая Мэй весит ненамного больше птички, — ответил я. — Ла Фортье мертв, и замену ему еще не выбрали. Я полагаю, здесь на всех с избытком.

Она нахмурилась.

— Но если это предназначается только для них?

Я пожал плечами:

— Ты голодна. Вот еда. Что тут думать?

— Я думаю, что не хочу злить их. В смысле, злить еще больше.

В некоторых вопросах у девчонки куда больше здравомыслия, чем у меня.

Эбинизер прислал Стража с требованием немедленно провести меня к нему, а также накормить Молли у буфетного стола. Я честно пытался скрыть улыбку. Эбинизер придерживается точки зрения, согласно которой все ученики всегда голодны. Ума не приложу, кто произвел на него такое впечатление.

Я осмотрелся у него в приемной, стены которой сплошь были закрыты забитыми до отказа книжными стеллажами. Эбинизер — читатель эклектичный. Кинг, Хайнлайн и Клэнси соседствуют у него на полках с Хокингом и Ницше. Многочисленные редакции великих религиозных книг бесцеремонно смешаны с творениями Юлия Цезаря и Д. Г. Лоуренса. Сотни книг написаны и переплетены вручную; ради возможности заполучить некоторые из них любой даже самый почтенный музей с готовностью пошел бы на кражу. Книги стояли на полках вертикально, лежали горизонтально, и хотя большая часть корешков оставалась на виду, я не сомневался в том, что требуется фантастическое терпение, чтобы найти нужную — если, конечно, не помнить, куда поставил ее в прошлый раз.

Порядок сохранялся только на одной полке.

На ней выстроился ряд простых, переплетенных в кожу тетрадей, примерно одного образца, хотя кожа использовалась разная, да и выплела по-разному, сильнее утех, что стояли слева, слабее — у правых. Пара самых левых тетрадей, казалось, вот-вот рассыплется в прах. Самая правая тетрадь

производила впечатление совсем новой и лежала, раскрытая и заложенная авторучкой, на полке.

Я заглянул на последнюю заполненную страницу. На ней ровным, уверенным почерком Эбинизера было написано:

...представляется несомненным, что он не знал об истинном предназначении острова. Порой мне начинает казаться, что такая штука, как судьба, действительно существует — или, во всяком случае, какая-то высшая сила, которая оборачивает события в нашу пользу, несмотря на все, что мы по нашему невежеству пытаемся испортить. Мерлин требует, чтобы мы немедленно взяли мальчишку под наблюдение. Я думаю, что он просто дурак.

Рашид считает, что предостерегать его насчет острова бессмысленно. Он отлично разбирается в людях, но я не уверен, что в этом случае он прав. У парня на плечах неплохая голова. Из всех известных мне чародеев он входит в число трех или четырех, на которых я согласен видеть эту конкретную мантию. Я доверяю его суждениям.

Впрочем, я доверял и Мэгги.

За спиной послышались шаги Эбинизера, и я поднял голову.

— Хосс, — произнес он. — Как твоя голова?

— Полна вопросов, — ответил я, закрыл тетрадь и протянул ему ручку.

Мой старый наставник улыбнулся одними глазами, принимая у меня ручку: он хотел, чтобы я прочитал написанное им.

— Мой дневник, — кивнул он. — Ну, три последних мои. Предыдущие остались от моего мастера.

— Мастера?

— В этом слове ничего плохого, Хосс. Оно означает учителя, наставника, профессионала, эксперта — ну, и негативный смысл тоже имеется. Просто по природе своей люди помнят плохое и забывают хорошее — думаю, так. — Он похлопал по корешкам трех тетрадей, предшествующих его собственным. — Записи моего мастера. — Он похлопал по четырем следующим. — Записи *его* мастера... ну и так далее. — Он очень осторожно коснулся двух самых первых тетрадок. — Эти и читать-то уже почти невозможно, даже если в языке разобраться.

— Кто заполнял эти?

— Мерлин, — просто ответил Эбинизер. Он протянул руку и поставил на место свой дневник. — Придет день, Хосс, и мне, пожалуй, придется просить тебя позаботиться о них.

Я перевел взгляд со старика на тетради. Дневники, полные мыслей чародеев-наставников за тысячу с лишним лет? Господи Боже и святые угодники...

Вот *это* будет чтение.

— Возможно, — продолжал Эбинизер, — у тебя самого как-нибудь появится мысль-другая, которые тебе захочется записать.

— Вы, сэр, всегда оптимист.

Он улыбнулся:

— Ладно. Что привело тебя сюда перед началом процесса?

Я протянул ему конверт, который дал мне Винс. Маккой нахмурился и начал перебирать фотографии. Он хмурился все сильнее, пока не дошел до самого последнего снимка.

Тут он затаил дыхание, и я не сомневался: он понял, что все это означает. Эбинизеровы мозги вообще не позволяют себе зарастать зеленым (равно и какого-то другого цвета) мхом.

— Звезды небесные, — выдохнул Эбинизер. — На этот раз ты все продумал заранее, да?

— Даже сломанные часы иногда показывают правильное время, — скромно потупился я.

Он положил снимки обратно в конверт и вернул его мне.

— Хорошо. Как ты хочешь все это разыграть?

— На суде. Перед самым занавесом. Я хочу, чтобы он думал, будто ему удалось выйти сухим из воды.

Эбинизер фыркнул.

— Ты здорово разозлишь Старую Мэй и с полсотни бывших сподвижников Ла Фортье.

— Угу. Я сегодня плохо спал, так переживал за них.

Он фыркнул еще раз.

— У меня есть одна теория, — добавил я.

— Да?

Я рассказал.

Пока я рассказывал, Эбинизер мрачнел с каждой фразой. Он повернул руки ладонями вверх и посмотрел на них. Руки у него крупные, сильные, обветренные и мозолистые от тяжелой работы — но

не дрожат никогда. На одной ладони темнела царапина, которую он получил, упав на землю во время вчерашней потасовки. На кончике пальца синело чернильное пятно.

— Мне нужно кое-что предпринять, — сказал он. — А тебе лучше идти.

Я кивнул.

— Увидимся там?

Он снял очки и принялся осторожно протирать линзы носовым платком.

— Ага.

Суд начался примерно через час.

Я сидел на камне у края сцены, Молли рядом со мной. Мы проходили по делу как свидетели. Мыш устроился на полу рядом со мной. Ему тоже предстояло выступить как свидетелю, хотя, кроме меня, об этом никто не догадывался. Свободных мест в зале не осталось ни одного. Собственно, именно поэтому Совет, как правило, устраивает собрания в разных местах по всему свету: для большого количества людей в Эдинбурге просто не хватает места.

Стражи стояли по периметру сцены, у дверей и в проходах между рядами. Все присутствующие были одеты в черные чародейские балахоны с шелковыми или атласными накидками, цвет и отделка которых разнились в зависимости от статуса. Синие — у полноправных членов Совета, красные — у тех, кто имеет вековой стаж работы по чародейскому профилю, серебряная лента с кистями у признанных алхимиков, золотой жезл-кадуцей у знахарей-целителей, медный шеврон на отвороте у обладателей ученой степени (у некоторых их было столько, что и накидки не разглядеть), вышитая белая соломонава звезда у профессиональных экзорцистов... ну и так далее.

На моей синей накидке орнамент отсутствует как класс, хотя одно время я забавлялся идеей вышить на ней «ГИА» — красными, белыми и синими нитками. Из всех присутствующих в помещении Молли одна щеголяла коричневым балахоном.

Люди отводили от нас глаза.

Белый Совет любит свои церемонии. Анастасия Люччо появилась в дверях при всех своих регалиях, не говоря уже о сером плаще Стража. Рука ее до сих пор висела на перевязи, но в другой она держала церемониальный жезл командующего Корпусом Стражей. Стоило ей войти, как все разговоры разом стихли. Она трижды ударила концом жезла в пол, и в зал вошли шестеро членов Совета Старейшин под предводительством Мерлина в темных балахонах с пурпурными накидками. Они поднялись на сцену и торжественно стали в ряд. Появился Пибоди с письменной доской размером с ноутбук — он уселся на каменную скамью с противоположной от нас с Молли стороны и тут же принялся строчить что-то, скрипя пером.

Я положил руку на голову Мыша и принялся ждать начала спектакля — потому иначе назвать все это не мог. Спектакль.

Появились еще двое Стражей, а между ними связанная фигура. Моргана провели по ступеням прохода и поставили на сцену перед Старейшинами — все как положено обвиняемому, со связанными перед собой руками и в черном капюшоне-мешке на голове. Ему никак не стоило идти самому, идиоту, но он все же сумел прохромать вниз самостоятельно, не прибегая к помощи Стражей. Должно быть, его напичкали болеутоляющими.

Слово взял Мерлин.

— Мы собрались сегодня, — начал он по-латыни, — дабы свершить правосудие. Стоящий здесь Дональд Морган обвиняется в преднамеренном убийстве члена Совета Старейшин Алерона Ла Фортъе, сговоре с врагами Белого Совета и измене означенному Совету. Мы начнем с рассмотрения улики.

Некоторое время зачитывали улики. Их хватило бы на десять приговоров. Морган, стоявший над еще не остывшим телом жертвы с окровавленным орудием убийства в руках. Банковский перевод почти в шесть миллионов долларов, внезапно пришедший на его счет. Сам факт побега, в процессе которого он тяжело ранил троих Стражей. Последовавшее за этим вовлечение обманным путем в соучастие и укрывательство других чародеев — нас с Молли только что по имени не назвали.

— Дональд Морган, — произнес Мерлин. — Имеете ли вы сказать что-либо в свою защиту?

Это было типа не совсем обычно. Обвиняемым редко давали возможность произнести хоть что-нибудь.

Это ведь так запутывает процесс.

— Я не оспариваю обвинений, — твердо заявил Морган из-под капюшона. — Я, и только я виновен в смерти Ла Фортъе.

Вид у Мерлина сделался такой, будто кто-то зажарил его любимого щенка с яичницей на завтрак. Он

кивнул.

— Если других улик нет, мы перейдем к...

Я встал.

Мерлин осекся и уставился на меня. В зале воцарилась мертвая тишина, если не считать скрипа пера Пибоди. Он остановился, чтобы перевернуть страницу, и достал из кармана вторую чернильницу, которую поставил на стол.

Анастасия смотрела на меня, крепко сжав губы, и взгляд ее словно спрашивал: «Что, черт возьми, ты творишь?»

Я подмигнул ей, вышел на середину сцены и повернулся лицом к старейшинам.

— Страж Дрезден, — произнес Эбинизер. — У вас имеются новые улики, которые вы готовы представить на рассмотрение Совета Старейшин?

— Имеются, — кивнул я.

— Прошу прощения, — вмешалась Старая Мэй. — Страж Дрезден не присутствовал ни при убийстве, ни в процессе задержания обвиняемого, ни при бегстве обвиняемого из-под стражи. Он не может опровергать или подтверждать обстоятельств этих событий.

— Прошу прощения, — возразил Слушающий Ветер. — Страж Дрезден зарабатывает на жизнь как частный детектив, и его умение докапываться до истины в самых сложных обстоятельствах хорошо известно.

Мэй испепелила Индейца взглядом.

— Страж Дрезден, — серьезно произнес Мерлин. — История вашего конфликта со Стражем Морганом, выступавшим в качестве официального наблюдателя Белого Совета, также всем известна. Должен предупредить, что любая обвинительная улика с вашей стороны будет оцениваться в поправкой на вашу долгую, порой разрушительную вражду.

Все-таки Мерлин стал Мерлином не за просто так. У него хватало чутья понять, что игра еще не кончена, и он знал, как выступать перед публикой. Ничего он меня не предостерегал; он просто удостоверился в том, что всем присутствующим чародеям известно, как я ненавидел Моргана, чтобы моя поддержка сделалась еще убедительнее.

— Я понимаю, — сказал я.

Мерлин кивнул:

— Продолжайте.

Я улыбнулся ему.

— Я ощущаю себя Эркюлем Пуаро, — произнес я на своей более или менее внятной латыни. — Позвольте мне насладиться этим секунду. — Я сделал глубокий вдох и удовлетворенно выдохнул.

Мерлин мастерски владел собой. Выражение его лица не изменилось ни на йоту, только левый глаз нервно дернулся. Очко в копилку мультяшного койота.

— Я заподозрил, что Моргана подставили... ну, в общем-то с момента, когда я услышал выдвинутые против него вздорные обвинения, — заявил я. — Не знаю, знаете ли вы этого человека, но я знаю. Он преследовал меня большую часть моей жизни. Если бы его обвинили в отрубании голов новорожденным кроликам, которых кто-то обвинил в занятиях черной магией, — что ж, на это я, возможно, и повелся бы. Но этот человек способен предать Белый Совет не больше, чем, скажем, полететь, хлопая руками.

Исходя из этого, я пришел к выводу, что кто-то другой в Совете убил Ла Фортье и подставил Моргана, чтобы обвинение пало на того. Поэтому я предпринял независимое расследование. — Я изложил Старейшинам и всему собранию чародеев краткий обзор событий последних дней, опустив только слишком деликатные и несущественные подробности. — Мое расследование привело к предположению, что виновный в убийстве пытался не только переложить вину на Моргана, но и посеять зерна раздора между Советом и Белой Коллегией вампиров, создав иллюзию их причастности к убийству.

Пытаясь заставить этого неизвестного убийцу выдать себя, — продолжал я, — я довел до сведения Совета, что у меня имеется информатор, готовый рассказать о его роли в этом заговоре, и назначил членам Совета место и время встречи в Чикаго. Исходя из теории, согласно которой настоящий убийца является членом Совета — разумеется, работающим здесь, в Эдинбурге, — я предположил, что ему не останется иного выбора, кроме как лично прибыть в Чикаго по тропе, и установил наблюдение за выходом. — Я помахал в воздухе конвертом из крафт-бумаги. — Здесь находятся фотографии всех, кто выходил в Чикаго с тропы на протяжении нескольких следующих часов.

Я открыл конверт и начал передавать Старейшинам фотографии. Они взяли их, по очереди

просмотрев все. Эбинизер спокойно подтвердил, что снимки выходящих из портала Стражей, его самого, Мэй и Слушающего Ветер подлинные.

— Я предположил также, — сказал я, — что вероятность случайного попадания в Чикаго кого-либо, кроме этой группы, предельно мала. С учетом того, что во время встречи группа подверглась нападению потусторонних сил при поддержке чародея-профессионала, я пришел к заключению, что убийца попался на эту наживку. — Я повернулся, достал из конверта последний снимок и с наигранным драматизмом, достойным Пуаро, поднял его в воздух так, чтобы было видно сидящим в зале. — Так почему бы вам не рассказать нам, что вы делали в Чикаго и его окрестностях прошлой ночью... чародей Пибоди?

Жаль, не было у меня поблизости клавишника, чтобы урезать на синтезаторе мотивчик в стиле мыльной оперы — так вышло бы совсем уж идеально.

Все Старейшины за исключением Эбинизера и, по неизвестной мне причине. Привратника, повернулись и, раскрыв рты, уставились на Пибоди.

Секретарь Совета Старейшин неподвижно сидел за своим столиком.

— Насколько я понимаю, — произнес он, — у вас есть и более убедительные доказательства, чем обычный визуальный образ? Такие штуки очень легко сфабриковать.

— Если вы спрашиваете, — кивнул я, — есть. У меня есть свидетель, который находился достаточно близко, чтобы понюхать вас.

По моему знаку Мыш встал и повернулся к Пибоди.

Негромкое рычание прозвучало в помещении оглушительной барабанной дробью.

— И это все? — спросил Пибоди. — Фото? И собака?

Мэй выглядела так, словно ее ударили кувалдой промеж глаз.

— Это, — произнесла она чуть слышно, — собака фу. — Она повернулась ко мне: — Где ты *достал* такую? И *как* тебе разрешили ее держать?

— Он сам меня типа выбрал, — ответил я.

Взгляд Мерлина просветлел.

— Мэй, показаниям животного можно верить?

Она смотрела на меня в нескрываемом замешательстве.

— Абсолютно. Здесь присутствуют несколько чародеев, которые могут это подтвердить.

— Да, — пророкотал коренастый лысый мужчина с азиатскими чертами лица.

— Это правда, — сказала женщина средних лет с кожей заметно темнее, чем у меня — возможно, из Индии или Пакистана.

— Любопытно, — произнес Мерлин, поворачиваясь к Пибоди. Что-то в его чертах напомнило мне акулу.

— Действуя на основании добытых Дрезденом улик, — сообщил Эбинизер, — мы со Стражем Рамиресом двадцать минут назад провели обыск в покоях Пибоди. Проба чернил, которые он использовал при получении подписей членов Совета Старейшин, показала наличие ряда химических и алхимических веществ, используемых для психических манипуляций с чужим сознанием. Я полагаю, с помощью этих чернил Пибоди добивался влияния на процесс принятия решений членами Совета Старейшин, и, вполне вероятно, также имел возможность воздействовать на младших членов Совета.

Слушающий Ветер потрясенно раскрыл рот. Он посмотрел на собственные, перепачканные чернилами пальцы, потом на Пибоди.

Возможно, Пибоди и не приходилось видеть, как человек превращается в медведя, но ему явно хватило ума сообразить, что тот вот-вот и ему пообещает натянуть жопу на уши. Маленький секретарь огляделся по сторонам, потом посмотрел на моего пса. Лицо его разом утратило какое-либо выражение.

— Конец, — произнес он тихим, спокойным голосом, — близок.

И с этими словами швырнул запасную чернильницу.

Мыш предостерегающе гавкнул и сбил Молли с лавки на пол. Из разбитой бутылочки вырвалось темное клубящееся облако, из которого со сверхъестественной скоростью выстрелили во все стороны похожие на щупальца протуберанцы. Один из них коснулся Стража, бросившегося на Пибоди.

Щупальце обвилось вокруг его груди и резко сжалось. Все, чего коснулась тонкая полоса дымки, мгновенно превратилось в черный пепел — он разрезал человеческое тело с легкостью электрического ножа, и две половинки бывшего Стража с тяжелым, влажным стуком упали на пол.

Я уже видел в точности такую штуку несколько лет назад.

— Назад! — заорал я. — Это мордит!

А потом погас свет, и в зале воцарились вопли и хаос.

Глава сорок восьмая

Самым страшным было не то, что я стоял в пяти футах от облака сопоставимого с оружием массового уничтожения вещества, способного лишить жизни всего, к чему прикоснется. И не то, что противостоял мне человек, возможно, входивший в состав Черного Совета, смертельно опасный, как им всем и положено, и что бился он, прижатый спиной к стене, так что терять ему было нечего. И даже не то, что свет погас, а биться не на жизнь, а на смерть в темноте не в пример труднее.

По-настоящему страшным было то, что я стоял в относительно небольшом замкнутом пространстве, где собрались еще почти шесть сотен чародеев Белого Совета — мужчин и женщин, в распоряжении которых находились изначальные силы вселенной. И из всего этого количества только Стражи обладали опытом обуздания разрушительной магии в боевых условиях. Представьте себе, что вы оказались на большом газоперерабатывающем заводе в обществе пятисот пироманьяков со спичечными коробками в руках: достаточно одного-единственного идиота, чтобы угробить всех, а у вас имеется еще четыреста девяносто девять запасных.

— Не зажигайте свет! — визжал я, пятясь от того места, где в последний раз видел облако. — Никакого света!

Но мой голос был лишь один из сотен, и несколько десятков чародеев отреагировали именно так, как предполагал Пибоди. Они немедленно засветили свои талисманы и прочие устройства.

И мгновенно превратились в идеальные мишени.

Клубящиеся щупальца концентрированной смерти протянулись к источникам света, пронизывая всех, кто попался у них на пути. На моих глазах пожилая женщина лишилась руки до локтя, когда мордитовое облако выбросило жгут темноты в направлении сидевшего двумя рядами выше ее чародея. Темнокожий мужчина с массивными золотыми серьгами в ушах грубо толкнул молодую женщину, засветившую у себя в пальцах кристалл. Щупальце промахнулось мимо женщины, поразив вместо этого его самого и проделав у него в груди дыру диаметром в фут.

Со всех сторон слышались крики, полные боли и ужаса, — звуки, которые человеческое тело и разум распознают автоматически, порываясь реагировать инстинктивно. Они пронзили меня с той же силой, что и в первый раз, когда я слышал подобное: желание бежать прочь от того, что возбуждает такой ужас, смешанное с порожденным адреналиновым выбросом стремлением действовать, спешить на помощь.

Спокойно, произнес голос где-то у самого моего правого уха... это при том, что слышать его я не мог, поскольку вся та половина моей головы была наглухо забинтована, так что ни один звук не пробился к моему правому уху без искажения.

Из чего следовало, что голос мне мерещился. Он звучал у меня в голове. Более того, я узнал его — голос принадлежал Мерлину.

Члены Совета, немедленно на пол, произнес спокойный, властный голос Мерлина. Окажите помощь тем, кто истекает кровью, но не пытайтесь использовать источники света до тех пор, пока мы не локализуем мордитовое облако. Старейшины, я выявил местонахождение облака и удерживаю его от дальнейшего расползания. Рашид, будь добр, не дай ему сдвинуться вперед и испепелить меня. Мэй и Марта Либерти, держите его справа, Маккой и Слушающий Ветер — слева. Им управляет сильный чародей, так что не мешкайте и помните: мы не можем позволить ему двигаться вверх.

Весь этот монолог — готов поклясться, я воспринимал его как нормальную физическую речь — занял не более доли секунды. Он сопровождался схематическим образом зала, словно его нарисовали мелом на воображаемой доске. Я явственно видел клубящиеся очертания мордитового облака, окруженного подобием кирпичей, на каждом из которых значилось имя одного из Старейшин. Все вместе они складывались в купол, который удерживал наводящее ужас облако.

Блин-тарарам! Буквально за полторы секунды Мерлину удалось превратить хаос и смятение в организованное сражение. То есть я и раньше понимал, что Мерлином Белого Совета становятся не за красивые глаза. Просто до сих пор мне не доводилось видеть его в *настоящем* деле.

Страж Дрезден, произнес Мерлин. Или подумал. Или переслал. Будьте добры, не дайте Пибоди бежать. Страж Торсен и его команда спешат вам на помощь, но нам необходим человек, способный быстро выследить Пибоди и не дать ему совершить какую-либо новую диверсию. Нам пока неизвестен масштаб его психической экспансии, поэтому мы не можем доверять никому из молодых Стражей.

Нравится мне работа чародея. Каждый день похож на Диснейленд.

Я сорвал дурацкий балахон, мантию, плащ и повернулся к выходу. Движения охваченных паникой

людей превратили свет двух или трех не погашенных еще источников в мигание стробоскопа. Бег к выходу под эти вспышки казался сюрреалистическим сном, но я не сомневался, что Пибоди заранее продумал пути к отступлению, и у него имелось достаточно времени, чтобы убраться из зала под покровом темноты.

Я пытался думать как чародей, которого разоблачили как члена Черного Совета и приговорили к поимке, допросу и, возможно, смерти. С учетом того, что на протяжении нескольких последних дней я почти не сомневался в том, что это произойдет со мной, я уже задумывался над тем, как выбираться из подземного комплекса, а уж у Пибоди было больше времени обдумать план, чем у меня.

Будь я на его месте, я бы открыл портал в Небывальщину и закрыл бы его за собой. Я бы нашел подходящее место для перехода, а потом сделал бы все так, чтобы это место оказалось насколько возможно враждебным для преследователей. Правда, обереги, установленные на протяжении столетий в туннелях под Эдинбургом не одним поколением чародеев, не позволяют открывать порталы в Небывальщину из охраняемого пространства, так что для осуществления этого плана Пибоди необходимо было миновать хоть один из охраняемых выходов.

Значит, мне нужно остановить его прежде, чем он уйдет так далеко.

Я вырвался из зала в освещенный коридор и увидел, что оба Стража у двери принадлежат к молодому поколению, получившему повышение в звании уже после катастрофической битвы с Красной Коллегией на Сицилии. Оба стояли, вытянувшись по стойке «смирно», никак не реагируя на доносившийся из зала шум.

Я увидел полу черного балахона, исчезающую за поворотом коридора справа от меня, сорвался с места и побежал следом. Чувствовал я себя средненько, чтобы не сказать хуже, но у меня все-таки имелось одно преимущество перед старым, пусть и более опытным чародеем: я был моложе и занимался спортом.

Чародеи могут жить и сохранять могущество столетиями, и все-таки их тела теряют физическую крепость, если они, конечно, не прилагают сил к тому, чтобы поддерживать себя в тонусе. И даже так, всех способностей молодого тела не восстановить — а бег на спринтерскую дистанцию как раз относится к таким способностям.

Я свернул за угол и увидел Пибоди, бегущего далеко впереди. Он свернул за следующий угол, и когда я свернул следом, я уже отыграл несколько шагов. Мы пронеслись через административный сектор и бежали мимо казарм Корпуса Стражей, когда из двери, расположенной в паре десятков футов перед Пибоди, показалось трое Стражей, совсем еще подростков — опасных юнцов, которых мы ускоренно натаскивали для ведения военных действий.

— Конец близок! — прорычал Пибоди.

Все трое застыли как вкопанные, с лишенными выражения лицами, и Пибоди миновал их, сбив одного на бегу с ног. Я поддал ходу, и он начал беспокойно оглядываться через плечо.

Он нырнул за следующий угол, и инстинкты предупредили меня о том, что он что-то замышляет. Я обогнул угол и, упав, покатился по полу, когда струя заговоренной жидкости, просвистев надо мной, ударила в стену позади меня и зашипела, словно кто-то одновременно встряхнул и откупорил тысячу бутылок газировки.

Я не успел перезарядить мои энергетические кольца, поэтому оставил их лежать дома на полке, но я не мог позволить Пибоди спокойно расстреливать меня через плечо всякой гадостью. Я поднял правую руку, выкрикнул: «*Fuego!*» и швырнул в него по коридору огненную комету размером с баскетбольный мяч.

Пибоди бросил несколько коротких слов, сделал рукой оградительный жест, напомнивший мне доктора Стрейнджа, и мое заклятие разбилось о невидимый барьер в добрых трех футах от него. Правда, даже так оно зацепило полу его балахона, одежда загорелась, и Пибоди лихорадочно сорвал ее на бегу.

Я еще сократил дистанцию, и когда он свернул в один из широких коридоров, нас разделяло всего двадцать футов, а прямо перед нами виднелся первый пост охраны. Ворота охраняли четверо Стражей — то есть, скажем честно, поскольку все взрослые, как папики, так и старичье, которые могли бы и фитиль за такое вставить, присутствовали на суде, юнцы сидели на полу и резались в карты.

— Держите этого человека! — крикнул я.

— Дрезден обернулся чернокнижником! — взвизгнул Пибоди; он явно испугался. — Он пытается меня убить!

Юные Стражи повскакивали на ноги с достойной восхищения быстротой. Один из них потянулся за посохом, другой потащил из кобуры пистолет. Третий повернулся и проверил, заперты ли ворота — а

четвертая — чисто инстинктивно — описала рукой круг над головой и, выкрикнув заклинание, сделала бросок.

Я успел выставить щит и перехватил невидимый шар для боулинга, но удар вышел настолько сильным, что остановил меня. Я пошатнулся и упал, больно стукнувшись плечом о стену.

Глаза Пибоди вспыхнули торжеством.

— Конец близок! — рявкнул он, заморозив юных Стражей, как уже проделал у казарм. Он сорвал ключ, висевший на кожаном шнурке на шее у одного из Стражей, отворил ворота, повернулся с кинжалом в руке и полоснул им по бедру девушки, едва не оглушившей меня. Она вскрикнула, и из раны забила, пульсируя, кровь — верный признак поврежденной артерии.

Я вскочил на ноги и швырнул в Пибоди еще один заряд энергии, но он отразил его в точности так же, как предыдущий, вырвался за ворота и рванул руками воздух, открывая проем между этим и соседним мирами.

И прыгнул в него.

— Сукин сын, — зарычал я. Никто из молодых Стражей не шевелился, даже раненая девушка. Без медицинской помощи она истечет кровью в считанные минуты. — Черт подери! — выругался я. — Черт, черт, черт! — Я бросился к девчонке, на ходу срывая пояс с джинсов и молясь о том, чтобы рана оказалась не слишком высоко и жгут помог.

По полу загрохотали шаги, и показалась Анастасия Лючко с пистолетом в здоровой руке; лицо ее побелело от боли. Тяжело дыша, она остановилась рядом со мной, опустила на колени и положила пистолет на пол.

— Я займусь ею, — бросила она. — Беги!

Портал за воротами начал закрываться.

Я вскочил и, добежав до портала, рыбкой нырнул в него. Вспыхнул свет, и каменный туннель разом превратился в лес из мертвых деревьев, в котором пахло гнилью и застоявшейся водой. Пибоди стоял прямо перед порталом, пытаясь закрыть его, и я врезался в него прежде, чем он успел закончить. Он опрокинулся на спину, и оба мы полетели на землю.

Примерно полсекунды ни он, ни я не шевелились, потом Пибоди перекатился вбок, и я краем глаза увидел у него в руке окровавленный кинжал.

Он ударил, целясь острием мне в горло, но я успел выставить перед собой руку. Он взрезал мне вену. Я перехватил его запястье другой рукой, и он, извернувшись, навалился на меня сверху и стиснул рукоять кинжала обеими руками, пытаясь одолеть сопротивление моей одной руки всем своим весом. Капли моей собственной крови падали мне на лицо, острие кинжала медленно, но верно приближалось к моему глазу.

Я сделал попытку сбросить Пибоди, но он оказался сильнее, чем выглядел. Довольно скоро стало ясно, что в ближнем бою опыта у него больше, чем у меня. Я попытался ударить его раненой рукой, но он без труда отбил ее.

Я чувствовал, как мои мышцы подаются, и нож придвигается все ближе. Удержать его одной рукой я не мог, и Пибоди знал это. Он добавил усилий, и острие кинжала обожгло мне нижнее веко.

А потом раздался грохот, и Пибоди опрокинулся вбок. Некоторое время я лежал, оглушенный, затем повернул голову.

На земле у оставшегося полузакрытым портала лежал Морган с дымящимся пистолетом Лючко в руке; раненая нога его покраснела от крови.

Как он сумел угнаться за нами с такими ранами, я не знаю. Даже при болеутоляющих они наверняка терзали его как черт знает что. Он смотрел на тело Пибоди, и в глазах его блестела сталь. Потом рука его затряслась, он уронил пистолет и сам со стоном повалился следом.

Тяжело дыша, я подошел к нему.

— Морган... — Я перевернул его и осмотрел его рану. Одежда и повязки насквозь пропитались кровью, но из самой раны кровь больше не шла. Лицо его побелело как мел. Губы казались серыми.

Он спокойно открыл глаза.

— Сделал гада.

— Угу, — подтвердил я. — Сделали.

Он с трудом улыбнулся.

— Второй раз вытаскиваю вашу задницу из огня.

Я невольно усмехнулся:

— Знаю.

— Обвинят меня, — тихо произнес он. — Пибоди ни в чем не сознался, а с политической точки

зрения я лучший кандидат. Пусть их вешают на меня. Не противься этому. Я так хочу.

Я смотрел на него.

— Почему?

Он с усталой улыбкой покачал головой.

Несколько долгих секунд я смотрел на него, и тут до меня дошло. Морган с самого начала лгал мне.

— Потому что вы уже знали, кто убил Ла Фортье. Она была там, когда вы очнулись в его покоях. Вы видели, кто это сделал. И хотели защитить ее.

— Анастасия не убивала, — возразил Морган. Голос его звучал хрипло, настойчиво. — Она была пешкой. Спала на ходу. Она даже не знала, что ее использовали. — Он поежился. — Я мог бы об этом подумать. Перемещение в молодое тело снова сделало ее разум уязвимее для стороннего влияния.

— Что произошло? — спросил я.

— Я очнулся, Ла Фортье был мертв, а она держала в руках нож. Я отобрал его у нее, прикрыл ее занавесой и вытолкал за дверь. Времени убраться оттуда самому уже не оставалось.

— Значит, вы приняли вину на себя, надеясь, что уладите все потом. Но поняли, что все подстроено слишком умело, и никто не поверит вам, если вы попытаетесь объяснить, что произошло. — Я покачал головой. Морган не ставил собственную жизнь ни в грош. Он бежал только потому, что понимал: Анастасии продолжает грозить опасность, а ему не удастся разоблачить предателя в одиночку.

— Дрезден, — тихо произнес он.

— Да?

— Я никому не сказал про Молли. Что она пыталась сделать с Аной. Я... я не сказал.

Я смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова.

Взгляд его начал затуманиваться.

— Знаете, почему я не сделал этого? Почему пришел к вам?

Я покачал головой.

— Потому что знал, — прошептал он. Он поднял правую руку, и я крепко сжал ее. — Знал: вам известно, каково это — быть невинным человеком, которого преследуют Стражи.

Это было почти равносильно признанию, что он заблуждался на мой счет.

Он умер меньше чем через минуту.

Глава сорок девятая

От смерти меня спас Торсен: он остановил кровотечение из распоротой кинжалом Пибоди руки. Шведу и его команде пришлось долго бежать нам вдогонку, прорываться через несколько запертых ворот и смятение, которое мы оставили за собой. Они догнали меня минуты через три после смерти Моргана. Они честно старались вернуть его к жизни, но он перенес слишком много мучений и потерял слишком много крови. Оживить Пибоди они даже не пытались — пуля Моргана разнесла ему череп.

Меня отнесли в лазарет, где Индеец Джо с командой целителей — многие из которых получили медицинское образование во времена, когда еще дебатировалась эффективность пиявок, — хлопотали над ранеными.

Дальше все происходило уже без моего непосредственного участия.

Старейшинам удалось удержать, а потом и уничтожить насыщенное частицами мордита облако — редчайшее газообразное вещество откуда-то из дальних закоулков Небывальщины. Поэтому число погибших ограничилось четырьмя или пятью десятками чародеев. С учетом обстоятельств все могло кончиться и гораздо хуже, однако тот факт, что подавляющее большинство погибших составляли сторонники Ла Фортье, сам по себе вызвал кучу подозрений и обвинений Мерлину в том, что тот преступно пренебрег безопасностью собравшихся, и т. д., и т. п. То, что трагедия имела место в момент разоблачения истинного убийцы Ла Фортье, в расчет не принималось. В конце концов политический капитал важнее истины.

Разумеется, до всего сверхъестественного мира дошли слухи о смерти Ла Фортье, последовавшей за этим охоты на Моргана и беспорядках во время судебного процесса, хотя большую часть подробностей сохранили в тайне. Никаких официальных заявлений на этот счет не делалось, однако был пущен слух о том, что Морган состоял в заговоре с Пибоди и что оба погибли при попытке к бегству.

Со стороны Совета это, конечно, не самый красивый способ сохранить лицо, но Мерлин решил, что чародеям мира полезно знать: на смерть Ла Фортье руководство реагировало с надлежащими силой и решительностью — сиречь, немедленно изловив и казнив виновных.

Но я-то понимал: те, с кем Пибоди спал в одной постели, то есть те, кто был действительно виновен,

знали: Совет казнил невиновного, а значит, с военной точки зрения, эта часть их операции увенчалась успехом.

Возможно, Мерлин и прав. Возможно, лучше казаться глупым, но сильным, чем умным, но слабым. Не знаю. Не уверен, что готов поверить в то, что мировая политика так похожа на среднюю школу.

Следователи-чародеи работали медленнее, чем Ларины, но в конце концов пришли к тем же выводам относительно источника денег. Информация была немедленно доведена до Белой Коллегии.

В ответ Лара выдала Совету головы виновных. В буквальном смысле слова. Лара всегда отличалась прагматичным подходом; она и из трупов Мэдлин и незадачливого менеджера извлекла максимум пользы. Помимо этого, она попросила Совет оставить переведенные на счет Моргана деньги себе — в качестве компенсации за ущерб. На почти шесть миллионов наличными можно купить достаточно масла, чтобы вылить на бурные воды конфликта.

Конечно, Пибоди закончил свою жизнь, разбрызгав мозги по безвестной полянке где-то в Небывальщине, но прежде он успел натворить черт знает сколько вреда. Его смерть открыла в Белом Совете новую эру паранойи.

Мерлин, Привратник и Индеец Джо попытались определить масштабы психической инфильтрации Пибоди. В некотором смысле проще оказалось справиться с самыми тяжелыми случаями. Практически каждый Страж в возрасте до пятидесяти лет оказался запрограммирован на погружение в транс по команде, и Пибоди проделал все так ловко и чисто, что обнаружить это было сложно даже самым опытным чародеям, знавшим, что и где они ищут.

Эбинизер рассказал мне позже, что некоторым из молодых Стражей внедрили вдобавок гораздо более опасные программы — хотя определить, что именно сделал один чародей, другому практически невозможно. По крайней мере нескольких из них Пибоди, судя по всему, намеревался использовать в качестве сверхъестественного эквивалента смертников-камикадзе — как в случае с Люччо. Лечение психических повреждений такого рода представляет собой сложный, непредсказуемый, а часто и болезненный для жертвы процесс. Для большинства Стражей лето и осень выдались очень нелегкими, а связанный с этим режим чрезвычайного положения сохранялся еще дольше.

Еще хуже, на мой взгляд, пришлось членам Совета Старейшин, каждый из которых наверняка подвергся почти незаметному воздействию черной магии Пибоди. Им пришлось вспоминать все свои решения за несколько последних лет и гадать, подтолкнули ли их к тому или иному выбору, если это зависело лично от них. Воздействие Пибоди было столь осторожным, деликатным, что не оставляло следов. Для любого обладающего хоть толикой совести и ответственности такое положение наверняка стало настоящим кошмаром, особенно если учесть, что они возглавляли Совет в военное время.

Я попробовал представить себе, что вышло бы, попытайся я вспомнить все, что делал за последние восемь лет.

Ни за какие коврижки не поменялся местами бы с этими ребятами.

Я провалялся в лазарете неделю. Меня навещали Маккой, Рамирес и Молли. Мыш не отходил от моей койки, и никто даже не пытался убрать его. Само собой, Слушающий Ветер заходил ко мне чаще других, поскольку исполнял обязанности моего лечащего врача. Несколько молодых Стражей, проходивших у меня военную подготовку, заглянули ко мне перекинуться парой слов, хотя вид у всех был довольно нервный.

Анастасия не навестила меня ни разу, но Слушающий Ветер говорил, что она заходила справиться о моем здоровье, пока я спал.

Привратник зашел ко мне в гости поздно ночью. Когда я проснулся, он уже соорудил вокруг нас звуконепроницаемый купол, чтобы мы могли побеседовать без помех. Голоса наши, правда, звучали при этом так, словно мы говорили, накрыв головы большими жестяными ведрами.

— Как самочувствие? — вполголоса поинтересовался он.

Я молча ткнул пальцем в свое лицо, с которого сняли повязки. Как и обещал Слушающий Ветер, с глазом все обошлось. Зато я заполучил два красивых шрама — один, начинавшийся на правой брови, проходивший по глазу и продолжавшийся еще с дюйм на скуле, а другой — перечеркнувший под небольшим углом к вертикали подбородок.

— Один в один герр Харрисон фон Форд, — сказал я. — Девушки уже записываются в очередь.

Привратник не улыбнулся. Он опустил взгляд на свои руки; лицо его оставалось серьезным.

— Я работал со Стражами и административным персоналом, в чьи рассудки вторгся Пибоди.

— Я слышал.

— Похоже, — продолжал он, осторожно выбирая слова, — что психический ущерб, нанесенный

Анастасии Люччо, особенно серьезен. Я подумал, может, у тебя имеются какие-нибудь теории, способные это объяснить?

Некоторое время я смотрел в дальнюю стену затемненной палаты.

— Вас послал Мерлин? — спросил я.

— Я единственный, кому это известно, — серьезно ответил он. — Или кому будет известно.

Я задумался.

— Моя теория повлияет на то, как к ней будут относиться?

— Возможно. Если она покажется убедительной, это может помочь мне понять, как излечить ее быстрее и безопаснее.

— Дайте слово, — произнес я. Я не просил.

— Обещаю.

— Перед самой смертью Морган сказал мне, что когда он очнулся в покоях Ла Фортъе, орудие убийства находилось в руках Люччо. — Я рассказал ему все, что услышал от Моргана.

Привратник с бесстрастным видом смотрел в стену.

— Он пытался защитить ее.

— Я думаю, он решил, что Совет может совершить глупость... например, вынести смертный приговор невинному.

На мгновение он закрыл глаза, потом коснулся кончиками пальцев сердца, рта и лба.

— Это многое объясняет.

— Что, например?

Он поднял руку.

— Не все сразу. Я уже говорил тебе, что ущерб психике Анастасии нанесен довольно серьезный. И не потому, что ее толкали на убийство — как воин она к такому привыкла. Я полагаю, насильственному изменению подверглись ее эмоциональные установки.

— Эмоциональные установки, — тихо повторил я. — Вы имеете в виду... ее и меня?

— Да.

— Потому что она всегда избегала близости, — предположил я. — До недавней поры.

— Да, — повторил он.

— То есть... я ей был безразличен?

Он пожал плечами:

— Наверняка имелась какая-то основа, на которой все выстроилось. Более чем вероятно, что она питала к тебе искреннюю симпатию и что из этого могло вырасти нечто более серьезное. Но все произошло насильственным путем.

— Кто мог сделать такое? — Я тряхнул головой. — Нет, это как раз ясно. *Зачем* ему было это делать?

— Чтобы дотянуться до тебя, возможно, — ответил Привратник. — Возможно, чтобы получить возможность устранить тебя в случае необходимости. В конце концов, ты в буквальном смысле слова единственный из молодых Стражей, кто ни разу не дал Пибоди возможности использовать тебя, поскольку практически не бывал в эдинбургской штаб-квартире. Кроме этого, ты, возможно, наиболее одаренный и сильный представитель вашего поколения. Поскольку остальные молодые Стражи любят работать с тобой, имелся серьезный шанс, что ты заметишь какие-то отклонения. В общем, ты представлял для него угрозу.

Мне сделалось немного дурно.

— Вот почему она показалась в Чикаго, когда ей полагалось находиться в Эдинбурге и руководить поисками?

— Почти наверняка, — кивнул он. — Чтобы предупредить Пибоди о том, что ты сидишь у него на хвосте, а еще найти Моргана, чтобы Пибоди мог его убрать, не оставив следа. Одно дело — Морган, погибший от рук правосудия Белого Совета. Но если бы Пибоди это удалось, если бы он убил Моргана и избавился от тела, мы бы продолжали считать, что предатель жив и прячется, неуловимый, где-то. Он превратился бы в виртуальный камень у нас на шее.

— И в идеальное прикрытие для Пибоди, — предположил я. — Он мог бы убирать любого, кого захочет, и все считали бы, что и это дело рук Моргана.

— Не только Пибоди, — заметил Привратник. — Любой из наших врагов мог бы точно так же извлечь из этого преимущество.

— Это объясняет еще, почему он прибыл в Чикаго после того, как я отправил тот вызов Совету. Возможно, он решил, что изобретенный мной информатор — Анастасия. Ему пришлось заглянуть в

город, чтобы проверить, держится ли его блокировка. — Я покачал головой. — Я хочу сказать, ему совершенно не обязательно было выходить с тропы в Чикаго, поскольку он знал выход непосредственно на Духоприют. Черт, мне повезло.

— Тоже верно, — согласился Привратник. — Хотя я бы предположил, что везением своим ты обязан продуманности плана. — Он покачал головой. — Если бы Морган не действовал быстро, все могло бы обернуться еще хуже. Лючко тоже обвинили бы в убийстве, и ни одна, ни другой так и не поняли бы, что произошло. То, что в убийстве обвинили Моргана, уже достаточно плохо — Стражи не потерпели бы, если бы арестовали и их командира, и ее заместителя. Одно это уже могло бы привести к гражданской войне.

— Морган... он любил Лючко, — сказал я.

Привратник кивнул.

— В молодые годы он не скрывал своих чувств. Но она никогда никого к себе не подпускала. Подумать, так перемена в ее поведении сама по себе должна была бы насторожить... правда, она держала свои отношения с тобой в тайне.

Я негромко фыркнул.

— Легко стать подозрительным, когда кто-то превращается в брызжущего слюной психа. Когда кто-то меняется, становясь счастливым, трудно не порадоваться за него.

Привратник улыбнулся-таки, и лицо его на мгновение потеплело.

— Очень верно.

— Значит, она... я хочу сказать, когда вы поможете ей, начнете лечить повреждения...

— Это уже началось. Ее подсознание уже боролось некоторое время с чужеродными вторжениями в сознание. Даже если она и ощущала что-то такое прежде, тот факт, что это было навязано ее рассудку, не мог не вызвать противодействия.

— Угу, — сказал я. — Пожалуй, уже пока вся эта история раскручивалась, между нами... напряженность какая-то ощущалась, что ли. То есть, я типа понимал, что это разрыв, но...

Но здесь речь вообще не шла о любви и утрате. Она меня не любила. Поцелуй Мэдлин, когда та утопила меня в водопаде блаженства, высасывая из меня жизненную силу, доказал, что Анастасия меня не любила. Может, я ей даже не нравился. А может, и нравился. А может, это вообще ни при чем.

Что бы это ни было, это прошло, прежде чем успело перерасти во что-то другое, и никто из нас не мог ничего с этим поделать.

Я только не ожидал, что это окажется так больно.

Рашид положил руку мне на плечо.

— Прости, — сказал он. — Мне казалось, ты имеешь право знать.

— Угу, — хрипло отозвался я. — Спасибо. Я вот тут подумал... — Я невольно усмехнулся. Довольно горько усмехнулся.

Привратник склонил голову набок.

— Я все пытался понять, почему при убийстве Ла Фортье никто не применял магии.

— И к какому выводу пришел?

— С помощью магии невозможно достичь ничего такого, во что ты не веришь — по-настоящему, искренне. Какая-то часть Лючко, должно быть, понимала, что убивать Ла Фортье неправильно. Поэтому она воспользовалась ножом. Для Моргана использовать магию против законного члена Совета Старейшин или своего командира было так же невозможно, как извиниться передо мной за свое ко мне отношение. А Ла Фортье вообще не мог ожидать такого от Анастасии. Возможно, он так и умер в замешательстве, не успев применить заклятие. — Я поднял взгляд на Привратника. — Так что никакой мистической загадки в этом нет. Все вышло так, потому что все они были людьми.

— На мой взгляд, — заметил он, — это само по себе уже более чем загаочно.

Я собирал свои вещи, готовясь к выписке, когда в дверях появился Эбинизер.

— Хосс, — негромко произнес он. — Я так подумал, не проводить ли тебя до дому.

— Принимается с благодарностью, сэр, — отозвался я.

Я уже отослал Мыша домой с Молли, а идти по тропе вдвоем всегда приятнее, чем в одиночку. Мы вышли из лазарета и зашагали по туннелям. Меня уже изрядно тошнило от них. Поймите, я не страдаю клаустрофобией или чем еще таким, но мне кажется, чтобы получать удовольствие от проживания в штаб-квартире Белого Совета, нужно обладать генами крота.

Довольно скоро я заметил, что Эбинизер выбрал не самый прямой путь к тропе — мы шли по туннелям, которыми почти не пользуются, по большей части даже не освещенным. Он засветил на

конце своего посоха неяркий красный огонек, которого хватало ровно на то, чтобы не сбиться с пути, и который трудно заметить издали.

— Что ж, — сказал он. — Сегодня мы заполнили оставшееся вакантным после смерти Ла Фортье место в Совете Старейшин.

— Клаус-Игрушечник? — спросил я.

Эбинизер медленно покачал головой.

— Клаус этого не говорит, но, подозреваю, Мерлин просил его снять свою кандидатуру. Место отдано Грегори Кристасу.

Я нахмурился. Места в Совете Старейшин предлагались в порядке старшинства, хотя от чародея не требовалось обязательно принимать это предложение.

— Кто это, черт подери? Его же не было в первом десятке кандидатур.

Мой наставник поморщился.

— Угу. Грек, весьма неприятный ублюдок. Последние пару веков провел где-то на юге Азии. Проявил себя в той битве с раджей-ракшасом.

— Я помню, — кивнул я. — Говорили, там было форменное безумие.

Эбинизер хмыкнул.

— Он был протеже Ла Фортье.

— Я думал, эту партию замирили.

— Когда кто-то жаждет власти, его не подкупить, — сказал Эбинизер. — Он возьмет то, что ты ему предлагаешь, и продолжит рваться вверх. А Кристас прямо заявил Мерлину, что он и его сподвижники выйдут из Совета, если место не отдадут ему.

— Господи... — тихо пробормотал я.

Маккой кивнул.

— С таким же успехом он мог бы отдать Красной Коллегии ключи от всех наших ворот и позволить им перерезать нас во сне. Меньше жертв было бы.

— Значит, Мерлин пошел на сделку.

— Подумать, так у него не было особого выбора. Люди Кристаса заручились сильной поддержкой после того, как потеряли столько своих на суде. Он увел бы с собой треть Совета.

— А что выборные процедуры? Побокую?

Эбинизер поморщился.

— Вообще-то их и не оформляли официально. Соблюдали скорее по традиции. Ну, Мерлин-то устроил спектакль насчет приверженности законам, но уверяю тебя, Хосс, обо всем договорились за кулисами. — Он потрянул головой. — Да, Совет Старейшин опубликовал официальное заявление в связи с убийством Ла Фортье.

— Дайте угадаю, — буркнул я. — Убийца-одиночка.

Он нахмурился, потом кивнул.

— А, Кеннеди. Да. Действовали одиночки с корыстными мотивами. Нет оснований утверждать о наличии заговора. Никакого Черного Совета.

Я уставился на Эбинизера.

— Но это... *чушь* какая.

— Чертовски верно сказано, — согласился он. — Но принято большинством голосов. Мерлин, Кристас, Мэй, Марта Либерти и Привратник.

Я, не веря своим ушам, замотал головой.

— Он-то, черт его подери, чего рассчитывает этим добиться?

Эбинизер пожал плечами:

— Его всегда было трудно понять. А я его помню с тех пор, когда мне исполнилось шестнадцать. На ум приходят два или три возможных объяснения.

— Вроде того, что, возможно, он из Черного Совета?

Несколько шагов Эбинизер молчал.

— Угу, — сказал он наконец.

— Или, возможно, Пибоди обработал его сильнее, чем нам всем кажется.

— Исключено, — возразил Эбинизер. — Зелье, которым он потчевал Старейшин, позволяло ему подталкивать их... нас. Но мы все слишком жесткие, чтобы согнуть нас сильнее, чем он сделал.

— Тогда что?

— Ну, Хосс, может, Лэнгтри... то есть, Мерлин беспокоится насчет последствий официального признания Черного Совета.

У меня по спине пробежал холодок.

— Он боится, что чем больше людей узнает о его существовании, тем больше найдется таких, кто не станет с ним биться? Кто вступит в него?

— Победителей все любят, — согласился Эбинизер. — А ведь мы последнее время не слишком следили за внутренней политикой. Люди запуганы. Кристас построил свое влияние на этом.

Я резко остановился, и меня едва не стошнило на каменный пол.

Эбинизер тоже остановился, положил руку мне на плечо и озабоченно нахмурился.

— Что с тобой, парень?

— Сэр, — произнес я. — Когда Пибоди появился на острове...

— Ну?

— Он был не один. Кто-то еще пришел с ним. Кто-то, кого мы так и не видели.

С минуту мы молчали.

— Это ведь только одно из объяснений, Хосс, — сказал Эбинизер. — Это даже не догадка. Это голое предположение.

Убежденности в его голосе я, впрочем, не услышал. Эбинизер ощущал то же самое, что я. А я нутром чуял, я знал наверняка — не догадывался, а *знал* наверняка — что я прав.

И потом, мы шли по глухому коридору в нашей собственной, черт ее подери, цитадели — и разговаривали шепотом. Если уж это не говорит вам ничего о положении дел в Белом Совете, то не знаю, что еще может сказать.

— Они в наших рядах, — прошептал я.

Мой наставник мрачно смотрел на меня.

— Для того они и угробили Ла Фортье. Чтобы поставить на его место своего человека. — Я привалился к стене и тряхнул головой. — Они победили.

— Они победили в одном раунде, — возразил он. — Бой еще не окончен.

— Для Моргана окончен, — буркнул я.

— Но не для тебя, — резко бросил Маккой. — Морган решил, что спасение твоей жизни стоит того, чтобы пожертвовать собственной. — Эбинизер сделал глубокий вдох. — Хосс, не все еще кончено. Кое-кто из нас намерен что-то поделать с этим.

Я пристально на него посмотрел.

— Поделать? Что-то?

— Пока нас немного. Несколько чародеев. Несколько важных союзников. Люди, которым мы можем доверять. Я единственный, кому известны все участники. Будем готовиться к бою с врагом. Попробуем узнать о нем как можно больше. Определить их цели. Нанести им поражение.

— Гасить огонь огнем, да?

Эбинизер хитро ухмыльнулся:

— Отрицая существование одного заговора, Лэнгтри спровоцировал другой.

— И получил два по цене одного — надо же, какая ирония, — кивнул я. — Если Черный Совет узнает о нашем существовании, они плясать от счастья будут. Они выдадут нас, назовут *нас* Черным Советом, а сами пойдут дальше.

— Значит, уже «нас», так? — Глаза его сияли. — С учетом того, чем мы будем заниматься, если об этом узнает Белый Совет, это назовут подстрекательством, а нас казнят.

Видите, что я имел в виду? Совершеннейший Диснейленд.

С минуту я обдумывал это.

— Знаете, а с объективной точки зрения мы действительно создаем наш собственный Черный Совет.

— Ну?

— И кто мы после этого?

— Люди с чистыми сердцами и благими намерениями, — ответил он. — И да удесятятся силы каждого из нас.

Я громко фыркнул.

Эбинизер устало улыбнулся.

— Ну, Хосс, у нас мало выбора, кроме как идти весьма темными тропами. И делать это в весьма сомнительном обществе. Может, нам стоит думать о себе как о... о Сером Совете?

— Серый Совет, — повторил я. Мы двинулись дальше. — Мир становится все темнее на глазах, взять хотя бы несколько последних лет. Думаете, мы сможем что-то поделать?

— Я думаю точно так же, как ты, Хосс, — кивнул Эбинизер. — И о том, что единственная альтернатива — это стоять в стороне и смотреть, как все проваливается в тартарары. — Голос его

окреп. — Мы ведь так не поступим.

— Черта с два мы так поступим, — сказал я.

Остаток пути до Чикаго мы одолели вдвоем.

Мёрфи подбросила меня до штрафной стоянки, чтобы я забрал свою машину, а я по дороге посвятил ее в большую часть того, что произошло за эти дни.

— Ты от меня что-то утаиваешь, — заявила она, когда я закончил.

— Немного, — кивнул я. — По необходимости.

Она покосилась на меня, оторвавшись на мгновение от дороги.

— Ладно.

Я заломил бровь.

— Ладно?

— Ты имеешь дело с довольно жуткими людьми, Гарри, — тихо произнесла она. — И эти люди доверяют тебе свои секреты. Я поняла.

— Спасибо, Мёрф.

Она покачала головой:

— Не знаю, Гарри. Это значит, я согласна, чтобы ты являлся ко мне с чем-либо, входящим в сферу моей ответственности. Я коп. Если бы ты подвел меня в чем-то, что мне *стоило бы* знать... — Она пожала плечами. — Не знаю, смогли бы мы исправить что-то вроде этого.

— Я тебя слышу, — сказал я.

Она тряхнула головой.

— Не то чтобы я слишком переживала из-за Моргана. Но мне жаль, что с ним все вышло вот так.

Я молчал.

— Не знаю, — сказал я. — Его смерть многое изменила. Он убрал предателя, на совести которого жизни сотен чародеев. Он не дал ему убежать с одному Богу известно какими нашими секретами. — Я пожал плечами. — За последнее время погибло много Стражей. Если выбирать смерть, то Моргану досталась неплохая. — Я улыбнулся. — И потом, задержись он еще немного, и ему пришлось бы передо мной извиняться. Вот это была бы ужасная смерть.

— В храбрости ему не откажешь, — согласилась Мёрфи. — И он ведь добился твоей поддержки.

— Угу, — сказал я.

— Ты был на его похоронах?

— Никто не был, — ответил я. — Официально он считается *corpus non gratus*. Но мы устроили потом что-то вроде поминок — неофициально, конечно. Вспоминали всякие связанные с ним истории и пришли к выводу, что он был параноидальным, невыносимым говнюком высшей категории.

Мёрфи улыбнулась:

— Я знаю подобных типов. И все равно они часть семьи. И когда они умирают, без них пусто.

Я сглотнул.

— Угу.

— Скажи еще, что ты не винишь себя.

— Нет, — честно ответил я. — Мне только жаль, что от меня было меньше толка, чем хотелось бы.

— Ты остался жив, — возразила она. — С учетом обстоятельств, мне кажется, ты все сделал как надо.

— Возможно, — тихо сказал я.

— Да, я поработала с мобильником, который ты мне прислал. — Она имела в виду телефон Мэдлин, тот, который мне отдал Вязальщик.

— Нашла чего-нибудь?

— Телефонные номера кучи пропавших без вести людей, — ответила она. — А где его владелец?

— Там же, где они.

Она сжала губы.

— Много звонков на номер, находящийся в Алжире, и на еще один, в Египте. Судя по всему, пара ресторанов. — Она вынула из кармана листок и протянула мне. Там были написаны названия и адреса двух заведений.

— Что это? — спросила она.

— Представления не имею, — признался я. — Возможно, те, с кем контактировала Мэдлин в Черном Совете. Возможно, ничего.

— Это важно?

— Представления не имею. Думаю, мы положим это в папку «поживем — увидим».

— Терпеть не могу эту папку, — сказала она. — Как Томас?

Я пожал плечами и опустил взгляд на свои руки.

— Представления не имею.

В моей квартире царил разгром. То есть, боюсь, в ней никогда не бывает чисто, как в операционной, но несколько дней поспешных приходов и уходов, различных ранений и функционирование в качестве больничной палаты Моргана оставили следы, стереть которые не сумели даже мои потусторонние домработники. Спасти матрас не могло уже ничего, про постельное белье я и не говорю, равно как про ковер, на котором мы выносили его бесчувственное тело наверх, к машине. Все насквозь пропиталось кровью и потом, так что мои маленькие уборщики даже не пытались их оттереть.

Они позаботились о многом другом, но работы по дому осталось все равно невпроворот, а таскать на себе матрасы вообще занятие не самое веселое, тем более если вас совсем недавно как следует отколошматил сверхъестественный тяжеловес, а потом, забавы ради, еще и порезали немного.

Я мужественно взялся за дело и как раз затаскивал матрас на крышу Жучка, чтобы привязать его там и везти на свалку, когда появилась Люччо.

Она была одета в серые слаксы и белую блузку, на плече висела черная нейлоновая спортивная сумка, в которой, как я знал, помимо всего прочего, лежат обычно ее любимый, довольно короткий посох и клинок Стража. Одежда казалась почти не ношенной. С легким запозданием до меня дошло, что именно такого типа одежду она предпочитала, когда мы с ней познакомились, еще в другом теле.

— Эй, — задыхаясь, прохрипел я. — Подожди минутку.

— Давай лучше помогу, — ответила она. Вдвоем мы затащили-таки матрас на крышу Голубого Жучка и привязали бельевым шнуром. Люччо проверила узлы, а потом прислонилась спиной к машине, вглядываясь мне в лицо.

Я смотрел на нее в ответ.

— Рашид сказал, он говорил с тобой.

Я кивнул.

— Не хотел на тебя давить.

— Я тебе благодарна. Нет, правда, очень. — Она отвела взгляд.

Мыш, дождавшись окончания боевых действий с матрасом, поднялся от двери, где дремал в довольно бесстыдной позе, подошел к Люччо, сел и протянул ей лапу.

Она молча улыбнулась и пожала ее, потом потрепала его за ушами, как он любит, и выпрямилась.

— Я, э... хотела удостовериться, что ты выздоравливаешь.

— Очень ответственно с твоей стороны.

Она поморщилась.

— А... Черт подери, Дрезден! — Она тряхнула головой. — Я почти двести лет прожила, не сближаясь ни с кем. И на то были чертовски серьезные основания. Что, кстати, подтверждается тем, что произошло здесь.

— Подтверждается?

Она снова тряхнула головой.

— Я отвлеклась. Из-за тебя. Ну... из-за нас обоих, да. Возможно, если б не это, я заметила бы что-нибудь. Что-нибудь бы заподозрила. Не знаю.

— Я типа полагал, что тебя отвлек орудующий чужими разумами маг, который вил из тебя веревки.

Она жалко улыбнулась.

— Это совсем другое дело. И я это понимаю. И одновременно не понимаю. Вот я стою здесь и разговариваю как сопливая школьница. — Она подбоченилась и раздраженно поджала губы. — У меня с этим неважно. Помоги.

— Ну, — сказал я. — Я так понимаю, ты пришла сюда, чтобы дать мне знать, что больше не собираешься продолжать... ну, то, что у нас было, как бы это ни называлось.

— Это не из-за тебя.

— Я знаю, — кивнул я. — И никогда не было, верно?

Она медленно выдохнула через нос и снова подняла на меня взгляд.

— Ты мне всегда нравился, Дрезден. Довольно долго я считала, что ты опасен. Потом увидела тебя в бою с наследниками Кеммлера и начала уважать. — Она вымученно улыбнулась. — Ты забавный. Мне это нравится.

— Но? — спросил я.

— Но что-то толкало меня к тебе, — сказала она. — И это меня бесит. И... — Она заплакала, хотя ни поза ее, ни голос не дрогнули. — И я думала, что меня, возможно, беспокоят старые... шрамы. Или раны. Или еще что-то. Что я приросла немного к тебе, и, возможно, приросту еще сильнее, и это заставляло меня чувствовать себя... — Она тряхнула головой, и голос ее дрогнул наконец. — Молодой. Я словно все заново ощущала.

Я обошел вокруг машины и остановился перед ней. Я протянул руку, чтобы положить ей на плечо, но она жестом остановила меня.

— Но все это был обман. Я не молода, Гарри. Я не новая. Я видела и делала такое, что... чего тебе не понять. Молю Бога, чтобы тебе не пришлось этого понимать. — Она сделала глубокий вдох. — Чушь какая. Мне нужно лучше уметь справляться с таким.

— Что не так? — тихо спросил я. — В смысле, помимо того, что и так ясно.

— Меня заставили снова заниматься *сексом*, — выпалила она. — И ведь мне это нравилось. Правда, *нравилось*. Я ведь забыла, насколько это до отупения здорово. А теперь я с трудом подбираю слова, потому что больше всего мне хочется сорвать с тебя рубашку и укунить тебя в плечо, пока ты такой потный, пока... — Она осеклась, и щеки ее сделались пунцовыми. — Тебе ведь даже *сорока* не исполнилось.

Я облокотился о машину, глядя на нее, и негромко засмеялся.

Люччо свирепо нахмурилась.

— И как мне, скажи на милость, командовать тобой? — спросила она. — После того, как мы с тобой... занимались всем тем, чем занимались?

— Ну... Хочешь, пообещаю не выкладывать фотографий в Интернет?

Она уставилась на меня.

— Фотографий... ты шутишь, Дрезден? Нет, ты шутишь?

Я кивнул.

— Потому что я досыта наелась этого в мою... первую молодость, — сказала она. — Может, в Италии тогда и не было Интернета, но ты бы удивился, как быстро могут распространяться изображения, даже написанные на холсте.

— Ана, — тихо произнес я.

Она прикусила губу и подняла на меня глаза.

Я взял ее за руки. Я осторожно сжал их. Потом поднес их к губам и поцеловал, сначала одну, потом вторую, очень осторожно.

— Что бы там ни было, я счастлив, вспоминая время, которое мы провели вместе.

Она несколько раз моргнула, но не отвела взгляда.

— Я все понимаю, — продолжал я. — Обстоятельства изменились. И то время, возможно, прошло. Но с тобой все будет хорошо. И со мной все будет хорошо. Тебе не надо испытывать вины на этот счет.

Она поднесла мои руки к губам и тоже поцеловала их по очереди — как я только что. Мне на руку упала слеза.

— Прости, — сказала она.

— Все будет хорошо, — сказал я. — Все хорошо.

Она кивнула и снова посмотрела на меня. Я видел спокойную, сосредоточенную силу командира Корпуса Стражей, готового исполнить свой долг. Я видел неуверенность Анастасии, которой так долго не приходилось испытывать близости с кем-либо. И, возможно, я видел еще кого-то одинокого, несчастного — часть той, кем она была в годы своей молодости, за полтора века до моего рождения.

— До свидания, Гарри, — прошептала она.

— До свидания, Ана, — сказал я.

Она сжала мои руки, повернулась и пошла прочь. Пройдя пять или десять шагов, она остановилась и оглянулась.

— Дрезден?

Я посмотрел на нее.

— Рашид мне почти ничего не сказал про ночь, когда умер Морган. Я сама почти ничего не помню после того, как Пибоди произнес то, что произнес.

Я понял, что ее тревожило.

— Он не был один, — сказал я. — Я был с ним. И он знал, что он нашел предателя. Он умер с сознанием выполненного долга.

Плечи ее чуть расправились.

— Спасибо, — произнесла она.

— Не за что.

А потом она повернулась и ушла.

Я покосился на окровавленный матрас на крыше моего Жучка и вздохнул. Мне как-то расхотелось везти его куда-то. Час был еще довольно ранний. Матрас мог и подождать несколько часов. Я повернулся к Мышу.

— Пошли, мальчик. Бутылка пива мне не помешает.

Мы спустились из летнего пекла в относительную прохладу моей полуподвальной квартиры.

Бутылка. Может, даже две.

Жюстине понадобилось больше двух недель, чтобы устроить мне встречу с Томасом. Когда она наконец позвонила, она снова говорила деловым секретарским тоном. Она поставила условием встречу в общественном месте, где мы оба могли бы не слишком выделяться, но находиться под охраной. На такой предосторожности настаивала Белая Коллегия с учетом напряженности в отношениях с Белым Советом — сами понимаете, из-за чего.

Мы встретились с Томасом днем в субботу, перед павильоном крупных кошачьих в зоопарке Линкольн-парк.

Подходя к назначенному месту, я заметил двух Лариных охранников, пытавшихся раствориться в толпе посетителей. Томас стоял, облокотившись на барьер перед участком искусственного рельефа, где держат пару тигров. На нем были белые джинсы в обтяжку и свободная белая футболка. Все до единой женщины и некоторое количество мужчин оглядывались на него — кто с любопытством, кто с интересом, кто с откровенным желанием, а кто и с завистью. Я подошел и облокотился на барьер рядом с ним.

— Привет, — сказал я.

— Привет.

Несколько минут мы стояли молча, глядя на тигров.

— Ты просил о встрече, — сказал он. — Чего тебе надо?

Я выгнул бровь.

— Томас, я хотел тебя видеть. Поговорить с тобой. Удостовериться, что с тобой все в порядке. Ты же мой брат, чувак.

Он никак не отреагировал на мои слова. Вообще никак.

Некоторое время я смотрел на него в профиль.

— Что-то не так? — спросил я.

Он равнодушно повел плечом.

— Все в норме, *per se*. Разве только... я сам был неправильный.

— Ты? Неправильный?

— Я был идиотом, пытаюсь жить так, как я жил, — ответил он.

Я внимательно посмотрел на него.

— Чего?

Он небрежно махнул рукой вокруг себя.

— Салон. Постоянное недоедание — все по крохам. И... — Он пожал плечами. — Все это вообще.

Я смотрел на него в упор.

— Что, — спросил я у него очень тихо, — сделал с тобой Перевертыш?

— Напомнил мне, кто я на самом деле.

— Да?

Томас повернулся и посмотрел на меня своими спокойными, темно-серыми глазами.

— Да. И ему не пришлось долго стараться, как только он распознал что к чему.

Мне сделалось немного дурно.

— Что произошло?

— Он подвесил меня за ноги, — спокойно ответил Томас. — И срезал кожу. Небольшими кусочками. Не спеша.

Я поежился.

— Это больно, — продолжал он. — Не особенно опасно для нашей породы. Мой демон регенерировал кожу без особого труда — но он проголодался. Очень, очень сильно проголодался. — В глазах его внезапно блеснуло серебро, и он отвернулся. — Он привел ко мне, в яму, где меня держал, человеческую самку. И скормил ее мне.

— Блин-тарарам, — выдохнул я.

Томас смотрел на беспокойно ходивших из стороны в сторону тигров.

— Хорошенькую. Лет шестнадцати, наверное... Не знаю точно. Не спрашивал. — Он развел руками. — Разумеется, кормление ее убило. Кажется, я не объяснял тебе, на что это похоже?

— На что это похоже? — спросил я хриплым шепотом.

— Словно ты становишься легче, — произнес он, мечтательно закрыв глаза. — Словно погружаешься в тепло костра, после того как несколько часов трясся от холода. Словно горячий стейк, после того как целый день плавал в холодной воде. Это тебя преображает, Гарри. Ты начинаешь ощущать себя... — глаза его сделались отрешенными, пустыми, — полноценным.

Я тряхнул головой.

— Томас. Господи.

— Когда она умерла, а мое тело восстановилось, Перевертыш снова начал меня пытаться, пока не довел до такого же отчаянного состояния. Тогда он скормил мне еще телок. — Он пожал плечами. — Снова и снова. Должно быть, раз пять или шесть. Давал мне молодых женщин и снова мучил. Когда он притащил меня на остров, я готов был собственные потроха грызть. Честно говоря, я это плохо помню. — Он улыбнулся. — Помню, как увидел Молли. Но ты, похоже, неплохо ее обучил — она умеет защищаться.

— Томас, — мягко произнес я.

Он ухмыльнулся.

— Если она тебе вдруг надоест, надеюсь, ты дашь мне знать.

Я в ужасе смотрел на него.

— *Томас...*

Он снова посмотрел на меня, все еще ухмыляясь, но надолго его не хватило. Глаза его снова сделались пустыми, только немного отчаяния виднелось еще на дне. Он снова отвернулся.

— Тебе этого не понять, Гарри.

— Так поговори со мной, — настаивал я. — Господи, Томас. Это *не ты*.

— Очень даже я, — огрызнулся он, едва не шипя от раздражения. — *Вот*, чему он меня научил, Гарри. К концу дня я просто пустое место, которое нужно заполнить. — Он тряхнул головой. — Я не хотел убивать этих девок. Но убил. Я их убил, несколько раз подряд, и мне *нравилось*, как я себя чувствовал при этом. Когда я вспоминаю это, я не чувствую страха. — Он ухмыльнулся. — Это меня только укрепляет.

— Томас, — прошептал я. — Ради бога, чувак. Ты ведь не хотел быть таким. Я-то тебя знаю, чувак. Я тебя видел.

— Ты видел того, кем я хотел стать, — возразил он. — Кем я себе казался. — Он тряхнул головой и оглянулся на гулявшую по зоопарку публику. — Сыграем в игру?

— Какую еще игру?

Он кивнул в сторону двух девушек, проходивших мимо нас с рожками мороженого в руках.

— Что ты видишь, глядя на них? Самая первая мысль?

Я зажмурился. Потом открыл глаза.

— Так... Блондинка и брюнетка, для меня слишком малолетки, но ничего, смотреть можно. Готов поспорить, блондинка за эти туфли переплатила.

Он кивнул и ткнул пальцем в направлении пожилой пары, сидевшей на скамейке.

— Эти?

— Ругаются из-за чего-то, и обоим это нравится. Они столько прожили вместе, что для них это в порядке вещей. Поругаются, возьмутся за руки и будут вместе смеяться над этой ссорой.

Он побарабанил пальцем по губам и указал на мать, подгонявшую по дорожке троих детей разного калибра.

— Эти?

— У нее на пальце дорогое кольцо, но в зоопарк с детьми она поехала одна. Все дети одеты почти одинаково. Муж работает как вол, но она уже не та, что прежде, — посмотри, как тесны ей туфли. Она боится, что станет соломенной вдовой, а то и экс-женой. Вот-вот заплачет.

— Так-так, — сказал он. — Сказать, что я о них думаю?

Я нахмурился и кивнул.

Томас нацелил палец в молодую женщину с мороженым.

— Еда, — палец его переместился на пожилую пару. — Еда. — На мать с детьми. — Еда.

Я молча хлопал глазами.

Он подвигал головой из стороны в сторону, несколько раз глубоко вдохнув-выдохнув.

— Может, все эти убийства, вместе взятые, довели меня до такого. Может, это он свел меня с ума своими пытками. — Он пожал плечами. — Честно говоря, не знаю. Знаю только, что все стало на порядок проще.

— Что ты мне хочешь этим сказать? — спросил я. — Что ты счастлив? Только теперь?

— Счастлив... — произнес он с ноткой презрения в голосе. — Я... я больше не шатаюсь из стороны в сторону вслепую. Не пытаюсь отчаянно стать тем, кем не являюсь. — Он посмотрел вниз, на тигров. — Кем никогда не буду.

Я стоял, мотая головой.

— Ох, голод мне в глотку, Гарри, — буркнул он, закатывая глаза. — Я не какой-нибудь кровожадный монстр. И не маньяк, рыскающий по городу и пожирающий девственниц. — Он небрежно махнул рукой, словно отменяя возражения. — Убивать, кормясь, конечно, фантастически приятно, но глупо. Гораздо разумнее и полезнее для всех, когда корова остается жива. И не просто жива, а сыта и довольна. — Он улыбнулся, на этот раз чуть шире. — Знаешь, кажется, мне еще есть, что предложить этому миру. Я никогда не воспользовался бы преимуществами, возможностями, связанными с принадлежностью к моей расе, если бы оставался изгоем, пытался стать человеком. Может, хоть так мне удастся достичь чего-то. Ну, например, установить новые, более ответственные стандарты взаимоотношений между людьми и такими, как я. Как знать?

Я посмотрел на него в упор.

— Ба, да это просто благородно.

Он хмуρο поднял на меня взгляд.

И тут я нанес ему удар подвздош.

— А что думает об этом Жюстина?

Он распрямился как пружина и угрожающе повернулся ко мне.

— Что? — спросил он. — Что ты сказал?

— Что слышал, — отозвался я, не меняя позы, словно он не угрожал мне.

Его руки сжались в кулаки, хрустнув суставами.

— Все еще жжет, да? — тихо спросил я. — Все еще обжигает, когда ты пытаешься дотронуться до нее?

Он не ответил.

— И ты все еще помнишь, каково это — обнимать ее. Как в тот вечер, когда ты измолотил Мэдлин в «Зеро».

— Господи Иисусе, Гарри, — выдохнул он. Он отвернулся от тигров, и голос его сделался просто усталым. — Не знаю. Я знаю только, что теперь мне не все время больно. — Он помолчал. — Мне снятся страшные сны, — добавил он совсем тихо.

Мне хотелось положить руку ему на плечо, поддержать хоть как-то. Но какой-то инстинкт говорил мне, что он этому не обрадуется.

— Тебя мучили, — тихо произнес я. — Эта тварь сделала с тобой такое... Томас, он ведь прекрасно знал, как разделаться с тобой. Как мучить сильнее всего. Но это ведь не навсегда. Ты остался жив. Ты и это переживешь.

— И вернусь к той жалкой жизни, которую вел? — прошептал он.

— Возможно, — тихо ответил я. — Не знаю.

Он смотрел на меня.

— Ты мой брат, — сказал я. — И этого ничто не изменит. Я здесь, я с тобой.

— Ты чертов дурак, — буркнул он.

— Угу.

— Было бы очень просто манипулировать тобой. Часть меня до сих пор считает это неплохой идеей.

— Я не говорил, что ты не задница. Я сказал, что ты мой брат.

Телохранители пошевелились. Ничего серьезного. Они просто типа ожили и не спеша двинулись к выходу.

Томас поморщился.

— Лара считает, что я прогрессирую. Она... — Он пожал плечами. — Гордится мной.

— Ты мне больше нравился другим, — сказал я. — И Жюстине тоже. Может, это скажет тебе что-то.

— Мне пора идти. Она боится, как бы ты не подумал, что мне промыли мозги. Не хочет рисковать — вдруг ты попробуешь перепрограммировать меня, когда я вовсе не запрограммирован.

— Признаюсь: такая мысль приходила мне в голову.

— Если бы кто-то залез мне в голову, не думаю, чтобы у меня остались хоть какие-то сомнения, —

хмыкнул он. — Тебе мне в этом не помочь, Гарри.

— Может быть, — сказал я. — А может, и нет. Так или иначе, ты все равно мой брат.

— Вот заело пластинку, — буркнул он.

Я поднял кулак.

Две долгих секунды он смотрел на него, потом тоже сжал кулак и стукнулся костяшками пальцев с моим.

— Не звони мне.

— Я буду терпелив, — пообещал я. — Но не до бесконечности.

Он поколебался немного, потом еще раз кивнул. А потом сунул руки в карманы джинсов и быстро направился к выходу. Телохранители пристроились за ним. Один из них произнес что-то, прижимая к уху руку.

Из чистой вредности я махнул рукой и навел порчу на его рацию — или это был телефон? Из уха у него полетели искры, и он едва не упал, пытаясь вытряхнуть наушник.

Томас оглянулся.

Он улыбался. Недолго, но по-настоящему.

Когда он ушел, я повернулся посмотреть на тигров еще раз. Мне было интересно, вижу ли я их такими, какие они есть на деле, или просто набор полосок.

Я пропустил похороны Кирби: они прошли, пока я валялся в эдинбургском лазарете. С тех пор прошло две недели, на протяжении которых я несколько раз звонил Уиллу и Джорджии.

Потом наступил вечер, когда нам полагалось играть. Как я привык уже на протяжении нескольких последних лет, я остановился перед дверью Уилла и Джорджии. С собой я прихватил тетрадь с правилами и мешочек с фишками и игральными костями. На мне была черная футболка с белым изображением нескольких игровых костей и угловой надписью: «ПЕРЕХОДИ НА ТОМНУЮ СТОРОНУ. НЕ ЗАСТАВЛЯЙ ТЕБЯ УНИЧТОЖИТЬ».

Дверь открыл Уилл. Он улыбнулся мне.

— Привет, Гарри. Ух ты, экое лицо у тебя... мужественное.

— Девушки любят мужчин со шрамами, — ответил я.

— Кто там? — послышался голос Энди. Слабый, безжизненный какой-то.

— Это я, Гарри Дрезден, — торжественно произнес я.

За спиной Уилла показалась улыбающаяся Джорджия.

— Привет, Гарри. — Она покосилась на мою футболку и игровые принадлежности. — Ой... мы вообще-то не собирались сегодня...

Обычно вел игру у нас Кирби.

Я отступил на шаг в сторону, взял за плечи безумного вида типа, стоявшего у меня за спиной, и подтолкнул его вперед.

— Это Уолдо Баттерс, — сказал я. — И его член длиннее и крепче, чем у нас всех, вместе взятых.

Баттерс поморгал, глядя сначала на Уилла с Джорджией, потом на меня.

— Гм... Спасибо, да?

Уилл переводил взгляд с меня на Баттерса и обратно.

— Что это? — осторожно спросил он.

— Жизнь, — ответил я. — Жизнь продолжается. Баттерс говорит, что справится с ролью ведущего в нашей игре. Или может предложить другую, если нам захочется попробовать что-то новое. — Я откашлялся. — А то, если хотите, можно играть у меня. Перемена обстановки и все такое.

Джорджия посмотрела на меня и благодарно улыбнулась.

Уилл колебался.

— Энди? — спросил он, оглянувшись в комнату.

Энди вышла к нам. Выглядела она бледновато. Несколько переломов ребер и серьезная операция не проходят просто так. То есть она могла стоять и передвигаться самостоятельно, но было совершенно ясно, что ей лучше оставаться у Уилла с Джорджией, чтобы те могли позаботиться о ней, пока она не выздоровеет.

Я улыбнулся ей.

— Не думаю, — сказал я, — что Кирби хотелось бы, чтобы мы забросили игру. А тебе как кажется? Я хочу сказать, это будет уже другая игра, но все равно может быть хорошо.

Она посмотрела на меня, потом на Баттерса. Потом грустно улыбнулась мне и кивнула.

Уилл открыл дверь шире, и мы вошли. Я представил всем Баттерса и достал из сумки несколько

бутылок лучшего пива от Мака.

Видите ли, тут вот в чем дело. Морган верно говорил: всех не победить.

Но из этого не следует, что надо сдаваться. Вот уж нет. Правда, этого Морган не говорил — для этого он был слишком занят. Он так жил.

Я закрыл за собой дверь.

Жизнь продолжалась.